

Мифология Британских островов.
Введение в кельтский миф, легенду,
поэзию и романтику

Чарльз Сквайр

THE MYTHOLOGY
OF THE BRITISH
ISLANDS

AN INTRODUCTION TO
CELTIC MYTH, LEGEND
POETRY, AND ROMANCE

BY CHARLES SQUIRE

LONDON: BLACKIE AND SON LIMITED
50 OLD BAILEY, E.C. GLASGOW AND
DUBLIN MCMV

The Project Gutenberg eBook of The Mythology of the British Islands.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Мифология Британских островов

Автор: Чарльз Сквайр

Дата выхода: 27 апреля 2017 [eBook #54616]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено MWS и Online Distributed Proofreading

Команда <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE MYTHOLOGY OF THE BRITISH ISLANDS ***

МИФОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

МИФОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

ВВЕДЕНИЕ В КЕЛЬТСКИЕ МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ, ПОЭЗИЮ И РОМАНТИКУ

ЧАРЛЬЗ СКВАЙР

ЛОНДОН: БЛЭКИ И СЫН ЛИМИТЕД

50 OLD BAILEY, E.C. GLASGOW AND

ДУБЛИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга - единственная, по мнению ее автора, попытка представить английскому читателю в ясной, компактной и, как он надеется, приятной форме мифические, легендарные и

поэтические предания самых ранних обитателей наших островов, оставивших нам письменные свидетельства, - гэльских и британских кельтов. Правда, недавно были опубликованы замечательные переводы и пересказы большей части гэльских мифических саг, а перевод *"Мабиногиона"* леди Шарлотты Гост стал доступен даже самому небогатому читателю. Но эти книги не только охватывают лишь часть всей территории, но и, кроме того, содержат мало разъясняющих материалов. Их персонажи стоят изолированно и необъяснимо, а детали, которые могли бы их объяснить, приходится искать с большим трудом в лекциях и эссе ученых для научных обществ. Читатель, для которого эта литература совершенно нова, как бы знакомится с многочисленными людьми, о происхождении которых он ничего не знает; и этот эффект часто достаточно обескураживает, чтобы заставить его в отчаянии отложить книгу.

Но здесь он, наконец, официально познакомится со всеми главными персонажами кельтского мифа: гэльскими богами и великанами, с которыми они боролись; "чемпионами Красной ветви" из Ольстера, героями боевого эпоса, почти достойными быть поставленными рядом со "сказанием о божественной Трое"; Финном и его фениями. Он также встретится с божественными и героическими личностями древних бриттов: с их первыми богами, родственными членам гэльского пантеона; а также с Артуром и его рыцарями, которых он признает не смертными чемпионами, но принадлежащими к той же мифической компании. История всех этих могущественных фигур будет кратко описана, начиная со времен их безусловного божества, через их различные трансформации и заканчивая последним сомнительным, умирающим признанием их в наши дни, как "фей". Таким образом, книга станет своего рода справочником по теме, приобретающей все большее значение - так называемому "кельтскому ренессансу", который, в конце концов, является не более и не менее чем попыткой освежить жизненную силу английской поэзии в ее древнейшем родном источнике.

Книга, конечно, не претендует на то, чтобы быть предназначенной для ученых-кельтистов, которым, собственно, ее автор и обязан всем, что в ней содержится. Ее цель - заинтересовать читателя, знакомого с мифологией Греции, Рима и Скандинавии, другим, более близким источником поэзии. Желание автора - предложить тем, кто попал или попадет под притяжение кельтской легенды и романтики, именно такой том, который он сам когда-то приветствовал бы и который тщетно искал. Он надеется, что, выбирая из значительных, хотя и разрозненных, переводов и комментариев студентов, изучающих древнегэльский и древневаллийский языки, он сделал разумный выбор, и что его читатели смогут, если захотят, использовать его книгу как ступеньку к самим авторитетам. На это она и направлена, и ее маргинальные примечания и краткое библиографическое приложение следуют тому же плану. Они не стремятся к полноте, а лишь указывают на основные источники, из которых он сам черпал информацию.

Признать, насколько это возможно, эти долги - приятный долг автора. Прежде всего, он опирался на тома *"Курсов кельтской литературы"* М. Х. д'Арбуа де Жубенвиля и на Хиббертовские лекции за 1886 год Джона Риса, профессора кельтского языка в Оксфордском университете, с их продолжением под названием *"Исследования артурианской легенды"*. Большую помощь он также получил из трудов Альфреда Натта. Что касается прямых переводов, то почти излишне ссылаться на *"Мабиногион"* леди Шарлотты Гост и *"Четыре древние книги Уэльса"* мистера У. Ф. Скейна, а также на работы таких известных гэльских ученых, как мистер Юджин О'Карри, доктор Куно Мейер, доктор Уитли Стоукс, доктор Эрнест Виндиш, мистер Стэндиш Хейс О'Грейди. Стэндиш Хейс О'Грейди (не говоря уже о других), содержащиеся в таких изданиях, как *"Revue Celtique"*, *"Atlantis"* и

"Transactions of the Ossianic Society", в *"Silva Gadelica"* мистера О'Грейди, *"Voyage of Bran, Son of Febal"* мистера Натта и *"Cuchullin Saga"* мисс Халл. Но для того, чтобы рассказать обо всех, не хватает места. Читатель может обратиться к маргинальным примечаниям и Приложению, чтобы ознакомиться с работами этих и других авторов, которые, несомненно, простят использование их исследований для того, чьей единственной целью было привлечь более широкую аудиторию к исследованиям, которые им больше всего по душе.

Наконец, возможно, следует сказать несколько слов о таком спорном вопросе, как транслитерация гэльского языка. До сих пор не существует универсального или последовательного метода написания. Поэтому автор выбрал те формы, которые показались ему наиболее привычными, надеясь таким образом наилучшим образом помочь другим.

СОДЕРЖАНИЕ

Гл.		Стр ани ца
I.	Интерес и значение кельтской мифологии	1
II.	Источники наших знаний о кельтской мифологии	8
III.	Кем были "древние бритты"?	18
IV.	Религия древних бриттов и друидизм	31

ГЭЛЬСКИЕ БОГИ И ИХ ИСТОРИИ

V.	Боги гэлов	47
VI.	Боги прибывают	65
VII.	Восход бога Солнца	78
VIII.	Гэльские аргонавты	89
IX.	Война с гигантами	107
X.	Покорение богов смертными	119
XI.	Боги в изгнании	132
XII.	Ирландская Илиада	153
XIII.	Некоторые гэльские истории любви	184
XIV.	Финн и фениев	201
XV.	Упадок и падение богов	227

БРИТАНСКИЕ БОГИ И ИХ ИСТОРИИ

XVI.	Боги бриттов	251
XVII.	Приключения богов Аида	278
XVIII.	Ухаживание Бранвен и обезглавливание Брана	289
XIX.	Война чар	298
XX.	Победы света над тьмой	305
XXI.	Мифологическое "Пришествие Артура"	312
XXII.	Сокровища Британии	336
XXIII.	Боги как рыцари короля Артура	354
XXIV.	Упадок и падение богов	371

ПЕРЕЖИТКИ КЕЛЬТСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

XXV.	Пережитки кельтского язычества в современности	399
	Приложение	419
	Указатель	425

МИФОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

ГЛАВА I

ИНТЕРЕС И ЗНАЧЕНИЕ КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Вряд ли стоит напоминать читателю о том, какой глубокий интерес и ценность для каждого народа представляют его самые ранние легендарные и поэтические записи. Прекрасные мифы Греции являются достаточным примером. Они втрое повлияли на судьбу народа, который их создал, и страны, театром которой они были. Во-первых, в те века, когда они были еще свежи, вера и гордость за них были достаточно сильны, чтобы объединить разрозненные племена в конфедерацию. Во-вторых, они вдохновили скульпторов и поэтов на создание искусства и литературы, непревзойденных, если не сказать, не имеющих себе равных, в любой другой эпохе или расе. Наконец, когда "слава Греции" померкла, а ее народ, в результате последовательных вторжений, возможно, даже перестал иметь право называть себя эллинами, они перешли в литературу современного мира и придали самой Греции поэтический интерес, благодаря которому это маленькое королевство по-прежнему имеет большее значение в глазах своих соперников, чем многие другие, намного превосходящие его по размерам и ресурсам.

Это всепроникающее влияние греческой поэтической мифологии, заметное во всех цивилизованных странах, особенно сильно сказалось на нашей. Почти с самого рассвета английской литературы греческие истории о богах и героях составляли значительную часть ассортимента английских поэтов. Обитатели Олимпа под своими более известными латинскими именами занимают в английской поэзии почти такое же большое место, как и в поэзии тех стран, для которых они были родными. Начиная с Чосера и ниже, они пленяли воображение как поэтов, так и их слушателей. Волшебный котел классического мифа питал, подобно кельтскому "Граалю", всех, кто приходил к нему за пропитанием.

Однако в конце концов его сила несколько иссякла. Чуждый и экзотический для английской почвы, он постепенно превратился в условность. В небрежных руках поэтов XVIII века его фигуры стали просто марионетками. Если каждый лес был "рощей", а каждая деревенская дева - "нимфой", то можно было ожидать, что Венера будет вооружена пластырем и пороховницей, Марс - мушкетом, а Аполлон - вдохновением для тривиальных строк поэта. Жеманство убило - и, к счастью, убило - способ выражения, который стал устаревшим. Задушенный справедливыми насмешками и отброшенный в заурядный лексикон низкопробных халтурщиков, классический миф стал предметом, которым могли позволить себе заниматься только величайшие поэты.

Но мифология настолько необходима литературе, что, лишившись запасов легенд, родом из Южной Европы, писатели-фантазеры искали свежий импульс. Они обратили свои взоры на Север. Вдохновение искали не на Олимпе, а в Асгарде. Более того, считалось, что источник первобытной поэзии, бьющий из скандинавских и тевтонских мифов, действительно наш, и что мы являемся его законными наследниками благодаря тому, что в нашей крови течет англосаксонская кровь. Так оно и есть, но это не единственное наше наследие. В наших жилах также должно течь много кельтской, то есть истинно британской крови.^[1] И Мэтью Арнольд, вероятно, был прав, утверждая, что, хотя мы обязаны англосаксам более практичными качествами, которые создали Британскую империю, мы унаследовали от кельтов то поэтическое видение, которое сделало английскую литературу самой блестящей со времен греческой.^[2]

Таким образом, мы имеем право вступить в новое духовное владение. И оно великолепно! В кельтской мифологии почти нет той тяжеловесной грубости, которая отталкивает в тевтонских и скандинавских сказаниях. Она так же прекрасна и изящна, как и греческая; и, в отличие от греческой, которая является отражением климата и почвы, которые мало кто из нас когда-либо увидит, она наша собственная. Боги, конечно, должны казаться неизбежным порождением земли, на которой они живут! Как странно выглядел бы Аполлон, обнаженный среди айсбергов, или одетый в меха Тор, прогуливающийся под рощами пальм! Но кельтские боги и герои - естественные обитатели британского пейзажа, они не кажутся чужими и неуместными там, где нет ни виноградной лозы, ни оливы, а "оттеняют" наши родные дубы и орляк, поросль и вереск.

Таким образом, мы приобретаем совершенно новый интерес к красивым местам наших собственных островов, особенно к тем из них, которые находятся на более диком и гористом западе, где дольше всего жили древние обитатели этих земель. Саксонское завоевание уничтожило многое в Восточной Британии и изменило еще больше; но на западе Англии, в Уэльсе, Шотландии и особенно в легендарной Ирландии холмы и долины все еще хранят память о древних богах древней расы. То тут, то там в Южном Уэльсе и на западе Англии встречаются таинственные и романтические места, которые британские кельты считали жилищами богов или форпостами потустороннего мира. В Ирландии не только почти нет мест, которые не были бы так или иначе связаны с традиционными подвигами "чемпионов

Красной ветви" или Финна и его могучих людей, но и старые божества все еще помнят, превратившись в фей, но сохранив те же атрибуты и те же имена, что и в прошлом. Жалоба Вордсворта^[3] на то, что, в то время как Пелион и Осса, Олимп и Парнас "в бессмертные книги занесены", ни одна английская гора, "хотя вокруг нашего морского берега они толпами возвышаются", не была "небесными музами прославлена", несомненно, казалась верной его собственному поколению. Благодаря ученым, которые открыли древние гэльские и британские мифологии, это не обязательно должно быть так для нашего. На холме Ладгейт, как и на многих менее известных возвышенностях, когда-то стоял храм британского Зевса. Гора неподалеку от Беттвс-и-Коэд была британским Олимпом, двором и дворцом наших древних богов.

Однако можно не сомневаться, что современники Вордсворта приняли бы мифологию, которая была их собственной по праву рождения, как замену мифологии Греции и Рима. Вдохновение классической культуры, с которой Вордсворт одним из первых порвал, все еще оставалось сильным. Как бы некоторые из его профессоров держались за бока и ревели при виде самой идеи британской мифологии! Однако все это время она тайно подтачивала английские идеи и идеалы, не менее мощно, поскольку была замаскирована под формы, которые можно было легко оценить. Народная фантазия реабилитировала старых богов, давно запрещенных колоколом, книгой и свечой священников, под разными обличьями. Они все еще жили в легендах как короли древней Британии, царствовавшие в сказочном прошлом до Юлия Цезаря - такие, как король Луд, основатель Лондона; король Лир, чья легенда была увековечена Шекспиром; король Бренний, покоривший Рим; а также многие другие, которых можно найти роли в старых драмах. Они продолжали жить в виде давно умерших святых ранних церквей Ирландии и Британии, чьи чудесные качества и приключения во многих случаях являются лишь историями их тезок, старых богов, рассказанными заново. Но они продолжали жить и в другом, еще более сильном виде. Мифы об Артуре и его цикле богов перешли в руки норманнских сказителей, чтобы вновь появиться в виде романов о короле Артуре и его рыцарях Круглого стола. Распространившись таким образом по цивилизованной Европе, они оказали огромное влияние. Их первичный поэтический импульс до сих пор находит отклик в нашей литературе; нам достаточно привести в пример Теннисона и Суинберна, как умы, попавшие под его влияние.

Это разнообразное влияние кельтской мифологии на английскую поэзию и романтику красноречиво описано мистером Элтоном в его *"Истоках английской истории"*. "Религия британских племен, - пишет он, - оказала большое влияние на литературу. Средневековые романы и легенды, ставшие основой истории, полны "прекрасных человеческих существ" и фигур из яркой мифологии. Элементарные силы земли и огня, духи, преследующие волны и потоки, снова появляются в виде королей в ирландских анналах или святых и отшельников в Уэльсе. Рыцари Круглого стола, сэры Кей и Тристрам, а также смелый сэры Бедивер, выдают свое могущественное происхождение по атрибутам, которые они сохранили как герои романов. Это была богиня, *"Dea quaedam phantastica"*, которая перенесла раненого Артура в мирную долину. В ее лесах и ручьях было мало солнечного света, а ночи были темными и мрачными из-за отсутствия луны и звезд". Это страна Оберона и сэра Хьюона из Бордо. Это сказочный лес Арден. В более древней мифологии это было царство короля теней, страна Гвина ап Нудда, который скакал под именем сэра Гуона в "Королеве фей".

"И рыцарство взял в руки добрый сэры Гуон,

When with King Oberon he came to Fairyland'. "^[4]

Проследить путь валлийских и ирландских королей, святых и отшельников к "стихийным силам земли и огня и духам, которые преследуют леса и ручьи" кельтского воображения, а также раскрыть первобытные языческие божества под средневековыми и христианскими атрибутами "рыцарей короля Артура" - все это обязательно войдет в рамки данного тома. А пока читатель, вероятно, спросит, какие есть доказательства того, что апокрифические британские короли, такие как Лир и Луд, и сомнительные ирландские святые, такие как Бриджет, действительно являются замаскированными кельтскими божествами или что "Морте д'Артур" с его любовью к Лонселоту и королеве и поисками Святого Грааля был когда-либо чем-то большим, чем выдумкой нормандских писателей-романтиков. Он потребует сообщить, какими фактами мы действительно располагаем об этой предполагаемой кельтской мифологии, якобы послужившей их прототипом, и какой реальной древностью и ценностью обладают наши авторитеты в этой области.

Ответ на этот вопрос мы найдем в следующей главе.

ГЛАВА II

ИСТОЧНИКИ НАШИХ ЗНАНИЙ О КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Мы можем начать с уверенного утверждения, что мистер Элтон затронул лишь часть материала, на который мы можем опираться, чтобы реконструировать древнюю британскую мифологию. К счастью, мы не всецело зависим от трудных задач по разрешению сказочных деяний апокрифических ирландских и британских королей, правивших ранее Святого Патрика или до Юлия Цезаря, в их первоначальную форму кельтских мифов, по просеиванию атрибутов и чудес сомнительно исторических святых или по отделению примитивных языческих элементов в легендах об Артуре и его рыцарях от приукрашиваний, добавленных писателями-романтиками. В дополнение к этим источникам, которые мы можем рассматривать как вторичные, у нас есть масса подлинных ранних писаний, которые, хотя и являются постхристианскими в том виде, в котором они существуют сейчас, тем не менее происходят из предшествующей языческой эпохи. Они содержатся в пергаментных и пергаментных рукописях, долгое время хранившихся от уничтожения в особняках и монастырях Ирландии, Шотландии и Уэльса, и только в прошлом веке были извлечены на свет, скопированы и переведены терпеливыми трудами ученых, которые боролись с давно устаревшими диалектами, на которых они были переписаны.

Многие из этих томов представляют собой любопытные сборники. Обычно это была единственная книга большого дома или монашеской общины, и в нее переписывалось все, что ученый семьи или братства считал достойным сохранения. Поэтому они содержат самые разнообразные материалы. Здесь есть переводы частей Библии и классики, а также таких популярных в то время книг, как "История Британии" Джеффри Монмутского и Ненния; жития знаменитых святых вместе с приписываемыми им произведениями; поэмы и романы, героями которых под тонкой маскировкой являются старые гэльские и британские боги; а

также трактаты по всем изучаемым тогда предметам - грамматике, просодии, праву, истории, географии, хронологии и генеалогиям важных вождей.

Большинство этих документов было собрано в период, который, грубо говоря, длился с начала двенадцатого века до конца шестнадцатого. В Ирландии, Уэльсе и, по-видимому, в Шотландии это было время литературного возрождения после потрясений предыдущей эпохи. В Ирландии норманны после долгих опустошительных набегов успокоились, а в Уэльсе нормандское завоевание впервые сделало страну сравнительно спокойной. Разрозненные остатки истории, светской и церковной, науки и легенд были собраны воедино.

Из ирландских рукописей самая ранняя и, для наших целей, самая важная, из-за огромного количества древней гэльской мифологии, которую, несмотря на ветхое состояние, она все еще содержит, находится во владении Ирландской королевской академии. К несчастью, она сократилась до фрагмента в сто тридцать восемь страниц, но и этот остаток сохранил большое количество романсов, связанных со старыми богами и героями Ирландии. Среди прочего, в ней содержится полное изложение эпической саги под названием *Táin Bó Chuailgne*, "Набег на скот Кули", в которой герой Кухулайнн совершил свои величайшие подвиги. Этот манускрипт называют "Книгой коровы Дун", поскольку, по преданию, он был скопирован с более ранней книги, написанной на шкуре любимого животного, принадлежавшего святому Киарану, жившему в седьмом веке. На одной из страниц книги указано имя ее переписчика, некоего Маэльмуири, который, как мы знаем, был убит разбойниками в церкви Клонмакнуга в 1106 году.

Гораздо более объемной и не менее древней является "Книга Лейнстера", составленная в начале двенадцатого века Финном мак Горманом, епископом Килдара. В ней также содержится рассказ о могущественных деяниях Кухулайнна, который дополняет более древнюю версию, содержащуюся в Книге Коровьего Дуна. Несколько меньшее значение с точки зрения изучения гэльской мифологии имеют Книга Баллимота и Желтая книга Лекана, относящиеся к концу XIV века, а также Книги Лекана и Лисмора, относящиеся к XV веку. Помимо этих шести великих сборников, сохранилось множество других рукописей, которые также содержат древние мифические предания. В одной из них, датированной пятнадцатым веком, можно найти историю о битве при Мойтуре, которая произошла между богами Ирландии и их врагами, фоморами, или демонами морских глубин.

Шотландские рукописи, хранящиеся в Библиотеке адвокатов в Эдинбурге, датируются в некоторых случаях XIV веком, хотя большинство из них относится к XV и XVI. Они подтверждают ирландские документы, дополняют сагу о Кухулейне и делают более специальным предметом другой героический цикл, повествующий о не менее замечательных деяниях Финна, Оссиана и фениев. В них также содержатся истории о других героях, более древних, чем Финн или Кухулайнн, - Туатха Де Дананн, божественном племени древних гэлов.

Валлийские документы охватывают примерно тот же период, что и ирландские и шотландские. Четыре из них выделяются на фоне остальных как наиболее важные. Самые древние из них - Черная книга Каермартена, датированная третьей четвертью двенадцатого века; Книга Аневрина, написанная в конце тринадцатого; Книга Талиесина, относящаяся к четырнадцатому; и Красная книга Хергеста, составленная разными людьми в течение этого и следующего за ним веков. Первые три из этих "Четырех древних книг Уэльса" невелики по объему и содержат стихи, приписываемые великим традиционным бардам шестого века - Мирддину, Талиесину и Аневрину. Последняя - Красная книга Гергеста - гораздо больше. В

ней можно найти валлийские переводы британских хроник; часто упоминаемые триады, стихи, посвященные известным традиционным личностям или вещам; древние поэмы, приписываемые Лливарху Хену; и, что бесценно для любого исследования нашей темы, так называемый "Мабиногион", рассказы, в которых большая часть старой британской мифологии облекается в романтическую форму.

Таким образом, вся основная масса местной литературы, касающейся мифологии Британских островов, может быть отнесена к периоду, который длился с начала двенадцатого века до конца шестнадцатого. Но даже начало этой эпохи, несомненно, покажется слишком поздним днем, чтобы допустить подлинность материи, которая должна была бы значительно предшествовать ей. Дата, однако, лишь отмечает окончательную редакцию содержания манускриптов в той форме, в которой они существуют сейчас, не имея никакого отношения к времени их авторства. Явно являясь копиями древних поэм и сказаний из гораздо более древних рукописей, эти книги не в большей степени определяют период первоначального создания их содержания, чем присутствие части "*Кентерберийских рассказов*" в современной антологии английской поэзии отнесло бы Чосера к нынешнему году благодати.

Это можно доказать как прямо, так и косвенно.^[5] В некоторых случаях - как в случае с элегией на святого Колумбу в Книге Коровьего Дуна - даты авторства действительно указаны. В других случаях мы можем опираться на свидетельства, которые если и не столь абсолютны, то почти столь же убедительны. Даже если автор не указывает, что копирует с более древних манускриптов, очевидно, что так и должно было быть, судя по глоссам в его версии. Переписчики ранних гэльских манускриптов очень часто находили в документах, с которых они сами копировали, слова настолько архаичные, что они были непонятны читателям их собственного периода. Чтобы сделать их понятными, они были вынуждены вставлять маргинальные примечания, которые объясняли эти устаревшие слова, ссылаясь на другие, еще более древние рукописи. Часто средневековые переписчики по невежеству переносили эти примечания с полей в текст, где они, подобно филологическим окаменелостям, остаются свидетельствовать о прежних формах жизни. Документы, из которых они были взяты, погибли, оставив средневековые копии в качестве единственной записи. В валлийском "Мабиногионе" наблюдается тот же процесс. Особенности существующих рукописей достаточно ясно показывают, что они должны были быть скопированы с какого-то более архаичного текста. Кроме того, в нынешнем виде они явно состоят из более ранних рассказов, собранных по кусочкам. Почти так же ясно, как гэльские манускрипты, валлийские указывают нам на более древние и примитивные формы.

Таким образом, становится ясно, что древние легенды о гэлах и бриттах не были простым изобретением ученых монахов в Средние века. Теперь нам предстоит по возможности установить дату не обязательно их первого появления на устах людей, но и их первой редакции в письменном виде, примерно в той форме, в которой мы имеем их сейчас.

Можно привести косвенные доказательства того, что наиболее важные фрагменты как гэльской, так и британской ранней литературы можно смело отнести к периоду за несколько столетий до их нынешней записи. Самая ранняя версия эпизода *Táin Bó Chuailgne*, который является ядром и центром древнегэльского героического цикла, главной фигурой которого является Кухуленн, *fortissimus heros Scotorum*, содержится в Книге Коровьего Дуна двенадцатого века. Но легенда гласит, что в начале седьмого века "Сага" была не только написана, но и настолько устарела, что была забыта бардами. Их предводитель, некто Сенчан Торпейст, исторический персонаж и главный бард Ирландии того времени, добился у святых разрешения вызвать из мертвых Фергуса, современника Кухулайнна и главного

участника "Набега", и получил от воскресшего героя правдивую и полную версию. Эта традиция, связанная с реальным человеком, несомненно, показывает, что история *Таин* была известна до времен Сенчана, и, вероятно, сохраняет тот факт, что либо его версия знаменитых деяний Кухулайнна стала общепринятой, либо что он был первым, кто изложил ее в письменном виде. Не менее наводящее соображение приблизительно фиксирует для нас самую раннюю редакцию валлийских мифологических прозаических сказаний, называемых "Мабиногион", или, правильнее говоря, "Четыре ветви Мабиноги".^[6] Ни в одной из них нет ни малейшего упоминания, ни, по-видимому, малейшего знания об Артуре, вокруг которого и его предполагаемых современников сосредоточена масса британских легенд, как они были переданы валлийцами норманнам. Таким образом, эти загадочные мифологические записи, по всей вероятности, должны предшествовать артуровскому циклу мифов, который начал складываться уже в VI веке. С другой стороны, персонажи "Четырех ветвей" упоминаются без комментариев, как будто они были личностями, с которыми никто не мог не быть знаком, в предполагаемых поэмах шестого века, содержащихся в тех "Четырех древних книгах Уэльса", в которых встречаются первые скудные упоминания о британском герое.

Подобные соображения позволяют с достаточной уверенностью отнести существование ирландских и валлийских поэм и прозаических сказаний в их нынешнем виде к периоду, предшествующему седьмому веку.

Но это, опять же, означает лишь то, что мифы, традиции и легенды были актуальны в той ранней для нас, но для них, в их фактическом содержании, поздней дате, в литературной форме. Мифология всегда должна быть намного старше, чем самые древние стихи и истории, которые ее воспевают. Сложные поэмы и саги создаются не за один день и не за один год. Легенды о гэльских и британских богах и героях не могли возникнуть, подобно Афине из головы Зевса, из мозга какого-то поэта. Бард, который впервые придал им художественную форму, излагал примитивные традиции своей расы. Поэтому мы можем смело назвать их не двенадцатым или седьмым веком, а доисторической и незапамятной древностью.

Внутренние свидетельства подтверждают это. Изучение как гэльских, так и британских легендарных романов показывает, что под приукрашивающими деталями, добавленными более поздними руками, скрывается внутреннее ядро первобытной мысли, что роднит их с аналогичными идеями других рас на самой ранней стадии культуры. Их "местный колорит" может принадлежать последнему "редактору", но их "сюжеты" - досредневековые, дохристианские, доисторические. Персонажи ранних гэльских легенд принадлежат к тому же типу воображения, которое создало олимпийцев и титанов, эсиров и ётунов. Мы должны заглянуть далеко в глубь цивилизованной мысли, чтобы найти параллели с такой историей, как та, в которой британский бог солнца, пораженный влюбленным соперником отравленным копьём, превращается в орла, из раны которого постоянно вылетают огромные куски туши.^[7]

Этот аспект кельтских литературных записей был ясно замечен и красноречиво выражен Мэтью Арнольдом в его *"Исследовании кельтской литературы"*.^[8] Он имел в виду валлийскую сторону, но его образ в равной степени подходит и для гэльского языка. "Первое, что бросается в глаза, - говорит он, - при чтении *"Мабиногиона"*, - это то, как явно средневековый рассказчик грабит древность, тайной которой он не владеет в полной мере: Он подобен крестьянину, строящему свою хижину на месте Галикарнаса или Эфеса; он строит, но то, что он строит, полно материалов, о которых он не знает истории, или знает только по мерцающей традиции: камни "не этого здания", но более древней архитектуры,

более великой, более хитрой, более величественной." Его герои "не средневековые персонажи: они принадлежат к более древнему, языческому, мифологическому миру". Так же, , обстоит дело и с фигурами, пусть и эвгемеризированными, трех великих гэльских циклов: Туатха Де Дананн, Героев Ольстера, Финна и фениев. Их божественность затмевает человечность; сквозь их маски видны лики богов.

И все же, какими бы богами они ни были, к тому времени, когда их истории были зафиксированы в той форме, в которой мы имеем их сейчас, они приобрели подобие смертности. Самые ранние записи, если бы их удалось восстановить, несомненно, показали бы их вечными и неизменными, меняющими свои формы по желанию, но не исчезающими. Но послехристианские переписчики, будь то ирландцы или валлийцы, не согласились бы с этим. Поэтому мы имеем необычный парадокс смерти Бессмертных. Вряд ли найдется хоть одна фигура гэльского или британского пантеона, чья кончина не была бы где-то зафиксирована. Обычно они падали в непрекращающихся битвах между божествами тьмы и света. Однако их гибель в более ранних циклах мифа не исключает их появления в более поздних. Действительно, только с закрытием уст последнего смертного, сохранившего свою традицию, можно говорить о том, что жизнь бога действительно закончилась.

ГЛАВА III

КЕМ БЫЛИ "ДРЕВНИЕ БРИТТЫ"?

Но прежде чем приступить к изложению мифов о "древних бриттах", следует определиться, каких именно людей мы подразумеваем под этим свободным, но удобным словосочетанием. У каждого из нас есть смутные представления о древних бриттах, почерпнутые, несомненно, из школьных учебников. Там мы видели их изображения, как, раскрашенные ватой, они гребли на веслах или проезжали на косых колесницах сквозь легионы изумленных римлян. Их друиды, белобородые и в длинных белых одеждах, срезали омелу золотым серпом в полнолуние или, что менее невинно, разжигали костры из людей, закрытых в гигантских фигурах из плетня.

Подобные живописные подробности были лишь малой толикой не только наших собственных знаний об этом предмете, но и знаний наших учителей. Практически вся их информация о древних обитателях Британии была почерпнута из "Комментариев Юлия Цезаря". В той мере, в какой это было возможно, они, несомненно, были верны; но далеко они не заходили. Интерес Цезаря к нашим британским предкам был скорее интересом генерала, который вел собственный военный корреспондент, чем интересом исчерпывающего и кропотливого ученого. Современным археологам, филологам и этнологам было поручено дать нам более полное представление о древних британцах.

Жителей наших островов до римского вторжения обычно называют "кельтами". Но они должны были быть в значительной степени смешанной расой; и люди, с которыми они смешивались, должны были в некоторой, а возможно, и в значительной степени, изменить их телосложение, обычаи и язык.

Спекуляции на тему состава ранних бриттов были несколько безумными. Но из столкновения конкурирующих теорий вырисовывается одна - и только одна - которая может считаться научно установленной. Мы располагаем определенными доказательствами существования двух различных человеческих популяций на Британских островах во времена римского завоевания; и такой большой авторитет, как профессор Хаксли, высказал свое мнение, что нет никаких доказательств существования каких-либо других.^[9]

Самая ранняя из этих двух рас, по-видимому, населяла наши острова с древнейших времен, и для нашей цели может быть названа аборигенной. Это был народ, который строил "длинные курганы" и который этнологи по-разному называют иберийской, средиземноморской, берберской, баскской, силурийской или эускарийской расой. По телосложению они были низкорослыми, смуглыми, темноволосыми, темноглазыми и длинночерепными; их язык принадлежал к классу, называемому "хамитским", сохранившиеся типы которого встречаются среди галласов, абиссинцев, берберов и других североафриканских племен; похоже, что они изначально пришли из какой-то части Восточной, Северной или Центральной Африки. Распространившись оттуда, они были, вероятно, первым народом, заселившим долину Нила, и дали ответвления в Сирию и Малую Азию. Первые эллины нашли его в Греции под названием "пеласги"; первые латиняне - в Италии, как "этруски"; а древние евреи - в Палестине, как "хетты". Она распространилась на север Европы до Балтики и на запад, вдоль цепи Атласа, в Испанию, Францию и на наши острова.^[10] Во многих странах она достигла сравнительно высокого уровня цивилизации, но в Британии ее развитие, должно быть, было рано остановлено. Мы видим, что это скорее земледельческий, чем скотоводческий народ, все еще находящийся в каменном веке, живущий тотемистическими племенами на холмах, вершины которых он тщательно укреплял, а склоны возделывал по так называемой "террасной системе", и имеющий примитивную культуру, которая, по мнению этнологов, очень напоминала культуру современных горных племен Южной Индии.^[11] Они удерживали наши острова до прихода кельтов, которые воевали с аборигенами, отнимали у них более плодородные участки, подчиняли их, даже объединялись с ними, но, конечно, никогда не истребляли их. Во времена римлян они все еще были практически независимы в Южном Уэльсе. В Ирландии они долгое время оставались непокоренными и встречаются скорее в качестве союзников, чем крепостных гэлов, управляя своими провинциями и сохраняя собственные обычаи и религию. Несмотря на все последовательные вторжения в Великобританию и Ирландию, до сих пор не вымерли или настолько слились, что утратили свой тип, который по-прежнему преобладает во многих западных районах Великобритании и Ирландии и, по мнению некоторых этнологов, в целом увеличивается по всей Англии.

Вторая из двух рас была полной противоположностью первой. Это были высокие, светловолосые, голубоглазые или сероглазые, широкоплечие люди, называемые в народе "кельтами", которые по языку принадлежали к "арийской" семье, а их язык находил родство с латинским, греческим, тевтонским, славянским, зендским языком Древней Персии и санскритом Древней Индии. Его первоначальная родина, вероятно, находилась где-то в Центральной Европе, вдоль верхнего течения Дуная или в районе Альп. Круглые курганы", в которых они хоронили своих умерших или сжигали их пепел, отличаются по форме от "длинных курганов" более ранней расы. Они находились на более высокой ступени культуры, чем "иберы", и завезли в Британию бронзу и серебро, а также, возможно, некоторых из недавно одомашненных животных.

И иберийцы, и кельты делились на многочисленные племена, но ничто не указывает на то, что среди первых было большое разнообразие. Иначе обстоит дело с кельтами, которые

разделились на две основные ветви, пришедшие в разное время. Самыми первыми были гойделы, или гэллы; вторыми - бритоны, или бритты. Между этими двумя ветвями существовала не только диалектическая, но и, вероятно, значительная физическая разница. Некоторые антропологи даже предполагают разную форму черепа. Не обязательно признавать это, есть основания предполагать разницу в телосложении и цвете волос. В этом отношении у нас есть свидетельства латинских писателей - Тацита,^[12] который говорит нам, что "каледонцы" на севере отличались от южных бриттов более крупным телосложением и более рыжими волосами, и Страбона,^[13] который описывает племена во внутренних районах Британии как более высокие, чем галльские колонисты на побережье, с менее желтыми волосами и более рыжими конечностями. В равной степени классические авторитеты сходятся в признании "силуров" Южного Уэльса совершенно иной расой, чем все остальные в Британии. Смуглая кожа и курчавые волосы этих иберийцев, по мнению Тацита, доказывают, что они были переселенцами из Испании.^[14]

Профессор Рис также выдвигает доказательства того, что гойделы и бритоны уже разделились, прежде чем они впервые покинули Галлию и отправились на наши острова.^[15] Он находит их там как два разных народа. В наши дни мы не ожидаем от "самого маленького школьника" столько, сколько во времена Маколея, но даже современный потомок этого образчика, вероятно, мог бы рассказать нам, что вся Галлия делилась на три части, одну из которых населяли белги, другую - аквитанцы, а третью - те, кто называл себя кельтами, но римляне называли их галлами; и что все они отличались друг от друга по языку, обычаям и законам.^[16] Из них профессор Рис отождествляет белгов с бритонами, кельтов с гойделями, а третий народ, аквитанцы, , был некельтским и неарийским, частью большого хамитоязычного иберийского племени.^[17] Кельты с их гойдельским диалектом кельтского языка, сохранившимся до наших дней в гэльских языках Ирландии, Шотландии и острова Мэн, первыми пришли в Британию, подталкиваемые, вероятно, белгями, которые, как говорит Цезарь, были самыми храбрыми из галлов.^[18] Здесь они покорили коренных иберов, изгнав их из плодородных районов в труднопроходимые районы на севере и западе. Позже пришли сами белги, вынужденные давить населением; они, принеся с собой лучшее оружие и более высокую цивилизацию, обращались с гойделями так же, как те обращались с иберами. Притесняемые таким образом, гойделы, вероятно, объединились с иберами против того, что теперь было общим врагом, и в значительной степени слились с ними. В результате во времена римского господства Британские острова были разделены по расовому признаку следующим образом: Брайтоны, или вторая кельтская раса, владели всей Британией к югу от Твида, за исключением крайнего запада, в то время как первая кельтская раса, гойделики, владела большей частью Ирландии, а также островом Мэн, Камберлендом, Западным нагорьем, Корнуоллом, Девоном и Северным Уэльсом. К северу от Грампианов жили пикты, которые, вероятно, были более или менее гойделизированными иберийцами, а аборигенная раса, не смешиваясь, сохранилась в Южном Уэльсе и некоторых районах Ирландии.

Теперь настало время решить, как для целей этой книги лучше всего называть две различные ветви кельтов и их языки. При наличии таких привычных терминов, как "гэл" и "бритт", "гэльский" и "британский", нам кажется педантичным настаивать на более технических "гойдельском" и "бриттском", "гойдельском" и "бриттском". Сложность заключается в том, что слова "гэл" и "гэльский" так долго использовались для обозначения только современных "гойделов" Шотландии и их языка, что могут вызвать путаницу, если их также применять к народу и языкам Ирландии и острова Мэн. Аналогично, слова "британец" и "британский" в настоящее время означают жителей всех Британских островов, хотя сначала они обозначали только жителей Англии, Центрального Уэльса, низменных районов Шотландии и бриттской колонии в Бретани. Однако слова "гойдель" и "бритон" с их производными настолько

неуклюжи, что, вероятно, лучше использовать более аккуратные термины. Поэтому в этом томе "гойделы" из Ирландии, Шотландии и острова Мэн - это наши "гэлы", а "бритоны" из Англии и Уэльса - наши "бритты".

Самые ранние сведения о жизни обитателей Британских островов мы получаем из двух источников. Первый - иностранный, от латинских писателей. Но римляне действительно знали только южных бриттов, которых они описывают как похожих по телосложению и обычаям на континентальных галлов, с которыми, более того, они считали их идентичными.^[19] В то время, когда они писали, колонии белгов все еще обосновывались на побережье Британии напротив Галлии.^[20] Римские сведения становились все скуднее по мере приближения к Стене, и о северных племенах они, похоже, имели только те знания, которые получили в результате периодических войн с ними. Они описывают их как совершенно варварских, голых и татуированных, живущих только погоней, без городов, домов или полей, без правительства или семейной жизни, и считающих железо ценным украшением, как другие, более цивилизованные народы считали золото.^[21] Что касается Ирландии, она никогда не попадала под их непосредственное наблюдение, и мы полностью зависим от местных писателей в том, что касается манер и обычаев гэлов. Убедительным доказательством подлинности описаний жизни, содержащихся в древних гэльских рукописях, можно считать то, что они так полно подтверждают наблюдения латинских писателей над бриттами и галлами. Читая их бок о бок, мы можем в значительной степени реконструировать общую цивилизацию кельтов.

Грубо говоря, ее можно сравнить с цивилизацией греков, описанной Гомером.^[22] Оба народа находились на племенной и пастушеской стадии культуры, когда вожди являются крупными скотовладельцами, вокруг которых собираются их менее богатые собратья. Оба народа носят одинаковые одежды, используют одинаковое оружие и сражаются одинаково - на боевых колесницах, которые к первому веку христианской эры уже устарели даже в Ирландии. Битвы ведутся в одиночку между вождями, а плохо вооруженный простой народ вносит незначительный вклад в их результат и еще меньший - в их историю. Считается, что такие вожди являются божественными потомками - сыновьями бессмертных богов. Их грандиозные подвиги воспевают барды, которые, как и гомеровские поэты, были привилегированными персонами, уступая лишь военачальнику. Древние греки и древние кельты имели во многом одинаковые представления о жизни, как в этом мире, так и в следующем.

Из различных источников мы можем почерпнуть много подробных сведений о первых обитателях Британских островов.^[23] Их одежда, состоявшая, по словам латинских писателей, из блузы с рукавами, штанов, плотно облегающих лодыжки, и шали или плаща, скрепленного на плече брошью, была сделана либо из толстого войлока, либо из тканого полотна, окрашенного в различные яркие цвета. Писатель Диодор рассказывает, что они были пересечены маленькими квадратиками и линиями, "как будто их посыпали цветами". На самом деле они были похожи на "тартаны", и мы можем поверить Варро, который говорит нам, что они "производили вульгарное зрелище". Только мужчины носили шляпы из мягкого войлока, а волосы женщин были непокрыты и завязаны сзади в узел. Во время битвы мужчины также обходились без головного убора, зачесывая свои обильные волосы вперед в густую массу и окрашивая их в красный цвет мылом из козьего жира и буковой золы, пока они не выглядели (по словам воспитателя Цицерона Посидония, посетившего Британию около 110 г. до н.э.) не столько людьми, сколько дикими лесными людьми. Представители обоих полов любили украшения, в виде золотых браслетов, колец, булавок и брошей, а также бус из янтаря, стекла и струи. Их ножи, кинжалы, наконечники копий, топоры и мечи были

сделаны из бронзы или железа; их щиты были похожи на круглую мишень, которую использовали горцы в битве при Куллодене; у них, кажется, также было своего рода лассо, к которому был прикреплен шар в форме молота, и которым они пользовались, как гаучос в Южной Америке пользуются своим *бола*. Их боевые колесницы были сделаны из плетня, а деревянные колеса были вооружены серпами из бронзы. Они были запряжены двумя или четырьмя лошадьми и были достаточно большими, чтобы вместить несколько человек. Стоя в них, они мчались вдоль вражеских рядов, метая дротики и разя косами всех, кто оказывался в пределах досягаемости. На римлян произвело большое впечатление мастерство погонщиков, которые "могли на полном скаку проверить своих лошадей на крутом склоне и мгновенно повернуть их, могли пробежать вдоль столба, встать на ярмо, а затем без промедления снова сесть в свои колесницы".^[24]

С этими рассказами римских писателей мы можем сравнить изображение гэльского героя Кухулайнна, как древние ирландские писатели описывают его, одетого и вооруженного для битвы. Прославленный бардом, он, тем не менее, носит по сути тот же костюм и снаряжение, которые более трезво описывали классические историки и географы. "Его великолепное одеяние, которое он носил с большим размахом", состояло из "прекрасной пунцовой туники из пяти слоев и с бахромой, с длинной булавкой из белого серебра, позолоченной и узорчатой, сияющей, словно светящийся факел, на который из-за его пылающего свойства и блеска люди не могли бы вынести смотреть. Далее на нем был шелковый нательный жилет, окаймленный по всему периметру золотом, серебром и белой бронзой, который доходил до верхнего края килта русого цвета. На его шее было сто звеньев из красного золота, которые снова вспыхивали, с подвесками, свисавшими с них. Его головной убор украшали сто смешанных драгоценных камней карбункула, нанизанных на нить". Он нес "надежный особый щит, темно-малинового цвета, а по окружности его опоясывал обод из чистого белого серебра. На левом боку у него длинный меч с золотой рукоятью. Рядом с ним, в колеснице, длинное копье, а также острое, стреляющее агрессией копье, снабженное топорной тетивой с заклепками из белой бронзы".^[25] В другом отрывке гэльской саги описывается его колесница. Она была сделана из тонкого дерева, с плетеным узором, и двигалась на колесах из белой бронзы. У нее была высокая округлая рама из скрипучей меди, крепкое изогнутое ярмо из золота и шест из белого серебра, с креплениями из белой бронзы. Желтые вожжи были плетеными, а древка - твердыми и прямыми, как лезвия мечей.^[26]

Подобным образом древние ирландские писатели прославили залы и крепости своих мифических королей. Подобно дворцам Приама, Менелая и Одиссея, они сверкают золотом и драгоценными камнями. У Конхобара,^[27] легендарного короля Ольстера в его золотой век, было три таких "дома" в Эмайн Маха. О том, который назывался "Красная ветвь", нам говорят, что в нем было девять отделений из красного тиса, разделенных стенами из бронзы, и все они группировались вокруг личных покоев короля, потолок которых был серебряным, а бронзовые колонны украшены золотом и карбункулами.^[28] Но в гораздо менее пышных рассказах латинских писателей, несомненно, больше правды, чем в таких роскошных картинах. Они описывали знакомых им бриттов как живущих в деревнях, состоящих из пчелиных ульев, крытых папоротником или соломой, из которых при приближении врага они удалялись в местный дун. Это место, далеко не отличавшееся продуманностью, представляло собой круглое или овальное пространство, огороженное частоколом и земляными валами и расположенное либо на вершине холма, либо посреди труднопроходимого болота.^[29] Мы можем видеть остатки таких крепостей во многих частях Англии - примечательны "замки" Эймсбери, Эйвбери и Олд-Сарум в Уилтшире, холм Святой Екатерины близ Винчестера и холм Святого Георгия в Суррее, и вполне вероятно, что,

несмотря на восхваления кельтов прошлых дней, "дворцы" Эмайн Мача и Тары были очень похожи на них.

Кельтские обычаи, как и гомеровские, были обычаями первобытного мира. Вся земля (хотя теоретически она могла принадлежать вождю) обрабатывалась сообща. Цезарь^[30] утверждает, что эта общность владений распространялась и на их жен; однако нельзя сказать, что это вменение было доказано. Напротив, в историях обеих ветвей кельтской расы женщины, похоже, занимали более высокое место в оценке мужчин и пользовались гораздо большей личной свободой, чем гомеровские греки. Возможно, эта идея возникла из-за непонимания некоторых любопытных кельтских обычаев. Похоже, что происхождение прослеживалось по материнской, а не по отцовской линии - очень неарийская процедура, которая, как считают некоторые, была заимствована у другой расы. Родительские отношения были еще более ослаблены обычаем отправлять детей на воспитание вне семьи, в которой они родились, так что у них были приемные родители, к которым они были привязаны не меньше, а то и больше, чем к своим родным.

Их политическое устройство, как и семейная жизнь, было не менее примитивным. Центрального трибунала не существовало. Споры решались внутри семей, в которых они возникали, а в случае серьезных обид пострадавшая сторона или ее ближайший родственник могли убить виновного или взыскать с него штраф. По мере увеличения численности семей они превращались в мелкие племена, часто враждующие друг с другом. Побежденное племя должно было признать суверенитет главы племени-завоевателя, и череда таких побед возводила его в ранг вождя своего округа. Но даже в этом случае, хотя его решение было целым законом, он был не более чем рупором общественного мнения.

ГЛАВА IV

РЕЛИГИЯ ДРЕВНИХ БРИТАНЦЕВ И ДРУИДИЗМ

Древние жители Британии - гэльские и британские кельты - уже были описаны как представители ветви тех, кого условно называют "арийцами". Это название, однако, имеет мало отношения к расе, и на самом деле означает носителей группы языков, которые, как можно доказать, связаны между собой и происходят от одного источника - гипотетического родного языка, на котором говорил гипотетический народ, который мы называем "арийским", или, более правильно, "индоевропейским". Этот первобытный язык, сформировавшийся, вероятно, на какой-то части великой равнины, простирающейся от гор Центральной Европы до гор Центральной Азии, распространился, вытесняя или смешиваясь с языками других рас, пока на его ветвях не заговорили почти во всей Европе и значительной части Азии. Все различные латинские, греческие, славянские, тевтонские и кельтские языки являются "арийскими", так же как персидский и другие азиатские диалекты, произошедшие от древнего "зенда", и многочисленные индийские языки, восходящие к санскриту.

Не так давно предполагалось, что это общее происхождение языка связано с общим происхождением крови. Настоящее братство с энтузиазмом утверждали все основные

европейские народы, которым также предлагалось признать индусов и персов своими давно потерянными двоюродными братьями. С тех пор было признано, что, хотя арийская речь сохранилась, хотя и сильно видоизменилась, арийская кровь вполне могла исчезнуть, разбавившись до неузнаваемости в результате скрещивания с другими расами, которых арийцы завоевали или среди которых они более или менее мирно поселились. На самом деле, нет ни одной европейской нации - возможно, вообще ни одного народа, за исключением нескольких отдаленных дикарских племен, - которая не состояла бы из самых разных элементов. Арийцы и неарийцы давным-давно неразрывно смешались, образовав в результате своего слияния новые народы.

Но как арийская речь повлияла на новые языки, а арийские обычаи - на новые цивилизации, так и в религиях арианоязычных народов мы можем обнаружить сходные идеи и выражения, указывающие на первоисточник мифологических представлений. Поэтому, исследуем ли мы мифологию индусов, греков, тевтонов или кельтов, мы находим одну и ту же мифологическую основу. В каждой из них мы видим силы природы, персонифицированные и наделенные человеческой формой и атрибутами, хотя и носящие, за редким исключением, разные имена. Подобно ведийским брахманам, греческим и латинским поэтам, норвежским скальдам, кельтские барды - будь то гэлы или бритты - представляли себе небо, солнце, луну, землю, море и темный подземный мир, а также горы, ручьи и леса, которыми управляли существа, подобные их собственным вождям, но бесконечно более могущественные; Каждая страсть, как война и любовь, и каждое искусство, как поэзия и кузнечное ремесло, имели своего божественного основателя, учителя и выразителя; и из всех этих божеств и их воображаемых детей они соткали поэтические и аллегорические романы, которые составляют предмет данного тома.

Как и у других народов, арийских или неарийских, у кельтов, помимо мифологии, была и религия. Недостаточно рассказывать сказки о теневых богах; их нужно сделать видимыми с помощью скульптур, разместить в рощах или храмах, проводить ритуалы и умиловать жертвами, если мы хотим надеяться на их благосклонность. Каждый культ должен иметь своих жрецов, живущих у алтаря.

Жрецы кельтов известны нам под именем "друиды" - слово, образованное от корня DR, обозначающего дерево, особенно дуб, в нескольких арийских языках.^[31] Это обычно - хотя и не всеми учеными - воспринимается как доказательство того, что они оказывали особое почтение царю деревьев. Действительно, омела - этот странный паразит на дубе - занимала видное место среди их "трав силы" и играла определенную роль в их ритуалах;^[32] , но это в равной степени относится и к другим арийским народам. У норвежцев она считалась священной для бога Бальдера, а римляне верили, что это "золотая ветвь", открывающая доступ в Аид.^[33]

Рассказы латинских и гэльских писателей дают нам достаточно полное представление о характере друидов, и особенно о том, как высоко их ценили. Они были одновременно жрецами, врачами, чародеями, прорицателями, богословами, учеными и историками своих племен. Вся духовная власть и все человеческие знания принадлежали им, и они занимали второе место после королей и вождей. Они были освобождены от всякого вклада в государство, будь то дань или военная служба, чтобы они могли лучше выполнять свои божественные обязанности. Их решения были абсолютно окончательными, а те, кто им не подчинялся, подвергались страшному отлучению или "бойкоту".^[34] Классические авторы рассказывают, как они властвовали в Галлии, где, несомненно, заимствовали великолепие, подражая своим более цивилизованным соседям. Люди самого высокого ранга с гордостью отбрасывали знаки смертной чести, чтобы присоединиться к компании тех, кто утверждал,

что является прямым посредником бога неба и бога грома, и, должно быть, походил на еkkлeзиастов средневековой Европы в дни их наибольшего могущества, сочетая, как и они, духовные и мирские достоинства и обладая высочайшей культурой своей эпохи. Однако не среди этих галльских друидов с их великолепными храмами, облачениями и тщательно разработанными ритуалами следовало искать метрополию друидизма. От Цезаря мы узнаем, что галльские друиды считали, что их религия пришла к ним изначально из Британии, и что в их практику входило посылать своих "теологических студентов" через Ла-Манш, чтобы узнать ее доктрины в их чистом источнике.^[35] Проследить культ в обратном направлении часто означает взять ретроградный курс в культуре, и, несомненно, именно в Британии, которая, как говорит Плиний Старший, "могла научить магии Персию"^[36], достаточно примитивные и дикие обряды друидов Галлии сохранились в их еще более диких и примитивных формах. Любопытным подтверждением предполагаемого британского происхождения друидизма является тот факт, что древние ирландцы также считали, что их друидизм пришел с братского острова. Их герои и провидцы описываются как получившие высшее знание только благодаря путешествию на Альбу.^[37] Как бы то ни было, мы можем считать несомненным, что этот друидизм был общепринятой религией кельтской расы.

Некоторые ученые ищут его происхождение глубже, считая, что его темные суеверия и дикие обряды несут на себе печать более низкого ума, чем поэтические и мужественные кельты. Профессор Рис склонен видеть три формы религии на Британских островах во времена римского вторжения: "друидизм" иберийских аборигенов; чистый политеизм бритонов, которые, придя в страну позже, мало смешались с туземцами; и смешанные арийские и неарийские культы гойделов, которые уже были в значительной степени смешаны с ними.^[38] Но многие авторитеты не согласны с этой точкой зрения, и, действительно, мы не обязаны постулировать заимствование у племен, находящихся на более низкой ступени культуры, чтобы объяснить примитивные и дикие черты, лежащие в основе более высокой религии. "Арийские" народы должны были пройти, как и все остальные, через состояние чистой дикости; и мы знаем, что религия греков, во многих отношениях столь возвышенная, скрывала черты и легенды столь же варварские, как и те, что можно приписать кельтам.^[39]

О знаменитом учении друидов мы знаем немного, в силу их привычки никогда не позволять излагать свои доктрины в письменном виде. Цезарь, однако, приблизительно описывает его масштабы. "В качестве одной из своих главных догм, - говорит он, - они внушают следующее: души не уничтожаются, а переходят после смерти из одного тела в другое, и они считают, что благодаря этому учению люди воодушевляются на доблесть, пренебрегая страхом смерти. Они также обсуждают и передают молодым многие вещи, касающиеся небесных тел и их движения, размеров мира и нашей земли, естественных наук, а также влияния и власти бессмертных богов."^[40] Римляне, похоже, относились к их мудрости с некоторым благоговением, хотя не исключено, что друиды сами заимствовали все знания о науке и философии, которые они могли иметь, из классической культуры. Однако то, что их вера в переселение не была просто заимствована у греков, можно с уверенностью утверждать по ее появлению в древних гэльских мифах. Не только "изменение формы", характерное для волшебных историй всех народов, но и реальная реинкарнация были во власти привилегированных существ. Мужчины Ольстера уговаривали героя Кухулайнна жениться, потому что знали, "что его перерождение будет из него самого",^[41] и не хотели, чтобы столь великий воин был потерян для их племени. Другая легенда рассказывает о том, как знаменитый Финн мак Кул через двести лет возродился как ольстерский король по имени Монган.^[42]

Подобные идеи, однако, относились к метафизической стороне друидизма. Гораздо важнее для практичного первобытного ума ритуал и жертвоприношения, при должном исполнении которых боги убеждаются или принуждаются даровать людям увеличение земли и продолжительность дней. Среди друидов это ублажение божеств принимало форму человеческих жертвоприношений, причем в таких масштабах, которые, кажется, не могли превзойти по ужасу даже самые дикие племена Западной Африки или Полинезии. "Весь галльский народ, - говорит Цезарь, - в значительной степени привержен суеверным обрядам; поэтому те, кто страдает от тяжелых болезней или участвует в сражениях и опасностях, либо приносят в жертву людей, либо дают обет, что они сами себя обезвредят, а друиды служат для таких жертвоприношений, поскольку считают, что, если жизнь человека не будет отплачена за жизнь человека, воля бессмертных богов не может быть умиротворена. Они также предписывают национальные жертвоприношения того же рода. Другие делают плетеные изображения огромных размеров, конечности которых они наполняют живыми людьми и поджигают."^[43]

Мы находим свидетельства столь же ужасных обычаев в языческой Ирландии. Среди древнейших гэльских записей есть трактаты под названием *Dinnsenchus*, в которых перечисляются известные места вместе с легендами, связанными с ними. Такие топографии встречаются в нескольких великих ирландских средневековых рукописях, а значит, конечно же, получили свою окончательную транскрипцию в руках христианских монахов. Но эти церковники редко портили композиции, написанные сложным стихом. Невозможно представить, что какой-нибудь монастырский переписчик мог придумать такую легенду, как эта, описывающую практику человеческих жертвоприношений у древних ирландцев. В поэме (которая содержится в Книгах Лейнстера, Баллимота, Лекана и в документе под названием Rennes MS.)^[44] описывается причина, по которой место возле нынешней деревни Баллимагауран в графстве Каван получило название Mag Slecht, "Равнина поклонения".

"Здесь раньше был

высокий идол со множеством поединков,

Который назывался Кромм Круайх;

Из-за него все племена не знали покоя.

"Это было печальное зло!

Храбрые гэлы поклонялись ему.

От него они не хотели просить дани.

Чтобы быть довольными своей долей в суровом мире.

"Он был их богом,

Увядший Кромм с множеством туманов,

Народ, над которым он трясся, как хозяин,

Вечное царство, которого они не получают.

"Ему без славы

Они убили бы свое жалкое, несчастное потомство.

С большим плачем и опасностью,
Чтобы залить своей кровью Кромм Круайх.

"Молоко и кукурузу

Они попросили бы у него поскорее
В обмен на третью часть их здорового потомства:
Велики были ужас и страх перед ним.

"Перед ним
благородные гэлы преклонялись,
От поклонения ему, со многими человекоубийствами",
Равнина называется "Маг Слехт".

* * * * *

"Они творили зло,
Они били в ладоши, они колотили себя по телу,
причитая перед демоном, поработившим их,
Они проливали слезы.

* * * * *

"Вокруг Кромм Круайх
Там хозяева преклоняли колена;
Хотя он подверг их смертельному позору,
Их имя хранит благородная равнина.
"В их рядах (стояли)
Четырежды три каменных идола;
Чтоб горько было хозяевам",
Фигура Кромма была сделана из золота.

"С тех пор как правил
Херимона^[45], благородного человека,
Поклонялись камням
До прихода доброго Патрика из Мачи.

"Кувалдой по Кромму
От короны до подошвы,
Он разрушил без недостатка доблести

Слабый идол, который там стоял".

Такими, как мы узнаем из традиции, которую можно считать достоверной, были человеческие жертвоприношения в ранней Ирландии. Согласно процитированному стиху, треть здоровых детей убивали, предположительно каждый год, чтобы вырвать у сил природы зерно и траву, которыми питались племена и их скот. В прозаическом *динсенхусе*, сохранившемся в Реннском MS.,^[46] есть небольшой вариант. "Там" (в Маг Слехт), говорится в нем, "находился королевский идол Эрина, а именно Кром Кроич, а вокруг него было двенадцать идолов из камней, но сам он был из золота. До прихода Патрика он был богом всех народов, колонизировавших Ирландию. Ему приносили в жертву первенцев каждого рода и главных отпрысков каждого клана". Тот же авторитет сообщает нам, что эти жертвы приносились на Хэллоуин, который в христианском календаре занял место языческого *Самайны* - "конца лета", когда солнечная сила ослабевала, а сила богов тьмы, зимы и подземного мира возрастала.

Кто же был этот кровожадный бог? Его имя, *Кромм Круаич*, означает "Склонившийся над курганом" и, очевидно, было применено к нему только после его падения с божественной высоты. Оно связано с традицией, согласно которой при приближении всепобеждающего святого Патрика "демон" сбежал со своего золотого изображения, которое после этого опустилось на землю в знак почтения к силе, пришедшей его заменить.^[47] Но из другого источника мы узнаем, что слово *cromm* - это своего рода каламбур на *sepp*, и что настоящим титулом "короля-идола Эрина" был *Cenn Cruaich*, "Глава" или "Владыка" кургана. Профессор Рис в своем *"Кельтском язычестве"*^[48] предполагает, что он, вероятно, был гэльским богом неба, которому, как и эллинскому Зевсу, поклонялись на "высоких местах", естественных или искусственных. Во всяком случае, мы можем видеть в нем бога, наиболее почитаемого гэлами, в окружении других двенадцати главных членов их пантеона.

Представляется вероятным, что государственное поклонение кельтов было так называемым "солнечным". Все его главные праздники были связаны с точками в движении солнца, причем равноденствия считались более важными, чем солнцестояния. Именно в весеннее равноденствие (называемое кельтами "Белтайн"^[49]) в каждом девятнадцатом году, как мы узнаем от Диодора Сицилийского, писателя, современного Юлию Цезарю, сам Аполлон являлся своим поклонникам, и его видели арфистом и танцующим в небе до восхода Плеяд.^[50] Другим соответствующим праздником был "Самайн"^[51], осеннее равноденствие. Как Белтайн отмечал начало лета, так Самхейн фиксировал его конец. Летнее солнцестояние также было великим кельтским праздником. Он проводился в начале августа в честь бога, которого галлы называли Лугус, гэлы - Луг, а бритты - Ллеу, - общекеельтского Аполлона и, вероятно, когда культ бога войны утратил свое раннее значение, главной фигуры общего Пантеона.

Несомненно, именно в Стоунхендже британский Аполлон был замечен играющим и танцующим. Это чудесное сооружение вполне соответствует описанию Диодором "великолепного храма Аполлона", который он помещает "в центре Британии". "Это круглое сооружение, - говорит он, - украшенное вотивными приношениями и табличками с греческими надписями, подвешенными путешественниками на стенах. Правители храма и города называются "бореады"^[52], и они перенимают управление друг у друга в соответствии с порядком своих племен. Горожане предаются музыке, песнопениям в честь солнца".^[53] Стоунхендж, таким образом, был священным религиозным центром, одинаково почитаемым всеми британскими племенами и одинаково принадлежащим им - Рим или Иерусалим нашего древнего язычества.

Тем же великим богам, несомненно, поклонялись все кельты, причем не только Великобритании и Ирландии, но и континентальной Галлии. Иногда их имена можно проследить по всему древнему кельтскому миру. В других случаях то, что, очевидно, является одной и той же персонифицированной силой природы, встречается в разных местах с теми же атрибутами, но с другим названием. Кроме них, должно быть, существовало множество низших богов, которым поклонялись только определенные племена, и которым они служили предками и покровителями. "Клянусь богами моего народа", - такова была обычная клятва героя в древних гэльских сагах. У аборигенных племен тоже должны были быть свои боги, независимо от того, правда это или нет, что их религия повлияла на кельтский друидизм. Профессор Рис склонен видеть в *genii locorum*, почти безымянных духах колодцев и рек, гор и лесов, теневые остатки культов которых сохранились до наших дней, - членов кишящего Пантеона древних иберийцев.^[54] Эти местные существа ни в коем случае не противоречили бы великим кельтским богам природы, и оба культа могли бы существовать бок о бок, оба даже претендуя на одного и того же приверженца. Нужна суровая вера монотеизма, чтобы отрицать существование чужих богов. Политеистические народы редко или никогда не поднимались на такую высоту. В отношениях с покоренным народом завоеватели, естественно, считали своих богов более сильными. Тем не менее нельзя отрицать, что боги завоеванного народа находились на своей земле; они, так сказать, знали страну и могли обладать неосознанными способностями творить зло! Что, если, чтобы отомстить своим поклонникам и самим себе, они сделают землю бесплодной и бесполезной для завоевателей? Поэтому завоевательные языческие народы обычно были готовы протянуть руку приветствия божествам своих новых подданных, умиловить их жертвоприношениями и даже принять их в свой собственный пантеон.

В связи с этим возникает вопрос о точной национальной принадлежности богов, чьи истории мы собираемся рассказать. Все ли они были арийцами, или кто-то из крупных аборигенных божеств поднялся, чтобы занять свое место среди гэльского племени богини Дану или британских детей богини Дон? Некоторые из кельтских богов, как показалось ученым, имеют признаки неарийского происхождения.^[55] Однако в настоящее время этот вопрос остается весьма туманным. Да и нас это не особо волнует. Как разнообразные божества греков - одни арийские и эллинские, другие доарийские и пеласгийские, третьи привнесенные и семитские - были собраны в одну большую божественную семью, так и мы можем считать членами одного национального Олимпа всех этих богов, легенды о которых составляют "Мифологию Британских островов".

ГЭЛЬСКИЕ БОГИ И ИХ ИСТОРИИ

ГЛАВА V

БОГИ ГЭЛОВ

Из двух кельтских рас, поселившихся на наших островах, именно более ранняя, гэлы, лучше всего сохранила свою старую мифологию. Правда, о гэльских богах мы имеем лишь в немногих случаях столь подробные сведения, как об эллинских божествах у греческих поэтов, об индийских дэвах - в Риг-веде или о норвежских эсирах - в Эддах. Тем не менее, мы можем почерпнуть из древних ирландских рукописей вполне достаточно информации, чтобы позволить нам изложить их фигуры с некоторой ясностью. Как и следовало ожидать, они очень похожи на божественные иерархии других арийских народов.

Мы также видим, что они разделены на два противоборствующих лагеря - разделение, характерное для всех арийских религий. Как олимпийцы боролись с гигантами, эсиры - с йотунами, а дэвы - с асурами, так и в гэльском духовном мире идет война между двумя сверхчеловеческими воинствами. На одной стороне - боги дня, света, жизни, плодородия, мудрости и добра; на другой - демоны ночи, тьмы, смерти, бесплодия и зла. Первые - это великие духи, символизирующие благотворные аспекты природы, искусства и интеллекта человека; вторые - враждебные силы, которые, как считалось, стоят за такими пагубными проявлениями, как буря и туман, засуха и болезни. Первые были объединены в божественную семью вокруг богини по имени Дану, от которой они получили свое известное название *Туата Де Дананн*,^[56] "Племя" или "Народ богини Дану". Вторые хранили верность женскому божеству по имени Домну; их царь, Индекс, описывается как ее сын, и все они называются "богами Домну". Слово "Домну", по-видимому, означало бездну или морские глубины,^[57] и та же идея выражена в их более известном имени "фоморы", образованном от двух гэльских слов, означающих "под водой".^[58] Водные просторы, похоже, всегда производили на кельтов впечатление первобытной древности; в их сознании они ассоциировались с необъятностью, тьмой и чудовищными порождениями - полная противоположность всему тому, что символизировали земля, небо и солнце.

Поэтому фоморы считались более древними, чем боги, перед которыми им, однако, суждено было в конце концов пасть. Потомство "Хаоса и Старой Ночи", они в большинстве своем были огромны и деформированы. У некоторых из них было по одной руке и ноге, а у других - головы козлов, лошадей или быков.^[59] Самым известным и, возможно, самым ужасным из них был Балор, отцом которого, как говорят, был Буараинех, то есть "коровье лицо",^[60] и который соединил в себе две классические роли - циклопа и Медузы. Хотя у него было два глаза, один из них всегда держать закрытым, так как он был настолько ядовит, что убивал любого, на кого падал его взгляд. Это злобное свойство глаз Балора не было для него врожденным, а стало результатом несчастного случая. Движимый любопытством, он однажды заглянул в окно дома, где колдуны его отца готовили волшебное зелье, и ядовитый дым из котла достиг его глаза, заразив его таким количеством собственной смертоносной природы, что это стало губительным для окружающих. Ни бог, ни великан, похоже, не избежали этой опасности, так что Балору было позволено жить только при условии, что он будет держать свой страшный глаз закрытым. В дни сражений его ставили напротив противника, крюком поднимали веко губительного глаза, и его взгляд иссушал всех, кто стоял перед ним. Память о Балоре и его глазе до сих пор жива в Ирландии: "глаз Балора" - это название того, что крестьяне других стран называют "дурным глазом"; о *Баларе Бейманне*, или "Балоре могучих ударов", до сих пор рассказывают истории, а "замок Балора" - это

название любопытной скалы на острове Тори. Этот остров, расположенный у побережья Донегала, был земным форпостом фоморов, а их настоящая обитель находилась в холодных морских глубинах.

Однако это правило, касающееся отвратительности фоморов, имело свои исключения. Элатан, один из их вождей, описан в старом манускрипте как великолепный человек - мильтоновский князь тьмы. "Человек прекраснейшего вида, - говорится в рукописи, - с золотыми волосами до плеч. Он носил мантию из золотой тесьмы поверх рубашки, переплетенной с золотыми нитями. Пять золотых ожерелий окружали его шею, и золотая брошь с блестящим драгоценным камнем была на его груди. Он нес два серебряных копья с заклепками из бронзы, и меч его был с золотой рукоятью и золотым наконечником"^[61] Не менее красив был и его сын. Его звали Бресс, что означает "прекрасный", и нам рассказывают, что все прекрасные вещи в Ирландии, "будь то равнина, или крепость, или эль, или факел, или женщина, или мужчина", сравнивались с ним, так что люди говорили о них: "Это Бресс".^[62]

Балор, Бресс и Элатан - три фоморских персонажа, чьи фигуры, проступающие сквозь туман древности, видны нам наиболее отчетливо. Но это лишь немногие из многих, и они не самые древние. Однако мы не можем узнать ничего, кроме нескольких имен предков гэльских гигантов. То же самое можно сказать и о гэльских богах. Те, кого мы знаем, явно не лишены родительских прав, но имена их отцов - не более чем тени, уходящие в небытие за обозначенными ими фигурами. Самым древним божеством, о котором мы имеем хоть какие-то сведения, является сама Дану, богиня, от которой вся иерархия богов получила свое имя Туатха Де Дананн. Ее также называли Ану или Ана, и ее имя до сих пор связывают с двумя известными горами близ Килларни, которые, хотя сейчас называются просто "Папы", раньше были известны как "Папы Аны".^[63] Она была универсальной матерью; "хорошо она лелеяла богов", говорит комментатор ирландского глоссария девятого века.^[64] Ее муж ни разу не упоминается по имени, но, исходя из британских аналогий, можно предположить, что им был Биле, известный в гэльской традиции как бог Аида, своего рода кельтский Дис Патер, от которого произошли первые люди. Сама Дану, вероятно, олицетворяла землю и ее плодovitость, и ее можно сравнить с греческой Деметрой. Все остальные боги, по крайней мере по названию, являются ее детьми. Самым великим из них, по-видимому, был Нуада, которого называли *Аргетламом*, или "Тот, у кого серебряная рука". Он был одновременно гэльским Зевсом, или Юпитером, и их богом войны; ведь среди примитивных народов, для которых успех в войне имеет огромное значение, бог битв является верховным богом.^[65] Среди галлов Камул, чье имя означало "Небо",^[66] был отождествлен римлянами с Марсом; и другие подобные примеры легко приходят на ум. Он обладал непобедимым мечом, одним из четырех главных сокровищ Туатха Де Дананн, над которыми он дважды был королем; и нет сомнений, что он был одним из самых важных богов как гэлов, так и бриттов, поскольку его имя распространено на всех Британских островах, которые, как мы можем предположить, кельты завоевали под его покровительством. Мы можем представить его как более дикого Марса, наслаждающегося битвами и резней и поклоняющегося, подобно своим галльским родственникам, Тевтату и Гесусу, о которых рассказывает латинский поэт Лукан, человеческим жертвам, в которых принимали участие его женщины-супруги, которые, как мы можем предположить, были не более милосердны, чем он сам или галльская Таранис, чей культ был "не мягче, чем культ скифской Дианы", и которая завершает триаду Лукана как подходящая спутница "безжалостного Тевтата" и "ужасного Гесуса".^[67] Среди этих воинственных богинь было пять - Феа, "Ненавистная", Немон, "Ядовитая", Бадб, "Ярость", Маха, олицетворяющая "битву", и, над всеми ними, Морригу, или "Великая царица". Эта верховная богиня войны гэлов, похожая на более свирепую Герку, возможно,

символизировала луну, которую ранние расы считали предшественницей солнца и поклонялись ей с помощью магических и жестоких обрядов. Она изображена идущей в полном вооружении и с двумя копьями в руках. Как и в случае с Аресом^[68] и Посейдоном^[69] в "Илиаде", ее боевой клич был таким же громким, как у десяти тысяч мужчин. Где бы ни шла война, среди богов или людей, она, великая царица, присутствовала либо в своем собственном облике, либо в своем любимом обличье - "капюшона" или вороны-карриона. В одной старой поэме она подстрекает воина:

"Над его головой каркает

Тощая карга, быстро скачущая

Над остриями оружия и щитов";

Она - седовласая Морригу".^[70]

Вместе с ней Феа и Немон, Бадб и Маха также парили над бойцами, вдохновляя их безумием битвы. Всех их иногда называли именем "Бадб"^[71]. Рассказ о битве при Клонтарфе, которую Бриан Бору провел в 1014 году против норманнов, дает жуткое представление о том, что, по мнению гэлов, происходило в духовном мире, когда битва стихала и кровь людей пылала. "Возникла дикая, стремительная, стремительная, безумная, неумолимая, яростная, темная, рвущая, беспощадная, боевая, спорная бадб, которая вопила и трепетала над их головами. И возникли также сатиры, и спрайты, и маньяки долин, и ведьмы, и гоблины, и совы, и уничтожающие демонов воздуха и небес, и демоническое призрачное воинство; и они подстрекали и поддерживали доблесть и битву с ними". Когда битва заканчивалась, они веселились среди тел убитых; головы, отрубленные в качестве варварского трофея, назывались "урожаем желудей Маха". Эти мрачные творения дикарского разума обладали огромной жизненной силой. В то время как Нуада, верховный бог войны, рано исчез из пантеона - его убили фоморы в великой битве между ними и богами, - Бадб и Морригу жили дольше всех гэльских божеств. Действительно, можно сказать, что они все еще живут в суеверной неприязни и подозрительности, проявляемой во всех кельтскоязычных странах к их *аватару*, ворону в капюшоне.^[72]

После Нуады величайшим из богов был Дагда, чье имя, по-видимому, означало "Добрый Бог".^[73] В старом ирландском трактате "Выбор имен" говорится, что он был богом земли; у него был котел под названием "Ундри", в котором каждый находил пищу в соответствии со своими заслугами, и из которого никто не уходил неудовлетворенным. У него также была живая арфа; когда он играл на ней, времена года наступали в своем порядке - весна следовала за зимой, а лето сменяло весну, осень наступала после лета и, в свою очередь, уступала место зиме. Он изображен почтенного вида, простого ума и вкусов, очень любил кашу и был ее отважным потребителем. В одной из древних сказок есть описание его одежды. На нем была коричневая туника с низким вырезом, доходившая только до бедер, а поверх нее - накидка с капюшоном, едва прикрывавшая плечи. На ногах были сапоги из конской шкуры, волосатой стороной наружу. Он нес или, скорее, тащил за собой на колесе восьмиконечную боевую дубину, такую огромную, что для ее переноски потребовалось бы восемь человек; а колесо, когда он буксировал все это оружие, прокладывало колею, как территориальную границу.^[74] Древний и седоголовый, как он был, и крепкий едок каши, из этого видно, что он был грозным бойцом. Он совершил великие подвиги в битве между богами и фоморами, а однажды, как говорят, даже схватил в одиночку стоногое и четырехголовое чудовище по имени Мата, притащил его к "Камню Бенна", что возле Бойна, и убил там.

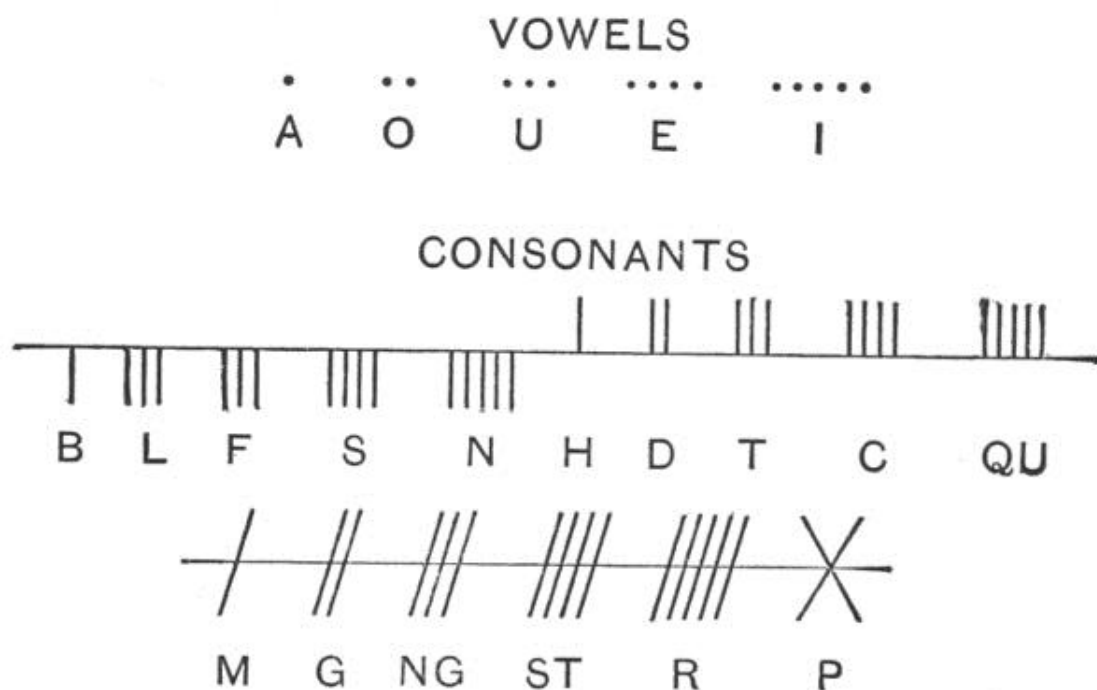
Жену Дагды звали Боанн. В легенде она была связана с рекой Бойн, которой дала название и, собственно, само ее существование.^[75] Раньше здесь был только колодец^[76], затененный девятью волшебными деревьями орешника. На этих деревьях росли малиновые орехи, и их свойство заключалось в том, что тот, кто их ел, сразу же становился обладателем знаний обо всем, что есть на свете. Эта история, по сути, является гэльской версией древнееврейского мифа о "Древе познания добра и зла". Только один класс существ обладал этой привилегией - божественные лососи, которые жили в колодце, глотали орехи, падавшие с деревьев в воду, и таким образом знали все на свете, и фигурировали в легендах как "Лососи Знания". Всем остальным, даже высшим богам, было запрещено приближаться к этому месту. Только Боанн, обладающая пресловутым женским любопытством, осмелилась послушаться этого незыблемого закона. Она подошла к священному колодцу, но, когда она это сделала, его воды поднялись на нее и мощным, стремительным потоком унесли ее прочь. Она спаслась, но воды уже не вернулись. Они дошли до Бойна, а всезнающие обитатели колодца безрадостно бродили в глубине реки, тщетно ища свои потерянные орехи. Один из этих лососей был впоследствии съеден знаменитым Финном мак Кулом, на которого снизошло все его всеведение.^[77] Такой способ объяснить существование реки является излюбленным в ирландских легендах. Рассказывают также о Шенноне, который, как и Бойн, вырвался из неприкосновенного колодца, чтобы преследовать другую самонадеянную нимфу по имени Синанн, внучку морского бога Лера.^[78]

У Дагды было несколько детей, самыми важными из которых являются Бригит, Ангус, Мидер, Огма и Бодб Рыжий. Из них Бригит уже знакома английским читателям, которые ничего не знают о кельтских мифах. Изначально она была богиней огня и очага, а также поэзии, которую гэлы считали нематериальной, сверхчувственной формой пламени. Но ранние христиане Ирландии приняли языческую богиню в число своих святых, и, канонизированная таким образом, она приобрела огромную популярность как святая Бриджет, или Невеста.^[79]

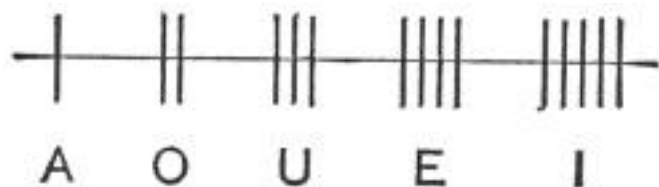
Ангуса звали *Мак Ок*, что означает "Сын Молодого", или, возможно, "Молодой Бог". Это самое очаровательное из творений кельтской мифологии представлено в виде гэльского Эроса, вечно юного выразителя любви и красоты. Как и у его отца, у него была арфа, но золотая, а не дубовая, как у Дагды, и музыка ее была так сладка, что никто не мог слушать ее и не следовать ей. Его поцелуи превратились в птиц, которые незримо парили над юношами и девами Эрина, нашептывая им на ухо мысли о любви. В основном он связан с берегами Бойна, где у него был "бруг", или дворец фей; о его подвигах и приключениях рассказывают множество историй.

Мидер, также герой легенд, по-видимому, был богом подземного мира, гэльским Плутоном. Как таковой, он был связан с островом Фальга - так назывался и до сих пор называется остров Мэн, - где у него была крепость, в которой он держал трех чудесных коров и волшебный котел. Кроме того, он был владельцем "Трех журавлей отрицания и черствости", которых можно было бы легкомысленно назвать олицетворением "мягких намеков". Они стояли возле его двери, и когда кто-нибудь подходил к нему с просьбой о гостеприимстве, первый из них говорил: "Не приходи! Не приходи!", второй добавлял: "Уходи! Уходи!", а третий вторил ему: "Иди мимо дома! Иди мимо дома!"^[80] Эти три птицы, однако, были украдены у Мидера скупым поэтом Эйтерном, которому они, по-видимому, больше подходили, чем их владельцу, который в остальном не выглядит как жестокое и нелиберальное божество.^[81] Напротив, он представлен как жертва других, которые свободно грабили его. Бог Ангус забрал его жену Этейн,^[82] а его коровы, котел и прекрасная дочь Блатнат были унесены в качестве добычи героями или полубогами, которые окружали короля Конхобара в золотой век Ольстера.

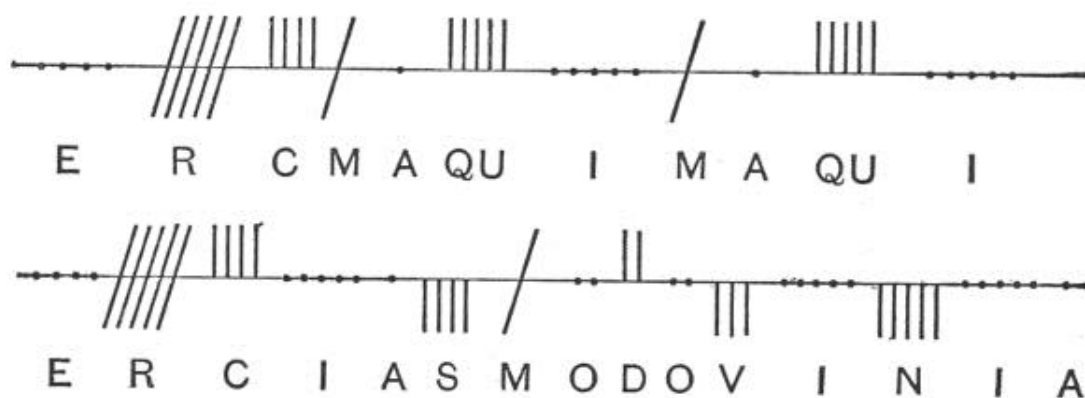
Огма, которого, по-видимому, также называли Кермайт, то есть "медоточивый", был богом литературы и красноречия. Он женился на Этан, дочери бога медицины Дианшеста, и у них было несколько детей, которые играют более или менее заметную роль в мифологии гэльских кельтов. Одного из них звали Туиренн, три сына которого убили отца бога Солнца и были вынуждены в качестве компенсации заплатить самый большой штраф, о котором когда-либо слышали, - не что иное, как главные сокровища мира.^[83] Другой сын, Каирпре, стал профессиональным бардом Туатха Де Дананн, а трое других недолго правили божественной расой. Как покровителю литературы, Огме, естественно, приписывается роль изобретателя знаменитого *огмского* алфавита. Это была исконная письменность Ирландии, которая затем распространилась в Великобритании: надписи огмическими символами были найдены в Шотландии, на острове Мэн, в Южном Уэльсе, Девоншире и в Силчестере в Гемпшире, римском городе Каллеа Аттребатум. Изначально он предназначался для надписей на вертикальных камнях-столбах или на жезлах; эквивалентами букв служили выемки или штрихи, сделанные на одной из граней угла; алфавит выглядел следующим образом:

При последующем написании в рукописи штрихи располагались над, под или через горизонтальную линию, как указано выше; а гласные изображались короткими линиями вместо зарубок, как:

Хороший пример огмической надписи приведен в "*Лекциях Хибберта*" профессора Риса. Она сделана на столбе на небольшом мысе возле Данмор-Хед, на западе Керри, и, если читать ее горизонтально, гласит:

ЭРК, СЫН СЫНА ЭРКА (потомка) МОДОВИНЯ.^[84]

Происхождение этого алфавита неясно. Некоторые авторитеты считают его очень древним, другие - полностью постхристианским. Во всяком случае, кажется, что он был основан на римском алфавите и, следовательно, предполагал его знание.

Огма, помимо покровителя литературы, был чемпионом, или профессиональным силачом Туатха Де Дананн. Его эпитет - *Грианайнех*, то есть "Солнечнолицый", от его лучезарного и сияющего лица.

Последний из более значимых детей Дагды - Бодб^[85] Рыжий, который играет более значительную роль в поздних, чем в ранних легендах. Он сменил своего отца на посту царя богов. Он связан главным образом с югом Ирландии, особенно с горами Галти, и с озером Дирг, где у него был знаменитый *сидх*, или подземный дворец.

Посейдона из пантеона Туатха Де Дананн звали Лер, но мы мало слышим о нем по сравнению с его знаменитым сыном, Мананнаном, самым великим и популярным из его многочисленных детей. Мананнан мак Лир^[86] был особым покровителем моряков, которые зывали к нему как к "богу голов", и купцов, которые провозглашали его первым в своей гильдии. Его любимыми местами обитания были остров Мэн, которому он дал свое имя, и остров Арран в заливе Клайд, где у него был дворец под названием "Эмхейн из яблонь". У него было много знаменитого оружия - два копья под названием "Желтый вал" и "Красное копье", меч под названием "Возмездие", который не переставал убивать, а также два других, известных как "Большая фурия" и "Малая фурия". У него была лодка "Волнорез", которая сама двигалась и направлялась туда, куда пожелает ее владелец, и конь "Великолепная грива", который был быстрее весеннего ветра и одинаково быстро передвигался как по суше, так и по морским волнам. Ни одно оружие не могло ранить его сквозь волшебную броню и нагрудник, а на шлеме сияли две волшебные жемчужины, яркие, как солнце. Он наделил богов мантией, которая делала их невидимыми по желанию, и кормил их от своих свиней, которые, подобно вепрю Сэхримниру в норвежской Валгалле, обновлялись, как только их съедали. Из них, несомненно, он устраивал свой "Пир века", пир, на котором евщие никогда не старели. Так люди богини Дану сохраняли бессмертную молодость, а эль бога-кузнеца Гоибниу наделял их неуязвимостью. Вполне уместно, что и сам Мананнан был благословлен неиссякаемой жизнью больше всех других богов; вплоть до последних дней ирландской героической литературы его светлая фигура сияет, и даже сейчас она еще не полностью забыта.

Гоибниу, гэльский Гефест, сделавший людей богини Дану неуязвимыми с помощью своего волшебного напитка, был также ковачом их оружия. Именно он с помощью божественного плотника Лактайне и божественного бронзовщика Кредне создал оружие, с помощью

которого Туатха Де Дананн покорили фоморов. Не менее полезным для них был Диансхет, бог медицины.^[87] Именно он когда-то спас Ирландию и косвенно послужил причиной названия реки Барроу. Морригу, свирепая жена небесного бога, родила сына столь ужасного вида, что лекарь богов, предвидя опасность, посоветовал уничтожить его в младенчестве. Так и было сделано; Диансхет вскрыл сердце младенца и обнаружил в нем трех змей, способных, когда они вырастут в полный рост, обезлюдет Ирландию. Не теряя времени, он уничтожил и этих змей и сжег их в пепел, чтобы избежать зла, которое могли причинить даже их мертвые тела. Более того, он бросил пепел в ближайшую реку, ибо опасался, что даже в нем может таиться опасность; и действительно, они были настолько ядовиты, что река вскипела и убила все живое в ней, и поэтому с тех пор ее называют "Барроу" (кипящая).^[88]

У Дианшета было несколько детей, двое из которых продолжили дело своего отца. Это были Миах и его сестра Айрмид. Была также еще одна дочь, Этан, которая вышла замуж за Сермайта (или Огму), и еще три сына, которых звали Циан, Сете и Ку. Циан женился на Этню, дочери Балора Фомора, и у них родился сын, ставший венцом гэльского пантеона - его Аполлон, бог Солнца, - Луг^[89], называемый *Ламхфада*^[90], что означает "Длиннорукий", или "Дальний стрелок". Однако Луг совершал свои подвиги не с луком, как греческий Аполлон, а с пращей; его поклонники иногда видели это страшное оружие в небе в виде радуги, а Млечный путь называли "Цепью Луга". Было у него и волшебное копье, которым, в отличие от пращи, ему не нужно было орудовать самому; ведь оно было живым и жаждало крови так сильно, что только смочив его голову в настое толченых маковых листьев, можно было сохранить покой. Когда приближалась битва, его вытягивали; тогда он ревел и боролся с путами; из него вырывался огонь, и, сорвавшись с поводка, он прорывался сквозь ряды врагов, не уставая убивать. Еще одной его собственностью была волшебная гончая, которую в древней поэме^[91], приписываемой фенийскому герою Каоилте, называют...

"Эта гончая самых могучих дел,

Которая была неодолима в жестоком бою,

Была лучше всех богатств,

Огненный шар каждую ночь.

"Другими достоинствами обладала та прекрасная гончая

(Лучше это свойство, чем любое другое),

Медовуха или вино из нее вырастет,

если бы она купалась в родниковой воде".

Эта чудесная гончая, а также чудесное копье и несокрушимые свиньи Мананнана были получены Лугом от сыновей Туиренна как часть кровавого штрафа, который он взыскал с них за убийство своего отца Киана.^[92] Не менее любопытная история рассказывает о том, как Луг получил свое имя *Иолданаха*, или "Мастера всех искусств".^[93]

Разумеется, это лишь главные божества гэльского пантеона, их божества, которые отвечали таким эллинским фигурам, как Деметра, Зевс, Герек, Кронос, Афина, Эрос, Аид, Гермес, Гефест, Эскулап и Аполлон. У всех них было много потомков, некоторые из которых играют видные роли в героических циклах "Красной ветви Ольстера" и "Фенианцев". Помимо них, должно быть, существовало множество богов меньшего ранга, которые находились в таком же отношении к великим богам, в каком рядовые члены племени находились к своим

вождям. Большинство из них, вероятно, были местными божествами различных кланов - богами, которыми клялись их герои. Но не исключено, что некоторые из них могли быть божествами аборигенов. Профессор Рис считает, что до сих пор может называть по имени несколько таких иберийских богов, как Нет, Ри или Рой, Корб и Бет.^[94] Но они не играют никакой заметной роли в историях о гэльских богах.

ГЛАВА VI

ПРИБЫТИЕ БОГОВ

Люди богини Дану не были первыми божественными обитателями Ирландии. До них были другие, обитатели "темной глубины и бездны времени". В этом кельтская мифология похожа на мифологию других народов, почти во всех из которых мы находим старое, тусклое царство богов, стоящее за царствующим пантеоном. Такими были Кронос и титаны, оттесненные Зевсом, который даже для Гесиода казался чем-то вроде божества-изгоя. Гэльская традиция признает две божественные династии, предшествовавшие Туатха Де Дананн. Первая из них называлась "Раса Партолона". Ее глава и предводитель прибыл - как и все боги и люди, согласно кельтским представлениям, - из потустороннего мира и высадился в Ирландии со свитой из двадцати четырех мужчин и двадцати четырех женщин первого мая, в день, называемый "Белтайн", священный для Биле, бога смерти. В то далекое время Ирландия представляла собой одну безлесую, лишенную травы равнину, омываемую тремя озерами и девятью реками. Но по мере того как род Партолона увеличивался, земля под ними расширялась - по одним данным, чудесным образом, по другим - благодаря труду людей Партолона. Во всяком случае, за триста лет, что они там жили, она выросла с одной равнины до четырех и приобрела семь новых озер, что было удачей, ибо раса Партолона увеличилась с сорока восьми членов до пяти тысяч, несмотря на сражения с фоморами.

Похоже, они были неизбежны. Какие бы боги ни правили, они оказывались в вечном противостоянии с не-богами - силами тьмы, зимы, зла и смерти. Раса Партолона успешно воевала с ними. На равнине Ит Партолон победил их предводителя, гигантского демона по имени Чихол Безногий, и рассеял его обезображенное и чудовищное воинство. После этого на триста лет наступило затишье. Затем, в то же роковое первое мая, началась таинственная эпидемия, которая продолжалась неделю и уничтожила всех. Предчувствуя свой конец, они собрались на первоначальной, первосозданной равнине, которая тогда называлась *Сен-Маг*, или "Старая равнина", чтобы тем, кто выжил, было легче похоронить тех, кто умер. Место их погребения до сих пор отмечено курганом близ Дублина, который на картах называется "Таллахт", а раньше был известен как *Тамлехт Муинтре Партолайн*, "Чумная могила людей Партолона". По-видимому, это развитие самой древней формы легенды, которая не знала о чуме, а просто представляла народ Партолона как вернувшийся после своего пребывания в Ирландии в мир иной, откуда он пришел, и, вероятно, связано с постепенной эвгемеризацией древних богов в древних людей.

Вслед за расой Партолона пришла раса Немедов, которая продолжила дело и традиции своего предшественника. За время ее существования Ирландия вновь увеличилась в размерах, в ней появилось двенадцать новых равнин и еще четыре озера. Как и жители Партолона, раса Немед боролась с фоморами и победила их в четырех битвах подряд. Затем Немед погиб вместе с двумя тысячами своих людей от эпидемии, а остатки, оставшиеся без своего вождя, подверглись жестокому угнетению со стороны фоморов. Два фоморских короля - Морк, сын Дела, и Конанн, сын Фебара, - построили стеклянную башню на острове Тори, где всегда находился их главный оплот и где до сих пор ходят рассказы о них, и с этой точки обзора они установили налог, напоминающий тот, который в греческой истории платили критскому Минотавру. Две трети детей, рожденных в расе Немед в течение года, должны были быть рождены в каждый день Самайна. Побуждаемые этим к последнему отчаянному усилию, оставшиеся в живых представители народа Немед напали на башню и взяли ее, Конанн погиб в борьбе. Но их триумф был недолгим. Морк, другой король, собрал свои силы и устроил такую резню народу Немед, что из шестнадцати тысяч, собравшихся для штурма башни, в живых осталось только тридцать. И они вернулись туда, откуда пришли, или умерли - два действия, говоря мифологическим языком, были одним и тем же.^[95]

Нельзя не заметить большого сходства между историями об этих двух мифических вторжениях в Ирландию. Особенно заметен рассказ об эпидемии, которая уничтожила весь народ Партолона и почти весь народ Немед. Поэтому считается, что эти две легенды дублируют друг друга, и что сначала существовала только одна, которая была несколько по-разному адаптирована двумя расами - иберами и гэлами. Профессор Рис считает^[96], что рассказ Немед был изначальной кельтской легендой, а история Партолона - ее версией, которую туземные расы создали в угоду себе. Имя "Партолон" с его начальным *p* совершенно чуждо гению гэльской речи. Более того, самому Партолону ранние летописцы дают предков, чьи явно неарийские имена впоследствии появляются в качестве имен вождей Фир Болг. Немед был позже Партолона в Ирландии, как гэлы, или "милезийцы", были позже иберов, или "фирболгов".

Эти "Фир Болги" фигурируют в мифах как следующие колонизаторы Ирландии. В разных традициях говорится, что они пришли из Греции или из "Испании" - что было постхристианским эвфемизмом для кельтского Гадеса.^[97] Они состояли из трех племен, называвшихся "Фир Домнанн" или "Люди Домну", "Фир Гайлион" или "Люди Гайлиона" и "Фир Болг" или "Люди Болга"; но, несмотря на то, что первое из названных племен было самым важным, их обычно называют коллективно по имени последнего. Рассказывают любопытные истории об их жизни в Греции и о том, как они попали в Ирландию; но они несколько надуманны и явно не относятся к самой ранней традиции.

Нам рассказывают, что во времена своего господства они разделили Ирландию между собой: Фир Болг владел Ольстером; Фир Домнанн, разделенный на три королевства, занимал Северный Мюнстер, Южный Мюнстер и Коннаут; а Фир Гайлион владел Лейнстером. Эти пять провинций встречались на холме, который тогда назывался "Холм Балора", а впоследствии - "Холм Уиснеха". Он находится недалеко от Ратконрата, в графстве Западный Мит, и в ранние времена считалось, что он обозначает точный центр Ирландии. Они владели страной с момента ухода народа Немед до прихода народа богини Дану, и за это время у них было девять верховных королей. Во время прихода богов их короля звали Эохайд^[98] сын Эрка, по прозвищу "Гордый".

Других подробностей об их жизни в Ирландии у нас практически нет. Однако очевидно, что на самом деле это были не боги, а доарийская раса, которую гэлы, высадившись в Ирландии, застали уже занятой. Существует множество примеров того, как народы, находящиеся на

определенной стадии культуры, рассматривали племена, находящиеся на несколько более низкой стадии, как полубожественные или, скорее, полудьявольские.^[99] Подозрение и страх, с которыми ранние кельты, должно быть, относились к диким аборигенам, заставляли их казаться "больше, чем человек". Они боялись их за странные магические обряды, которые те практиковали в своих недоступных крепостях среди холмов, среди бурь и горных туманов. Гэлы, считавшие себя детьми света, считали этих "темных иберийцев" детьми тьмы. Их племенные названия, по-видимому, в нескольких случаях были основаны на этой идее. Это были *Corca-Oidce* ("Люди тьмы") и *Corca-Duibhne* ("Люди ночи"). Территория западного племени *ху-дорхайде* ("Сыны тьмы") называлась "Ночной страной".^[100] Кельты, считавшие, что их собственные боги предшествовали их приходу в Ирландию, не поверили бы, что даже Туатха Де Дананн смогли бы отвоевать землю у этих искусных в магии иберийцев без боя.

Похоже, их также считали каким-то образом связанными с фоморами. Как крупнейшее иберийское племя называлось "людьми Домну", так и фоморы назывались "богами Домну", а Индекс, один из их королей, - "сыном Домну". Таким образом, вечная борьба между богами, детьми Дану, и гигантами, детьми Домну, отражала бы в сверхъестественном мире вечную войну между вторгшимися кельтами и сопротивляющимися иберами. Эта тень прослеживается и в более позднем героическом цикле. У чемпионов Ольстера, арийцев и гэлов *в высшей степени*, нет таких злейших врагов, как Фир Домнанн из Мунстера и Фир Гайлион из Лейнстера. Некоторые ученые даже видят в позднейшей смертельной схватке между верховным королем Ирландии и его мятежными фениями последнее историческое или мифологическое подтверждение расовой войны.^[101]

Следующими прибыли враги Фир Болга и Фомора, Туатха Де Дананн, боги гэлов. В самом раннем рассказе, вероятно, говорится, что они пришли с неба. Однако в более поздних версиях говорится о том, что они обитали на земле - одни говорят, что на севере, другие - что на "южных островах мира". Они обитали в четырех мифических городах под названиями Финдиас, Гориас, Муриас и Фалиас, где научились поэзии и магии - для первобытного ума две не слишком схожие вещи - и откуда привезли в Ирландию свои четыре главных сокровища. Из Финдиаса пришел меч Нуады, от удара которого никто не спасся и не оправился; из Гориаса - страшное копье Луга; из Муриаса - котел Дагды; а из Фалиаса - камень Фала, более известный как "камень судьбы", который впоследствии попал в руки первых королей Ирландии. Согласно легенде, он обладал магическим свойством издавать человеческий крик, когда к нему прикасался законный король Эрина. Некоторые узнали в этом чудесном камне ту самую грубую глыбу, которую Эдуард I привез из Скоуна в 1300 году и поместил в Вестминстерском аббатстве, где она теперь является частью коронационного кресла. Любопытно, что в то время как шотландская легенда утверждает, что этот камень попал в Шотландию из Ирландии, ирландская легенда также должна заявить, что он был доставлен из Ирландии в Шотландию. Это звучит как неопровержимое доказательство, однако ведущие современные археологи, включая доктора У. Ф. Скена, который опубликовал монографию на эту тему^[102], считают, что Камень Скоуна и Камень Тары никогда не были одним и тем же. Доктор Петри отождествляет настоящий *Лиа Фаил* с камнем, который всегда оставался в Ирландии, и который был снят со своего первоначального места на холме Тара в 1798 году, чтобы обозначить могилу повстанцев, похороненных неподалеку под курганом, известным сейчас как "могила Кроппи".^[103]

Пришли ли Туатха Де Дананн с земли или с неба, они высадились плотным облаком на побережье Ирландии в мистическое первое мая, не встретив противодействия и даже не будучи замеченными людьми, которых, следуя рукописным авторитетам, удобно называть "Фир Болгами".^[104] Чтобы те могли оставаться в неведении об их приходе, Морригу, которым

помогали Бадб и Мача, использовали магию, которой они научились в Финдиасе, Гориасе, Муриасе и Фалиасе. Они наслали на страну "друидически сформированные ливни и туманные облака" и заставили воздух изливаться огонь и кровь на Фир Болгов, так что те были вынуждены укрываться в течение трех дней и трех ночей. Но у Фир Болгов были свои друиды, и в конце концов они положили конец этим чарам с помощью контрзаклинаний, и воздух снова стал чистым.

Туатха Де Дананн, продвигаясь на запад, достигли места под названием "Морская равнина" в Лейнстере, когда две армии встретились. Каждая выслала воина для переговоров. Противники осторожно приблизились друг к другу, глядя поверх щитов. Затем, постепенно сближаясь, они заговорили друг с другом, и желание осмотреть оружие друг друга сделало их почти друзьями.

Посланник Фир Болгов с удивлением смотрел на "прекрасные по форме, тонкие, стройные, длинные, остроконечные копья" воинов Туатха Де Дананн, а посланец племени богини Дану был не менее впечатлен копьями Фир Болгов, которые были "тяжелыми, толстыми, бессмысленными, но острозаточенными". Они договорились обменяться оружием, чтобы каждая из сторон, изучив его, смогла составить мнение о силе своего противника. Перед тем как расстаться, посланник Туатха Де Дананн предложил Фир Болгам через их представителя мир с разделением страны на две равные половины.

Посланник Фир Болгов посоветовал своему народу принять это предложение. Но их король Эохайд, сын Эрка, не согласился. "Если мы однажды отдадим этим людям половину, - сказал он, - то вскоре они получат всю".

А вот на народ богини Дану вид оружия Фирболгов произвел сильное впечатление. Они решили занять более выгодную позицию и, отступив дальше на запад в Коннаут, на равнину, которая тогда называлась Ниа, а теперь Мойтура, недалеко от нынешней деревни Конг, расположились в ее крайнем конце, перед перевалом Балгатан^[105], который давал возможность отступить в случае поражения.

Фирболги последовали за ними и расположились лагерем на ближней стороне равнины. Тогда Нуада, король Туатха Де Дананн, отправил посла, предложив те же условия, что и раньше. Фирболги снова отказались.

"Когда же, - спросил посланник, - вы намерены дать сражение?"

"Мы должны заключить перемирие, - ответили они, - ибо нам нужно время, чтобы починить наши доспехи, начистить шлемы и наточить мечи. Кроме того, мы должны сделать для себя копья, подобные вашим, а вы должны сделать для себя копья, подобные нашим".

В результате этого рыцарского, но, по современным представлениям, удивительного перемирия было заключено перемирие на сто пять дней.

Именно в день Середины лета враждующие армии наконец-то встретились. Люди богини Дану появились в "пламенном строю", с "красно-бордовыми, пятнистыми и крепкими щитами". Напротив них выстроились пихтовые болги, "сверкающие, блестящие и пламенные, с мечами, копьями, клинками и совковыми копьями". Разбирательство началось со смертельного матча в херли, в котором трижды девять Туатха Де Дананн играли с таким же количеством Фир Болгов, и были побеждены и убиты. Затем последовало еще одно совещание, чтобы решить, как будет проходить битва: каждый ли день или только каждый второй. Кроме того, Нуада добился от Эохайда заверения, что битвы всегда должны проходить при равном количестве войск, хотя это, как нам говорят, было "очень неприятно

королю Фир Болгов, потому что он имел значительное преимущество в численности своей армии". Затем война возобновилась серией одиночных сражений, как у греков и троянцев в "Илиаде". В конце каждого дня победители с обеих сторон возвращались в свои лагеря и освежались, купаясь в целебных ваннах из лекарственных трав.

Так продолжалась битва четыре дня, с ужасной резней с каждой стороны. Чемпион Фир Болг по имени Сренг сразился в одиночном бою с Нуадой, королем богов, и одним страшным ударом отрубил ему руку и половину щита. Эохаиду, королю Фирболгов, повезло еще меньше, чем Нуаде, ибо он лишился жизни. Страдая от жажды, он с сотней своих людей отправился на поиски воды, но его преследовали до берега Баллисадара в Слайго. Здесь он повернул к бухте, но был убит, и его могила до сих пор отмечена курганом. Фирболги, сократившись до трехсот человек, потребовали одиночного боя, пока не будут убиты все с одной стороны. Но прежде чем согласиться на это, Туатха Де Дананн предложили им пятую часть Ирландии, в зависимости от того, какую провинцию они выберут. Они согласились и выбрали Коннаут, который впоследствии стал их особым домом, и где до середины XVII века все еще находили людей, ведущих свой род от Сренга.

Вся эта история имеет необычайно исторический, немифологический характер, который странно контрастирует с рассказом о другой одноименной битве, которую Туатха Де Дананн вели после этого с фоморами. Окрестности Конга до сих пор хранят как реликвии, так и предания об этой битве. На равнине "Южного Мойтура" (так его называют, чтобы отличить от "Северного Мойтура" второй битвы) много кругов и курганов. Особенно много этих кругов возле самой деревни; говорят, что раньше здесь были и другие, которые использовались для строительства стен и дамб. Большие каменные курганы также разбросаны по территории, которая, несомненно, когда-то была местом великой битвы.^[106] У каждого из этих различных доисторических памятников есть своя до сих пор рассказанная история; и сэр Уильям Уайлд, как он пишет в своей книге *Lough Corrib*,^[107] был настолько впечатлен неожиданным совпадением деталей легендарной битвы, как он прочитал их в древнем манускрипте, и традиций, все еще связанных с курганами, кругами и каирнами, что он говорит нам, что не мог не прийти к выводу, что рассказ был абсолютно историческим. Конечно, совпадения любопытны. По его мнению, "Фир Болги" были колонией белгов, а "Туатха Де Дананн" - датчанами. Но народ богини Дану слишком явно мифичен, чтобы стоило искать для него какую-либо опору в мире реальности. По своим сверхчеловеческим качествам они сильно отличаются от Фирболгов. В эпическом цикле так же ясно говорится о том, что Туатха Де Дананн - божественные существа, как и о том, что Фир Болг, Фир Домнанн и Фир Гайлион стоят точно на одной ступени с людьми Ольстера. Более поздняя история свидетельствует о том, какие милезийские короли и на каких условиях аренды разрешили этим трем племенам поселиться в других частях Ирландии, кроме их родного Коннаута. Они фигурируют в древних, средневековых и почти современных хрониках как старая раса этой земли. Правда, похоже, что вся история о войне между богами и Фир Болгами - выдумка сравнительно поздних времен. В самых ранних документах есть только одна битва Мойтура, которая произошла между народом богини Дану и фоморами. Идея удвоить ее, по-видимому, возникла после XI века;^[108] и ее изобретатель вполне мог использовать при составлении своего рассказа легенды об этом поле битвы, где в давние времена сражались две неизвестные армии. Она никогда не принадлежала к тому же подлинному мифологическому пласту, что и легенда о первоначальной битве Туатха Де Дананн, богов гэлов, с фоморами, богами иберов.

ГЛАВА VII

ВОЗВЫШЕНИЕ БОГА СОЛНЦА^[109]

Именно из-за потери руки в этой битве с Фирболгами Нуада получил имя *Аргетлам*, то есть "Серебряная рука". Ибо Дианшехт, лекарь Туатха Де Дананн, сделал ему искусственную руку из серебра, да так искусно, что она двигалась во всех суставах и была такой же сильной и гибкой, как настоящая. Но, как ни хороша она была в своем роде, она была с изъяном, а по кельтскому обычаю ни один увечный человек не мог сидеть на троне. Нуада был свергнут, и Туатха Де Дананн собрались на совет, чтобы назначить нового короля.

Они решили, что было бы разумно примириться с фоморами, морскими великанами, и заключить с ними союз. Поэтому они отправили послание Брессу, сыну фоморского царя Элатана, с просьбой прийти и править ими. Бресс принял это предложение, и они заключили брак между ним и Бригит, дочерью Дагды. В то же время Циан^[110], сын Дианшеста, врача Туатха Де Дананн, женился на Этниу, дочери фоморов, Балора. Тогда Бресса сделали королем, наделили землями и дворцом, а он, со своей стороны, дал залог, что отречется от престола, если его правление станет негодным тем, кто его избрал.

Но, несмотря на все честные обещания, Бресс, который в душе принадлежал к своему свирепому народу, начал притеснять своих подданных непомерными налогами. Он обложил налогом каждый очаг, каждое корыто, каждую кочергу, а также ввел опросный налог в размере унции золота с каждого члена Туатха Де Дананн. Хитроумной уловкой он также получил молоко всего их скота. Поначалу он просил только молоко тех коров, которые были коричневыми и безволосыми, и люди богини Дану охотно давали ему это. Но Бресс пропустил весь скот в Ирландии между двумя кострами, так что их шерсть сгорела, и таким образом получил монополию на главный источник пищи. Чтобы заработать на пропитание, все боги, даже самые великие, были вынуждены теперь работать на него. Огму, их чемпиона, отправили собирать дрова, а Дагду - строить крепости и замки.

Однажды, когда Дагда был занят своим делом, к нему пришел его сын, Ангус. "Ты почти закончил этот замок, - сказал он. "Какую награду ты собираешься просить у Бресса, когда все будет закончено?" Дагда ответил, что еще не думал об этом. "Позволь мне дать тебе совет, - сказал Ангус. "Попроси Бресса собрать весь скот в Ирландии на равнине, чтобы ты мог выбрать одного для себя. Он согласится на это. Тогда выбери черногривую телку по имени "Океан"".

Дагда закончил строительство форта, а затем отправился к Брессу за наградой. "Что ты хочешь?" - спросил Бресс. "Я хочу, чтобы весь скот Ирландии собрали на равнине, чтобы я мог выбрать одного из них для себя". Бресс так и сделал, а Дагда взял черногривую телку, о которой ему говорил Ангус. Король, ожидавший, что его попросят о большем, рассмеялся над простодушием Дагды. Но Ангус был мудр, как мы увидим далее.

Тем временем Бресс приводил в ярость народ богини Дану, добавляя к тирании скупость. Короли должны быть либеральны ко всем, но при дворе Бресса никто никогда не смазывал свой нож жиром и не вдыхал запах эля. Не было там ни поэтов, ни музыкантов, ни жонглеров, ни шутов, чтобы доставить удовольствие народу, ибо Бресс не раздавал никаких щедрот. Далее, он урезал само пропитание богов. Он так скудно давал им пищу, что они стали

слабеть от голода. Огма от слабости мог нести только треть дров, необходимых для топлива, так что они страдали не только от голода, но и от холода.

Именно в это время в замок, где жил лишенный власти король Нуада, пришли два лекаря - Миах, сын, и Айрмид, дочь бога медицины Дианшета. Привратник Нуады, как и он сам, весь в пятнах (ведь он лишился глаза), сидел у ворот, а на коленях у него спала свернувшаяся калачиком кошка. Носильщик спросил незнакомцев, кто они такие. "Мы хорошие врачи", - ответили они. "Если это так, - ответил он, - то, возможно, вы сможете сделать мне новый глаз". "Конечно, - сказали они, - мы могли бы взять один из глаз этой кошки и вставить его на место вашего потерянного глаза". "Я буду очень рад, если вы это сделаете", - ответил портье, и Миах с Айрмидом вынули один из кошачьих глаз и вставили его в углубление, где был глаз человека.

Далее в рассказе говорится, что это не совсем пошло ему на пользу: глаз сохранил свою кошачью природу, и, когда человек хотел спать по ночам, кошачий глаз постоянно высматривал мышей, а днем его с трудом можно было заставить бодрствовать. Тем не менее он был доволен, пошел и рассказал об этом Нуаде, который приказал привести к нему врачей, совершивших это чудесное исцеление.

Когда они вошли, то услышали стон царя, ибо запястье Нуады загноилось в том месте, где серебряная рука соединялась с рукой из плоти. Миах спросил, где же рука самого Нуады, и ему ответили, что она давно похоронена. Тогда он откопал ее и приложил к культе Нуады; он произнес над ней заклинание, сказав: "Соединись сухожилие с сухожилием и нерв с нервом!", и за три дня и ночи рука обновилась и прикрепилась к руке, так что Нуада снова стал целым.

Когда отец Миаха, Диансехт, узнал об этом, он очень разгневался, подумав, что его сын превзошел его во врачебном искусстве. Он послал за ним и ударил его мечом по голове, рассекая кожу, но не ранив плоть. Миах легко исцелил его. Тогда Дианшет ударил его снова, на этот раз до кости. И снова Миах исцелился. Когда отец ударил его в третий раз, меч прошел прямо через череп до оболочки мозга, но даже эту рану Миах смог залечить пиявками. Однако при четвертом ударе Дианшет рассек мозг надвое, и Миах уже ничего не мог поделать. Он умер, и Дианшет похоронил его. И на его могиле выросло триста шестьдесят пять стеблей травы, каждый из которых был лекарством от любой болезни каждого из трехсот шестидесяти пяти нервов в теле человека. Айрмид, сестра Миаха, очень аккуратно сорвала все эти стебли и разложила их на своей мантии в соответствии с их свойствами. Но ее разгневанный и ревнивый отец опрокинул мантию и безнадежно перепутал их. Если бы не этот поступок, говорит древний писатель, люди знали бы, как лечить все болезни, и были бы бессмертны.

Исцеление пятна Нуады произошло как раз в то время, когда весь народ богини Дану наконец-то согласился с тем, что больше нельзя терпеть притеснения и тиранию Бресса. Причиной тому стало оскорбление, нанесенное им Каэрпре, сыну бога литературы Огмы. Поэты всегда были в большом почете у кельтов, и когда Каэрпре, бард Туатха Де Дананн, отправился в гости к Брессу, он ожидал, что к нему отнесутся с большим вниманием и накормят за столом самого короля. Но вместо этого Бресс поселил его в маленькой темной комнате, где не было ни огня, ни кровати, ни какой-либо мебели, кроме убогого стола, на котором на маленьком блюде лежали маленькие лепешки сухого хлеба для еды. На следующее утро Каэрпре встал рано и покинул дворец, так и не поговорив с Брессом. По обычаю поэтов, покидая королевский двор, они должны были произнести панегирик своему хозяину, но Каэрпре вместо этого угостил Бресса волшебной сатирой. Это была первая

сатира, когда-либо созданная в Ирландии, и, как нам кажется, она несет на себе все признаки ранней попытки. В грубом переводе она гласила:

"Нет мяса на тарелках,

Нет молока у коров;

Нет крова для опоздавших;

Нет денег для менестрелей":

Пусть веселье Бресса будет тем, что он дает другим!"

Эта сатира Каэрпре, как нас уверяют, была настолько яростной, что вызвала большие красные пятна по всему лицу Бресса. Это само по себе было пороком, которого не должно быть на короле, и Туатха Де Дананн призвали Бресса отречься от престола и позволить Нуаде снова занять трон.

Бресс был вынужден так поступить. Он вернулся в страну фоморов, лежащую под морем, и обратился к своему отцу Элатану, ее королю, с просьбой собрать войско, чтобы отвоевать свой трон. Фоморы собрались на совет - Элатан, Тетра, Балор, Индекс и все остальные воины и вожди - и решили прийти с большим войском, забрать Ирландию и поместить ее под море, где люди богини Дану никогда не смогут ее найти.

В это же время в Таре, столице Туатха Де Дананн, проходило другое собрание. Нуада праздновал свое возвращение на трон, устраивая пир для своего народа. Когда пир был в самом разгаре, к воротам дворца подошел незнакомец, одетый как король. Привратник спросил его имя и поручение.

"Меня зовут Луг, - ответил он. "Я внук Дианшета от Киана, моего отца, и внук Балора от Этниу, моей матери".

"А каково твое ремесло?" - спросил привратник; "ведь сюда не пускают никого, кто не владеет каким-нибудь ремеслом".

"Я плотник", - сказал Луг.

"Нам не нужен плотник. У нас уже есть один очень хороший; его зовут Лактайн".

"Я отличный кузнец", - сказал Луг.

"Нам не нужен кузнец. У нас есть очень хороший кузнец, его зовут Гоибниу".

"Я профессиональный воин", - сказал Луг.

"Нам он не нужен. Огма - наш чемпион".

"Я арфист", - сказал Луг.

"У нас уже есть отличная арфистка".

"Я воин, прославившийся не столько силой, сколько мастерством".

"У нас уже есть такой человек".

"Я поэт и сказитель", - сказал Луг.

"Нам нет нужды в них. У нас есть самый искусный поэт и сказитель".

"Я колдун", - сказал Луг.

"Нам он не нужен. У нас есть множество колдунов и друидов".

"Я лекарь", - сказал Луг.

"Наш лекарь - Дианшет".

"Я - виночерпий", - сказал Луг.

"У нас их уже девять".

"Я мастер по бронзе".

"Ты нам не нужен. У нас уже есть бронзовый мастер. Его зовут Кредне".

"Тогда спроси короля, - сказал Луг, - есть ли у него человек, владеющий всеми этими ремеслами сразу, ибо, если есть, мне нет нужды приходить в Тару".

Тогда привратник вошел внутрь и рассказал королю, что пришел человек, который называет себя Луг *Иолданах*^[111], или "Мастер всех искусств", и что он утверждает, что знает все.

Король послал своего лучшего шахматиста сыграть с незнакомцем. Луг победил, придумав новый ход, названный "загон Луга".

Тогда Нуада пригласил его войти. Луг вошел и сел на стул, который назывался "сиденье мудреца" и предназначался для самого мудрого человека.

Огма, чемпион, демонстрировал свою силу. На полу лежал камень, такой большой, что для его перемещения потребовалось бы четыре десятка волов. Огма толкал его перед собой по коридору и выходил в дверь. Тогда Луг поднялся со своего кресла и снова толкнул его назад. Но этот огромный камень был лишь частью, отколотой от еще большей скалы за пределами дворца. Луг поднял его и поставил на место.

Туатха Де Дананн попросили его сыграть для них на арфе. И он сыграл "сонную мелодию", и король со всем своим двором заснул, и не проснулся до того же часа следующего дня. Затем он заиграл плаксивую мелодию, и все они разрыдались. И наконец, он сыграл мелодию, которая привела их в восторг.

Когда Нуада увидел все эти многочисленные таланты Луга, он задумался, не может ли столь одаренный человек оказать большую помощь фоморам. Он посоветовался с остальными и, по их совету, предоставил свой трон Лугу на тринадцать дней, заняв при этом "место мудреца".

Луг созвал всех Туатха Де Дананн на совет.

"Фоморы наверняка собираются начать с нами войну", - сказал он. "Что каждый из вас может сделать, чтобы помочь?"

Дианшельт Лекарь сказал: "Я полностью излечу каждого раненого, если ему не отрубят голову, не заденут мозг или спинной мозг".

"Я, - сказал кузнец Гоибниу, - заменю каждое сломанное копье и меч на новые, даже если война продлится семь лет. И я сделаю копья так хорошо, что они никогда не промахнутся и не убьют". Дульб, кузнец фоморов, не сможет сделать и этого. Судьбу битвы решат мои копья".

"А я, - сказал бронзовщик Кредне, - сделаю все заклепки для копий, рукояти для мечей, ободья и бобышки для щитов".

"А я, - сказал плотник Луктине, - сделаю все щиты и наконечники для копий".

Огма Чемпион пообещал убить короля фоморов с тремя девятью его приверженцами и захватить треть его войска.

"А ты, о Дагда, - сказал Луг, - что ты сделаешь?"

"Я буду сражаться, - ответил Дагда, - и силой, и хитростью. Где бы ни встретились два войска, я буду дробить кости фоморов своей дубиной, пока они не станут похожи на градины под ногами коня".

"А ты, о Морригу?" - сказал Луг.

"Я буду преследовать их, когда они обратятся в бегство", - ответила она. "А я всегда ловлю то, за чем гонюсь".

"А ты, о Каэрпре, сын Этана?" - обратился Луг к поэту, - "что ты можешь сделать?"

"Я немедленно наложу на них проклятие; одной из своих сатир я лишу их чести, и, заколдованные мной, они не смогут противостоять нашим воинам".

"А вы, о колдуны, что вы будете делать?"

"Мы обрушим на фоморов, - ответил главный колдун Матган, - двенадцать гор Ирландии с помощью наших волшебных искусств. Этими горами будут Слив Лиг, Денна Улад, горы Морн, Бри Рури, Слив Блум, Слив Снехта, Слемиш, Блай-Слиаб, Нефин, Слиаб Макку Белгодон, Сегаис^[112], и Круахан Эйгл^[113]".

Тогда Луг спросил виночерпиев, что они будут делать.

"Мы спрячем магией, - сказали они, - двенадцать главных озер и двенадцать главных рек Ирландии от фоморов, так что они не смогут найти воды, какой бы жаждой они ни мучились; эти воды скроются от фоморов так, что они не получают ни капли, а они будут давать питье людям богини Дану, пока длится война, даже если она продлится семь лет." И сказали Лугу, что двенадцать главных озер - это Лаф Дерг, Лаф Луимниг^[114], Лаф Корриб, Лаф Ри, Лаф Маск, Странгфорд Лаф, Лаф Лэйг, Лаф Ниг, Лаф Фойл, Лаф Гара, Lough Reagh и Márloch, а двенадцатью главными реками были Bush, Boyne, Bann, Nem, Lee, Shannon, Moy, Sligo, Erne, Finn, Liffey и Suir.

Наконец, друид Фиголь, сын Мамоса, сказал: "Я пошлю три струи огня в лица фоморов и лишу их двух третей доблести и силы, но каждый вздох, сделанный народом богини Дану, будет делать их только более доблестными и сильными, так что даже если битва продлится семь лет, они не устанут от нее".

Все решили готовиться к войне, а руководство ею поручить Лугу.

ГЛАВА VIII

ГЭЛЬСКИЕ АРГОНАВТЫ

Говорят, что подготовка к этой войне длилась семь лет. Именно в этот промежуток времени произошел эпизод, который можно назвать почти "Аргонавтикой" гэльской мифологии.^[115]

Несмотря на свержение Бресса, фоморы по-прежнему требовали ежегодную дань с племени богини Дану и посылали своих сборщиков налогов, девять раз по девять человек, на "холм Балора", чтобы собрать ее. Но пока они ждали прихода богов, чтобы принести им свою покорность и подать, они увидели, что к ним приближается молодой человек. Он сидел на "Великолепной гриве", коне Мананнана, сына Лера, и был одет в нагрудник и шлем Мананнана, через которые ни одно оружие не могло ранить их владельца, и был вооружен мечом, щитом и отравленными дротиками. "Подобно заходящему солнцу", - говорится в сказании, - "великолепен был его лик и чело, и не могли они смотреть ему в лицо от величия его великолепия". И неудивительно, ведь это был Луг Дальний Стрелок, новоявленный бог солнца у гэлов. Он обрушился на фоморских сборщиков налогов и убил всех, кроме девяти человек, а этих пощадил только для того, чтобы они вернулись к своим сородичам и рассказали, как приняли их боги.

В подводной стране царило смятение. "Кто этот ужасный воин?" - спросил Балор. "Я знаю, - сказала жена Балора, - он должен быть сыном нашей дочери Этниу; и я предсказываю, что, поскольку он бросил свой жребий с людьми своего отца, мы никогда больше не будем править в Эрине".

Вожди фоморов увидели, что эта резня их сборщиков налогов означает, что Туатха Де Дананн намерены сражаться. Они собрали совет, чтобы обсудить это. На него пришли Элатан, Тетра и Индекс, короли фоморов; сам Бресс и Балор с сильными ударами; Кетленн Кривоzubая, жена Балора; двенадцать белоглазых сыновей Балора; и все главные фоморские воины и друиды.

Тем временем на земле Луг рассылал гонцов по всему Эрину, чтобы собрать Туатха Де Дананн. С этим поручением отправился отец Луга Киан, который, похоже, был своего рода меньшим солнечным божеством,^[116] сыном Дианшета, бога медицины. Когда Циан шел через равнину Муиртемн,^[117] он увидел трех вооруженных воинов, приближающихся к нему, и, когда они подошли ближе, он узнал в них трех сыновей Туиренна, сына Огма, которых звали Бриан, Иухар и Иухарба. Между этими тремя и Цианом с его братьями Сете и Ку по какой-то причине существовала личная вражда. Циан видел, что сейчас он находится в невыгодном положении. "Если бы мои братья были со мной, - сказал он себе, - какой бы мы устроили бой; но поскольку я один, лучше мне затаиться". Оглянувшись, он увидел стадо свиней, кормившихся на равнине. Как и все боги, он обладал способностью менять облик, поэтому, ударив по себе волшебной палочкой, он превратился в свинью, присоединился к стаду и стал кормиться вместе с ними.

Но его увидели сыновья Туиренн. "Что стало с воином, который минуту назад шел по равнине?" - спросил Бриан у своих братьев. "Мы видели его тогда", - ответили они, - "но мы не знаем, где он сейчас". "Значит, вы не проявили должной бдительности, которая необходима во время войны", - сказал старший брат. "Однако я знаю, что с ним стало. Он ударил себя друидическим жезлом, превратился в свинью и вот он там, в стаде, копается в земле, как и все остальные свиньи. Я также могу сказать вам, кто он такой. Его зовут Циан, и вы знаете, что он нам не друг".

"Жаль, что он укрылся среди свиней, - ответили они, - ведь они принадлежат кому-то из Туатха Де Дананн, и, даже если мы убьем их всех, Циан все равно сможет спастись от нас".

Брайан снова упрекнул своих братьев. "Вы очень невежественны, - сказал он, - если не можете отличить волшебного зверя от природного. Однако я покажу вам". И тогда он ударил двух своих братьев своим жезлом изменения формы, превратил их в двух быстрых, стройных гончих и натравил их на свиней.

Волшебные гончие вскоре нашли волшебную свинью и выгнали ее из стада на открытую равнину. Тогда Брайан метнул копье и попал в нее. Раненая свинья остановилась. "Злое дело ты совершил, бросив это копье, - закричал он человеческим голосом, - ибо я не свинья, а Циан, сын Дианшета. Так дайте же мне четверть".

Иухар и Иухарба согласились бы и отпустили его, но их более свирепый брат поклялся, что с Цианом нужно покончить, даже если он семь раз вернется к жизни. Тогда Циан попробовал прибегнуть к новой уловке. "Дайте мне разрешение", - попросил он, - "только вернуться в свой облик, прежде чем вы меня убьете". "С радостью, - ответил Брайан, - ибо я скорее убью человека, чем свинью".

Тогда Циан произнес подобающее заклинание, сбросил с себя свиное обличье и предстал перед ними в своем собственном облике. "Теперь вы должны будете пощадить мою жизнь", - сказал он. "Не будем", - ответил Брайан. "Тогда это будет худший день для всех вас, который вы когда-либо делали в своей жизни, - ответил он, - ибо, если бы вы убили меня в облике свиньи, вам пришлось бы заплатить только стоимость свиньи, но если вы убьете меня сейчас, я говорю вам, что в этом мире никогда не было и не будет никого, за чью смерть будет взыскана большая кровавая пеня, чем за мою".

Но сыновья Туиренна не слушали его. Они убили его и били его тело камнями, пока оно не превратилось в раздавленную массу. Шесть раз они пытались похоронить его, и земля в ужасе отбрасывала его назад; но на седьмой раз плесень удержала его, и они навалили на него камни, чтобы он не упал. Они оставили его там похороненным и отправились в Тару.

Тем временем Луг ожидал возвращения своего отца. Когда он не пришел, он решил отправиться на его поиски. Он выследил его до равнины Муиртемн, и там его постигла неудача. Но сама возмущенная земля, ставшая свидетелем убийства, заговорила с Лугом и все ему рассказала. Тогда Луг выкопал труп своего отца и выяснил, как он умер; затем он оплакал его, положил обратно в землю, соорудил над ним курган и установил столб с его именем в "огаме".^[118]

Он вернулся в Тару и вошел в большой зал. Он был заполнен людьми богини Дану, и среди них Луг увидел трех сыновей Туиренна. Тогда он потряс "цепь вождей", с помощью которой гэлы просили о слушании в собрании, и, когда все замолчали, сказал:

"Люди богини Дану, я задаю вам вопрос. Какова будет месть того, кто убил своего отца?"

На них снизошло великое изумление, и Нуада, их царь, сказал: "Конечно, это не твой отец был убит?"

"Да", - ответил Луг. "И я смотрю на тех, кто убил его; и они знают, как они это сделали, лучше, чем я".

Тогда Нуада заявил, что его не удовлетворит ничего, кроме как отрубить убийце его отца конечности, и все остальные сказали то же самое, включая сыновей Туиренна.

"Это говорят те, кто совершил преступление", - воскликнул Луг. "Тогда пусть они не покидают зал, пока не договорятся со мной о кровной пошлине, которую им придется заплатить за это".

"Если бы это я убил твоего отца, - сказал король, - я бы считал себя счастливым, если бы ты согласился принять штраф вместо мести".

Сыновья Туиренна стали советовать друг с другом шепотом. Иучар и Иучарба были за то, чтобы признать свою вину, но Бриан боялся, что, если они признаются, Луг откажется от своего предложения принять штраф и потребует их смерти. Тогда он выступил вперед и сказал, что, хотя не они убили Циана, но, чем оставаться под гнетом Луга, как он их подозревал, они заплатят такой же штраф, как если бы убили.

"Конечно, вы заплатите штраф, - сказал Луг, - и я скажу вам, каким он будет. Вот он: три яблока, свиная шкура, копье, два коня и колесница, семь свиней, гончая, вертел для приготовления пищи и три крика на холме - таков штраф, и если вы считаете, что он слишком велик, я отступлю часть его, но если вы не считаете его слишком большим, то платите его".

"Если бы он был в сто раз больше, - ответил Брайан, - мы бы не считали его слишком большим. В самом деле, кажется так мало, что я опасаюсь, не скрывается ли в этом предательство".

"Я не думаю, что это слишком мало", - ответил Луг. "Дай мне свое обещание перед народом богини Дану, что ты верно выплатишь его, а я дам тебе свое, что не буду просить больше".

Так сыновья Туиренна поклялись перед Туатха Де Дананн выплатить штраф Лугу.

Когда они поклялись и дали поручителей, Луг снова обратился к ним. "Теперь, - сказал он, - я объясню вам природу штрафа, который вы обязались выплатить мне, чтобы вы могли понять, слишком ли он мал или нет". И с тревожными сердцами сыновья Туиренна приготовились слушать.

"Три яблока, которые я потребовал, - начал он, - это три яблока из сада Гесперид, что на востоке мира. Вы узнаете их по трем признакам. Они размером с голову месячного ребенка, имеют цвет начищенного золота и вкус меда. Съев их, можно исцелить раны и болезни, и они ничуть не уменьшаются от употребления в пищу. Кто бросит одно из них, тот попадает во все, что пожелает, и оно возвращается к нему в руку. Я не приму никаких других яблок вместо этих. Хозяева их постоянно охраняют, потому что есть пророчество, что три молодых воина с запада мира придут, чтобы забрать их силой, и, как бы ты ни был храбр, я не думаю, что они когда-нибудь достанутся тебе".

"Свиная шкура, которую я потребовал, - это свиная шкура Туиса, короля Греции. Она обладает двумя достоинствами: прикосновение к ней прекрасно исцеляет всех раненых и больных, если только в них еще осталась жизнь; и каждый поток воды, через который она проходит, превращается в вино на девять дней. Я не думаю, что вы получите его от короля Греции, как с его согласия, так и без него".

"А можете ли вы догадаться, какое копье я потребовал?" - спросил Луг. "Не можем", - ответили они. "Это отравленное копье Писиара^[119], короля Персии; оно неотразимо в бою; оно так раскалено, что его лезвие всегда должно находиться под водой, чтобы не разрушить город, в котором оно хранится. Вам будет очень трудно его достать".

"А два коня и колесница - это два чудесных коня Добхара^[120], короля Сицилии, которые одинаково хорошо бегают по суше и по морю; нет в мире других таких коней и нет другого транспортного средства, равного колеснице.

"А семь свиней - это свиньи Изалья^[121], царя Золотых Столбов; хотя их убивают каждую ночь, на следующий день их снова находят живыми, и каждый, кто съест часть их, никогда не будет поражен никакой болезнью".

"А гончая-помощница, на которую я претендую, - это гончая-помощница короля Иоруаида^[122]; зовут ее Файлинис; любого дикого зверя, которого она видит, она сразу же ловит. Вам будет нелегко ее поймать.

"Вертел, который ты должен достать для меня, - это один из вертелов женщин острова Фианчуиве^[123], который находится на дне моря, между Эрином и Альбой.

"Вы также обязались произнести три крика на холме. Холм, на котором они должны раздаться, называется Снос Míodhchaoin^[124], на севере Лохланна^[125]. Миодхчаоин и его сыновья не позволяют кричать на этом холме; кроме того, именно они дали моему отцу военное образование, и, даже если бы я простил тебя, они бы не простили; так что, хотя ты и достиг всех других приключений, я думаю, что ты потерпишь неудачу в этом.

"Теперь ты знаешь, какой штраф ты обязался мне заплатить", - сказал Луг.

И страх и изумление охватили сыновей Туиренн.

Эта сказка, очевидно, принадлежит перу какого-то древнеирландского сказителя, пожелавшего собрать из разных источников более или менее полный рассказ о том, как гэльские боги получили свои легендарные владения. Копье Пизара, царя Персии, очевидно, является тем же оружием, что и копье Луга, которое, согласно другой традиции, было принесено Туатха Де Дананн из их первоначального дома в городе Гориас;^[126] Failinis, приплод короля Иоруаидхе, - "гончая могучих дел" Луга, которая была неотразима в бою и превращала любую проточную воду, в которой купалась, в вино,^[127] свойство, которое здесь переносится на волшебную свиную шкуру короля Туиса: семь свиней короля Золотых Столбов, должно быть, те самые неумирающие свиньи, из плоти которых Мананнан мак Лир готовил "Пир возраста", сохранявший вечную молодость богов;^[128] именно на конях и колесницах, несущихся по поверхности моря, Мананнан путешествовал между Эрином и кельтским Элизиумом на западе;^[129] яблоки, росшие в Саду Гесперид, несомненно, были того же небесного происхождения, что и те, что питали жителей той бессмертной страны;^[130] а вертел для приготовления пищи напоминает нам о трех таких орудиях в Таре, сделанных Гоибниу и связанных с именами Дагды и Морригу.^[131]

Бремя сбора всех этих сокровищ легло на плечи трех сыновей Туиренна.

Они посоветовались и решили, что не могут надеяться на успех, если у них не будет волшебного коня Мананнана, "Великолепной гривы", и волшебного кораблика Мананнана, "Подметающего волны". Но оба они были одолжены Мананнаном самому Лугу. Поэтому сыновьям Туиренна пришлось смиренно просить их у Луга. Бог солнца не дал им коня, боясь слишком облегчить их задачу, но позволил взять лодку, потому что знал, как сильно понадобятся копье Пизара и кони Добхара в грядущей войне с фоморами. Они попрощались с отцом, спустились на берег и вышли в море, взяв с собой сестру.

"Какую часть штрафа нам искать в первую очередь?" - спросили остальные у Брайана. "Мы будем искать их в том порядке, в каком их требовали", - ответил он. И они приказали волшебной лодке плыть в Сад Гесперид, и вскоре прибыли туда.

Они высадились в гавани и провели военный совет. Было решено, что лучший шанс заполучить три яблока - это принять облик ястреба. Так у них будет достаточно силы в когтях, чтобы унести яблоки, и достаточная быстрота в крыльях, чтобы надеяться избежать стрел, дротиков и камней из пращи, которые будут пускать в них надзиратели сада.

Они опустились на фруктовый сад сверху. Это было сделано так стремительно, что они унесли три яблока, не задетые ни древком, ни камнем. Но на этом их трудности не закончились. У короля страны было три дочери, которые были искусны в колдовстве. С помощью колдовства они превратились в трех скоп и погнались за тремя ястребами. Но сыновья Туиренн первыми достигли берега и, переодевшись лебедями, нырнули в море. Они приблизились к своему кораблю, сели в него и быстро уплыли с добычей.

Так закончилось их первое путешествие, и они отправились в Грецию на поиски свиной шкуры короля Туиса. Никто не может без какого-либо предлога попасть ко двору короля, поэтому они решили замаскироваться под поэтов и сказать привратнику, что они профессиональные барды из Эрина, ищущие милости у королей. Привратник пропустил их большой зал, где перед королем пели поэты Греции.

Когда все они закончили, Бриан поднялся и попросил разрешения показать свое искусство. Разрешение было получено, и он запел:

"О Туис, мы не скрываем славы твоей.

Мы славим тебя, как дуб над королями;

Кожа свиньи, щедрость без твердости!

Вот награда, которую я прошу за нее".

"Бурное воинство и бушующее море

Опасная сила, если ей противостоять.

Шкура свиньи, щедрость без твердости!

Вот награда, которую я прошу, о Туис".

"Хорошая поэма, - сказал король, - только я ее не понимаю".

"Я объясню его", - сказал Бриан. "*Мы восхваляем тебя, как дуб над королями*"; это значит, что, как дуб превосходит все другие деревья, так и ты превосходишь всех других королей благородством и щедростью. "*Шкура свиньи, щедрость без твердости*"; это свиная шкура, которая есть у тебя, о Туис, и которую я хотел бы получить в награду за свою поэму. "*Бурный хозяин и бушующее море - опасная сила, если ей противиться*"; это значит, что мы не привыкли обходиться без того, на что положили сердце, о Туис".

"Мне бы больше понравилась твоя поэма, - ответил король, - если бы в ней не упоминалась моя свиная шкура. Это было неразумно с твоей стороны, о поэт. Но я отмерю из шкуры три золотника красного золота, и они будут у тебя".

"Да будет тебе благо, о король!" - ответил Бриан. "Я знал, что меня ждет благородная награда".

И король послал за свиной шкурой, чтобы отмерить из нее золото. Но как только Бриан увидел ее, он схватил ее левой рукой и зарубил того, кто держал ее, а Иучар и Иучарба тоже зарубили их; и они прорубили себе путь к лодке, оставив короля Греции среди мертвецов позади себя.

"А теперь мы пойдем и возьмем копье царя Пизара", - сказал Бриан. Так, покинув Грецию, они отплыли на своем корабле в Персию.

Их план замаскироваться под поэтов так хорошо послужил им, что они решили воспользоваться им снова. И они вошли в зал царя Персии так же, как и в зал царя Греции. Сначала Бриан слушал пение персидских поэтов, а потом запел свою песню:

"Невелико уважение к копью Пизара;

Битвы врагов разбиты;

Никаких притеснений для Пизара;

Каждый, кого он ранит.

"Тис, самое лучшее дерево,

Его называют королем без возражений.

Пусть этот великолепный вал

Йонскую толпу в их смертельные раны".

"Хорошая поэма, о человек из Эрина, - сказал король, - но почему в ней упоминается мое копье?"

"Смысл таков, - ответил Бриан, - я хотел бы получить это копье в награду за свою поэму".

"Ты делаешь опрометчивую просьбу", - сказал король. "Если я сохраню тебе жизнь, выслушав его, это будет достаточной наградой за твою поэму".

В руках у Брайана было одно из волшебных яблок, и он вспомнил, что оно похоже на бумеранг. Он метнул его прямо в лицо персидскому царю, выбив ему мозги. Персы бросились к оружию, но три сына Туиренна победили их и заставили отказаться от копья.

Теперь им предстояло отправиться в Сицилию, чтобы добыть коней и колесницу царя Добхара. Но на этот раз они побоялись ехать как поэты, опасаясь, что слава об их деяниях могла распространиться по всему миру. Поэтому они решили притвориться наемными солдатами из Эрина и предложить королю Сицилии свою службу. Так, подумали они, будет проще всего узнать, где хранятся лошади и колесница. И вот они пошли и встали на зеленом поле перед королевским двором.

Когда король Сицилии узнал, что из Эрина прибыли наемники, ищущие плату у королей мира, он пригласил их к себе на службу. Они согласились; но, пробыв у него две недели и месяц, так и не увидели лошадей и даже не узнали, где они содержатся. Тогда они отправились к королю и объявили, что хотят покинуть его.

"Почему?" - спросил он, ибо не хотел, чтобы они уходили.

"Мы скажем тебе, о король!" - ответил Бриан. "Потому что мы не удостоились твоего доверия, как это было принято у других королей. У тебя есть два коня и колесница, лучшие в мире, а нам даже не позволили их увидеть".

"Я бы показал их вам в первый же день, если бы вы попросили меня, - сказал царь, - и вы увидите их сейчас же, потому что со мной редко бывали такие хорошие воины, как вы, и я не хочу, чтобы вы покидали меня".

И он послал за конями и привязал их к колеснице, и сыновья Туиренна были свидетелями их чудесной скорости и того, как они одинаково хорошо бегут по суше и по воде.

Бриан сделал знак своим братьям, те внимательно следили за возможностью, и, когда колесница проехала рядом с ними, Бриан вскочил на нее, перебросив водителя через борт. Затем, повернув коней, он ударил царя Добхара копьем Пизара и убил его. Он поднял двух своих братьев в колесницу, и они поехали прочь.

Когда сыновья Туиренна добрались до страны Эасала, короля Золотых Столбов, слухи о них уже ходили. Король спустился в гавань, чтобы встретить их, и спросил, правда ли, что от их руки пало столько королей. Они ответили, что это правда, но ни с кем из них они не в ссоре; только они должны во что бы то ни стало получить штраф, который требует Луг. Тогда Исал спросил их, зачем они пришли в его землю, и они сказали ему, что им нужны его семь свиней, чтобы добавить к дани. И тогда Исал решил, что лучше отдать их и подружиться с тремя сыновьями Туиренна, чем сражаться с такими воинами. Сыновья Туиренна очень обрадовались этому, ибо они устали от сражений.

Случилось так, что король Иоруаидхе, у которого была гончая-помощница, которую требовал Луг, был мужем дочери короля Эасала. Поэтому король Эасал не хотел, чтобы между ним и тремя сыновьями Туиренна происходили сражения. Он предложил Бриану и его братьям отплыть с ними в Иоруаидхе и попытаться убедить короля страны мирно отказаться от гончей. Они согласились, и все благополучно ступили на "восхитительные, чудесные берега Иоруаидхе", ^[132], как их называет манускрипт. Но зять короля Изалья не послушал доводов разума. Он собрал своих воинов и стал сражаться; но сыновья Туиренна победили их и заставили своего короля отдать гончую Хелп в качестве выкупа за свою жизнь.

Все эти походы проходили по земле, но следующий был сложнее. Ни один корабль, даже "Волнорез" Мананнана, не мог проникнуть к острову Фианчуиве, лежащему в глубине моря, отделяющего Эрин от Альбы. Поэтому Брайан оставил братьев и надел свой "водный наряд, с прозрачным стеклом на голове" - очевидно, древнеирландское предвосхищение современного костюма водолаза. В таком снаряжении он четырнадцать дней исследовал дно моря, прежде чем нашел остров. Но когда он наконец достиг его и вошел в зал его королевы, она и ее морские девы были так поражены тем, что Бриан так упорно пробирался их королевству, что подарили ему кухонную вертелку и отправили обратно в целости и сохранности.

К этому времени Луг с помощью своих магических искусств узнал, что сыновья Туиренна получили все сокровища, которые он требовал в качестве кровавого штрафа. Он хотел передать их под свою охрану, прежде чем его жертвы отправятся на холм Миодхчаоина, где они издадут три крика. Поэтому он наложил на них друидическое заклятие, чтобы они забыли об остальном задании и отплыли обратно в Эрин. Они разыскали Луга, чтобы отдать ему вещи, но он уехал, оставив слово, что их передадут Нуаде, королю Туатха Де Дананн. Как

только они были переданы на хранение, Луг вернулся в Тару и нашел там сыновей Туиренн. И сказал он им:

"Разве вы не знаете, что запрещено утаивать какую-либо часть кровавого штрафа? Так неужели вы издали те три крика на холме Миодхчаоина?"

Тогда волшебный туман забвения спал с них, и они вспомнили. С горем пополам они вернулись к выполнению своего задания.

Сам Миодхчаоин^[133] следил за ними и, увидев, что они приземлились, спустился на берег. Бриан напал на него, и они сражались с быстротой двух медведей и свирепостью двух львов, пока Миодхчаоин не пал.

Тогда три сына Миодхчаоина - Корк, Конн и Аэдх - вышли отомстить за отца и вонзили свои копья в тела трех сыновей Туиренна. Но три сына Туиренна также вонзили свои копья в тела трех сыновей Миодхчаоина.

Трое сыновей Миодхчаоина были убиты, а трое сыновей Туиренна были так тяжело ранены, что птицы могли пролететь сквозь их тела с одной стороны на другую. Тем не менее Бриан все еще мог стоять на ногах, он держал двух своих братьев, по одному в каждой руке, и удерживал их на ногах, и все вместе они издали три слабых, немощных крика.

Корабль доставил их, еще живых, в Эрин. Они послали своего отца Туиренна с мольбой к Лугу, умоляя его одолжить им волшебную свиную шкуру, чтобы исцелить их раны.

Но Луг не дал, ибо рассчитывал, что они сразятся с сыновьями Миодхчаоина, чтобы отомстить за смерть своего отца Киана. Так дети Туиренна смирились и умерли, а их отец произнес над ними и над собой прощальную песнь и умер вместе с ними.

Так закончилась эта знаменитая повесть - "Судьба сыновей Туиренна", известная как одна из "Трех печальных историй Эрина".^[134]

ГЛАВА IX

ВОЙНА С ВЕЛИКАНАМИ^[135]

К этому времени семь лет подготовки подошли к концу. За неделю до дня Самайна Морригу обнаружила, что фоморы высадились в Эрине. Она тут же послала гонца сообщить об этом Дагде, который приказал своим друидам и колдунам отправиться к броду на реке Юниус в Слайго и произнести заклинания против них.

Однако народ богини Дану был еще не совсем готов к битве. Поэтому Дагда решил посетить фоморский лагерь в качестве посла и, вступив с ними в переговоры, выиграть еще немного времени. Фоморы приняли его с видимой вежливостью и, чтобы отметить его приезд, приготовили ему пир из каши, ибо было известно, как он любит такую пищу. Они налили в котел своего царя, который был глубок, как пять кулаков великана, четыреста галлонов

нового молока, с мукой и беконом в пропорции. К этому они добавили целые туши коз, овец и свиней; они сварили все вместе и вылили в яму в земле. "Теперь, - сказали они, - если вы не съедите все это, мы предадим вас смерти, потому что мы не допустим, чтобы вы вернулись к своему народу и сказали, что фоморы негостеприимны". Но им не удалось запугать Дагду. Он взял свою ложку, которая была так велика, что два человека нашего ничтожного роста могли бы удобно расположиться на ее середине, окунул ее в кашу и выловил половинки соленой свинины и четвертинки бекона.

"Если на вкус это так же хорошо, как и на запах", - сказал он, - "то это хорошая еда". Так оно и оказалось, потому что он съел все и выскреб даже то, что осталось на дне ямы. Затем он отправился спать, сопровождаемый хохотом фоморов, потому что его живот так раздулся от еды, что он едва мог ходить. Он был больше, чем самый большой котел в большом доме, и торчал, как парус на ветру.

Но маленькая шутка Фоморов над Дагдой дала Туатха Де Дананн время собрать свои силы. В канун Самайна две армии сошлись лицом к лицу. Но даже тогда фоморы не верили, что народ богини Дану окажет им серьезное сопротивление.

"Как ты думаешь, они действительно осмелятся дать нам бой?" - спросил Бресс у Индеха, сына Домну. "Если они не заплатят дань, мы переломаем им кости", - ответил тот.

Война богов и великанов, естественно, отражала военные действия гэлов, в битвах которых, как и у большинства полуварварских народов, большое место занимал одиночный бой. Главные армии стояли на месте, а между честолюбивыми бойцами каждый день происходили поединки. Но в них не участвовали великие воины ни Туатха Де Дананн, ни фоморы.

Иногда побеждал бог, иногда великан, но разница в результатах поражала фоморов. Если их собственные мечи и копья ломались, они больше не приносили никакой пользы, а если их собственные чемпионы погибали, они уже никогда не возвращались к жизни; но с народом богини Дану все было совсем иначе. Оружие, разбитое в один день, появлялось на следующий в таком же хорошем состоянии, как если бы им никогда не пользовались, а воины, убитые в один день, возвращались на следующий день невредимыми и готовыми, если понадобится, быть убитыми снова.

Фоморы решили послать кого-нибудь, чтобы выведать секрет этих вундеркиндов. Шпионом выбрали Руадана, сына Бресса и Бригит, дочери Дагды, а потому полувеликана и полубога. Он замаскировался под воина Туатха Де Дананн и отправился на поиски Гоибниу. Он нашел его в кузнице вместе с плотником Лактайне и бронзовщиком Кредне. Он увидел, как Гоибниу тремя ударами молота выковал наконечники копий, Луктине тремя ударами топора вырезал для них древка, а Кредне так ловко скрепил эти две части, что бронзовые гвозди не нужно было вбивать. Он вернулся и рассказал об этом фоморам, которые снова послали его, на этот раз попытаться убить Гоибниу.

Он снова появился в кузнице и попросил копье. Ничего не подозревая, Гоибниу дал ему копье и, как только оно оказалось у него в руке, вонзил его в тело кузнеца. Но Гоибниу вырвал его и, метнув обратно в своего обидчика, смертельно ранил его. Руадан отправился домой умирать, а его отец Бресс и мать Бригит оплакивали его, придумав для этой цели ирландское "keening". Гоибниу, напротив, не пострадал. Он отправился к лекарю Дианшту, который вместе со своей дочерью Айрмид всегда дежурил у чудодейственного колодца, называемого "источником здоровья". Всякий раз, когда кто-то из Туатха Де Дананн был убит или ранен, его

приводили к этим двум врачам, которые погружали его в чудотворную воду и возвращали к жизни и здоровью.

Однако мистический источник недолго помогал людям богини. Об этом узнал молодой фоморский вождь Октриаллах, сын Индеха. Он и несколько его спутников отправились к нему ночью, каждый из которых нес большой камень из русла реки Дроус. Они опускали их в источник, пока они не наполнили его, не рассеяли целебную воду и не образовали над ним каирн. Легенда определила это место под названием "Каирн Октриаллаха".

Этот успех заставил фоморов решиться на битву. Они выстроили свое войско в линию. Не было в нем ни одного воина, который не имел бы почтового плаща и шлема, крепкого копья, прочной кольчуги и тяжелого меча. "Сражение с фоморами в тот день, - говорит старый автор, - можно было сравнить только с одним из трех действий: биться головой о камень, или погружать ее в огонь, или совать руку в змеиное гнездо".

Все великие воины Туатха Де Дананн, кроме Луга, были вытянуты напротив них. Совет богов решил, что его разнообразные достижения делают его жизнь слишком ценной, чтобы рисковать ею в бою. Поэтому они оставили его позади, под охраной девяти воинов. Но в последний момент Луг сбежал от своих стражников и предстал на своей колеснице перед войском. Он обратился к ним с патриотической речью. "Сражайтесь храбро, - сказал он, - чтобы ваше рабство не длилось дольше; лучше встретить смерть, чем жить в вассальной зависимости и платить дань". С этими ободряющими словами он объехал ряды, встав на цыпочки, чтобы все Туатха Де Дананн могли его видеть.

Фоморы тоже увидели его и изумились. "Мне кажется удивительным, ^{-[136]} сказал Бресс своим друидам, - что сегодня солнце встает на западе, а в остальные дни - на востоке". "Для нас было бы лучше, если бы это было так", - ответили друиды. "А что же еще это может быть?" - спросил Бресс. "Это сияние лица Луга из Длинных Рук", - ответили они.

Тогда две армии с криком набросились друг на друга. Копья и копья ударялись о щиты, и так велики были крики бойцов, бряцание щитов, звон мечей, бряцание колчанов, свист дротиков и копьев, что казалось, будто повсюду гремит гром.

Они сражались так тесно, что головы, руки и ноги тех, кто был на одной стороне, касались голов, рук и ног тех, кто был на другой стороне; они пролили столько крови на землю, что стало трудно стоять на ней, не поскользнувшись; и река Унсенн была заполнена трупами, настолько тяжелой и быстрой, кровавой и жестокой была битва.

Много великих вождей пало с каждой стороны. Огма, чемпион Туатха Де Дананн, убил Индеха, сына богини Домну. А тем временем Балор из Могучих Ударов бушевал среди богов, убив их короля Нуаду из Серебряной Руки, а также Маху, одну из его воинственных жен. Наконец он встретился с Лугом. Бог солнца выкрикнул вызов своему деду на фоморийской речи. Балор услышал его и приготовился использовать свой смертоносный глаз.

"Поднимите мне веко, - сказал он своим приспешникам, - чтобы я мог увидеть этого болтуна, который говорит со мной".

Прислужники приподняли веко Балора крючком, и если бы взгляд из его глубины упал на Луга, он, несомненно, погиб бы. Но когда глаз был наполовину открыт, Луг метнул волшебный камень, который выбил глаз Балора через затылок. Глаз упал на землю позади Балора и уничтожил целую шеренгу трижды девятих фоморов, которым не повезло оказаться в пределах видимости.

Древняя поэма передала секрет этого волшебного камня. Там он называется *татлум*, что означает "бетонный шар", такой, какой древние ирландские воины иногда делали из мозгов мертвых врагов, затвердевших от извести.

"Татлум - тяжелый, огненный, твердый,
Который был у Туатха Де Дананн,
Он разбил глаз свирепого Балора,
В давние времена, в битве великих армий.

"Кровь жаб и яростных медведей,
И кровь благородного льва,
Кровь гадюк и стволов Осмуинна.
Из них состоял татлум.

"Песок быстрого Арморского моря,
И песок кипящего Красного моря.
Все они, предварительно очищенные, были использованы
для изготовления татлума.

"Бриан, сын Бетара, не самый лучший воин,
который царствовал на восточной границе океана.
Это он сплавлял и плавно формировал,
Это он создал татлум.

"Герою Лугу был дан
Этот бетонный шар, не мягкий снаряд.
В *Mag Tuireadh* пронзительных стенаний,
Из руки своей он бросил татлум".^[137]

Это ослепление ужасного Балора переломило ход битвы; ибо фоморы дрогнули, а Морригу пришел и ободрил народ богини Дану песней, начинающейся "Короли встают на битву", так что они воспрянули духом и погнали фоморов назад, в их страну под морем.

Такова была битва, которую на ирландском языке называют *Mag Tuireadh na b-Fomorach*, то есть "Равнина башен фоморов", а в народе - "Битва при Мойтуре Северном", чтобы отличить ее от другой битвы при Мойтуре, которую Туатха Де Дананн вели против Фир Болгов дальше на юге. В ней, говорится в древней рукописи, было убито больше фоморов, чем звезд на небе, песчинок на морском берегу, снежинок зимой, капель росы на лугах весной, градин во время бури, травинок, истоптанных ногами лошадей, или белых коней Мананнана сына Лера, волн на море, когда бушует буря. Башни" или столбы, которые, как говорят, обозначали могилы сражающихся, до сих пор стоят на равнине Карроумор, недалеко от Слайго, и, по мнению доктора Петри, представляют собой лучшее собрание доисторических памятников в мире, за единственным исключением Карнака в Бретани.^[138] Среди них встречаются

мегалитические сооружения почти всех видов - каменные каирны с дольменами внутри, дольмены, стоящие открыто и одиноко, дольмены, окруженные одним, двумя или тремя кругами камней, и круги без дольменов - всего более сотни. Шестьдесят четыре таких доисторических останков стоят вместе на возвышенном плато не более мили в поперечнике и делают поле битвы Мойтура, хотя и наименее известным, возможно, самым впечатляющим из всех первобытных руин. Что они на самом деле символизируют, мы никогда не узнаем, но, по всей вероятности, это место было ареной какой-то важной и решающей ранней битвы, а монументы, отмечающие могилы вождей, которые были погребены в результате битвы. В тех памятниках, которые были исследованы, были обнаружены обгоревшие дрова и полусгоревшие кости людей и лошадей, а также орудия из кремня и кости. Таким образом, действующие лица все еще находились в эпохе неолита. Были ли это одомашненные лошади, похороненные вместе со своими всадниками, или дикие, съеденные на погребальных пирах, решить сложно. История реального события, должно быть, давно утеряна даже в те ранние времена, когда на его реликвии указывали как на свидетельство битвы между богами и гигантами из гэльского мифа.

Туатха Де Дананн, следуя за разбитыми фоморами, настигли и захватили Бресса. Он умолял Луга пощадить его жизнь.

"Какой выкуп ты заплатишь за него?" - спросил Луг.

"Я гарантирую, что коровы Ирландии всегда будут в молоке", - пообещал Бресс.

Но прежде чем согласиться, Луг посоветовался со своими друидами.

"Что толку, - решили они, - если Бресс не продлит жизнь и коровам?"

Это было не в силах Бресса, поэтому он сделал другое предложение.

"Скажи своему народу, - обратился он к Лугу, - что, если он сохранит мне жизнь, у него каждый год будет хороший урожай пшеницы".

Но они сказали: "У нас уже есть весна, чтобы пахать и сеять, лето, чтобы созреть урожай, осень, чтобы жать, и зима, чтобы есть хлеб; и это все, чего мы хотим".

Луг рассказал это Брессу. Но он также сказал: "Ты получишь свою жизнь в обмен на гораздо меньшую услугу нам, чем эта".

"Какую же?" - спросил Бресс.

"Скажи нам, когда мы должны пахать, когда сеять и когда собирать урожай".

Бресс ответил: "Пахать надо во вторник, сеять - во вторник, а собирать - во вторник".

И эта лживая сентенция (гласит история) спасла Брессу жизнь.

Луг, Дагда и Огма все еще преследовали фоморов, унесших в своем бегстве арфу Дагды. Они последовали за ними в подводный дворец, где жили Бресс и Элатан, и там увидели арфу, висевшую на стене. Эта арфа Дагды не играла без разрешения своего хозяина. Дагда запел ей:

"Приди, дуб двух криков!

Приди, рука четырехкратной музыки!

Приди, лето! Приди, зима!

Голос арф, мехи^[139], и флейты!"

Ибо арфа Дагды имела эти два имени; она называлась "Дуб двух криков" и "Рука четырехкратной музыки".

Она спрыгнула со стены, убив девять фоморов, и попала в руку Дагды. Дагда сыграл фоморам три мелодии, известные всем искусным арфистам: плачущую, смеющуюся и спящую. Когда он играл плачущую мелодию, они склонялись в плаче; когда он играл смеющуюся мелодию, раскачивались от смеха; а когда он играл спящую мелодию, все они засыпали. И пока они спали, Луг, Дагда и Огма благополучно ушли.

Затем Дагда привел черногривую телку, которую он, по совету Ангуса, сына Молодого, получил от Бресса. В этом совете проявилась мудрость Ангуса, ибо именно за этой телкой привык ходить скот народа богини Дану, когда она спускалась. И вот, когда она залаяла, весь скот, который фоморы отобрали у Туатха Де Дананн, вернулся обратно.

Однако власть фоморов не была полностью сломлена. Четверо из них все еще вели бесполезную войну, портя кукурузу, фрукты и молоко своих завоевателей. Но Морригу и Бадб, Мидер и Ангус преследовали их и навсегда изгнали из Ирландии.^[140]

Наконец, Морригу и Бадб поднялись на вершины всех высоких гор Ирландии и провозгласили победу. Все низшие боги, не участвовавшие в битве, собрались вокруг и услышали эту новость. И Бадб спел песню, которая начиналась так:

"Мир возносится к небесам,

Небеса спускаются на землю,

Земля лежит под небесами,

Все сильны...",

но остальное было утеряно и забыто.

Затем она добавила пророчество, в котором предсказала приближение конца божественного века и начало нового, в котором лето будет без цветов, коровы без молока, женщины бесстыдными, а мужчины бессильными, в котором деревья будут без плодов, а моря без рыбы, когда старики будут выносить ложные суждения, а законодатели принимать несправедливые законы, когда воины будут предавать друг друга, а мужчины станут ворами, и в мире больше не останется добродетели.

ГЛАВА X

ПОКОРЕНИЕ БОГОВ СМЕРТНЫМИ

Что имела в виду Бадб, произнося это пророчество, мы не знаем. Но оно оказалось правдой. Наступали сумерки ирландских богов. Новая раса пришла через море, чтобы поспорить за

право владения Ирландией с народом богини Дану. И эти новые люди были не божествами, как они сами, а людьми, как мы, предки гэлов.

Эта история о покорении богов смертными, которая кажется нам такой странной, - типично кельтская. Гэльская мифология - единственная, сохранившая ее в деталях; но, похоже, эта доктрина в свое время была общей для всех кельтов. Однако богам это было не так обидно, как могло бы быть в противном случае, ведь люди имели такое же божественное происхождение, как и они сами. Догма кельтов гласила, что люди произошли от бога смерти и впервые пришли из Страны мертвых, чтобы завладеть нынешним миром.^[141] Цезарь в своем слишком кратком рассказе о галлах говорит, что они считали себя произошедшими от Дис Патера, бога подземного мира.^[142] В гэльской мифологии Дис Патера звали Биле, имя, в корне которого лежит слог *bel*, означающий "умирать". Бог Бели в британской мифологии, несомненно, был тем же человеком, а та же идея выражена тем же корнем в имени Балора, ужасного Фомора, чей взгляд был смертью.^[143]

Послехристианские ирландские летописцы, стремясь примирить христианские учения с все еще живой языческой мифологией, меняя богов на древних королей и включая их в летописи страны с соответствующими датами, также избавились от подлинного раннего учения, заменив Испанию на Аид и дав весьма причудливый рассказ о происхождении и странствиях своих предков. Если использовать уместный в этой связи гибернизм, то первым ирландцем был скиф по имени Фений Фарса. Лишенный собственного трона, он поселился в Египте, где его сын Ниул женился на дочери правящего фараона. Ее звали Скота, и у нее был сын Гойдель, правнука которого звали Эбер Скот. Вся эта генеалогия, вероятно, была придумана, чтобы объяснить происхождение трех имен, которыми называли себя гэлы - Финн, Скот и Гойдель. Фениус со своей семьей и кланом был изгнан из Египта за отказ присоединиться к гонениям на сынов Израиля и сорок два года прожил в Африке. Их скитания привели их к "жертвенникам филистимлян, у озера Осиер "; затем, пройдя между Русикадой и холмистой Сирией, они прошли через Мавританию до Геркулесовых столпов, после чего высадились в Испании, где прожили много лет, значительно увеличившись и размножившись. Тот же самый маршрут описывает британский историк XII века Джеффри Монмутский как маршрут, пройденный Брутом и троянцами, когда они пришли колонизировать Британию.^[144] Его единственная связь с какими-либо фактами заключается в том, что он довольно хорошо соответствует тому, что, по мнению этнологов, должно было быть линией миграции на запад, проложенной не арийскими кельтами, а доарийскими иберами, что весьма любопытно.

Нам достаточно найти первых людей в Испании, помня, что "Испания" означала кельтский Аид, или Элизиум. В этой стране Брегон, отец двух сыновей, Биле и Ита, построил сторожевую башню, с которой однажды зимним вечером Ит увидел вдали за морями землю, которую раньше не замечал. "Именно зимними вечерами, когда воздух чист, зрение человека проникает дальше всего", - отмечается в старом трактате, называемом "Книга вторжений",^[145] серьезно объясняющем тот факт, что Ит увидел Ирландию из Испании.

Желая осмотреть ее поближе, он отплыл с тремя тридцатью воинами и без всяких происшествий высадился в устье реки Скене.^[146] Страна показалась ему необитаемой, и он отправился со своими людьми на север. Наконец он достиг Айлиха, недалеко от нынешнего города Лондондерри.

Здесь он нашел трех правящих королей народа богини Дану - Мак Куилла, Мак Кехта и Мак Грейне, сыновей Огмы и внуков Дагды. Они сменили Нуаду Серебрянорукого, убитого в битве с фоморами, и собрались, похоронив своего предшественника в могиле под названием Грианан Айлих, которая до сих пор стоит у основания полуострова Инишоуэн, между Лаф

Свилли и Лаф Фойл, чтобы разделить его королевство между собой. Не сумев прийти к какому-либо устраивающему всех разделу, они обратились к новоприбывшему с просьбой о третейском суде.

Совет Ита был скорее моральным, чем практическим. "Поступайте по законам справедливости" - вот все, что он сказал претендентам; а затем он имел неосторожность разразиться восторженными похвалами в адрес Ирландии за ее умеренный климат и богатство фруктами, медом, пшеницей и рыбой. Такие слова чужеземца показались Туатха Де Дананн желанием отнять у них страну. Они сговорились и вероломно убили Ита в месте, которое с тех пор называют "Равниной Ита". Однако они пощадили его последователей, которые вернулись в "Испанию", забрав с собой тело своего мертвого вождя. Возмущение там было велико, и Миле, сын Биле и племянник Ита, решил отправиться в Ирландию и отомстить.

Поэтому Миле отплыл вместе со своими восемью сыновьями и их женами. Его сопровождали тридцать шесть вождей, каждый со своей дружиной воинов. С помощью волшебных искусств своего друида, Амергина из Прекрасного Колена, они обнаружили точное место, где до них высадился Ит, и высадились там на берег. Только двое не смогли добраться до него живыми. Жена Амергина умерла во время плавания, а Аранон, сын Миле, приблизившись к земле, забрался на верхушку мачты, чтобы лучше видеть, и, сорвавшись, утонул. Остальные благополучно сошли на берег первого мая.

Первым на берег высадился Амергин. Опустив правую ногу на ирландскую землю, он разразился поэмой, сохранившейся как в Книге Лекана, так и в Книге Баллимота.^[147] Это хороший пример пантеистической философии кельтских рас, и очень близкая параллель к ней содержится в ранней валлийской поэме, которая называется "Битва деревьев" и приписывается знаменитому барду Талиесину.^[148] "Я - ветер, что дует на море, - пел Амергин, - я - океанская волна, я - рокот прибоя, я - семь батальонов, я - сильный бык, я - орел на скале, я - луч солнца; Я - прекраснейшая из трав; Я - отважный вепрь; Я - лосось в воде; Я - озеро на равнине; Я - хитрый художник; Я - гигантский, владеющий мечом чемпион; Я могу менять форму, как бог. В каком направлении мы пойдем? Проведем ли мы совет в долине или на вершине горы? Где мы сделаем наш дом? Какая земля лучше, чем этот остров заходящего солнца? Где мы сможем спокойно и безопасно ходить туда и обратно? Кто может найти для вас чистые источники воды, как не я? Кто, кроме меня, может сказать вам возраст луны? Кто, кроме меня, может позвать рыб из морских глубин? Кто может заставить их приблизиться к берегу, как не Я? Кто может изменить форму холмов и вершин, как не я? Я бард, к которому моряки обращаются за пророчеством. Копья будут пущены в ход, чтобы отомстить за наши обиды. Я пророчу победу. Я заканчиваю свою песню, пророка все остальные хорошие вещи".^[149]

Валлийский бард Талиесин поет в том же духе, что и друид Амергин, о своем единстве со всей природой, а значит, и о своей власти над ней, живой и неживой. "Я был во многих обличьях, - говорит он, - прежде чем обрел созвучную форму. Я был узким лезвием меча; я был каплей в воздухе; я был сияющей звездой; я был словом в книге; я был книгой в начале; я был светом в фонаре полтора года; я был мостом для перехода через три десятка рек; Я путешествовал как орел; Я был лодкой на море; Я был начальником в битве; Я был мечом в руке; Я был щитом в бою; Я был струной арфы; Я был очарован в течение года в пене воды. Нет ничего, в чем бы я не побывал". Странно видеть, как гэлы и бритты объединяются, чтобы почти в одних и тех же словах озвучить эту доктрину мистических кельтов, которые, еще находясь в состоянии полуварварства, видели, вместе с некоторыми из величайших древних

и современных философов, Единое во Многих и единую Сущность во всех многообразных формах жизни.

Милезийцы (так, вслед за ирландскими летописцами, будет удобно называть первых гэльских поселенцев в Ирландии) начали свой поход на Тару, которая была столицей Туатха Де Дананн, как в прежние времена была главной крепостью Фир Болгов, а в более поздние дни станет местом обитания верховных королей Ирландии. На пути им встретилась богиня по имени Банба, жена Мак Куилла. Она приветствовала Амергина. "Если ты пришел завоевать Ирландию, - сказала она, - то твое дело несправедливое". "Конечно, мы пришли завоевать ее", - ответил Амергин, не снисходя до рассуждений об абстрактной морали. "Тогда позвольте мне хотя бы одну вещь", - попросила она. "Что именно?" - ответил Амергин. "Чтобы этот остров назывался моим именем". "Так и будет", - ответила Амергин.

Чуть дальше они встретили вторую богиню, Фотлу, жену Мак Кехта, которая обратилась к ним с той же просьбой и получила тот же ответ от Амергина.

И наконец, в Уиснехе, центре Ирландии, они встретили третью из королей - Эриу, жену Мак Грейне. "Добро пожаловать, воины", - воскликнула она. "Отныне этот остров будет принадлежать вам, пришедшим издалека, и от заходящего до восходящего солнца нет земли лучше. И род ваш будет самым совершенным из всех, что когда-либо видел мир". "Это справедливые слова и хорошее пророчество", - сказал Амергин. "Это будет не благодаря тебе", - вмешался Донн, старший сын Миле. "Какого бы успеха мы ни добились, мы будем обязаны своей собственной силе". "То, что я пророчу, не касается вас, - ответила богиня, - и ни вы, ни ваши потомки не доживут до того, чтобы насладиться этим островом". Затем, обратившись к Амергину, она тоже попросила, чтобы Ирландия называлась в ее честь. "Это будет ее главное имя", - пообещал Амергин.

Так и случилось. Из трех древних названий Ирландии - Банба, Фотла и Эриу - последнее, в родительном падеже "Эринн", сохранилось до наших дней.

Захватчики пришли в Тару, которая тогда называлась Драмкейн, то есть "Прекрасный холм". Их встретили Мак Куилл, Мак Кехт и Мак Грейне со всем сонмом гэльских богов. Как обычно, они провели переговоры. Люди богини Дану жаловались, что их застали врасплох, а милезийцы признали, что вторгаться в страну, не предупредив ее жителей, не совсем соответствует рыцарским обычаям ведения войны. Туатха Де Дананн предложили захватчикам покинуть остров на три дня, в течение которых они сами решат, сражаться ли им за свое королевство или сдать его; но милезийцев это не устроило, ибо они знали, что, как только они покинут остров, Туатха Де Дананн выступят против них с друидическими чарами, так что они не смогут сделать новую высадку. В конце концов Мак Куилл, Мак Кехт и Мак Грейне предложили передать дело на рассмотрение Амергина, собственного законоучителя милезийцев, с оговоркой, что если он вынесет явно неполное решение, то его ждет смерть от их рук. Донн спросил друида, готов ли он взять на себя эту весьма деликатную обязанность. Амергин ответил, что да, и тут же произнес первый приговор, вынесенный милезийцами в Ирландии.

"Люди, которых мы нашли живущими в этой земле, принадлежат им по праву.

Поэтому ваш долг - отправиться в море за девять зеленых волн;

И если вам удастся высадиться, несмотря на них,

Вы должны вступить с ними в бой, и я присуждаю вам землю, в которой вы нашли их живущими.

Я присуждаю вам землю, в которой вы нашли их живущими, по праву битвы.

Но хотя вы можете желать землю, которой владеют эти люди, все же ваша обязанность - проявить к ним справедливость.

Я запрещаю вам несправедливость по отношению к тем, кого вы нашли в этой земле, как бы вы ни желали ее получить ^[(150)].

Это решение было признано справедливым обеими сторонами. Милезийцы удалились на свои корабли и ждали на расстоянии девяти волн от суши, пока не был дан сигнал к атаке, а Туатха Де Дананн, расположившись на берегу, были готовы противостоять им с помощью своих друидических заклинаний.

Сигнал был дан, и милезийцы взялись за весла. Но едва они отчалили, как обнаружили, что с берега на них дует сильный ветер, так что они не могут продвинуться вперед. Сначала они подумали, что это естественный бриз, но Донн учуял в нем магию. Он послал человека забраться на мачту своего корабля и посмотреть, дует ли ветер на той высоте так же сильно, как на уровне моря. Тот вернулся и сообщил, что "наверху" воздух совершенно неподвижен. Очевидно, это был друидический ветер. Но Амергин быстро справился с ним. Возвысив голос, он призвал саму Ирландскую землю, силу более высокую, чем боги, которых она приютила.

"Я взываю к земле Эриу!

Сияющее, сияющее море!

Плодородный, плодородный холм!

Лесные долины!

Реку, изобилующую, изобилующую водой!

Рыбное, рыбное озеро!"

Так звучит оригинальное заклинание, одна из тех магических формул, сила которых древние, да и дикие расы до сих пор считают заключенной не в их смысле, а в точной освященной формулировке. Для нас она звучит бессмыслицей, как, несомненно, и для тех, кто облек старые ирландские мифические традиции в литературную форму; ведь в более поздней версии она расширена и объяснена следующим образом: ^[(151)] -.

"Я умоляю, чтобы мы вернули себе землю Эрин,

Мы, пришедшие через высокие волны,

Эту землю, чьи горы велики и обширны,

Чьи ручьи чисты и многочисленны,

Чьи леса изобилуют различными плодами,

Ее реки и водопады велики и прекрасны,

Озера ее широки и пространны,

Фонтаны на возвышенностях!

Да обретем мы власть и господство над его племенами!

Пусть в Таре правят наши собственные короли!

Пусть Тара станет царской резиденцией наших последующих королей!

Пусть милезийцы станут завоевателями ее народа!

Пусть наши корабли бросают якорь в ее гаванях!

Пусть они торгуют вдоль побережья Эрина!

Пусть Эремон станет его первым правящим монархом!

Пусть потомки Ира и Эбера станут могущественными королями!

Я умоляю, чтобы мы вернули себе землю Эрин,

Я умоляю!"

Заклинание оказалось действенным. Земля Ирландии оказалась благосклонной, и друидический ветер утих.

Но успех не был столь легким, как они надеялись. Мананнан, сын моря и повелитель мысов, набросил на них свою волшебную мантию и поднял новую бурю над глубиной. Галеры милезийцев беспомощно покачивались на волнах; многие из них затонули вместе с экипажами. Среди погибших был и Донн, исполнив пророчество Эриу; погибли и трое других сыновей Миле. В конце концов, разбитый остаток, после долгого блуждания по берегам, пристал к берегу в устье реки Бойн. Они высадились на берег, и Амергин с берега воззвал к помощи моря, как уже воззвал к помощи земли.

"Море полно рыбы!

Плодородная земля!

Рыба кишит!

Рыба там!

Птица под волнами!

Большая рыба!

Нора краба!

Рыба кишит!

Море полно рыбы!"

что, будучи истолковано, как и предыдущее очарование, по-видимому, означало:

"Пусть морские рыбы косяками приплывают на сушу для нашего употребления!

Пусть морские волны гонят к берегу изобилие рыбы!

Пусть лосось в изобилии заплывает в наши сети!

Пусть все виды рыб приходят к нам из моря в изобилии!

Пусть и плоские рыбы приплывут к нам в изобилии!

Эту поэму я слагаю на берегу моря, чтобы рыбы косяками приплывали к нашему берегу".

Затем, собрав свои силы, они выступили в поход на народ богини Дану.

Состоялось два сражения: первое - в Гленн-Файси, долине гор Слив-Миш, к югу от Трали, и второе - в Таилтиу, ныне называемом Теллтауном. В обоих случаях боги были побеждены. Три их короля были убиты тремя оставшимися в живых сыновьями Миле - Мак Куилл - Эбером, Мак Кехт - Эремоном, а Мак Грейне - друидом Амергином. Побежденные и удрученные, они сдались и, уйдя под землю, оставили поверхность земли своим завоевателям.

С этого дня начинается история Ирландии, согласно летописцам. Старший сын Миле, Донн, погиб, и королевство по праву перешло ко второму, Эремону. Но Эбер, третий сын, поддерживаемый своими сторонниками, настоял на разделе, и Ирландия была разделена на две равные части. Однако через год между братьями вспыхнула война; Эбер был убит в бою, и Эремон принял единоличное правление.

ГЛАВА XI

БОГИ В ИЗГНАНИИ

Но хотя смертные победили богов в масштабах, не имеющих аналогов в мифологии, они отнюдь не покорили их полностью. Побежденные в битвах, люди богини Дану все же не утратили своих божественных качеств и могли использовать их как для помощи, так и для вреда. "Велика была власть Дагда, - говорится в трактате, сохранившемся в Лейнстерской книге, - над сыновьями Миле даже после завоевания Ирландии; его подданные уничтожали их кукурузу и молоко, так что те вынуждены были заключить с Дагдой мирный договор. Только после этого, благодаря его доброй воле, они смогли собирать урожай кукурузы и пить молоко своих коров"^[152] Основой этого утраченного договора, по-видимому, было то, что Туатха Де Дананн, хотя и изгнанные с земли, должны были получать почести и подношения от своих преемников. В стихе *dinnsenchus* из Маг Слехта нам говорится, что...

"С тех пор как правил

Эремона, благородного человека,

Было поклонение камням

До прихода доброго Патрика из Маха".^[153]

Лишившись верхней земли, боги, однако, были вынуждены искать себе новое пристанище. Был созван совет, но его члены разделились на два мнения. Одна часть из них предпочла стряхнуть пыль Ирландии со своих лишенных наследства ног и искать убежища в раю за морем, расположенном на каком-то неизвестном и, за исключением благосклонных смертных, непознаваемом острове на западе, аналоге в гэльском мифе Британии

... "остров-долина Авилиона;

Где не падает ни град, ни дождь, ни снег,

И ветер не дует громко; но лежит он

Глубоко заросший лугами, счастливый, с лужайками фруктовых садов.

And bowery hollows crown'd with summer sea"^[154]

-земля вечных удовольствий и пиров, описываемая по-разному как "Земля обещаний" (*Tír-Таирнгире*), "Равнина счастья" (*Маг-Мелл*), "Земля живых" (*Tír-нам-бео*), "Земля молодых" (*Tír-нан-ог*) и "Остров Бреасала" (*Хай-Бреасаил*). Кельтская мифология полна красот и чудес этой мистической страны, и традиции, связанные с ней, никогда не угасали. Хай-Бреасаил снова и снова обозначался на старых картах как реальность;^[155] некоторые первопроходцы в испанских морях думали, что открыли его, и назвали найденную землю "Бразилией"; и до сих пор любители старинных преданий говорят, что терпеливому наблюдателю, долго вглядывавшемуся на запад с самых западных берегов Ирландии или Шотландии, иногда может посчастливиться увидеть на фоне заката его...

"летние острова Эдема, лежащие в темно-лиловых сферах моря".

Главным из этих божественных эмигрантов был Мананнан, сын Лера. Но, хотя он и бросил свой жребий за морями, он не переставал посещать Ирландию. Старый ирландский король Бран, сын Фебала, встретил его, согласно поэме седьмого века, когда Бран направлялся в земной рай, а Мананнан - из него. Бран был в своей лодке, а Мананнан ехал на колеснице по вершинам волн, и он пел:^[156]

"Бран считает дивной красотой

В своем корабле по чистому морю:

А мне в моей колеснице издалика

Это цветочная равнина, по которой он едет".

"Что такое чистое море

Для проворного ялика, в котором Бран,

Что счастливая равнина с обилием цветов.

Для меня из колесницы двух колес.

"Бран видит

Количество волн, бьющихся о чистое море:

Я сам вижу в Маг Мон"^[157]

Красноголовые цветы без изъяна.

"Морские кони сверкают летом.

Насколько Бран простер свой взгляд:

Реки льют потоки меда

В земле Мананнана, сына Лера.

"Блеск моря, на котором ты находишься,
Белый оттенок моря, по которому ты плывешь,
Желтый и лазурный цвета расстилаются вокруг,
Это земля, и она не грубая.

"Пестрый лосось выпрыгивает из чрева
Из белого моря, на которое ты смотришь:
Они - телята, они - цветные ягнята.
С дружелюбием, без взаимной резни.

"Хоть и виден лишь один всадник на колеснице
В Маг-Мелл^[158] из многих цветов,
На ее поверхности много коней,
Хотя их ты не видишь.

* * * * *

"Вдоль вершины леса проплыл
Корабль твой через хребты,
Есть лес с прекрасными плодами
Под носом твоего ялика.
"Лес с цветами и плодами,
На котором виноградная лоза благоухает;
Дерево без гнили, без изъяна,
На котором листья золотого оттенка".

И после этого необычайно поэтичного изложения философской и мистической доктрины о том, что все вещи, несмотря на их различные формы, по сути своей одинаковы, он переходит к описанию Браном красот и удовольствий кельтского Элизиума.

Но были и другие - действительно, большая часть богов, - которые отказались от изгнания. Для них нужно было найти место жительства, и Дагда, их новый король, назначил каждому из тех, кто остался в Ирландии, *свой сидх*. Эти *sídhe* представляли собой курганы или холмы, каждый из которых был дверью в подземное царство неисчерпаемого великолепия и наслаждения, согласно несколько примитивным представлениям кельтов. Описание одной из них, которую Дагда оставил себе, а его сын Ангус обманул его, послужит справедливым примером для всех. Яблони там всегда были в плодах, один поросенок был жив, другой готов к жарке, а запас эля никогда не подводил. В Ирландии до сих пор можно посетить *сидхе* многих богов, ведь места известны, а традиции не угасли. Леру было даровано *сидхе Фионнахайдх*,^[159] известное сейчас как "Холм Белого поля", на вершине Слив Фуад, близ Ньютауна Гамильтона, в графстве Армаг. Бодб Дерг получил *сидх*, названный его собственным именем, *Сидх Бодб*^[160], к югу от Портумны, в Голуэе. Мидер получил *сидх Бри*

Лейт, который теперь называется Слив Голри, недалеко от Ардага, в графстве Лонгфорд. *Сидх* Огмы назывался *Эйркелтрай*; Лугу был передан *Родрубан*; сын Мананнана, Илбхрич, получил *сидх* *Эас Аедха Руаидх*^[161], ныне курган Муллахши, близ Баллишаннона, в Донегаде; Фионнбхарр^[162] владел *Сидх* *Мидха*, ныне "Нокма", примерно в пяти милях к западу от Туама, где он, как нынешний король фей, по преданию, живет и по сей день; кроме того, записаны места обитания других богов меньшей славы. Для себя Дагда оставил две, обе у реки Бойн в Мите, лучшая из них - знаменитая Бруг-на-Бойне. Ни один из членов Туатха Де Дананн не остался необеспеченным, кроме одного.

Именно с этого времени гэльские боги получили то название, под которым крестьяне знают их и по сей день - *Sídhe*, "Люди холмов", или, короче, *Sídhe*. Каждый бог или фея - это *Fer-Sídhe*^[163], "Человек с холма"; а каждая богиня - *Bean-Sídhe*, "Женщина с холма", *банши* из народных легенд.^[164]

Самые известные из таких сказочных холмов находятся примерно в пяти милях от Дрогеды.^[165] Они по-прежнему связаны с именами Туатха Де Дананн, хотя теперь их называют не местами их обитания, а их гробницами. На северном берегу Бойна находятся семнадцать курганов, три из которых - Ноут, Даут и Нью-Грейндж - отличаются большими размерами. Последний из названных, самый большой и лучше всего сохранившийся, имеет более 300 футов в диаметре и 70 футов в высоту, а его вершина образует платформу 120 футов в поперечнике. Он был исследован, и в нем были найдены римские монеты, золотые торки, медные булавки, железные кольца и ножи; но что еще он мог когда-то содержать, мы никогда не узнаем, потому что, как и Ноут и Даут, он был основательно разграблен датскими разрушителями в девятом веке. В него ведет квадратный дверной проем, края которого искусно украшены своеобразным спиральным узором. Этот вход ведет в каменный проход длиной более 60 футов, который постепенно расширяется и поднимается, пока не открывается в камеру с коническим куполом высотой 20 футов. С каждой стороны этой центральной камеры есть углубление, в котором находится неглубокий овальный каменный бассейн. Огромные плиты, из которых построено все сооружение, украшены как с внешней, так и с внутренней стороны тем же спиральным узором, что и дверной проем.

Происхождение этих удивительных доисторических памятников неизвестно, но их принято относить к расе, населявшей Ирландию до кельтов. Глядя на чудесный Нью-Грейндж, вполне можно повторить слова старого ирландского поэта Мак Ниа из "Книги Баллимота":

"Созерцайте *Сидх* перед вашими глазами,

Ясно вам, что это царский особняк,

Который был построен твердым Дагдой,

Это было чудо, двор, восхитительный холм".^[166]

Однако имя Дагды теперь ассоциируется не с Нью-Грейнджем, и даже не с Ноутом или Даутом. Это меньший курган, расположенный ближе к Бойну, который известен как "Гробница Дагды". Ее никогда не открывали, и доктор Джеймс Фергюссон, автор книги "*Грубые каменные памятники*", который считает, что Туатха Де Дананн были реальным народом, полагает, что "кости и доспехи великого Дагды все еще можно найти в его почтенной могиле".^[167] Другие кельтские ученые, возможно, не столь оптимистичны, хотя в стихах одиннадцатого века утверждается, что Туатха Де Дананн использовали бруги для погребения. Именно в этот период мифология Ирландии переплеталась с поддельной историей. В поэме, которая называется "Хроники гробниц", не только упоминаются

"Памятник Дагды" и "Памятник Морригу", но и указываются места последнего упокоения Огмы, Этайн, Каирпре, Луга, Боанна и Ангуса.

Однако в настоящее время мы должны рассматривать Ангуса в гораздо менее гробовом свете. В истории, о которой пойдет речь, он действительно очень живой. Сын молодых" отсутствовал, когда происходила раздача *сидхе*. Когда он вернулся, то пришел к своему отцу, Дагде, и потребовал один. Дагда указал ему на то, что все они были розданы. Ангус запротестовал, но что можно было сделать? Честным путем, очевидно, ничего, а вот хитростью - многое. Хитрый Ангус, похоже, смирился с судьбой и лишь умолял отца разрешить ему остаться в *сидхе* Бруг-на-Бойн (Новый Гранж) на день и ночь. Дагда согласился, несомненно, поздравляя себя с тем, что так легко вышел из затруднительного положения. Но когда он пришел к Ангусу, чтобы напомнить ему, что время вышло, Ангус отказался идти. По его словам, ему были дарованы день и ночь, а именно из дней и ночей складывается время и вечность, поэтому срок его пребывания в *сидхе* не ограничен. Современному уму эта логика кажется не слишком убедительной, но Дагда, как говорят, был ею удовлетворен. Он оставил лучший из двух своих дворцов своему сыну, который мирно завладел им. Так он получил второе имя - *Сидх* или *Бруг* "Сына Молодого".^[168]

После этого Дагда не играет активной роли в истории народа богини Дану. Далее мы слышим о совете богов по избранию нового правителя. На вакантный трон претендовали пять кандидатов - Бодб Рыжий, Мидер, Илбхрич^[169] сын Мананнана, Лер и сам Ангус, хотя последний, как нам говорят, не имел особого желания править, поскольку предпочитал свободную жизнь королевским достоинствам. Туатха Де Дананн посовещались, и в результате выбор пал на Бодба Рыжего по трем причинам: во-первых, ради него самого; во-вторых, ради его отца, Дагды; и в-третьих, потому что он был старшим сыном Дагды. Остальные соперники одобрили этот выбор, за исключением двух. Мидер отказался дать Бодб-Дергу заложников, как это было принято, и бежал со своими сторонниками в "пустынную страну вокруг горы Лейнстер", в графстве Карлоу, а Лер в великом гневе удалился в Сид Фионнахайдх, отказавшись признать нового короля или повиноваться ему.

Почему Лер и Мидер так близко к сердцу приняли этот вопрос, понять трудно, разве что потому, что оба они были одними из старейших богов. Равнодушие Ангуса объяснить легче. Он был гэльским Эросом и в полной мере соответствовал своему характеру. В это время объектом его любви была дева, которая однажды ночью посетила его во сне, но исчезла, когда он протянул руки, чтобы обнять ее. Весь следующий день, как нам рассказывают, Ангус не принимал никакой пищи. На следующую ночь бесплотная дама снова явилась, играла и пела ему. На следующий день он также постился. Так продолжалось в течение года, пока Ангус тосковал и растрачивал себя на любовь. Наконец лекари Туатха Де Дананн догадались о его болезни и рассказали, чем она может обернуться для него. Ангус попросил послать за своей матерью Боанн и, когда она пришла, рассказал ей о своей беде и попросил о помощи. Она отправилась к Дагде и умоляла его, если он не хочет, чтобы его сын умер от безответной любви - болезни, которую не могут излечить все лекарства Дианшета и магия Гоибниу, - найти Деву-мечту. Дагда ничего не мог сделать сам, но он послал к Бодбу Красному, а тот, в свою очередь, послал нового короля богов к меньшим божествам Ирландии, приказав всем им искать ее. Целый год ее не могли найти, но, наконец, безутешный влюбленный получил послание, в котором его просили прийти и посмотреть, сможет ли он узнать даму своей мечты. Ангус пришел и сразу узнал ее, хотя ее окружали триста пятьдесят сопровождающих нимф. Ее звали Каэр, и она была дочерью Эталя Амбуэля, у которого был *сидх* в Уамане, в Коннауте. Бодб Рыжий требовал ее в жены Ангусу, но ее отец заявил, что не имеет над ней власти. По его словам, она была лебединой девой, и каждый год, как только кончалось лето,

она отправлялась со своими спутниками на озеро под названием "Пасть дракона", и там все они становились лебедями. Но, не желая откладывать дело в долгий ящик, Ангус терпеливо дождался дня волшебного превращения, а затем отправился на берег озера. Там, в окружении трехсот пятидесяти лебедей, он увидел Каэр, которая сама была лебедем, превосходящим всех остальных красотой и белизной. Он воззвал к ней, объявив о своей страсти и своем имени, и она пообещала стать его невестой, если он тоже станет лебедем. Он согласился, и она одним словом превратила его в лебедя, и так они полетели бок о бок к *сиду* Ангуса, где вернули себе человеческий облик и, без сомнения, прожили счастливо столько, сколько можно было ожидать от таких переменчивых бессмертных, как языческие божества.^[170]

Тем временем народ богини Дану был справедливо разгневан на Лера и Мидера. Бодб Рыжий вел ежегодную войну с Мидером в своем *сидхе*, и многие представители божественного рода были убиты с обеих сторон. Но против Лера новый царь богов отказался выступить, ибо между ними существовала большая привязанность. Много раз Бодб Дерг пытался вернуть дружбу Лера подарками и комплиментами, но долгое время безуспешно.

Наконец жена Лера умерла, к великому горю морского бога. Узнав об этом, Бодб Рыжий послал к Леру гонца, предлагая ему одну из своих приемных дочерей, Аебх^[171], Эйфе^[172], и Аилбхе^[173], детей Айлиолла из Аррана. Лер, тронутый этим, пришел навестить Бодба Рыжего в его *сидхе* и выбрал Эбх себе в жены. "Она старшая, значит, должна быть самой благородной из них", - сказал он. Они поженились, устроили большой пир, и Лер увез ее с собой в Сид Фионнахейд.

Эбх родила Леру четверых детей. Старшей была дочь по имени Фиола, вторым был сын Аэд, двое других - мальчики-близнецы Фиахра и Конн, но при их рождении Аэбх умерла.

Тогда Бодб Рыжий предложил Леру еще одного из своих приемных детей, и тот выбрал второго, Эйфе. Каждый год Лер, Эйфе и четверо детей отправлялись к Мананнану на "Пир возраста", который устраивался в каждом из *сидов* по очереди. Четверо детей выросли и стали большими любимцами среди людей богини Дану.

Но Эйфе была бездетна, и она стала ревновать Лера к его детям, ибо боялась, что он будет любить их больше, чем ее. Она размышляла об этом, пока не начала сначала надеяться, а потом и замышлять их смерть. Она пыталась уговорить своих слуг убить их, но они не согласились. Тогда она отвела четверых детей к озеру Дарвра (сейчас оно называется Лаф Дерраварг в Западном Мите) и отправила их купаться в воду. Затем она произнесла над ними заклинание, коснулась каждого по очереди друидическим жезлом и превратила их в лебедей.

Но хотя у нее было достаточно магии, чтобы изменить их форму, ей не хватило силы, чтобы лишить их человеческой речи и разума. Фиола отвернулась и пригрозила ей гневом Лера и Бодба Рыжего, когда они узнают об этом. Однако она ожесточила свое сердце и отказалась исправить содеянное. Дети Лера, сочтя свое положение безнадежным, спросили ее, как долго она намерена держать их в таком состоянии.

"Вам было бы легче на душе, - ответила она, - если бы вы не задавали этот вопрос; но я скажу вам. Триста лет вы проведете здесь, на озере Дарвра, и триста лет на Море Мойла^[174], что между Эрином и Альбой, и еще триста лет в Иррос Домнанне^[175] и на острове Глора в Эррисе^[176]. И все же у вас будет два утешения в ваших бедах: вы сохраните свой человеческий разум и не будете горевать, зная, что превратились в лебедей, и сможете петь самые нежные и сладкие песни, которые когда-либо звучали в мире."

Тогда Эйфе ушла и оставила их. Она вернулась к Леру и рассказала ему, что дети случайно упали в озеро Дарвра и утонули.

Но Лер не был уверен, что она говорит правду, и поспешил к озеру, чтобы посмотреть, не найдет ли он их следов. Он увидел у берега четырех лебедей и услышал, что они разговаривают друг с другом человеческими голосами. Когда он приблизился, они вышли из воды навстречу ему. Они рассказали ему о том, что сделала Эйфе, и умоляли вернуть им их облик. Но магия Лера была не так сильна, как у его жены, и он не смог.

Не смог и Бодб Рыжий, к которому Лер обратился за помощью, - ведь он был царем богов. То, что сделала Эйфе, нельзя было исправить. Но ее можно наказать за это! Бодб приказал своей приемной дочери предстать перед ним и, когда она пришла, взял с нее клятву, что она скажет ему, "какую форму из всех других, на земле или над землей, или под землей, она больше всего ненавидит и в какую больше всего боится превратиться". Эйфе пришлось ответить, что больше всего она боится стать демоном воздуха. Тогда Бодб Рыжий ударил ее своим жезлом, и она убежала от них, пронзительно крича.

Все Туатха Де Дананн отправились к озеру Дарвра, чтобы навестить четырех лебедей. Милезийцы слышали об этом и тоже отправились, ибо только спустя долгое время после этого боги и смертные перестали общаться. Это посещение стало ежегодным праздником. Но по истечении трехсот лет дети Лера были вынуждены покинуть озеро Дарвра и отправиться к морю Мойла, чтобы исполнить второй срок своего изгнания.

Они попрощались с богами и людьми и отправились в путь. И, опасаясь, как бы их кто-нибудь не обидел, милезийцы установили в Ирландии закон, что никто не должен причинять вреда лебедям, с тех пор и навсегда.

Дети Лера много страдали от бури и холода на бурном Море Мойла, и им было очень одиноко. Лишь однажды за эти долгие триста лет они увидели кого-нибудь из своих друзей. Посольство Туатха Де Дананн, возглавляемое двумя сыновьями Бодба Рыжего, прибыло на их поиски и рассказало им обо всем, что произошло в Эрине за время их изгнания.

Наконец долгое покаяние подошло к концу, и они отправились в Иррос Домнанн и Иннис Глору на свой третий этап. А пока они изнурительно тянули время, в Ирландию пришел святой Патрик и навсегда покончил с властью богов. Они были запрещены и изгнаны, когда дети Лêр обрели свободу и вернулись в свой старый дом. Сид Фионнехайдх был пуст и заброшен, ибо Лер был убит Каоилте, двоюродным братом Финна мак Кула.^[177]

И вот, после долгих, тщетных поисков своих потерянных родственников, они потеряли надежду и вернулись на остров Глора. Там у них был друг, Одинокый Журавль из Иннискеа^[178], который живет на этом острове с начала мира и будет сидеть там в судный день. Они больше никого не видели, пока однажды на остров не пришел человек. Он сказал им, что он - святой Каемхок^[179], и что он слышал их историю. Он привел их в свою церковь, проповедовал им новую веру, и они уверовали в Христа и согласились креститься. Это разрушило языческие чары, и, как только их окропили святой водой, они вернули себе человеческий облик. Но они были очень старыми и скрюченными - трое пожилых мужчин и одна древняя женщина. После этого они прожили недолго, и святой Каэмхок, крестивший их, похоронил их всех вместе в одной могиле.^[180]

Но, рассказывая эту историю, мы перепрыгнули через девятьсот лет - огромный промежуток в истории даже богов. Мы должны вернуться если не совсем к временам Эремона и Эбера, сыновей Миле и первых королей Ирландии, то, во всяком случае, к началу христианской эры.

В это время Эохайд Эйрем был верховным королем Ирландии и правил в Таре; при нем, как вассальные монархи, Конхобар мак Несса управлял чемпионами Красной ветви Ольстера; Курой, сын Дайра^[181], был королем Мунстера; Месгегра - королем Лейнстера; а Айллел со своей знаменитой королевой Медб управлял Коннаутом.

Незадолго до этого бог Ангус, сын Молодого, похитил Этейн, жену Мидера. Он заточил ее в стеклянной беседке, которую повсюду носил с собой, никогда не позволяя ей покидать ее, опасаясь, что Мидер вернет ее. Однако гэльский Плут узнал, где она находится, и уже строил планы по ее спасению, когда соперница Этайн сама выманила Ангуса из приятной темницы и освободила его пленницу. Но вместо того, чтобы вернуть ее Мидеру, она превратила незадачливую богиню в муху и подбросила в воздух, где она в великом убожестве металась по воздуху по милости каждого ветра.

По истечении семи лет порыв ветра занес ее на крышу дома Этаира, одного из вассалов Конхобара, который справлял пир. Несчастную муху, которая была Этайн, снесло по дымоходу в комнату внизу, и она упала, обессиленная, в золотой кубок, полный пива, который как раз собиралась выпить жена хозяина дома. И женщина выпила Этайн вместе с пивом.

Но, конечно, это был не конец ее жизни - ведь боги не могут умереть, - а лишь начало новой жизни. Этайн возродилась как дочь жены Этаира, никто не знал, что она не из смертного рода. Она выросла и стала самой красивой женщиной в Ирландии.

Когда ей исполнилось двадцать лет, слава о ней дошла до верховного короля, который послал гонцов посмотреть, так ли она прекрасна, как рассказывали люди. Они увидели ее и вернулись к королю, полные похвал. Тогда Эохайд сам отправился навестить ее. Он выбрал ее своей королевой и дал ей великолепное приданое.

Только тогда Мидер услышал о ней. Он пришел к ней в облике юноши, красиво одетый, и рассказал, кто она на самом деле и как была его женой среди людей богини Дану. Он умолял ее покинуть короля и отправиться с ним на его *сидх* в Бри Лейт. Но Этайн с презрением отказалась.

"Неужели ты думаешь, - сказала она, - что я откажусь от верховного короля Ирландии ради человека, чье имя и родство мне неизвестны, разве что из его собственных уст?"

Бог удалился, озадаченный на время. Но однажды, когда король Эохайд сидел в своем зале, к нему вошел незнакомец. Он был одет в пурпурную тунику, волосы его были как золото, а глаза сияли как свечи.

Король приветствовал его.

"Кто ты?" - спросил он, - "ибо я не знаю тебя".

"Но я давно знаю тебя", - ответил незнакомец.

"Тогда как твое имя?"

"Не очень известное. Я - Мидер из Брай-Лейта".

"Зачем ты пришел сюда?"

"Чтобы вызвать вас на партию в шахматы".

"Я хорошо играю в шахматы", - ответил король, который считался лучшим в Ирландии.

"Думаю, я смогу вас обыграть", - ответил Мидер.

"Но шахматная доска находится в комнате королевы, а она спит", - возразил Эохайд.

"Это неважно", - ответил Мидер. "Я принес с собой доску, которая ничем не хуже твоей".

Он показал ее королю, и тот признал, что хвастовство было правдой. Шахматная доска была сделана из серебра с драгоценными камнями, а фигуры - из золота.

"Играй!" - сказал Мидер королю.

"Я никогда не играю без пари", - ответил Эохайд.

"Какова будет ставка?" - спросил Мидер.

"Мне все равно", - ответил Эохайд.

"Хорошо!" - ответил Мидер. "Пусть проигравший заплатит все, что потребует победитель".

"Это пари, подобающее королю", - сказал Эохайд.

Они сыграли, и Мидер проиграл. Ставка, которую потребовал от него Эохайд, заключалась в том, что Мидер и его подданные должны проложить дорогу через Ирландию. Эохайд наблюдал за строительством дороги и заметил, что последователи Мидера привязывают своих волов не за рога, как это делали гэлы, а за плечи, что было лучше. Он перенял эту практику и получил прозвище Айрем, то есть "пахарь".

Через год Мидер вернулся и снова бросил вызов королю, причем условия были те же, что и раньше. Эохайд с радостью согласился, но на этот раз он проиграл.

"Я мог бы победить тебя и раньше, если бы захотел, - сказал Мидер, - а теперь я требую Этейн, твою королеву".

Изумленный король, который от стыда не мог отказаться от своего слова, попросил отсрочки на год. Мидер согласился вернуться в тот же день в год и потребовать Этейн. Эохайд посоветовался со своими воинами, и они решили караулить весь день, назначенный Мидером, и не позволять никому входить и выходить из королевского дворца до захода солнца. Ибо Эохайд считал, что если король фей не сможет заполучить Этайн в этот день, то его обещание больше не будет обязательным для него.

И вот, когда настал день, они заперли дверь и стали ее охранять, но вдруг увидели среди них в зале Мидера. Он встал рядом с Этайн и спел ей эту песню, рассказывая об удовольствиях дома богов под заколдованными холмами.

"О прекрасная госпожа! Пойдешь ли ты со мной

В чудесную страну мою,

Где волосы людей золотистого оттенка,

А их тела - цвета девственного снега?

"Там не знают ни горя, ни забот;

Белы их зубы, черны их ресницы;

Радуют глаз наши хозяева,

На каждой щеке - лисья гвоздика.

"Багряны цветы всех медов,

Изящно крапчатые, как яйцо черного дрозда;

Хотя прекрасны равнины Инисфайла^[182].

По сравнению с нашими великими равнинами они - всего лишь руины.

"Хоть пьянит вас эль Инисфайла,

Еще пьянее эль великой страны;

Единственная земля, которую можно прославить, - это земля, о которой я говорю,

Где никто не умирает от дряхлости.

"Мягкие сладкие ручьи пересекают землю;

Самые лучшие медовухи и вина;

Прекрасные люди без всякого изъяна;

Любовь без греха, без зла.

"Мы видим людей со всех сторон,

Но никто нас не видит;

Это облако Адамова проступка

Что мешает им нас увидеть".

"О госпожа, если ты придешь в мой храбрый край,

Золотые волосы будут на твоей голове;

Свежая свинина, пиво, новое молоко и эль,

Ты там со мной будешь иметь, о прекрасная дама!"^[183]

Тогда Мидер приветствовал Эохайда и сказал ему, что он пришел забрать Этайн, согласно королевскому договору. И пока король и его воины беспомощно смотрели на происходящее, он обхватил рукой согласную женщину, и они оба исчезли. Это разрушило чары, нависшие над всеми в зале; они бросились к двери, но увидели лишь двух улетающих лебедей.

Однако король не хотел уступать богу. Он послал во все концы Ирландии за вестями об Этайн, но все его гонцы вернулись, так и не найдя ее. Наконец друид по имени Далан с помощью огамов, вырезанных на тисовых палочках, узнал, что она спрятана под Мидером в Бри Лейт. Тогда Эохайд отправился туда с войском и начал копать вглубь обители богов, порталом в которую служил "холм фей". Мидер, напуганный не меньше греческого бога Аида, когда показалось, что земля разверзнется,^[184] и его владения предстанут перед взором, послал к Эохайду пятьдесят фей-девиц, каждая из которых имела облик Этайн. Но король довольствовался только настоящей Этайн, так что Мидер, чтобы спасти свой *сидх*, вынужден был в конце концов отдать ее. И жила она после этого с королем Ирландии до самой смерти обоих.

Но Мидер так и не простил оскорбления. Он ждал три поколения, пока у Эохайда и Этайн не появился потомок мужского пола. Ибо не было у них сына, а была только дочь, которую звали Этайн, как и ее мать, и у этой второй Этайн была дочь по имени Мессбуахалло, у которой родился сын Конайре, прозванный "Великим". Мидер и боги сплели паутину судьбы вокруг Конайре, так что он и все его люди умерли насильственной смертью.^[185]

ГЛАВА XII

ИРЛАНДСКАЯ ИЛЛИАДА

С Эбера и Эремона, сыновей Миле и покорителей богов, начинается новый ряд персонажей гэльской традиции - ранних "милезийских" королей Ирландии. Хотя монахи-летописцы пытались найти историю в передаваемых о них легендах, они все же почти такие же мифические, как Туатха Де Дананн. Первым из них, кто имеет наименьшее представление о реальности, является Тигернмас, который, согласно записям, царствовал через сто лет после прихода милезийцев. Похоже, он был тем, кого иногда называют "королем культуры", имевшим такое же отношение к Ирландии, какое Тесей имел к Афинам или Минос к Криту. Во время его правления из-под земли вырвались девять новых озер и три новые реки, чтобы дать свои воды Эрину. При нем впервые выплавляли золото, впервые изготовили украшения из золота и серебра, впервые покрасили одежду. Говорят, что он загадочно погиб^[186] с тремя четвертями мужчин Эрина во время поклонения Кромму Круайху на поле Маг Слехт. В нем мистер Натт, без сомнения, справедливо видит великого мифического короля, который почти во всех национальных историях закрывает строго мифологическую эпоху и открывает новую эру менее явно божественных, но едва ли менее апокрифических персонажей.^[187]

Однако, несмотря на поклонение Туатха Де Дананн, учрежденное Эремоном, мы видим, что ранние короли и герои Ирландии очень хорошо знакомы со своими богами. Эохайд Эйрем, верховный король Ирландии, считался вполне подходящим женихом для богини Этейн и оказался далеко не безуспешным соперником Мидера, гэльского Плутона.^[188] А любовные или военные приключения столь же весело переносились среди жителей *сидов* современниками Эохайда - Конхобаром сыном Нессы, королем Ольстера, Куроем сыном Дайра, королем Мунстера, Месегрой, королем Лейнстера, и Айлеллом и Медбom^[189], королем и королевой Коннаута.

Все эти фигуры второго гэльского цикла (о героях Ольстера, и особенно об их великом чемпионе Кухулайнне) жили, согласно ирландской традиции, примерно в начале христианской эры. Конхобар, действительно, по преданию, умер в приступе ярости, услышав о смерти Христа.^[190]

Но это очень прозрачная монашеская интерполяция в оригинальную историю. Совсем другой точки зрения придерживается большинство современных ученых, которые во всех легендарных персонажах кельтских героических циклов видят богов, а не людей. Однако в этом вопросе можно вполне обоснованно встать на чью-либо сторону. Были ли король Конхобар и его ульстонские чемпионы, Финн и его фенийцы, Артур и его рыцари живыми людьми, вокруг которых собрались атрибуты богов, или же это были древние божества, переименованные и лишённые части своей божественности, чтобы сделать их более похожими на своих человеческих поклонников? История или мифология? Возможно,

смешение того и другого. Cuchulainn^[191], возможно, было именем реального гэльского воина, как бы подозрительно он ни походил сейчас на бога солнца, который, по преданию, был его отцом. Король Конхобар, возможно, был реальным вождем племени ирландских кельтов до того, как стал воплощением гэльского бога неба. Та же проблема встает перед нами при работе с героическими легендами Греции и Рима. Были ли Ахилл, Агамемнон, Одиссей, Парис, Эней богами, полубогами или людьми? Давайте назовем их всех одинаково - будь то греческие или троянские герои, чемпионы Красной ветви, последователи гэльского Финна или британского Артура - полубогами. Но даже в этом случае они стоят определенно отдельно от более древних богов, которые были больше, чем они.

Нам нет смысла называть их полубогами, ибо они были потомками богов.^[192] Кухулайнн, величайший герой Ольстерского цикла, был таковым вдвойне; ведь по материнской линии он был внуком Дагды, а Луг из Длинной Руки, как говорят, был его отцом. Его мать, Дехтире, дочь Маги, дочери Ангуса "Сына Молодого", была сводной сестрой короля Конхобара, а все остальные главные герои имели не менее высокое происхождение. Неудивительно, что в древних манускриптах^[193] они описываются как земные боги и богини.

"Земными" они, возможно, и были по форме, но их деяния были сверхчеловеческими. Действительно, по сравнению с более скромными подвигами героев "Илиады", это были подвиги гигантов. Там, где греческие воины убивали десятки, эти ульстонцы отправляли в бой сотни. После таких подвигов они возвращались домой настолько разгоряченными, что их холодные ванны закипали. Когда они садились за стол, то пожирали целых волов и пили медовуху из чанов. Одним ударом своего любимого меча они обезглавливали холмы ради развлечения. Сами боги вряд ли делали больше, и легко понять, что в те давние времена не только сыновья богов могли смотреть на дочерей людей и находить их прекрасными, но и бессмертные женщины не должны были быть слишком гордыми, чтобы заключать мимолетные союзы со смертными мужчинами.

Некоторые из более древних божеств, по-видимому, уже ушли из памяти во время составления Ольстерского цикла. Во всяком случае, в нем они не появляются. Мертвый Нуада покоится в *гриане* Айлиха; Огма смиренно лежит в *сидхе* Эйркейтрай; а Дагда, отодвинутый на задний план своим сыном Ангусом, почти не вмешивается в дела Эрина.^[194] Но Морригу не менее охотно побуждает к войне человеческих или полубожественных героев, чем она, когда воскрешала слабых духом людей богини Дану в битве при Мойтуре. Боги, которые чаще всего появляются в цикле "Красная ветвь Ольстера", - это те же самые боги, которые живут на протяжении всего времени с наиболее стойкой жизненной силой. Луг Длиннорукий, Ангус из Бруга, Мидер, Бодб Рыжий и Мананнан сын Лера - вот главные божества, которые движутся на заднем плане сцены, где главные роли теперь играют смертные. Но чтобы компенсировать потерю некоторых из великих божественных фигур, ряды богов пополняются снизу. Всевозможные низшие божества претендуют на принадлежность к племени богини Дану. Гоблины, спрайты и демоны воздуха, которые с воплями носятся вокруг битв, в совокупности называются Туатха Де Дананн.^[195]

Что касается фоморов, то они утратили свои отличительные имена, хотя их по-прежнему признают обитателями глубин, которые иногда совершают набеги на побережье и сражаются с героями, над которыми Конхобар властвовал в Эмайн Маха.

Эта резиденция его правительства, традиционное местоположение которой до сих пор отмечено обширным доисторическим укреплением под названием Наван Форт^[196], недалеко от Армага, была центром Ольстера, простиравшегося на юг до Бойна, и вокруг ее правителя собралась такая плеяда воинов, какой Ирландия не видела прежде и не увидит больше. Они

называли себя "чемпионами Красной ветви"; среди них не было ни одного героя, но всех их затмевала одна великолепная фигура - Кухуленн, чье имя означает "Гончая Куланна". Мистер Альфред Натт называет его "ирландским Ахиллом"^[197], а профессор Рис скорее видит в нем Геракла гэлов.^[198] Как и Ахилл, он был избранным героем своего народа, непобедимым в бою, но "сразу же обреченным на раннюю смерть и горести, не подвластные человеку", а его жизнь, как и жизнь Геракла, была чередой чудесных подвигов и трудов. Это не имеет большого значения, ведь жизнь всех подобных мифических героев должна быть в какой-то степени похожа.

Если Ахилл и Геракл были, как считают некоторые, олицетворениями солнца, то Кухулайнн - не менее. Большинство его атрибутов, как они записаны в старых историях, очевидно, являются солнечными символами. В целом он казался маленьким и незначительным, но, когда он в полную силу, никто не мог смотреть ему в лицо, не моргая, а жар его конституции растапливал снег на тридцать футов вокруг него. Он становился красным и шипел, когда погружал свое тело в морскую ванну. Страшным было его преображение, когда его сильно угнетали враги, как солнце в тумане, буре или затмении. В такие моменты "среди облаков над его головой были видны ядовитые ливни и искры румяного огня, которые кипящий гнев поднимал над ним. Его волосы спутались на голове, как ветви красного тернового куста, набитые в крепко огороженную щель..... Выше, толще, жестче, длиннее мачты большого корабля была перпендикулярная струя сумрачной крови, которая из самой центральной точки его головы выстрелила вверх и затем разлетелась по четырем кардинальным точкам; таким образом образовался волшебный туман, напоминающий дымчатую пелену, которая окутывает царственное жилище, когда король в сумерках зимнего дня приближается к нему."^[199]

Столь чудесное существо^[200], разумеется, имело чудесное происхождение. Его мать, Дехтире, собиралась выйти замуж за вождя Ольстера по имени Суалтам и сидела на свадебном пиру, когда в ее кубок с вином залетела майская муха и была невольно проглочена ею. В тот же день она погрузилась в глубокий сон, и во сне ей явился бог солнца Луг и сказал, что это он, которого она проглотила и носит в себе. Он приказал ей и пятидесяти сопровождающим ее девам немедленно отправиться с ним, и надел на них обличья птиц, чтобы их не заметили. Больше о них ничего не было слышно. Но однажды, спустя несколько месяцев, перед Эмайн Мача появилась стая прекрасных птиц, и его воины выехали на своих колесницах, чтобы поохотиться на них.

Они следовали за птицами до самой ночи, а потом оказались в Бруге на Бойне, где жили великие боги. Оглядываясь по сторонам в поисках укрытия, они вдруг увидели великолепный дворец. Из него вышел высокий красивый мужчина в богатой одежде, приветствовал их и провел внутрь. В зале находились прекрасная женщина с благородным лицом и пятьдесят служанок, а на столах - богатейшие яства и вина, и все, что подобает воинам. Так они провели ночь, и ночью услышали крик новорожденного ребенка. Наутро мужчина рассказал им, кто он такой, и что женщина - сводная сестра Конхобара Дехтире, и велел им взять ребенка и воспитать его среди воинов Ольстера. И они вернули его вместе с матерью и девицами, а Дехтире вышла замуж за Суалтама, и все вожди, чемпионы, друиды, поэты и законоучители Ольстера наперебой принялись воспитывать таинственного младенца.

Сначала его называли Сетанта; так он и сменил свое имя. Еще в детстве он был самым сильным из мальчиков Эмайн Мача и чемпионом в их спорте. Однажды он играл в херли один против всех остальных и победил их, когда мимо проезжал король Конхобар со своими вельможами, направляясь на пир, который давал Куланн, главный кузнец ультонцев. Конхобар подозревал мальчика, приглашая его пойти с ними, и тот ответил, что, когда игра

будет закончена, он пойдет за ним. Как только чемпионы Ольстера оказались в зале Куланна, кузнец попросил у короля разрешения отвязать свою страшную сторожевую собаку, сильную и свирепую, как сотня гончих; и Конхобар, забыв, что мальчик должен был следовать за ними, дал свое разрешение. Как только гончая увидела приближающегося Сетанту, она бросилась на него с открытым ртом. Но мальчик запустил ей в пасть свой игровой мяч, а затем, схватив ее за задние лапы, бил о камень, пока не убил.

Кузнец Куланн был очень разгневан смертью своего пса, ведь в мире не было другой такой гончей, которая могла бы охранять дом и стада. И Сетанта пообещал найти и обучить другую, не менее хорошую, для Куланна, и, пока она не будет обучена, охранять дом кузнеца, как если бы он сам был собакой. Вот почему его прозвали Кухулайнн, то есть "Гончая Куланна"; а друид Катбад пророчествовал, что придет время, когда это имя будет у всех на устах.

Вскоре после этого Кухулайнн услышал, как Катбад давал друидические наставления, и один из его учеников спросил его, для чего этот день будет благоприятным. Катбад ответил, что если кто-либо из юношей первым возьмет в руки оружие в этот день, то имя его будет больше, чем у любого другого героя, но жизнь его будет короткой. Тогда юноша отправился к царю Конхобару и потребовал оружие и колесницу. Конхобар спросил его, кто вбил ему в голову такую мысль, и тот ответил, что это друид Катбад. Тогда Конхобар дал ему оружие и доспехи и отправил с возницей. Вечером Кухулайнн привез головы трех чемпионов, которые убили многих воинов Ольстера. Тогда ему было всего семь лет.

После этого женщины Ольстера так полюбили Кухулайнна, что воины стали ревновать и настаивать на том, чтобы ему нашли жену. Но Кухулайну было очень трудно угодить. Он хотел только одну, Эмер^[201], дочь Форгалла Хитрого, лучшую деву в Ирландии по шести дарам - дару красоты, дару голоса, дару сладкой речи, дару рукоделия, дару мудрости и дару целомудрия. И он отправился свататься к ней, но она посмеялась над ним, приняв за мальчишку. Тогда Кухулайнн поклялся богами своего народа, что прославит свое имя везде, где говорят о подвигах героев, и Эмер пообещала выйти за него замуж, если он уведет ее из воинственного рода.

Когда Форгалл, ее отец, узнал об этом обручении, он придумал план, как положить ему конец. Он отправился в гости к королю Конхобару в Эмайн Мача. Там он сделал вид, что впервые услышал о Кухулайне и увидел, как тот совершает все свои подвиги. Он сказал, достаточно громко, чтобы все его слышали, что если столь многообещающий юноша отважится отправиться на остров Скатах Амазонок, что на востоке Альбы,^[202] и научиться всему ее воинскому ремеслу, то ни один живой человек не сможет перед ним устоять. Добраться до острова Скатах было трудно, а вернуться оттуда еще труднее, и Форгалл был уверен, что, если Кухулайнн отправится туда, его там ждет смерть.

Конечно, теперь ничто не могло удовлетворить Кухулайнна, кроме как отправиться в путь. Два его друга, Лаэгайр Победоносный и Коналл Победоносный, сказали, что пойдут с ним. Но, не успев далеко уйти, они пали духом и повернули назад. Кухулайнн пошел дальше один, пересекая Равнину Неудачи, где ноги людей быстро застревали, а острые травы вырастали и резали их, и через Гибельные поляны, полные пожирающих диких зверей, пока не пришел к Мосту Утеса, который поднимался на конце и становился прямым, как мачта корабля, как только кто-нибудь ступал на него. Трижды пытался Кухуленн перейти его, и трижды ему это не удавалось. Тогда в его сердце вспыхнул гнев, вокруг головы засиял волшебный нимб, и он совершил свой знаменитый подвиг - "прыжок героя-лососа", одним прыжком приземлился на середину моста, а затем соскользнул с него, когда тот поднялся на дыбы.

Скатах была в дуне с двумя своими сыновьями. Кухулайнн подошел к ней, приставил свой меч к ее груди и пригрозил убить ее, если она не научит его всему своему мастерству владения оружием. Тогда он стал ее учеником, и она научила его всему своему военному искусству. Взамен Кухулайнн помог ей в борьбе с соперницей - королевой амазонок по имени Аоифе^[203]. Он покори́л Аоифе и заставил ее заключить мир со Скатахом.

Затем он вернулся в Ирландию и отправился на косой колеснице во дворец Форгалла. Он перепрыгнул через тройные стены и убил всех, кто к нему приблизился. Форгалл встретил свою смерть, пытаясь спастись от гнева Кухулинна. Он нашел Эмер, посадил ее в свою колесницу и уехал; и каждый раз, когда воины Форгалла приближались к ним, он поворачивал, убивал сотню, а остальных обращал в бегство. Он благополучно добрался до Эмайн Мача, и там они с Эмер поженились.

И так велика была после этого слава о доблести Кухулайнна и красоте Эмер, что мужчины и женщины Ольстера отдавали им первенство - ему среди воинов, а ей среди женщин - на всех пирах и пиршествах в Эмайн Махе.

Но все, что совершил Кухулайнн до этого времени, было ничто по сравнению с теми подвигами, которые он совершил в великой войне, которую вся остальная Ирландия во главе с Эйлилом и Медб, королем и королевой Коннаута, предприняла в Ольстере, чтобы заполучить Коричневого Быка Куальгна.^[204] Этот Бык был одним из двух, фейского происхождения. Изначально они были свинопасами двух богов - Бодба, короля сидов Мунстера, и Охалла Охна, короля сидов Коннаута. Будучи свинопасами, они вечно соперничали; затем, чтобы лучше переносить свои ссоры, они превратились в двух воронов и сражались в течение года; затем они превратились в водяных чудовищ, которые год рвали друг друга в Суире и год в Шенноне; затем они снова стали людьми и сражались как чемпионы; и закончили тем, что превратились в угрей. Один из этих угрей попал в реку Круинд, в Куалгне^[205], в Ольстере, где его проглотила корова, принадлежавшая Дайре из Куалгне, а другой - в источник Уаран Гарад, в Коннауте, где он перешел в брюхо королевы Медб. Так родились два знаменитых зверя - Бурый Бык из Ольстера и Белорогий Бык из Коннаута.

Белорогий же был настолько горд, что не желал принадлежать женщине, и ушел из стада Медб в стадо ее мужа Эйлилла. И когда однажды Эйлилл и Медб в праздности подсчитывали свои владения, чтобы сравнить их друг с другом, хотя они были равны во всем остальном: в драгоценностях, одежде и домашней утвари, в овцах и лошадях, свиньях и крупном рогатом скоте, у Медб не было ни одного быка, который был бы достоин быть поставлен рядом с белорогим Эйлилла. Не желая ни в чем уступать своему мужу, гордая королева послала глашатаев с подарками и комплиментами к Дайре, прося его одолжить ей на год Бурого Быка. Дайре с радостью согласился бы, если бы один из посланцев Медба не услышал, как он хвастался в своем кубке, что если бы Дайре не одолжил Бурого быка по своей воле, то Медб бы его забрал. Об этом доложили Дайре, которая тут же поклялась, что никогда не получит его. Вернулся гонец Медба, и королева Коннавта, разгневанная его отказом, поклялась, что возьмет его силой.

Она собрала войска всей остальной Ирландии, чтобы выступить против Ольстера, и назначила Фергуса, сына Роя, чемпиона Ольстера, поссорившегося с королем Конхобаром, его предводителем. Они рассчитывали на легкую победу, так как воины Ольстера в то время находились под магической слабостью, которая обрушивалась на них в течение многих дней в году в результате проклятия, наложенного на них задолго до этого богиней, которую оскорбил один из предков Конхобара. Медб призвала пророчицу из своего народа, чтобы та

предсказала победу. "Как ты видишь наших хозяев?" - спросила королева провидицу. "Я вижу на них багровый цвет, я вижу красный цвет", - ответила она. "Но воины Ольстера лежат в болезни. Как же ты видишь наших людей?" "Я вижу их всех пунцовыми; я вижу их всех красными", - повторила она. А затем добавила, обращаясь к изумленной королеве, которая ожидала совсем другого предсказания: "Ибо я вижу маленького человека, совершающего подвиги, хотя на его гладкой коже много ран; свет героя сияет вокруг его головы, и на челе его - победа; он богато одет, молод, красив и скромен, но в бою он - дракон. Внешность его и доблесть - как у Кухулайнна из Муиртемна; кто этот "гончий Куланна" из Муиртемна, я не знаю; но знаю, что все наше войско покраснеет от него. Он отправляется на битву; он изрешетят ваши войска; резню, которую он устроит, будут долго помнить; много женщин будет плакать над телами, растерзанными гончей Кузницы, которую я вижу сейчас перед собой."^[206] Ведь Кухулайнн по какой-то неизвестной нам причине был единственным человеком в Ольстере, не подверженным магической слабости, и поэтому ему пришлось в одиночку защищать Ольстер от всей армии Медба.

Несмотря на обиду, нанесенную ему королем Конхобаром, Фергус сохранил любовь к своей стране. У него не хватило духу выступить в поход на ульстонцев, не отправив предварительно тайно гонца с предупреждением. Так что, хотя все остальные чемпионы Красной ветви были беспомощны, Кухулайнн наблюдал за походами, когда пришло войско.

Теперь начинается рассказ об *аристее* гэльского героя. Это, как и положено в эпосах, запись серии одиночных сражений, в каждом из которых Кухулайнн убивает своего противника. Человек за человеком выходят против него, и ни один не отступает. В перерывах между поединками Кухулайнн изводит армию своей пращей, убивая по сто человек в день. Он убивает домашнюю собаку, птицу и белку Медб и наводит такой ужас, что никто не осмеливается выйти из лагеря. Самой Медб удалось спастись, но одна из ее служанок, надевшая золотой головной убор своей госпожи, была убита камнем, брошенным из пращи Кухулайнна.

Великая королева решает своими глазами увидеть этого чудесного героя, который держит на мушке всех ее воинов. Она посылает к нему посланника с просьбой прийти и поговорить с ней. Кухуленн соглашается, и при встрече Медб поражается его мальчишескому виду. Ей трудно поверить, что именно этот безбородый семнадцатилетний юноша убивает ее чемпионов, а вся армия словно тает на глазах. Она предлагает ему свою дружбу, большие почести и владения в Коннахте, если он оставит Конхобара. Он отказывается, но она предлагает снова и снова. Наконец Кухулайнн возмущенно заявляет, что следующий человек, который придет с подобным посланием, сделает это на свой страх и риск. Однако одну сделку он все же заключит. Он готов каждый день сражаться с одним из мужчин Ирландии, и пока длится поединок, основная армия может идти дальше; но как только Кухулайнн убьет своего человека, она должна остановиться до следующего дня. Медб соглашается на это, считая, что лучше потерять одного человека в день, чем сто.

Такое же предложение Медб делает каждому знаменитому воину, чтобы побудить его выступить против Кухулайнна. Наградой за голову чемпиона будет рука ее дочери, Финдабайр^[207]. Несмотря на это, ни один из претендентов на принцессу не может выстоять перед Кухулайнном. Все погибают, а Финдабайр, узнав, что ее каждый день обещают новому жениху, умирает от стыда. Но пока Кухулайнн ведет эти бои, Медб посылает людей, которые рыщут по Ольстеру в поисках бурого быка, находят его и вместе с пятьюдесятью телками загоняют в свой лагерь.

Тем временем Ас Сидхе, клан богов-фей, наблюдает за полубожественным, полусмертным героем, поражаясь его успехам. Его подвиги разжигают любовь в свирепом сердце Морригу, великой богини войны. Кухуленн пробуждается ото сна от страшного крика, доносящегося с севера. Он приказывает своему погонщику Лаэгу привязать лошадей к колеснице, чтобы узнать, кто поднял этот крик. Они отправляются в ту сторону, откуда доносился звук, и встречают женщину в колеснице, запряженной рыжим конем. У нее красные брови, красное платье, длинный красный плащ, и она несет большое серое копье. Он спрашивает ее, кто она, и она говорит ему, что она дочь короля и что она полюбила его, услышав о его подвигах. Кухуленн говорит, что ему есть о чем думать, кроме любви. Она отвечает, что помогала ему в битвах и будет помогать; Кухулайнн же отвечает, что не нуждается в женской помощи. "Тогда, - говорит она, - если ты не хочешь получить мою любовь и помощь, то получишь мою ненависть и вражду. Когда ты будешь сражаться с таким же хорошим воином, как ты, я буду приходить к тебе в разных обличьях и мешать тебе, чтобы у него было преимущество". Кухулайнн выхватывает меч, но видит лишь ворона в капюшоне, сидящего на ветке. Из этого он узнает, что красная женщина в колеснице была великой королевой богов.

На следующий день воин по имени Лох вышел навстречу Кухулайнну. Сначала он отказался сражаться с безбородым, и тогда Кухулайнн намазал его подбородок ежевичным соком, так что стало казаться, что у него есть борода. Пока Кухулайнн сражался с Лохом, Морригу трижды выходил против него: сначала в виде телки, которая пыталась сбить его с ног, затем в виде угря, который попался ему под ноги, когда он стоял в проточной воде, а затем в виде волка, который схватил его за правую руку. Но Кухулайнн сломал ногу телице, растоптал угря и выколол один глаз волку, хотя каждый из этих трех раз Лох ранил его. В конце концов Кухулайнн сразил Лоха своим непобедимым копьем, *gae bolg*^[208], сделанным из костей морского чудовища. Морригу вернулась к Кухулайнну, переодетая старухой, чтобы он залечил ее раны, ибо никто не мог вылечить их, кроме того, кто их сделал. После этого она стала его другом и помогала ему.

Но бои были так непрерывны, что Кухулайнн не мог спать, разве что время от времени, когда он мог немного отдохнуть, положив голову на руку, руку на копье, а копье на колено. И тогда отец его, Луг Длиннорукий, сжалился над ним и явился к нему в облике высокого красивого мужчины в зеленом плаще и шелковой рубаше с золотым шитьем, с черным щитом и пятиконечным копьем. Он погрузил его в сон на три дня и три ночи и, пока тот отдыхал, прикладывал друидические травы ко всем его ранам, так что в конце концов он снова встал полностью исцеленным и таким же сильным, как в самом начале войны. Пока он спал, мальчишеская дружина Эмайн Мача, старые товарищи Кухулайнна, пришла и сражалась вместо него, и убила втрое больше их самих, но все они были убиты.

В это время Медб попросил Фергуса пойти и сразиться с Кухулайнном. Фергус ответил, что никогда не станет сражаться против своего приемного сына. Медб просил его снова и снова, и наконец он пошел, но без своего знаменитого меча. "Фергус, мой опекун, - сказал Кухулайнн, - тебе небезопасно выходить против меня без своего меча". "Если бы у меня был меч", - ответил Фергус, - "я бы не стал использовать его против тебя". Тогда Фергус попросил Кухулайнна ради всего, что тот сделал для него в детстве, притвориться, что сражается с ним, а потом уступить ему и убежать. Кухулайнн ответил, что очень не любит, когда его видят бегущим от кого-либо. Но Фергус пообещал Кухулайнну, что если Кухулайнн убежит от Фергуса тогда, то Фергус убежит от Кухулайнна в будущем, когда Кухулайнн того пожелает. Кухулайнн согласился на это, ибо знал, что это будет на пользу Ольстеру. Они немного поборолись, а затем Кухулайнн повернулся и бежал на виду у всего войска Медба. Фергус вернулся назад, и Медб не могла больше упрекать его.

Но она бросилась на поиски другого способа победить Кухулайнна. Было решено, что против него будут посылать только по одному человеку в день. Но теперь Медб послала волшебника Калатина с его двадцатью семью сыновьями и внуком - все сразу, ибо, по ее словам, "на самом деле они - одно целое, ибо все они - из тела Калатина". Они не пропустили ни одного броска своими отравленными копьями, и каждый, в кого они попадали, умирал либо на месте, либо в течение недели. Когда Фергус узнал об этом, он был очень огорчен и послал человека по имени Фиаха, изгнанника, как и он сам, из Ольстера, чтобы тот понаблюдал за боем и доложил, как все прошло. Фиаха не собирался вступать в бой, но когда он увидел, как на Кухулайнна нападают сразу двадцать девять человек и одолевают его, он не смог сдержаться. Тогда он выхватил меч и помог Кухулайнну, и они вместе убили Калатина и всю его семью.

В качестве последнего средства Медб послал за Фердиадом, великим чемпионом иберийских "людей Домну", которые вместе с Медбом участвовали в войне за Бурого Быка. Фердиад был соратником и учеником Кухулайнна вместе со Скатхахом, и он не хотел сражаться с ним. Но Медб сказала ему, что, если он откажется, ее сатирики так высмеют его, что он умрет от стыда, а его имя станет позором навеки. Она также предложила ему большие награды и почести и связала себя шестью поручительствами за выполнение своих обещаний. Наконец, нехотя, он отправился в путь.

Кухулайнн увидел его и вышел поприветствовать, но Фердиад сказал, что он пришел не как друг, а чтобы сражаться. Кухулайнн был младшим и слугой Фердиада на острове Скатах, и он умолял его, вспоминая те старые времена, вернуться назад; но Фердиад сказал, что не может. Они сражались весь день, и к закату ни один из них не добился никакого преимущества. Тогда они поцеловали друг друга, и каждый отправился в свой лагерь. Фердиад послал половину своей еды и питья Кухулайнну, а Кухулайнн - половину своих целебных трав и лекарств Фердиаду, и их кони были поставлены в одну конюшню, а их возницы спали у одного костра. Так было и на второй день. Но в конце третьего дня они расстались мрачно, зная, что завтра один из них должен пасть; и в ту ночь их кони не были поставлены в одно стойло, а возницы не спали у одного костра. На четвертый день Кухулайнну удалось убить Фердиада, бросив в него снизу *gae bolg*. Но когда он увидел, что тот умирает, ярость боя прошла, и он поднял своего старого товарища на руки и перенес его через реку, на берегу которой они сражались, чтобы он в своей смерти был с людьми Ольстера, а не с людьми Ирландии. И плакал он над ним, и сказал: "Все это было игрой и спортом, пока не пришел Фердиад; о, Фердиад! твоя смерть будет вечно висеть надо мной, как туча. Вчера он был больше, чем гора, а сегодня он меньше, чем тень".

К этому времени Кухулайнн был так покрыт ранами, что одежда не могла касаться его кожи, но ему приходилось придерживать ее палочками орешника, а промежутки между ними заполнять травой. Не было на нем места размером с игольное острие, на котором не было бы раны, кроме левой руки, которая держала щит.

Но Суалтам, предполагаемый отец Кухулайнна, узнал, в каком тяжелом положении находится его сын. "Слышу ли я, как разрываются небеса, или убегает море, или разверзается земля, - вскричал он, - или я слышу стон моего сына?" Пришел он искать его и нашел покрытым ранами и кровью. Но Кухулайнн не позволил отцу ни оплакивать его, ни мстить за него. "Ступай-ка лучше, - сказал он ему, - в Эмайн Маха и скажи Конхобару, что я больше не могу без помощи защищать Ольстер от всех четырех провинций Эрина. Скажи ему, что на моем теле нет ни одной раны, и что, если он хочет спасти свое королевство, он не должен медлить".

Суалтам сел на боевого коня Кухулайнна, "Серого из битвы", и галопом помчался к Эмайн Маха. Трижды он крикнул: "В Ольстере убивают мужчин, уводят женщин и угоняют скот". Дважды он не встретил никакого отклика. В третий раз друид Катбад пробудился от летаргии, чтобы обличить человека, потревожившего сон короля. В негодовании Суалтам так резко отвернулся, что серый конь взревел и с такой силой ударил щитом своего всадника по шее, что тот был обезглавлен. Затем испуганный конь повернул обратно к крепости Конхобара и пронесся сквозь нее, а отрубленная голова Суалтама продолжала кричать: "В Ольстере убивают мужчин, уводят женщин и угоняют скот". Такого предвестия было достаточно, чтобы разбудить самых сонных. Конхобар, снова став самим собой, произнес великую клятву. "Небеса над нами, земля под нами, море огибает нас, и, если только небеса не рухнут со всеми своими звездами, или земля не прогнется под нами, или море не прорвется на сушу, я верну каждую корову в ее хлев, а каждую женщину в ее дом".

Он послал гонцов собрать Ольстер, и они собрались, и пошли на людей Эрина. И тогда разразилась такая битва, какой еще не было в Ирландии. Сначала одна сторона, потом другая, уступала и снова отступала, пока Кухулайнн не услышал шум битвы, поднялся, несмотря на все свои раны, и подошел к нему.

Он позвал Фергуса, напомнив ему, что тот связал себя клятвой бежать от него, когда к этому призовут. И Фергус побежал перед Кухулайнном, а когда войско Медба увидело своего предводителя бегущим, они сломались и бежали как один человек.

А Бурый Бык из Куальгна отправился с войском в Коннаут, и там он встретил быка Эйлилла, Белорогого. И сразился он с Белорогим, и разорвал его на части, и унес куски его на своих рогах, бросив поясну в Атлоне, а печень в Тримере. Затем он вернулся в Куалгне и, обезумев, убивал всех, кто попадался ему на пути, пока его сердце не разорвалось от рева, и он не упал замертво.

Так закончилась великая война, названная *Táin Bó Chualigne*, "Погоня за скотом Кули".

И все же, как бы чудесно это ни было, это был не самый чудесный из подвигов Кухулайнна. Как и все солнечные боги и герои кельтских мифов, он унес свои завоевания в темную область Аида. В данном случае таинственным царством является остров под названием *Дун Скейт*, то есть "Теневой город", и хотя его король не упоминается по имени, кажется вероятным, что им был Мидер, а Дун Скейт - это другое название острова Фалга, или Ман. В стихотворении^[209] эта история любопытным образом напоминает набег, который силы света, особенно боги солнца, совершили на Аид в родственных британских мифах.^[210] Те же отвратительные бойцы выходят из подземного мира, чтобы отразить его нападающих. В центре Дун-Скайта была яма, из которой роилась огромная толпа змей. Не успели Кухулайнн и герои Ольстера разделаться с ними, как на них набросился "дом, полный жаб" - "острых, клювастых чудовищ" (говорится в поэме), которые схватили их за носы, а на смену им пришли свирепые драконы. Но герои одержали победу и захватили добычу - трех коров с волшебными качествами и чудесный котел, в котором всегда можно было найти неисчерпаемый запас мяса, а также сокровища из серебра и золота. Они отправились обратно в Ирландию на корабле, три коровы шли на буксире, а сокровища лежали в мешках на их шеях. Но боги Аида подняли бурю, которая разбила их корабль, и им пришлось плыть домой. Тут-то и пригодилась более чем смертная доблесть Кухулайнна. Нам рассказывают, что он вытащил на берег девять человек на руках, тридцать - на голове, а еще восемь, уцепившись за его бока, использовали его в качестве спасательного круга.

После этого наступила трагедия в карьере Кухулайнна - несчастный поединок, на котором он убил своего единственного сына, не зная, кто он такой. Эта история, по-видимому, является

общей для арийских народов, поскольку встречается не только в гэльских, но и в тевтонских и персидских мифических традициях. Напомним, что Кухулайнн победил соперницу амазонки Скатах по имени Аоифе и заставил ее подчиниться. У героя также был сын от Аоифе, и он попросил, чтобы мальчика назвали Конлаох^[211], и чтобы, когда он достигнет возраста, позволяющего путешествовать, его отправили в Ирландию, чтобы он нашел своего отца. Аоифе пообещала это, но чуть позже до нее дошли вести о том, что Кухуленн женился на Эмер. Обезумев от ревности, она решила заставить сына отомстить за обиду, нанесенную ею отцу. Она обучила его оружейному ремеслу до тех пор, пока он не смог научиться большому, и отправила в Ирландию. Перед тем как он отправился в путь, она наложила на него три *geasa*^[212]. Первая гласила, что он не должен поворачивать назад, вторая - что он никогда не должен отказываться от вызова, а третья - что он никогда не должен называть своего имени.

Он прибыл в Дундеалган^[213], дом Кухулайнна, и воин Коналл вышел ему навстречу и спросил его имя и родословную. Он отказался назвать их, и это привело к поединку, в котором Коналл был обезоружен и унижен. Кухулайнн подошел к нему, задал тот же вопрос и получил тот же ответ. "И все же, если бы у меня не было приказа, - сказал Конлаох, не знавший, что говорит с отцом, - не было бы в мире человека, которому я бы рассказал об этом скорее, чем тебе, ибо я люблю твое лицо". Но даже этот комплимент не смог предотвратить поединок, ибо Кухулайнн счел своим долгом наказать за дерзость этого мальчишку, который отказался объявить, кто он такой. Схватка была жестокой, и непобедимый Кухулайнн оказался так зажат, что "свет героя" озарил его и преобразил лицо. Увидев это, Конлаох понял, кто его противник, и специально метнул копье в сторону, чтобы оно не задело его отца. Но прежде чем Кухуленн понял это, он метнул страшный *gae bolg*. Конлаох, умирая, объявил свое имя; и так страстно горевал Кухулайнн, что люди Ольстера испугались, что в безумии он может обрушить на них свой гнев. Поэтому они призвали друида Катбада, чтобы тот наложил на него чары. Катбад превратил морские волны в подобие вооруженных людей, и Кухулайнн бил их мечом, пока не упал от усталости.

Рассказывать о других приключениях и подвигах Кухулайнна было бы слишком долго. Достаточно и того, что было сделано, чтобы убедить читателя этой главы самостоятельно изучить замечательную сагу о древней Ирландии. Мы должны быстро перейти к ее трагическому завершению - смерти героя.

Медб, королева Коннавта, так и не простила ему того, что он удержал ее армию от набега на Ольстер и убил столько ее друзей и союзников. Поэтому она тайно отправилась ко всем, чьих родственников убил Кухуленн (а их было немало), и подстрекала их к мести.

Кроме того, она отправила трех дочерей чародея Калатина, родившихся после смерти отца от рук Кухулейна, в Альбу и в Вавилон, чтобы они научились колдовству. Когда они вернулись, то уже владели всеми видами колдовства и могли одним заклинанием создать иллюзию битвы.

И чтобы не потерпеть неудачу, она терпеливо ждала, пока ульстонцы снова не ослабеют в своем волшебстве и некому будет помочь Кухулайнну, кроме него самого.

Лугайд^[214], сын Куроя, король Мунстера, которого Кухулайнн убил ради Блатнат, дочери Мидера, собрал мунстерцев; Эрк, чей отец тоже пал от руки Кухулайнна, созвал людей Мифа; король Лейнстера вывел свое войско, и вместе с Эйлилом и Медбом и всем Коннаутом они снова вошли в Ольстер и начали его опустошать.

Конхобар созвал своих воинов и друидов на совет, чтобы выяснить, нельзя ли найти способ отложить войну до тех пор, пока они не будут готовы к ней. Он не хотел, чтобы Кухулайнн во второй раз выходил в одиночку против всей Ирландии, ибо знал, что если чемпион погибнет, то вместе с ним навсегда падет и процветание Ольстера. Поэтому, когда Кухуленн прибыл в Эмайн Мача, король поручил всем придворным дамам, певцам и поэтам отвлечь его от войны, пока мужчины Ольстера не оправятся от слабости.

Но пока они пировали и беседовали в "солнечном доме", три дочери Калатина спустились на лужайку перед ним и стали собирать траву, чертополох, пуховые шарики и увядшие листья, превращая их в подобие армий. И тем же волшебством они вызвали крики, вопли, трубные удары и лязг оружия, которые раздавались по всему дому, как будто шла битва.

Кухулайнн вскочил на ноги, краснея от стыда при мысли, что бой идет без его помощи, и схватил свой меч. Но сын Катбада схватил его за руки. Все друиды объяснили ему, что то, что он видел, было лишь заклинанием, наложенным детьми Калатина, чтобы заманить его на смерть. Но все они не могли заставить его молчать, пока он видел призрачные армии и слышал волшебные звуки.

Тогда они решили, что будет хорошо удалить Кухулайнна из Эмайн Мача в *Глин-на-Бодхар*^[215], "Глухую долину", пока не будут израсходованы все чары дочерей Калатина. Долина эта была такова, что, если бы все мужчины Ирландии закричали вокруг нее одновременно, никто бы не услышал ни звука.

Но дочери Калатина отправились и туда, и снова взяли чертополох, и пуховые шарики, и увядшие листья, и надели на них облик вооруженных людей, так что, казалось, не было места за пределами всей долины, которое не было бы заполнено кричащими батальонами. И еще они создали иллюзию костров вокруг и женских криков. Все, кто слышал этот крик, были напуганы им, не только мужчины и женщины, но даже собаки.

И хотя женщины и друиды кричали в ответ изо всех сил, чтобы заглушить его, они не могли помешать Кухулайнну услышать. "Увы! - воскликнул он, - я слышу, как кричат люди Ирландии, опустошая провинцию. Мой триумф подошел к концу, моя слава угасла, Ольстер покоится навеки". "Оставь это, - сказал Катбад, - это всего лишь пустые магические звуки, издаваемые детьми Калатина, которые хотят выманить тебя, чтобы покончить с тобой. Оставайся здесь, с нами, и не обращай на них внимания".

Кухулайнн повиновался, и дочери Калатина еще долго продолжали наполнять воздух звуками битвы. Но в конце концов им это надоело, ибо они увидели, что друиды и женщины перехитрили их.

Они не добились успеха, пока один из них не принял облик лемана Кухулайнна и не пришел к нему, крича, что Дундеалган сожжен, Муиртемн разрушен, а вся провинция Ольстер опустошена. Тогда, наконец, он был обманут, взял свое оружие и доспехи и, несмотря на все, что ему говорили, приказал Лаэгу запрячь его колесницу.

Знамения и предзнаменования стали сгущаться вокруг обреченного героя так же густо, как и вокруг сватов в зале Одиссея. Его знаменитый боевой конь, Серый из Маха, отказывался держать узду и проливал крупные кровавые слезы. Его мать, Дехтире, принесла ему кубок, наполненный вином, и трижды вино превращалось в кровь, когда он подносил его к губам. У первого брода, который он перешел, он увидел девицу *сидхе*, которая стирала одежду и доспехи, и она сказала ему, что это одежда и оружие Кухулайнна, который вскоре должен был умереть. Он встретил трех древних ведьм, готовивших на вертеле из рябины гончую, и

они пригласили его отве­дать ее. Он отказался, ибо для него было табу - есть плоть своего тезки; но они пристыдили его, сказав, что он ел за столами богачей и отказался от гостеприимства бедняков. От запретного мяса у него парализовало половину тела. Тогда он уви­дел, что его враги приближаются к нему на своих колесницах.

У Кухулина было три ко­пья, из которых, по пророчеству, каждое должно было убить короля. Трем друидам было поручено по очереди просить эти ко­пья, ибо не считалось удачей от­казать друиду в чем-либо. Первый из них подошел к тому месту, где Кухуленн расстилал красную от резни равнину. "Дай мне одно из этих копий", - сказал он, - "или я буду тебя высмеивать". "Возьми его", - ответил Кухулайнн, - "меня еще никогда не высмеивали за то, что я отказал кому-то в подарке". И он метнул ко­пье в друида и убил его. Но Лугайд, сын Куроя, подхватил ко­пье и убил им Лаэга. Лаэг был королем всех возниц.

"Дай мне одно из твоих копий, Кухулайнн", - сказал второй друид. "Оно нужно мне самому", - ответил он. "Если ты откажешься, я прокляну из-за тебя провинцию Ольстер". "Я не обязан дарить больше одного подарка в день, - сказал Кухулайнн, - но Ольстер никогда не будет осмеян из-за меня". Он метнул ко­пье в друида, и оно пробило ему голову. Но Эрк, король Лейнстера, достал его и смертельно ранил Грея из Маха, короля всех лошадей.

"Отдай мне свое ко­пье", - сказал третий друид. "Я заплатил все, что причитается мне и Ольстеру", - ответил Кухулайнн. "Если ты этого не сделаешь, я буду сатириком твоего рода", - сказал друид. "Я никогда не вернусь домой, но там я не стану причиной насмешек", - ответил Кухулайнн и метнул ко­пье в просителя и убил его. Но Лугайд отбросил его назад, и оно прошло сквозь тело Кухулайнна и ранило его до смерти.

Тогда, мучаясь, он очень захотел пить. Он попросил своих врагов отпустить его к озеру, которое лежало неподалеку, и утолить жажду, а затем вернуться. "Если я не могу вернуться к вам, придите за мной", - сказал он; и они отпустили его.

Кухулайнн попил, искупался и вышел из воды. Но он обнаружил, что не может идти; тогда он позвал своих врагов, чтобы они пришли к нему. Рядом был камень-столб, и он привязал себя к нему своим поясом, чтобы умереть стоя, а не лежа. Его умирающий конь, Серый Маха, вернулся, чтобы сражаться за него, и убил пятьдесят человек зубами и по тридцать - копытами. Но "свет героя" померк на лице Кухулайнна, и оно стало бледным, как "ночной снег", а на его плечо сел ворон.

"Воистину, не на этом столбе сидели птицы", - сказал Эрк.

Теперь, когда все убедились, что Кухулайнн мертв, они собрались вокруг него, и Лугайд отрубил ему голову, чтобы отнести ее Медбу. Но возмездие пришло быстро, ибо Коналл Победоносный пустился в погоню и устроил страшную резню врагам Кухулайнна.

Так погиб великий герой гэлов на двадцать седьмом году своей жизни. А вместе с ним пало процветание Эмайн Мача и Красной ветви Ольстера.

ГЛАВА XIII

НЕСКОЛЬКО ГЭЛЬСКИХ ЛЮБОВНЫХ ИСТОРИЙ

Героический век Ирландии, однако, не был просто оргией битв, как можно было предположить из предыдущей главы. В ней нашлось место и для Елены, и для Андромахи, и для Ахилла, и для Гектора. Его чемпионы находили время не только для войны, но и для любви. Более того, легенды об их ухаживаниях часто имеют романтическую красоту, не встречающуюся ни в одной другой ранней литературе. Женщины обладают свободой выбора и добиваются уважения своих ухажеров. Действительно, было отмечено, что мифические истории кельтов должны были породить рыцарские романы средневековой Европы. В них, как ни в какой другой предшествующей литературе, мы находим такое рыцарское отношение к врагу, как в истории о Кухулайнне и Фердиате, или такую поэтическую деликатность по отношению к женщине, как в ухаживании за Эмер.^[216] Разговор между мужчиной и служанкой, когда Кухулайнн приезжает на своей колеснице, чтобы отдать свой костюм Эмер в *Форгаллс-дуне*, мог бы, если бы не его странность, почти что выйти из какого-нибудь вполне современного романа.

Эмер подняла свое прекрасное лицо и узнала Кухулина, и сказала: "Да сделает Бог гладким путь перед тобой!"

"А ты, - сказал он, - да будешь в безопасности от всякой беды".

Она спрашивает его, откуда он пришел, и он рассказывает ей. Затем он расспрашивает ее о себе.

"Я - Тара из женщин, - отвечает она, - белейшая из дев, та, на которую смотрят, но которая не смотрит в ответ, слишком далекая, чтобы быть достигнутой, нетронутая дорога..... Я была воспитана в древних добродетелях, в законном поведении, в хранении целомудрия, в звании, равном королеве, в статности форм, так что мне приписывают все благородные грации среди женщин Эрина". В более хвастливой манере Кухулайнн рассказывает о своем рождении и деяниях. Не как сын крестьянина он воспитывался при дворе Конхобара, а среди героев и чемпионов, шутов и друидов. Когда он слаб, его сила равна силе двадцати человек; в одиночку он сразится с сорока; под его защитой сто человек будут чувствовать себя в безопасности. Можно представить себе улыбку Эмер, когда она слушает эти хвастливые речи. "Воистину, - говорит она, - это хорошие подвиги для нежного мальчика, но это еще не подвиги вождей колесниц". Очень современно выглядит и то, как она уклончиво напоминает своему ухажеру, что у нее есть старшая сестра, которая еще не замужем. Но когда он, наконец, доводит дело до конца, она отвечает ему мягким, но гордым решением. Не словами, а делами она будет завоевана. Имя человека, за которого она выйдет замуж, должно упоминаться везде, где говорится о подвигах героев.

"Как ты повелел, так и будет", - сказал Кухуленн.

"И мною твое предложение принято, принято, даровано", - ответила Эмер.

Жаль, что после столь прекрасного ухаживания Кухулайнн не смог сохранить верность завоеванной невесте. Но не таков путь героев, которых богини и смертные женщины пытаются склонить к верности. Фанд, жена Мананнана, сына Лера, покинутая морским богом, послала свою сестру Либан к Кухулайнну в качестве посланницы любви. Сначала он отказался ее навестить, но приказал Лаэгу, своему вознице, отправиться с Либан на "Счастливую равнину", чтобы осмотреть землю. Лаэг вернулся в восторге. "Если бы вся

Ирландия была моей, - заверил он своего господина, - с верховной властью над ее прекрасными жителями, я бы без сожаления отдал ее, чтобы отправиться жить в то место, которое я видел".

И Кухулайнн отправился в путь и пробыл месяц в кельтском раю с Фанд, самой прекрасной женщиной Сидхе. Вернувшись в страну смертных, он договорился с богиней, что встретится с ней в своей стране у тисового дерева в верховьях Бейла.

Но Эмер узнала об этом и сама отправилась на место встречи с пятьюдесятью своими девами, каждая из которых была вооружена ножом, чтобы убить своего соперника. Там она нашла Кухулайнна, Лаэга и Фанда.

"Что заставило тебя, Кухулайнн, - сказала Эмер, - опозорить меня перед женщинами Эрина и всеми почтенными людьми? Я пришел под твой кров, уповая твою верность, а теперь ты ищешь повод для ссоры со мной".

Но Кухулайнн, подобно герою, не мог понять, почему его жена не может довольствоваться тем, что у нее есть другая женщина - несомненно, недостойная соперница, ведь она была прекрасна и принадлежала к возвышенному роду богов. В конце концов Эмер уступает с царственным пафосом.

"Я не откажу тебе в этой женщине, если ты жаждешь ее, - сказала она, - ибо я знаю, что все новое кажется справедливым, а все привычное - горьким, и все, чего мы не имеем, кажется нам желанным, а о том, что у нас есть, мы мало думаем". И все же, Кухулайнн, когда-то я была приятна тебе, и я хотела бы снова стать такой".

Ее печаль тронула его. "Клянусь, - сказал он, - ты мне приятна и будешь приятна, пока я жив".

"Тогда пусть меня отдадут", - сказал Фанд. "Лучше пусть так и будет", - ответил Эмер. "Нет, - сказал Фанд, - в конце концов, это я должен быть отдан".

"Это я уйду, хотя и с великой печалью. Я предпочту остаться с Кухулайном, чем жить в солнечном доме богов".

"О Эмер, он твой, и ты достойна его! То, что не может получить моя рука, может пожелать мое сердце.

"Горестно любить безответно. Лучше отречься, чем не получить любви, равной своей.

"Нехорошо было с твоей стороны, о светловолосая Эмер, приходить убивать Фанд в ее страданиях."

В то время как богиня и человеческая женщина состязались друг с другом в самопожертвовании, Мананнан, сын Моря, услышал о беде Фанд и пожалел, что оставил ее. И он пришел, невидимый для всех, кроме нее одной. Он попросил у нее прощения, а она сама не могла забыть, что когда-то была счастлива со "всадником гребней волн" и еще может быть счастлива с ним снова. Бог попросил ее сделать выбор между ними, и, когда она подошла к нему, он потряс своей мантией между ней и Кухулайном. Это было одно из волшебных свойств мантии Мананнана, и те, между кем она встряхивалась, никогда больше не могли встретиться. Тогда Фанд вернулась со своим божественным мужем в страну бессмертных, а друиды Эмайн Маха дали Кухулайну и Эмер по напитку забвения, так что Кухулайнн забыл о своей любви, а Эмер - о своей ревности.^[217]

Сцена этой истории взяла свое название из другой, едва ли менее красивой любовной сказки. Тисовое дерево у пряди Бейла" выросло из могилы Бейла из Медовой Речи, и на нем была изображена любовь Бейла, Эйлинн. Эти гэльские Ромео и Джульетта были королевского происхождения: Бейл был наследником Ольстера, а Эйлинн - дочерью сына короля Лейнстера. Однако их разлучила не вражда Монтекки и Капулетти, а проделки призрачного врага. Они назначили друг другу встречу в Дандилгане, и Бейл, прибывший туда первым, был встречен незнакомцем. "Какие новости ты принес?" - спросил Бейл. "Никаких, - ответил незнакомец, - кроме того, что Эйлинн из Лейнстера собиралась встретиться со своим возлюбленным, но люди Лейнстера удержали ее, и сердце ее разбилось от горя". Когда Бейл услышал это, его собственное сердце разорвалось, и он замертво упал на берег, а посланник на крыльях ветра отправился к дому Эйлинн, которая еще не вышла в путь. "Откуда ты?" - спросила она его. "Из Ольстера, с берега Дундеалгана, где я видел людей, воздвигавших камень над только что умершим, и на камне я прочел имя Бейла. Он пришел на встречу с женщиной, в которую был влюблен, но им было суждено больше никогда в жизни не увидеться". При этом известии Эйлинн тоже упала замертво и была похоронена; нам рассказывают, что из ее могилы выросла яблоня, яблоки которой были похожи на лицо Бейла, а из могилы Бейла выросло тисовое дерево, принявшее облик Эйлинн. Эта легенда, которая, вероятно, является частью общего наследия ариев, встречается в фольклоре на территории, простирающейся от Ирландии до Индии. Однако гэльская версия имеет окончание, неизвестное остальным. В ней говорится, что два дерева были срублены и превращены в жезлы, на которых поэты Ольстера и Лейнстера вырезали песни о любовных трагедиях своих провинций в *огаме*. Но даже этим немymi памятникам о Бейле и Эйлинн не суждено было быть разделенными. Через двести лет Арт Одинокый, верховный король Ирландии, приказал принести их в зал Тары, и, как только жезлы оказались под одной крышей, они сошлись, и никакая сила или умение не смогли разлучить их вновь. Поэтому король приказал "хранить их, как и любую другую драгоценность, в сокровищнице Тары".^[218]

Однако ни одна из этих историй не достигла такой славы, как та, которую предстоит пересказать.^[219] Для многих, без сомнения, гэльская романтика сводится к одному слову "Дейрдре". Именно легенду об этой гэльской Елене больше всего любят разрабатывать поэты современной кельтской школы, а старики до сих пор рассказывают ее у торфяных костров Ирландии и Горных гор. Ученые и крестьяне вместе хранят традицию, которой неизвестно сколько сотен лет, ведь она была записана в "Книге Лейнстера" двенадцатого века как одна из "главных историй", которые должен был уметь рассказывать каждый бард. Вместе с "Судьбой сыновей Туиренна" и "Судьбой детей Лера" она входит в число "Трех печальных историй Эрина".

Столь любимое сказание, естественно, претерпело множество изменений и дополнений, передаваясь из поколения в поколение. Но суть ее такова:.

Король Ольстера Конхобар устраивал праздник в доме одного из своих бардов по имени Федлимид, когда жена Федлимиды родила дочь, о которой друид Катбад произнес пророчество. Он предсказал, что новорожденная вырастет самой прекрасной женщиной, которую когда-либо видел мир, но ее красота принесет смерть многим героям, а Ольстеру - много бед и горя. Услышав это, воины Красной ветви потребовали убить ее, но Конхобар отказался и отдал младенца доверенной служанке, чтобы та спрятала его в тайном месте в уединении гор, пока она не достигнет возраста, когда сможет стать его собственной женой.

Так Дейрдре (так назвал ее Катбад) была унесена в хижину, столь удаленную от людских троп, что о ней не знал никто, кроме Конхобара. Здесь она воспитывалась под присмотром

кормилицы, воспитательницы и учителя и не видела других живых существ, кроме зверей и птиц на холмах. Тем не менее, как женщина, она стремилась к тому, чтобы ее любили.

Однажды ее воспитательница убивала теленка для их еды, и его кровь потекла на заснеженную землю, из-за чего к месту происшествия слетелся черный ворон. "Если бы нашелся человек, - сказала Дейрдре, - у которого волосы были бы такими же черными, как у этого ворона, кожа - белее снега, а щеки - такими же красными, как кровь теленка, то именно его я бы хотела взять в жены".

"Действительно, такой человек есть", - беспечно ответил ее учитель. "Наоиз^[220], один из сыновей Уснаха^[221], героев того же рода, что и Конхобар Король".

Любопытная Дейрдре уговорила своего учителя привести Наоиза для беседы с ней. Когда они встретились, она с пользой провела время, предложив Наоизу свою любовь и умоляя его забрать ее от короля Конхобара.

Наоис, околдованный ее красотой, согласился. В сопровождении двух своих братьев, Ардана и Аинле, и их сторонников он бежал вместе с Дейрдре в Альбу, где они заключили союз с одним из ее королев и стали скитаться по земле, живя за счет оленей и помогая королю в его битвах.

Мстителный Конхобар оттягивал время. Однажды, когда герои Красной ветви пировали вместе в Эмайн Мача, он спросил их, слышали ли они когда-нибудь о более благородной компании, чем их собственная. Они ответили, что мир не в силах вместить такую компанию. "И все же, - сказал король, - нам не хватает полной сказки. Три сына Уснаха могли бы в одиночку защитить провинцию Ольстер от любой другой провинции Ирландии, и жаль, что они до сих пор остаются изгнанниками ради любой женщины в мире. Я бы с радостью приветствовал их возвращение!"

"Мы сами, - ответили ультонцы, - давно бы это посоветовали, если бы осмелились, о король!"

"Тогда я пошлю за ними одного из трех своих лучших чемпионов", - сказал Конхобар. "Или Коналла Победоносного, или Кухулайнна, сына Суалтама, или Фергуса, сына Роя; и я узнаю, кто из этих троих любит меня больше".

Сначала он тайно призвал к себе Конала.

"Что бы ты сделал, о Коналл, - спросил он, - если бы тебя послали за сыновьями Уснаха, а их убили бы здесь, несмотря на твою конспирацию?"

"Нет в Ольстере человека, - ответил Коналл, - причастного к этому, который избежал бы от меня собственной смерти".

"Вижу, что я для тебя не самый дорогой из всех людей", - ответил Конхобар и, отстранив Коналла, позвал Кухулайнна и задал ему тот же вопрос.

"Клянусь, - ответил Кухулайнн, - если бы такое случилось с твоего согласия, я не принял бы ни взятки, ни кровавого штрафа вместо твоей собственной головы, о Конхобар".

"Воистину, - сказал король, - не тебя я пошлю".

Тогда король спросил Фергуса, и тот ответил, что, если сыновья Уснаха будут убиты под его защитой, он отомстит за это преступление всем, кто был к нему причастен, кроме самого короля.

"Тогда в путь отправишься ты, - сказал Конхобар. "Отправляйся завтра и не отдыхай в пути, а когда снова ступишь на землю Ирландии в *Дун Боррахе*, что бы ни случилось с тобой самим, без промедления отправляй вперед сыновей Уснаха".

На следующее утро Фергус с двумя своими сыновьями, Илланном Справедливым и Буинном Безжалостным Рыжим, отправился в Альбу на своей галере и достиг Лох-Этива, у берегов которого жили тогда сыновья Уснаха. Наоиз, Айнл и Ардан сидели за шахматами, когда услышали крик Фергуса.

"Это крик человека из Эрина", - сказал Наоиз.

"Нет", - ответила Дейрдре, предчувствовавшая беду. "Не обращайтесь на него внимания; это всего лишь крик человека из Альбы". Но сыновья Уснаха знали лучше, и послали Ардана на берег моря, где он нашел Фергуса и его сыновей, и приветствовал их, и выслушал их послание, и привел их с собой.

Той ночью Фергус уговорил сыновей Уснаха вернуться с ним в Эмайн Мача. Дейрдре, обладавшая "вторым зрением", умоляла их остаться в Альбе. Но изгнанники были утомлены видом родной страны и не разделяли опасений своей спутницы. Когда они вышли в море, Дейрдре произнесла свое прекрасное "Прощание с Альбой" - землей, которую ей больше никогда не суждено было увидеть.

"Прекрасен восточный край,

Альба, с ее чудесами.

Я бы не пришла сюда из нее,

если бы не пришла с Наоисом.

"Прекрасны Дун-Фидга и Дун-Финн,

Прекрасна крепость над ними;

Дорогой сердцу Инис Драйгенд,

И очень дорог Дун Суибни.

"Кайль Куан!

К которому Айнл направлялся, увы!

Коротким показалось мне время,

С Наоисом в краю Альбы.

"Гленн Лаид!

Часто я спал там под скалой;

Рыба, оленина и барсучий жир

Были моим уделом в Гленн-Лаиде.

"Гленн Масаин!

Его чеснок был высок, его ветви белы;

Мы спали качающимся сном,
над травянистым устьем Масаина.

"Гленн Этив!

Здесь я построил свой первый дом;
Прекрасен его лес, и, взойдя
Скотный двор для солнца был Гленн Этив.

* * * * *

"Гленн Да-Руад!

Моя любовь каждому, кто получил ее в наследство!
Сладко кукует кукушка на гнущихся ветвях,
На вершине над Гленн-Да-Руадом.

"Любимый Драйген,
Дорогой белый песок под его волнами;
Я бы не пришел оттуда, с Востока,
Если бы не пришел с любимой".

Они пересекли море и прибыли в Дун Борраха, который приветствовал их в Ирландии. Король Конхобар послал Борраху тайный наказ, чтобы тот устроил Фергусу пир по случаю его высадки. На различных героев древней Ирландии в сказаниях наложены странные запреты, называемые *geasa*; есть определенные вещи, которые каждый из них не может совершить, не лишившись жизни или чести; так и на Фергуса было наложено *geis* за отказ от пира.

Фергус, как нам рассказывают, "покраснел от гнева от макушки до подошв", получив приглашение. И все же он не смог уклониться от пира. Он спросил Наоиза, что ему делать, и Дейрдре вмешалась: "Сделай то, о чем тебя просят, если ты предпочитаешь оставить сыновей Уснаха ради пира. И все же оставление их - хорошая цена за это".

Фергус, однако, увидел возможный компромисс. Хотя сам он не мог отказаться от гостеприимства Борраха, он мог отправить Дейрдре и сыновей Уснаха в Эмайн Маха под охраной двух своих сыновей, Илланна Справедливого и Буинна Безжалостного Рыжего. Так и было сделано, хотя и к досаде сыновей Уснаха и ужасу Дейрдре. Горестной женщине явились видения; она увидела трех сыновей Уснаха и Илланна, сына Фергуса, без голов; она увидела, что над ними постоянно висит облако крови. Она умоляла их подождать в каком-нибудь безопасном месте, пока Фергус не закончит пир. Но Наоиз, Аинле и Ардан посмеялись над ее страхами. Они прибыли в Эмайн Мача, и Конхобар приказал предоставить в их распоряжение дворец "Красная ветвь".

Вечером Конхобар призвал к себе Левархама, старого учителя Дейрдре. "Пойди, - сказал он, - в "Красную ветвь", посмотри на Дейрдре и принеси мне вести о ее внешности, сохранила ли она прежнюю красоту или она покинула ее".

И пришла Левархам к "Красной ветви", и поцеловала Дейрдре и трех сыновей Уснаха, и предупредила их, что Конхобар готовит предательство. Затем она вернулась к королю и

сообщила ему, что тяжелая жизнь Дейрдре в горах Альбы испортила ее фигуру и лицо, так что она больше не достойна его уважения.

Это отчасти успокоило ревность Конхобара, и он начал сомневаться, разумно ли нападать на сыновей Уснаха. Но позже, хорошо напившись вина, он послал второго гонца, чтобы узнать, правда ли то, что Левархам сообщил о Дейрдре.

Гонец, на этот раз мужчина, подошел и заглянул в окно. Дейрдре увидела его и указала на него Наоизу, который метнул шахматную фигуру в подглядывающее лицо и выбил ему один глаз. Но тот вернулся к Конхобару и сказал, что, хотя один глаз у него выбит, он с радостью остался бы смотреть другим, так велика была прелесть Дейрдре.

Тогда Конхобар в гневе приказал мужчинам Ольстера поджечь дом Красной Ветви и убить всех, кто в нем находился, кроме Дейрдре. Они забросали его огненными мечами, но вышел Буинн Беспощадный Рыжий и погасил их, а нападавших отбросил назад с резней. Но Конхобар позвал его на переговоры и предложил ему "сотню" земли и свою дружбу за то, что он покинет сыновей Уснаха. Буинн поддался искушению и пал духом; но земля, которую он получил, в ту же ночь стала бесплодной от негодования, что она принадлежит такому предателю.

Другой из сыновей Фергуса был иного мнения. С факелом в руках он выбежал на улицу и изрубил ультонцев так, что они не решались больше приближаться к дому. Конхобар не осмелился предложить ему взятку. Но он вооружил своего сына Фиаха собственным магическим оружием, в том числе щитом "Стон", который ревел, когда его владельцу грозила опасность, и послал его сразиться с Илланном.

Поединок был жестоким, и Илланн одержал верх над Фиахой, так что сыну Конхобара пришлось пригнуться под своим щитом, который ревел, призывая на помощь. Коналл Победоносный услышал этот рев издалека и подумал, что его королю грозит опасность. Он подошел к месту и, не задавая вопросов, вонзил свое копье "Сине-зеленый" в Илланна. Умиравший сын Фергуса объяснил ситуацию Коналлу, и тот, чтобы хоть как-то загладить свою вину, тут же убил и Фиаха.

После этого сыновья Уснаха до рассвета держали оборону против всего войска Конхобара. Но с наступлением дня они поняли, что должны либо бежать, либо смириться с гибелью. Поставив Дейрдре в центре, под защитой своих щитов, они внезапно открыли дверь и выбежали наружу.

Они бы прорвались и сбежали, если бы Конхобар не попросил друида Катбада наложить на них заклятие, пообещав сохранить им жизнь. Тогда Катбад создал иллюзию бурного моря перед сыновьями Уснаха и вокруг них. Наойз взвалил Дейрдре на плечо, но волшебные волны поднимались все выше, и всем пришлось бросить оружие и плыть.

Затем они увидели странное зрелище - людей, плывущих по суше. И, прежде чем чары рассеялись, сыновей Уснаха схватили сзади и привели к Конхобару.

Несмотря на обещание, данное друиду, король приговорил их к смерти. Однако никто из мужчин Ольстера не захотел нанести удар. В конце концов иностранец из Норвегии, чьего отца убил Наоиз, предложил обезглавить их. Каждый из братьев умолял умереть первым, чтобы не быть свидетелем гибели остальных. Но Наоиз положил конец этому благородному соперничеству, одолжив их палачу меч под названием "Ответный удар", подаренный ему Мананнаном, сыном Лера. Они встали на колени бок о бок, и один удар меча бога снес им всем головы.

Что касается Дейрдре, то о ее смерти рассказывают по-разному, но большинство из них сходится на том, что она не пережила сыновей Уснаха и на несколько часов. Но перед смертью она написала над ними элегию. О том, что она отличается необыкновенным пафосом и красотой, свидетельствуют несколько стихов, которые здесь есть место привести.^[222]

"Долог день без детей Уснаха!

Не скорбно было быть в их компании!

Сыновья царя, у которого гостили странники,

Три льва с холма Пещеры.

* * * * *

"Три любимца женщин Британии,

Три ястреба из Слив Гуллион,

Сыновья короля, которому служила доблесть,

Кому солдаты отдавали дань уважения!

* * * * *

"Что я останусь после Наоиза

Пусть никто в мире не думает:

После Ардана и Айнла

Мое время будет недолгим.

"Ольстерский король, мой первый муж,

Я оставила ради любви Наоиза.

Коротка моя жизнь после них:

Я исполню их погребальную игру.

"После них мне не жить.

Трое, которые шли на любой конфликт,

Трое, которые любили терпеть трудности,

Три героя, которые не отказывались от битв.

* * * * *

"О человек, что роет гробницу

И отнял у меня мою дорогую,

Не делай могилу слишком узкой:

Я буду рядом с благородными".

Это был слабый триумф для Конхобара. Дейдре во всей своей красоте избежала его смерти. Его собственные главные последователи так и не простили этого. Фергус, вернувшись с пира Борраха и узнав о случившемся, собрал своих людей, убил сына Конхобара и многих его воинов и бежал к злейшим врагам Ольстера - Айлилю и Медбу из Коннавта. А друид Катбад проклял и короля, и королевство, молясь, чтобы никто из рода Конхобара никогда больше не воцарился в Эмайн Маха.

Так и случилось. Столица Ольстера была спасена от разорения только благодаря доблести Кухулайнна. Когда он погиб, она тоже пала и вскоре стала тем, чем является сейчас, - травянистым холмом.

ГЛАВА XIV

ФИНН И ФЕНИЙЦЫ^[223]

После эпохи Эмайн Маха в летописях древней Ирландии следует череда монархов, которые, хотя, несомненно, столь же мифичны, как король Конхобар и его двор, постепенно становятся все более человеческими. Их череда длится около двух столетий и завершается династией, которой легенда уделила больше внимания, чем ее непосредственным предшественникам. Эта династия началась, согласно летописцам, в 177 году н. э., со знаменитого Конна "Сотенного бойца", и, продолжаясь до правления его еще более знаменитого внука Кормака "Великолепного", связана с третьим гэльским циклом - тем, который повествует о подвигах Финна и фениев. Все эти короли имели дело с национальными богами. История, содержащаяся в ирландской рукописи XV века и названная "Пророчество чемпиона",^[224] рассказывает, как Луг явился Конну, окутал его волшебным туманом, увел в заколдованный дворец и там предсказал ему число его потомков, продолжительность их правления, и способ их смерти. Другая традиция повествует о том, как сын Конна, Коннла, был посватан богиней и унесен, подобно британскому Артуру, в стеклянной лодке в земной рай за морем.^[225] Еще одна рассказывает о браке самого Конна с Бекумой из Прекрасной кожи, женой того самого Лабрайда из Быстрой руки на мече, который, согласно другой легенде, женился на Либан, сестре Фанда, феи-любовницы Кухулайнна. Бекума была замешана в интриге с Гайаром, сыном Мананнана, и, изгнанная из "Земли обетованной", пересекла море, разделяющее смертных и бессмертных, чтобы предложить свою руку Конну. Ирландский король женился на ней, но брак оказался плохим. Она стала ревновать Конна к другому сыну, Арту, и настаивала на его изгнании; но они договорились сыграть в шахматы, чтобы решить, кто из них должен уйти, и Арт победил. Арт, которого называли "Одиноким", потому что он потерял своего брата Коннла, был королем после Конна, но в легендах он известен прежде всего как отец Кормака.

Многие ирландские истории посвящены славе Кормака, которого изображают великим законодателем - гэльским Соломоном. По некоторым преданиям, он был первым, кто поверил в более чистую доктрину, чем кельтский политеизм, и даже попытался уничтожить друидизм, в отместку за что друид по имени Маэлсен послал злого духа, который поместил

лососевую кость поперек горла короля, когда тот сидел за мясом, и таким образом накликал на него смерть. В другой версии, однако, он особенно любим теми же языческими божествами. Мананнан, сын Лера, так жаждал его дружбы, что заманил его в сказочную страну и подарил волшебную ветвь. Она была из серебра, на ней росли золотые яблоки, и, когда ее трясли, она издавала такую сладкую музыку, что раненные, больные и печальные забывали о своих болях и погружались в глубокий сон. Кормак хранил это сокровище всю свою жизнь, но после его смерти оно вернулось в руки богов.^[226]

Король Кормак был современником Финна мак Кула^[227], которого он назначил главой *Фианны*^[228] *Эйринн*, более известной как "фенийцы". Вокруг Финна и его людей сложился целый цикл легенд, которые были одинаково популярны среди гэлов как Шотландии, так и Ирландии. Мы читаем об их подвигах в рассказах и стихах, сохранившихся в самых ранних ирландских рукописях, а среди крестьян Ирландии и Западного нагорья их имена и связанные с ними истории до сих пор являются актуальными преданиями. На некоторых из этих плавающих традиций, сохранившихся в народных балладах, Макферсон основал своего вымышленного *Оссиана*, а сбор их из уст живых людей до сих пор дает много работы изучающим гэльский язык.

Насколько Финн и его последователи могли быть историческими личностями, сказать невозможно. Сами ирландцы всегда считали, что фенийцы были своего рода туземным ополчением, а Финн был их генералом. Ранние исторические писатели Ирландии поддерживали эту точку зрения. Летописец Тигернах, умерший в 1088 году, верил в него, а "Анналы четырех мастеров", составленные в 1632-1636 годах на основе старых хроник, хотя и игнорируют короля Конхобара и его чемпионов Красной ветви как недостойных серьезного рассмотрения историками, рассматривают Финна как реальную личность, чья смерть произошла в 283 году нашей эры. Даже такой великий современный ученый, как Юджин О'Карри, самым ясным языком заявил, что Финн, отнюдь не являясь "просто воображаемым или мифическим персонажем", был "несомненно исторической личностью; и то, что он существовал примерно в то время, когда его появление зафиксировано в Анналах, так же несомненно, как и то, что Юлий Цезарь жил и правил в то время, которое указано в авторитетных римских историках".^[229]

Однако мнение более поздних кельтских ученых противоположно этой точке зрения. Родословная Финна, сохранившаяся в Книге Лейнстера, на первый взгляд, может дать некоторую поддержку теории его реального существования, но при более тщательном изучении оказывается, что и его собственное имя, и имя его отца в равной степени его обескураживают. Финн или Фионн, что означает "справедливый", - это имя одного из мифических предков гэлов, а имя его отца, Кумхал^[230], означает "небо" и является тем же словом, что и *Камул*, галльский бог неба, отождествляемый римлянами с Марсом. Его последователи - такие же сомнительные люди, как и он сам. Их можно сравнить с Кухулином и остальными героями Эмайн Маха. Их подвиги не менее чудесны. Как и ульстонские воины, они тоже движутся на равных с богами. "Фианна Эрина, - говорится в трактате под названием "Диалог старейшин",^[231] содержащемся в рукописях XIII и XIV веков, - не имела более частых и свободных сношений с людьми оседлых поселений, чем Туатха Де Дананн".^[232] Ангус, Мидер, Лер, Мананнан и Бодб Рыжий с их бесчисленными сыновьями и дочерьми занимают в фенийских, или так называемых "оссиановских", историях такое же место, как и сами фении. Они сражаются за них или против них; они выходят за них замуж и отдаются им в жены.

Светлое предположение профессора Риса также намекает на то, что фенианцы унаследовали ведение той древней войны, которая когда-то велась между Туатха Де Дананн

и фоморами. Самыми распространенными антагонистами Финна и его героев являются племена захватчиков из-за моря, называемые в сказаниях *Лохланнах*. Те, кто ищет историю в рассказах фенианского цикла, обычно отождествляют этих "людей Лохланна" с захватническими отрядами норманнов, терзавших ирландские берега в девятом веке. Но ядро фенийских сказаний возникло еще до этих скандинавских набегов, и смертные враги, вероятно, просто заняли место тех бессмертных врагов богов, чей "Лохланн" был страной не над морем, а под ним.^[233]

Ранние историки Ирландии были столь же готовы к датам и фактам в отношении фенианской группы как организации, как и в отношении личности Финна. Говорят, что впервые он был организован королем по имени Фиахад в 300 году до н. э., а упразднен, точнее, истреблен, Каирбре, сыном Кормака Мак Арта, в 284 году н. э. Нам рассказывают, что он состоял из трех полков, созданных по образцу римского легиона; каждый из этих полков содержал на мирных началах три тысячи человек, но во время войны мог быть неограниченно усилен. Его задачей была защита побережья Ирландии и всей страны в целом, перебрасывая свой вес на сторону любого принца, подвергнувшегося нападению иностранных врагов. В течение шести зимних месяцев члены отряда жили в населенных пунктах, а летом им приходилось добывать себе пропитание, для чего они занимались охотой и рыболовством. Так они жили в лесах и на открытых болотах, закаляя себя к битвам своей авантюрной жизнью. Места их огромных костров долгое время носили название "места приготовления пищи фенийцев".

Стать членом этой знаменитой группы было нелегко. Кандидат должен был быть не только искусным воином, но и поэтом и культурным человеком. Он должен был практически отречься от своего племени, во всяком случае, дать клятву, что не будет мстить никому из своих родственников и не будет отомщен ими. Он взял на себя обязательства не отказывать в гостеприимстве никому, кто попросит, не поворачиваться спиной в бою, не оскорблять ни одну женщину и не принимать приданое за женой. В дополнение ко всему этому он должен был успешно пройти через самые строгие физические испытания. Действительно, в том виде, в котором они дошли до нас, превознесенные пылким кельтским воображением, они носят совершенно чудесный и невозможный характер. Претендент на вступление в *Fianna Eirinn*, как нам рассказывают, должен был сначала встать на колени в вырытую для него яму, его единственным оружием были щит и ореховый жезл, в то время как девять воинов, каждый с копьем, стоявшие на расстоянии девяти гребней земли, одновременно бросали в него свое оружие; если он не мог отразить их всех, его отвергали. Если ему удавалось пройти это первое испытание, его отводили на расстояние в одно дерево и гнали через лес вооруженные люди; если кто-нибудь из них догонял его и ранил, он не мог принадлежать к фениям. Если он спасся невредимым, но распустил хоть один локон своих заплетенных волос, или сломал хоть одну ветку во время бегства, или если в конце бега его оружие дрожало в руках, ему отказывали. Поскольку, помимо этих испытаний, он должен был перепрыгнуть через ветку высотой до лба и опуститься под нее до колена, бегая на полной скорости, и вырвать шип из пятки без помех для бега, ясно, что даже рядовые фенийцы должны были быть исключительными спортсменами.^[234]

Но пора перейти к более подробному описанию этих чемпионов.^[235] Они представляют собой хорошую компанию, не менее героическую, чем могучие мужчины Ольстера. Первым идет сам Финн, не самый сильный телом среди фениев, но самый верный, мудрый и добрый, нежный с женщинами, щедрый с мужчинами и доверяемый всеми. Если бы он мог помочь, то никогда бы не позволил никому оказаться в беде или нищете. "Если бы мертвые листья в лесу были золотом, а белая пена на воде - серебром, Финн отдал бы все это".

У Финна было два сына, Фергус и его более знаменитый брат Оссиан^[236]. Фергус из сладкой речи был бардом фениев, а также, благодаря своим медовым словам, их дипломатом и послом. Однако, по иронии судьбы, именно Оссиану, который в самых ранних текстах не упоминается как поэт, приписываются стихи о фениях, которые в Шотландии носят название "Оссиановские баллады". Матерью Оссиана была Садб, дочь Бодба Рыжего. Богиня-соперница превратила ее в оленя, что объясняет, как Оссиан получил свое имя, которое означает "оленок". С такими преимуществами рождения он, естественно, был достаточно быстр, чтобы догнать заднюю лань и поймать ее за ухо, хотя и гораздо менее быстроног, чем его двоюродный брат Каоилте^[237], "Тонкий человек". Не был он и таким сильным, как его собственный сын Оскар, самый могучий из всех фениев, но в юности такой неуклюжий, что остальные члены отряда отказывались брать его с собой в воинственные походы. Однако они изменили свое мнение, когда однажды он, следуя за ними по пятам, обнаружил, что они уступают дорогу врагу, и, бросившись к ним на помощь, вооруженный лишь большим поленом, которое лежало на земле под рукой, переломил ход сражения. После этого Оскара стали называть лучшим воином Фианны; ему дали командование батальоном, а его зная, прозванное "Страшной метлой", считалось центром любого сражения, так как оно никогда не отступало ни на фут. Среди других выдающихся фениев был Голл^[238], сын Морны, сначала враг Финна, а затем его последователь, человек, искусный как в войне, так и в учебе. Несмотря на то, что он был одноглазым, его любили женщины, но не так сильно, как двоюродного брата Финна, Диармайта О'Дуибне^[239], чья роковая красота пленила даже обрученную невесту Финна, Грайинн^[240]. Их комическим персонажем был Конан, который представлен как старый, лысый, тщеславный, раздражительный человек, такой же великий хвостун, как древний Пистоль, и такой же несносный, как Терсит, и все же, после того как его однажды пристыдили, он стал настоящим человеком своих рук. Это главные герои Фении, главные действующие лица ее истории.

Фенийский эпос начинается еще до рождения героя с борьбы двух соперничающих кланов, каждый из которых претендовал на роль настоящего и единственного Fianna Eirinn. Они назывались Clann Morna, главой которого был Голл мак Морна, и Clann Baoisgne^[241], которым командовал отец Финна, Кумхал. При Кнуче произошла битва^[242], в которой Голл убил Кумхала, а клан Баоисгн был рассеян. Однако жена Кумхала родила посмертного сына, которого тайно воспитывали в горах Слив Блум, опасаясь, что враги отца найдут и убьют его. Мальчик, которого поначалу называли Деймн^[243], вырос и стал искусным гонщиком, пловцом, бегуном и охотником. Позже, как и Кухуллен, да и многие современные дикари, он взял себе второе, более личное имя. Те, кто видел его, спрашивали, кто этот "справедливый" юноша. Он принял это предзнаменование и назвался Деймном Финном.

В конце концов он забрел на берега Бойна, где нашел прорицателя по имени Финн Провидец, жившего у глубокого бассейна близ Слейна, названного "Бассейном Фека", в надежде поймать одного из "лососей знания" и, съев его, обрести вселенскую мудрость. Он прожил там семь лет безрезультатно, хотя успех был предсказан одному человеку по имени Финн. Когда появился странствующий сын Кумхала, Финн Провидец нанял его в качестве своего слуги. Вскоре после этого он поймал желанную рыбу и отдал ее нашему Финну, чтобы тот приготовил ее, предупредив, чтобы тот не ел ни кусочка. "Ты уже съел ее?" - спросил он мальчика, когда тот принес ее уже готовую. "Нет, конечно, - ответил Финн, - но когда я варил его, на коже вскочил волдырь, и, положив большой палец на волдырь, я ошпарил его, а потом положил в рот, чтобы облегчить боль". Мужчина был озадачен. "Вы сказали мне, что вас зовут Деймн, - сказал он, - но у вас есть еще какое-нибудь имя?" "Да, меня также зовут Финн". "Этого достаточно", - ответил разочарованный хозяин. "Съешь лосося сам, ибо ты должен быть тем, о ком говорилось в пророчестве". Финн съел "лосося знаний", и после

этого ему достаточно было положить большой палец под зуб, как он это делал, когда ошпарился, чтобы получить предвидение и волшебный совет.^[244]

Вооруженный таким образом, Финн был более чем достойным противником клана Морна. Любопытные легенды рассказывают, как он открылся старым последователям своего отца, сбил с толку врагов своей магией и превратил их в верных слуг.^[245] Даже Голл из Ударов был вынужден подчиниться его власти. Постепенно он объединил два враждующих клана в одну Фианну, которой и правил, беря дань с королей Ирландии, воюя с фоморами "Лохланнаха", уничтожая всех великанов, змей и чудовищ, населявших землю, и наконец пронеся свои мифические завоевания по всей Европе.

Из бесчисленных историй о подвигах фенийцев трудно выбрать примеры. Все они героические, романтические, дикие, фантастические. Во многих из них Туатха Де Дананн играют заметную роль. Одна из таких историй связана с более ранним мифологическим эпизодом, о котором уже рассказывалось. Читатель помнит^[246], как, когда Дагда отказался от царства бессмертных, появилось пять претендентов на него; как из этих пяти - Ангуса, Мидера, Лера, Илбхрича, сына Мананнана, и Бодба Рыжего - был выбран последний; Как Лер отказался признать его, но позже примирился; как Мидер, столь же непокорный, бежал в "пустынную страну вокруг горы Лейнстер" в графстве Карлоу; и как на него и его народ велась ежегодная война со стороны остальных богов, чтобы привести их к покорности. Во времена Финна эта война все еще продолжалась, и Мидер не преминул обратиться к нему за помощью. Однажды, когда Финн охотился в Донегале вместе с Оссианом, Оскаром, Каоилте и Диармаитом, их гончие выследили прекрасного олененка, который, хотя в каждый момент, казалось, был почти настигнут, вел их в полной погоне до самой горы Лейнстер. Здесь он внезапно исчез в расщелине склона. Повалил сильный снег, "заставивший ветви леса как бы перекрутиться", что вынудило фениев искать укрытие, и они исследовали место, в котором исчезла оленушка. Оно привело к великолепному сидху в ложбине холма. Войдя в него, они были встречены прекрасной девой-богиней, которая сказала им, что это она, дочь Мидера, была олененком и что она специально приняла такой облик, чтобы привести их сюда в надежде получить их помощь против армии, которая собиралась напасть на сидх. Финн спросил, кто будет нападающими, и ему ответили, что это Бодб Рыжий с семью сыновьями, Ангус "Сын Молодого" с семью сыновьями, Лер из Сидх Фионнехайдх с двадцатью семью сыновьями и Фионнбхарр из Сидх Мидха с семнадцатью сыновьями, а также множество богов меньшей славы, собранных из сидхе не только по всей Ирландии, но и в Шотландии и на островах. Финн пообещал свою помощь, и с наступлением сумерек того же дня появились нападающие и предприняли свой ежегодный штурм. После битвы, длившейся всю ночь, они были отбиты, потеряв "десять человек, десять десятков и десять сотен". Финн, Оскар и Диармайт, а также большинство из многочисленных сыновей Мидера были тяжело ранены, но пиявка Лабра исцелила все их раны.^[247]

Как бы то ни было, фенианцам не всегда требовался предлог в виде союза фей, чтобы начать войну с расой холмов. Одна из так называемых "оссиановских баллад" называется "Погоня за заколдованными свиньями Ангуса из Бруга"^[248]. Этот Ангус, конечно же, "Сын Молодого", а Бруг - тот самый знаменитый сидх у Бойна, который он обманом отнял у своего отца, Дагды. В соответствии с дружелюбной манерой богов по отношению к героям, он пригласил Финна и тысячу его последователей на пир в Бруг. Они пришли на него в своих лучших одеждах, "кубки переходили из рук в руки, а официанты были в движении". Наконец разговор зашел о сравнительных достоинствах удовольствий стола и погони: Ангус упорно утверждал, что "жизнь богов в вечных пирах" лучше всех фенийских охот, а Финн столь же упорно это отрицал. Финн похвастался своими гончими, и Ангус сказал, что лучшие из них не смогли бы

убить ни одной его свиньи. Финн гневно ответил, что две его гончие, Бран^[249] и Сгеолан^[250], убьют любую свинью, которая ступит на сушу. Ангус ответил, что может показать Финну такую свинью, которую не сможет поймать или убить ни одна из его гончих или егерей. Тут-то и завязалась изрядная ссора между такими огнеопасными существами, как боги и герои, но распорядитель пира вмешался и отправил всех спать. На следующее утро Финн покинул Бруг, ибо не хотел сражаться со всеми феями Ангуса со своей горсткой в тысячу человек. Прошел год, прежде чем он услышал об этом; затем пришел гонец от Ангуса, напомнивший Финну о его обещании выставить своих людей и гончих против свиней Ангуса. Фенийцы расположились на вершинах холмов, каждый со своей любимой гончей на поводке, и не прошло и нескольких дней, как на восточной равнине появилась сотня и одна такая свинья, каких никто из фенийцев никогда не видел. Каждый из них был высок, как олень, и чернее кузнечных углей, шерсть у него была как чаща, а щетина - как корабельные мачты. И все же фенийцы были так искусны, что убили их всех, хотя каждая из свиней уложила десять человек и множество гончих. Тогда Ангус пожаловался, что фенийцы убили его сына и многих других членов Туатха Де Дананн, которые, на самом деле, были не кем иным, как свиньями, чьи обличья они приняли. С обеих сторон посыпались упреки, и, в конце концов, разъяренные фенийцы приготовились атаковать Бруг на Бойне. Только тогда Ангус начал сдаваться, и, по совету Оссиана, Финн заключил мир с ним и его сказочным народом.

Таковы некоторые из сказаний, составляющих фенийский цикл саг. Охота - самая яркая черта этих сказаний, ведь фенийцы по сути своей были расой могучих охотников. Но существа, за которыми они охотились, не всегда были из плоти и крови. Чародеи, желавшие фенийцам зла, всегда могли заманить их в опасность, приняв облик кабана или оленя, и многие истории начинаются с невинной погони, а заканчиваются убийственной битвой. Но из таких схваток фенийцы всегда выходили победителями, как гордо хвастается Оссиан, "благодаря правдивости и силе своих рук".

Однако самая знаменитая погоня - это погоня не за оленем или кабаном, а за женщиной и мужчиной, обрученной женой Финна и его племянником Диармайтом.^[251] Всегда удачливый на войне, фенийский вождь нашел беду в своей любви. Желая обрести жену на старости лет, он отправился на поиски Грэйन्न, дочери Кормака, верховного короля Ирландии. Король Кормак и его дочь дали согласие, и послы Финна вернулись с приглашением к жениху приехать через две недели за своей невестой. Он прибыл со своим отрядом и был принят в большом пиршественном зале Тары. Там они пировали, и там Грэйन्न, дочь короля, окинув взглядом собравшихся фенийских героев, увидела Диармайта О'Дуибхна.

У этого фенийского Адониса на щеке было пятно красоты, которое не могла увидеть ни одна женщина, не влюбившись в него мгновенно. Грэйन्न, несмотря на свое королевское происхождение, не стала исключением из этого правила. Она попросила друида указать ей главных гостей. Друид рассказал ей все их имена и подвиги. Затем она позвала драгоценный рог для питья и, наполнив его одурманивающим вином, поднесла его каждому по очереди, кроме Диармайта. Никто не мог быть настолько невежлив, чтобы отказаться от вина из рук принцессы. Все выпили и погрузились в глубокий сон.

Затем, поднявшись, она подошла к Диармаиту, рассказала ему о своей страсти к нему и попросила вернуть ее. "Я не буду любить суженую своего вождя, - ответил он, - и даже если бы я захотел, то не посмел бы". И он восхвалял добродетели Финна, а свою славу принижал. Но Граинн лишь ответила, что взяла с него *geasa* (узы, от выкупа которых не откажется ни один герой), чтобы он бежал с ней; и тут же вернулась в свое кресло, пока остальные не очнулись от дремоты.

После пира Диармайт один за другим подошел к своим товарищам и рассказал им о любви Граинны к нему и о *геасе*, которую она наложила на него, чтобы он увез ее из Тары. Он спросил каждого из них, что ему следует делать. Все отвечали, что ни один герой не может разрушить *гейс*, наложенный на него женщиной. Он спросил даже Финна, скрыв имя Грэйнна, и Финн дал ему тот же совет, что и остальные. В ту ночь влюбленные бежали из Тары к броду через Шеннон в Атлоне, переправились через него и пришли в место, называемое "Лес двух палаток", где Диармайт сплел из веток шалаш, в котором укрылась Грэйнна.

Тем временем Финн обнаружил их бегство, и ярость его не знала границ. Он послал за ними своих следопытов, кланн Нимхуайн^[252], чтобы те проследили за ними. Они выследили их до леса, один из них взобрался на дерево и, посмотрев вниз, увидел хижину, вокруг которой был построен крепкий забор с семью ярусами, а внутри находились Диармайт и Грэйнна. Когда эта новость дошла до фенийцев, они были огорчены, ведь их симпатии были на стороне Диармайта, а не Финна. Они пытались предупредить его, но он не внял, ибо решил сражаться, а не бежать. И когда Финн сам подошел к ограде и обратился через нее к Диармаиту, спрашивая, нет ли его и Граинны внутри, тот ответил, что есть, но никто не должен входить, пока он не даст разрешения.

Так Диармайт, подобно Кухулайну в войне Ольстера с Ирландией, оказался один против целого войска. Но, как и у Кухулейна, у него был божественный помощник. Любимец Туатха Де Дананн, он был учеником Мананнана сына Лера в "Земле обетованной" и воспитанником Ангуса из Бруга. Мананнан дал ему два своих копья, "Красное копье" и "Желтое копье", и два меча, "Большая ярость" и "Малая ярость". И вот Ангус пришел на поиски своего приемного сына и принес с собой волшебную мантию-невидимку, которой пользуются боги. Он посоветовал Диармаиту и Грайнне выйти, завернувшись в мантию, и таким образом стать невидимыми. Диармайт все же отказался бежать, но попросил Ангуса защитить Грайнна. Обернув ее волшебной мантией, бог увел принцессу, не замеченную никем из фенийцев.

К этому времени Финн расставил людей у всех семи дверей в ограде. Диармайт по очереди подошел к каждой из них. У первой стояли Оссиан и Оскар из клана Баоисгн. Они предложили ему свою защиту. У второй - Каоилте и Кланн Ронан, которые заявили, что будут сражаться за него до смерти. На третьем - Конан и клан Морна, тоже его друзья. В четвертом - Куан с фениями из Мюнстера, родной провинции Диармайта. На пятом - фениев Ольстера, которые также обещали ему защиту от Финна. А в шестой - ненавистные ему кланы Неймхуайн, а в седьмой - сам Финн.

"Через твою дверь я уйду, о Финн", - воскликнул Диармайт. Финн приказал своим людям окружить Диармайта, когда тот выйдет, и убить его. Но он перепрыгнул через ограду, пройдя над их головами, и скрылся так стремительно, что они не смогли его преследовать. Он не останавливался, пока не достиг места, куда, как он знал, Ангус отвел Грайнна. Дружелюбный бог оставил им небольшой мудрый совет: никогда не прятаться в дереве с одним стволом; никогда не отдыхать в пещере с одним входом; никогда не высаживаться на остров с одним подходом; не есть ужин там, где его приготовили, и не спать там, где ужинали, а там, где они спали однажды, никогда больше не спать. При такой тактике, напоминающей краснокожих индейцев, Финн не сразу их обнаружил.

Однако в конце концов он узнал, где они находятся, и послал чемпионов с ядовитыми гончими, чтобы схватить или убить их. Но Диармайт победил всех, кто был послан против него.

И все же Финн преследовал его, пока Диармайт, как последняя надежда на спасение, не укрылся под волшебным деревом^[253], на котором росли алые плоды, амброзия богов. Оно

выросло из одной ягоды, оброненной одним из Туатха Де Дананн, который, обнаружив, что по неосторожности наделил смертных небесной и бессмертной пищей, послал огромного одноглазого фомора по имени Шарван Суровый охранять его, чтобы никто не мог полакомиться его плодами. Весь день этот Фомор сидел у подножия дерева, а всю ночь спал среди его ветвей, и так страшен был его вид, что ни фенийцы, ни другие люди не смели приблизиться к нему на расстояние нескольких миль.

Но Диармайт был готов отважиться на отвагу фомора в надежде найти надежное убежище для Граинн. Он смело подошел к нему и попросил разрешения разбить лагерь и поохотиться в его окрестностях. Фомор угрюмо сказал ему, что он может разбивать лагерь и охотиться, где ему заблагорассудится, если только он воздержится от того, чтобы брать алые ягоды. Тогда Диармайт построил хижину у источника, и они с Граинн стали жить в ней, убивая диких животных для пропитания.

Но, к несчастью, Грэйинн так сильно захотелось поесть быстрых ягод, что она почувствовала, что должна умереть, если ее желание не будет удовлетворено. Сначала она пыталась скрыть это желание, но в конце концов была вынуждена рассказать об этом своему спутнику. Диармайт не хотел ссориться с фомором, поэтому он отправился к нему, рассказал, в каком бедственном положении находится Граинн, и попросил в подарок горсть ягод.

Но фомор лишь ответил: "Клянусь тебе, что если бы ничто не спасло принцессу и ее нерожденное дитя, кроме моих ягод, и если бы она была последней женщиной на земле, она не должна была бы получить ни одной из них". Тогда Диармайт сразился с фомором и после долгих раздумий убил его.

Финну доложили, что хранитель волшебного быстрорастущего дерева больше не живет, и он догадался, что Диармайт, должно быть, убил его; поэтому он спустился в это место с семьей батальонами фенийцев, чтобы разыскать его. К тому времени Диармайт покинул свою хижину и занял ту, что построил Фомор среди ветвей волшебного быстрого дерева. Он сидел в ней вместе с Граинн, когда пришли Финн и его люди и разбили лагерь у подножия дерева, чтобы дожидаться полуденного зноя, прежде чем начать поиски.

Чтобы скоротать время, Финн достал свою шахматную доску и вызвал на партию своего сына Оссиана. Они играли до тех пор, пока у Оссиана не осталось только одного хода.

"Один ход сделает тебя победителем, - сказал ему Финн, - но я бросаю вызов тебе и всем фенийцам, чтобы угадать его".

Только Диармайт, смотревший сквозь ветви на игроков, знал этот ход. Он не удержался и бросил на доску ягоду, да так ловко, что она попала в ту самую шахматную фигуру, которую должен был передвинуть Оссиан, чтобы выиграть. Оссиан понял намек, сделал ход и выиграл. Сыграли вторую и третью партии, и в каждой произошло то же самое. Тогда Финн почувствовал, что ягоды, которые подсказали Оссиану, должно быть, бросил Диармайт.

Он окликнул Диармайта и спросил, здесь ли он, и фенийский герой, который никогда не говорил неправды, ответил, что да. Таким образом, дерево Квикен было окружено вооруженными людьми, как и огороженная хижина в лесу. Но все опять произошло по-старому: Ангус из Бруга унес Грэйинн, закутанную в невидимый волшебный плащ, а Диармайт, подойдя к концу толстой ветки, в два счета преодолел круг фенийцев и скрылся нетронутым.

Так закончилась знаменитая "погоня"; Ангус пришел послом к Финну, уговаривая его примириться с беглецами, и все лучшие из фенийцев умоляли Финна согласиться. Так Диармайт и Граинн получили возможность вернуться с миром.

Но Финн так и не простил их, и вскоре после этого он призвал Диармайта отправиться в погоню за диким кабаном Бенна Гульбана^[254]. Диармайт убил кабана, не получив ни одного ранения, ибо, подобно греческому Ахиллу, он был неуязвим только в пятке. Финн, зная это, велел ему измерить длину шкуры босой ногой. Диармайт так и сделал. Тогда Финн, заявив, что отмерил неправильно, велел ему снова отмерить ее в обратном направлении. Это произошло против расположения щетины, и одна из них пронзила пятку Диармайта, нанеся ему отравленную и смертельную рану.

Эта "погоня за Диармаитом и Грайнн", о которой мы так долго рассказывали, в какой-то степени знаменует кульминацию фенийского могущества, после которой оно стало клониться к концу. Друзья Диармайта так и не простили вероломства, с которым Финн подстроил его смерть. Вечно дремавшее соперничество между Голлом и его кланом Морна и Финном и его кланом Баоисгн стало проявляться в виде открытой вражды. Возникли также распри между фениями и верховными королями Ирландии, которые в конце концов увенчались уничтожением фиан в битве при Габре^[255].

Считается, что битва произошла в 284 году нашей эры. Сам Финн погиб за год до этого в стычке с мятежными фениями у брода Бреа на реке Бойн. Король Кормак Великолепный, отец Грэйинн, также был мертв. Война разразилась между внуком Финна Оскаром и сыном Кормака Кэрбре. Эта мифическая битва была столь же ожесточенной, как и последняя битва Артура при Камлане. Оскар убил Кэрбре и был убит им. Почти все фениевцы пали, как и все войска Кэрбре.

Только двое из великих фенийских деятелей остались в живых. Один из них - Каоилте, чья быстрота спасла его в конце, когда все было потеряно. В знаменитой истории, называемой "Диалог старейшин", он рассказывает святому Патрику, спустя столетия, о чудесных деяниях фениев. Потеряв друзей героической эпохи, он, как говорят, бросил свой жребий вместе с Туатха Де Дананн. Вместе с Илбхреахом, сыном Мананнана, он сражался в битве против самого Лера и убил древнего морского бога собственной рукой.^[256] В сказке рассказывается, как он завладел сказочным дворцом Лера в Сидх-Фионнехайдхе, после чего мы больше ничего о нем не знаем, кроме того, что в сознании ирландского крестьянства он занял место одного из сидов и правителя среди сидов.

Другим был Оссиан, который не сражался при Габре, поскольку задолго до этого он отправился в великое путешествие, которое совершают большинство героев мифологии, - в тот путь, из которого не возвращается ни один простой смертный. Как и Кухуленн, он отправился туда по приглашению богини. Фенийцы охотились у озера Килларни, когда к ним подошла женщина более чем человеческой красоты и сказала, что ее зовут Нив^[257], дочь Сына Моря. Гэльский поэт Майкл Комин, который в восемнадцатом веке переложил древнюю историю на свой лад,^[258] описывает ее точно так же, как это сделал бы один из старых бардов:

"На ее голове красовалась королевская корона;

И коричневая мантия из драгоценного шелка,

усыпанная звездами из красного золота,

покрывала ее туфли до самой травы.

"Золотое кольцо свисало

С каждого желтого локона ее золотых волос;

Глаза ее, голубые, ясные и безоблачные,

Как капли росы на траве.

"Щеки ее были краснее розы,

Прекраснее лебедь на волне,

И слаще был вкус ее бальзама на губах.

Чем мед, смешанный с красным вином".

"Одеяние широкое, длинное и гладкое

покрывала белого коня,

И седло из красного золота,

А правая рука держала уздечку с золотым удилом.

"Под ним были четыре башмака хорошей формы,

Из желтого золота чистейшей пробы;

На затылке у него был серебряный венок,

И не было в мире коня лучше".

Такой была Нив из Золотых Волос, дочь Мананнана; и неудивительно, что, когда она выбрала Оссиана из сынов человеческих своим возлюбленным, все мольбы Финна не смогли удержать его. Он сел позади нее на ее сказочного коня, и они поехали по земле к берегу моря, а затем над вершинами волн. Пока они ехали, она описывала ему страну богов в тех же выражениях, в каких сам Мананнан представлял ее Брану, сыну Фебала, как Мидер рисовал ее Этайн и как все, кто побывал там, рассказывали о ней тем, кто остался дома, на земле.

"Это самая восхитительная страна, которую можно найти

Величайшей славы под солнцем;

Деревья, усыпанные плодами и цветами,

И листва растет на вершинах ветвей.

"В изобилии там мед и вино,

И все, что видел глаз,

И не придет на тебя упадок с течением времени.

Смерти и разложения ты не увидишь".

По дороге они видели чудеса. На поверхности моря появлялись сказочные дворцы с яркими солнечными луковицами и белыми как известь стенами. У одного из них они остановились, и Оссиан, по просьбе Нив, напал на жившего там свирепого фомора и освободил девицу из Туатха Де Дананн, которую тот держал в заточении. Он видел, как безрогий олененок прыгал с волны на волну, преследуемый одной из тех странных гончих, о которых говорится в кельтских мифах, - чисто белой, с красными ушами. Наконец они достигли "Земли молодых", и там Оссиан прожил с Нив триста лет, прежде чем вспомнил об Эрине и фениях. Тогда ему

очень захотелось снова увидеть свою страну и свой народ, и Нив разрешила ему отправиться в путь, посадив на сказочного коня. Только в одном она заставила его поклясться - не позволять своим ногам касаться земной почвы. Оссиан пообещал и на крыльях ветра добрался до Ирландии. Но, подобно детям Лера по окончании покаяния, он обнаружил, что все изменилось. Он спросил о Финне и фениях, и ему ответили, что это имена людей, которые жили давным-давно и о деяниях которых написано в старых книгах. Произошла битва при Габре, в Ирландию пришел святой Патрик и все сделал по-новому. Сами формы людей изменились; они казались карликами по сравнению с гигантами его времени. Увидев, как три сотни из них тщетно пытаются поднять мраморную плиту, он с презрительной добротой подкатил к ним и поднял ее одной рукой. Но когда он это сделал, золотая подпруга седла сломалась от напряжения, и он коснулся ногами земли. Сказочный конь исчез, и Оссиан поднялся с земли, уже не божественно юный, прекрасный и сильный, а слепой, седовласый, исхудавший старик.

В ряде зажигательных баллад^[259] рассказывается о том, как Оссиан, застрявший в старости на земной почве, неспособный помочь себе или найти пропитание, был взят святым Патриком в свой дом для обращения. Святой рисует ему в самых ярких красках рай, который может стать его собственным, если он только покается, и в самых мрачных - ад, в котором, по его словам, сейчас мучаются его старые товарищи. Оссиан отвечает на доводы, мольбы и угрозы святого необычайно откровенно. Он не верит, что рай может быть закрыт для фенийцев, если они захотят туда попасть, или что сам Бог не возгордится, заявив о дружбе с Финном. А если это не так, то какой ему смысл в вечной жизни, где нет ни охоты, ни ухаживаний за прекрасными женщинами, ни слушания песен и сказок бардов? Нет, он пойдет к фениям, где бы они ни сидели - на пиру или в огне; и так он умрет, как жил.

ГЛАВА XV

УПАДОК И ПАДЕНИЕ БОГОВ

Несмотря на широкую популярность баллад, имевших форму диалогов между Оссианом и Патриком, некоторые традиции утверждают, что святому удалось обратить героя. Каоилте, другой великий выживший фениец, также был представлен как человек, с радостью променявший свои языческие представления на предложенную ему веру и спасение. То же самое влияние мы можем увидеть в более поздних легендах о чемпионах Красной ветви. Политика первых христианизаторов Ирландии заключалась в том, чтобы описывать любимых героев своих все еще полуязыческих паствы как людей, которые передали свою покорность новому вероисповеданию. Сказания о Конхобаре и Кухулайнне были изменены, чтобы доказать, что именно эти языческие личности были чудесным образом приведены к принятию Евангелия в последний момент. Совершенно новая история повествовала о том, как последний герой был воскрешен из мертвых святым Патриком, чтобы он мог засвидетельствовать истинность христианства Лаогару Второму, королю Ирландии, что он и сделал с таким пылом и красноречием, что скептически настроенный монарх был убежден.^[260]

Были предприняты и смелые попытки превратить Туатха Де Дананн из языческих богов в христианских святых, но они ни в коем случае не были столь выгодными, как политика, проводимая в отношении более похожих на людей героев. Только с одним из них успех был немедленным и блестящим. Бригит, богиня огня, поэзии и очага, сегодня известна как святая Бриджит, или Невеста. Самая популярная из всех ирландских святых, она до сих пор легко узнается как дочь Дагды. Ее христианские атрибуты, почти все связанные с огнем, свидетельствуют о ее языческом происхождении.^[261] Она рождалась на восходе солнца; дом, в котором она жила, пылал пламенем, достигавшим небес; огненный столб поднимался с ее головы, когда она принимала покров; а ее дыхание давало новую жизнь мертвым. Как и в случае с британской богиней Сул, которой поклонялись в Бате и которая, по словам латинского писателя первого века Солинуса^[262], "властвовала над кипящими источниками, а на ее алтаре горел вечный огонь, который никогда не превращался в пепел, а застывал в каменную массу", священному пламени на ее святилище в Килдаре никогда не позволялось гаснуть. Однажды, в тринадцатом веке, оно было погашено, но вновь зажжено и горело неугасимым огнем вплоть до подавления монастырей Генрихом Восьмым. На этот священный огонь нельзя было дышать нечистым человеческим дыханием. Десять ночей за ним ухаживали монахини, но на двадцатую ночь он был оставлен нетронутым и чудесным образом продолжал гореть. При столь незначительных изменениях в ее характере и ритуале, неудивительно, что полуязыческие, полухристианские ирландцы с радостью приняли новую святую вместо старой богини.

Несомненно, тщательное изучение ирландской агиологии привело бы к обнаружению многих других святых, чьи имена и атрибуты могли бы вызвать подозрение в том, что ранее они были языческими богами. Но их признание не было настолько всеобщим, чтобы отпала необходимость в других средствах противодействия все еще живому влиянию гэльского пантеона. Поэтому возникла новая школа эвмеристов, доказывавших, что боги никогда не были даже святыми, а всего лишь мирскими людьми, которые когда-то жили и правили в Эрине. Ученые монахи усердно трудились над созданием истории Ирландии от Потопа и ниже. Мистер Юджин О'Карри собрал из различных разработанных ими родословных и вставил в книги Баллимота, Лекана и Лейнстера удивительную генеалогию, которая показывает, что не только Туатха Де Дананн, но и Фир Болги, Фоморы, Милезийцы, расы Партолона и Немеда произошли от Ноя. Иафет, сын патриарха, был отцом Магога, от которого произошли две линии, первая из которых была милезийцами, а вторая разветвилась на все остальные расы.^[263]

Вписав богов сначала во всеобщую историю, а затем в историю Ирландии, не составило труда снабдить их датами рождения и смерти, местами обитания и захоронения. Нам с точностью до мелочей рассказали, как долго Нуада, Дагда, Луг и другие правили в Таре. Курганы у Бойна обеспечили им удобные гробницы. Их враги, фоморы, стали настоящими захватчиками, которых победили в настоящих битвах. Таким образом, было решено сделать из их божеств простую прозу.

Однако справедливо будет сказать, что у этих ранних эвмеристов есть и современные ученики. Есть много писателей, признанных авторитетов в своей области, которые, занимаясь историей Ирландии или составлением британской расы, утверждают, что в племенах, упомянутых в гэльском мифе, живут реальные люди. К сожалению, единственное, в чем они сходятся, - это общепринятый тезис о том, что "милезийцы" были арийскими кельтами. Они расходятся во мнениях по вопросу о "Фир Болгах", в которых одни видят доарийские племена, а другие, сбивые с толку названием, считают их бельгийскими галлами; а в отношении действительно мифологических рас они и вовсе разбегаются. В Туатха Де

Дананн по-разному встречаются гэлы, пикты, датчане, скандинавы, лигурийцы и финны, а фоморы находятся под подозрением в том, что они были иберами, маврами, римлянами, финнами, готами или тевтонами. Что касается жителей Партолона и Немеда, то их даже объясняют как людей эпохи палеолита. Этого хаоса мнений, к счастью, удалось избежать отечественным летописцам, у которых не было никаких особых взглядов на расовый вопрос, кроме того, что все происходили из "Испании".

Конечно, были и несогласные с этой преобладающей манией эвemerизации. Уже в 1600 десятом веке поэт Эохайд О'Флинн, пишущий о Туатха Де Дананн, сначала, кажется, колеблется, приписывать ли им человечность или божественность, а в конце откровенно заявляет об их божественности. В своей поэме, сохранившейся в Книге Баллимота,^[264] он говорит: "Хотя они пришли к ученому Эринну.

"Хотя они пришли к изученному Эринну

Без плавучих, отважных кораблей,

Никто из людей не знал.

Были ли они из земли или из неба.

"Если они были дьявольскими демонами,

Они пришли из того печального изгнания;^[265]

Если они были из расы племен и народов,

Если они были людьми, то они были из расы Беотаха".

Затем он перечисляет их в должной последовательности и заканчивает заявлением: - "Хотя я рассматривал этих дельцов.

"Хотя я рассматривал эти божества в их порядке,

но я не обожествлял их".

Можно с большой долей вероятности предположить, что простые люди скорее соглашались с поэтом, чем с монахом. Благочестивые люди в монастырях могли писать что угодно, но простых мирян было бы нелегко убедить в том, что их заветные боги никогда не были чем-то большим, чем люди, подобные им самим. Вероятно, они мало что говорили, но втайне действовали в соответствии со своими унаследованными представлениями. Для спокойствия можно признать, что Гоибниу был всего лишь человеком; тем не менее известно, что его имя необычайно действенно в заклинаниях. Это в равной степени относилось и к Дианшету, и призывы к ним обоим содержатся в некоторых стихах, которые ирландский монах VIII века написал на полях рукописи, до сих пор хранящейся в Санкт-Галле, в Швейцарии. До нас дошли некоторые рецепты Дианшета, но следует признать, что они почти не отличаются от тех, что были распространены среди обычных медиков Средневековья. Возможно, после того злополучного пролития трав, выросших из тела Миаха, ему пришлось прибегнуть к эмпирическим исследованиям. Он изобрел кашу для "облегчения телесных недугов, таких как простуда, мокрота, горловые кошки и присутствие живых существ в теле, например червей"; она состояла из почек орешника, одуванчика, чиквеля, щавеля и овсянки; ее следовало принимать каждое утро и вечер. Он также прописывал средства против последствий колдовства и четырнадцати болезней желудка.

Гоибниу, в дополнение к своему первоначальному характеру божественного кузнеца и колдуна, приобрел среди ирландцев еще одну репутацию - великого строителя и мостостроителя. В этом качестве он известен как Гобхан Саер, то есть Гоибниу-архитектор, и чудесные предания, бытующие по всей Ирландии, свидетельствуют о его мастерстве.

"Люди называли его Гобхан Саер, и многие истории

до сих пор ходит по закоулкам страны.

О том, как он расколол скалу или спустился в долину.

Как он вел за руку яркую реку, похожую на ребенка:

О том, как на гигантских кораблях он расправлял огромные паруса,

И о многих других чудесах, впервые задуманных им",

пишет поэт современной Ирландии.^[266] Особенно много приписывали ему "круглых башен", а христианские священнослужители присвоили его популярность, описывая его как проектировщика своих церквей. По легенде, он странствовал по стране, одетый, как и греческий Гефест, на которого он похож, в рабочее платье, в поисках заказов и приключений. Его работы хранятся в соборах и церквях Ирландии, а о его приключениях до сих пор или до недавнего времени ходит множество странных легенд в устах стариков в отдаленных уголках Ирландии.

Некоторые из них, как и следовало ожидать, представляют собой не более чем полупонятные воспоминания о древней мифологии. В них появляются персонажи старых, еще не совсем забытых богов - Луг, Мананнан и Балор - имена которых до сих пор помнят друиды, герои и короли Ирландии в туманные времена.

Одно или два из них стоит пересказать. Мистер Уильям Лармини, собирая народные сказки на острове Ахилл, взял одну из них из уст престарелого крестьянина, в которой сбивчиво рассказывается о том, что можно назвать едва ли не главным происшествием гэльской мифологии, - о таинственном рождении бога солнца от демонического родителя и о том, как он, достигнув совершеннолетия, убил своего деда.^[267]

Архитектор Гобхан и его сын, молодой Гобхан, говорится в сказке, были посланы Балором из Ветров, чтобы построить ему дворец. Они построили его так хорошо, что Балор решил не отпускать их живыми из своего королевства, опасаясь, что они построят еще один такой же хороший для кого-нибудь другого. Поэтому он приказал убрать все строительные леса вокруг дворца, пока они были на вершине, намереваясь оставить их там умирать от голода. Но, узнав об этом, они начали разрушать крышу, так что Балор был вынужден позволить им спуститься.

Тем не менее, он отказался позволить им вернуться в Ирландию. Однако у хитрого Гобхана уже был готов план. Он сказал Балору, что повреждение, нанесенное крыше дворца, невозможно починить без специальных инструментов, которые он оставил дома. Балор не позволил ни старому, ни молодому Гобхану вернуться за ними, но предложил послать своего сына. Гобхан дал сыну Балора указания по поводу путешествия. Он должен был идти до тех пор, пока не придет к дому, у дверей которого стоял стог кукурузы. Войдя в него, он обнаружит женщину с одной рукой и ребенка с одним глазом.

Сын Балора нашел дом и попросил у женщины инструменты. Она ждала его, ибо между Гобханом и его женой было решено, что делать, если Балор не позволит ему вернуться. Она

подвела сына Балора к огромному сундуку и сказала, что инструменты лежат на дне, так далеко, что она не может их достать, и что он должен сам залезть в сундук и достать их. Но как только он оказался внутри, она закрыла за ним крышку, сказав, что ему придется оставаться там до тех пор, пока отец не разрешит старому Гобхану и молодому Гобхану вернуться домой с жалованьем. То же самое она послала и самому Балору.

Произошел обмен пленниками: Балор отдал двум Гобханам их жалованье и корабль, чтобы отвезти их домой, а жена Гобхана отпустила сына Балора. Но прежде чем оба строителя ушли, Балор спросил их, кого ему теперь нанять для ремонта своего дворца. Старый Гобхан ответил ему, что, кроме него самого, в Ирландии нет мастера лучше, чем Гавиджин Го.

Когда Гобхан вернулся в Ирландию, он послал Гавиджина Го к Балору. Но тот дал ему совет: принять в качестве платы только одну вещь - серую корову Балора, которая за одну дойку наполняла двадцать бочек. Балор согласился, но, отдавая корову Гавиджину Го, чтобы тот забрал ее с собой в Ирландию, не включил в нее байровую веревку - единственное, что могло удержать ее от возвращения к хозяину.

Серая корова доставляла Гавиджину Го столько хлопот своими бродяжничеством, что он был вынужден нанять военных чемпионов, которые следили бы за ней днем и приводили в целости и сохранности домой ночью. Договорились, что Гавиджин Го за свою плату выкует для чемпиона меч, но если тот потеряет корову, то лишится жизни.

В конце концов, одному воину по имени Циан не повезло, и корова сбежала. Он шел по ее следам до самого берега моря, до самой кромки волн, и там потерял их совсем. Он уже рвал на себе волосы, когда увидел человека, гребущего на корабле. Человек этот, не кто иной, как Мананнан, сын Лера, подошел к берегу и спросил, в чем дело.

Циан сказал ему.

"Что бы ты дал тому, кто отвез бы тебя к месту, где находится серая корова?" - спросил Мананнан.

"Мне нечего дать", - ответил Циан.

"Все, что я прошу, - сказал Мананнан, - это половину того, что ты заработаешь до возвращения".

Циан охотно согласился на это, и Мананнан велел ему садиться в кораблик. В мгновение ока он доставил его в царство Балора, царство холода, где не жарят мясо, а едят его сырым. Циан не привык к такому питанию, поэтому он разжег костер и начал готовить еду. Балор увидел огонь, спустился к нему и так обрадовался, что назначил Циана своим мастером и поваром.

У Балора была дочь, о которой друид пророчествовал, что когда-нибудь она родит сына, который убьет своего деда. Поэтому, подобно Акисию из греческой легенды, он запер ее в башне, охраняемой женщинами, и не позволял ей видеть никого, кроме себя. Однажды Циан увидел, как Балор ушел в башню. Он подождал, пока тот вернется, и отправился на поиски. У него был дар открывать запертые двери и закрывать их за собой. Войдя внутрь, он разжег огонь, и эта новинка так понравилась дочери Балора, что она пригласила его к себе в гости. После этого, по причудливому выражению жителя острова Ахилл, "он постоянно приходил туда, пока у нее не родился ребенок". Дочь Балора отдала ребенка Циану, чтобы он забрал его. Она также отдала ему байровую веревку, принадлежавшую серой корове.

Теперь Циан был в большой опасности, ведь Балор узнал о ребенке. Он отвел серую корову с веревкой на берег моря и стал ждать Мананнана. Сын Лера сказал Циану, что, когда ему будет трудно, он должен думать о нем, и он сразу же появится. Циан подумал о нем и сейчас, и через мгновение появился Мананнан со своим кораблем. Циан сел в лодку вместе с ребенком и серой коровой, как раз в тот момент, когда Балор, преследуемый по пятам, спустился к берегу.

Балор своими заклинаниями поднял сильную бурю, чтобы утопить их, но Мананнан, чей друидизм был сильнее, усмирил ее. Тогда Балор превратил море в огонь, чтобы сжечь их, но Мананнан потушил его камнем.

Когда они благополучно вернулись в Ирландию, Мананнан попросил у Циана обещанную награду.

"Я не получил ничего, кроме мальчика, и я не могу разрубить его на две части, поэтому я отдам его тебе целым", - ответил он.

"Это то, чего я все время хотел", - сказал Мананнан; "Когда он вырастет, не будет равного ему чемпиона".

И Мананнан окрестил мальчика, назвав его Дул-Дауна. Это имя, означающее "Слепорожденный", несомненно, является любопытным изменением оригинального имени *Иолданах*^[268] "Мастер всех знаний". Когда мальчик подрос, он отправился однажды на берег моря. Мимо проплывал корабль, в котором находился человек. Традиции Доннибрукской ярмарки, очевидно, доисторические, потому что мальчик, не потрудившись спросить, кто этот незнакомец, достал "из кармана" дротик, метнул его и попал в него. Человек в лодке оказался Балором. Таким образом, в соответствии с пророчеством, он был убит своим внуком, который, хотя сказка и не называет его имени, очевидно, был Лугом.

Другая версия той же легенды, собранная ирландским ученым О'Донованом на побережье Донегала, напротив любимого места обитания Балора, острова Тори, интересна как дополнение к только что рассказанной.^[269] В этой народной сказке Гоибниу называется Гавида и является одним из трех братьев, двух других зовут Мак Кинели и Мак Самтхайнн. Они были вождями Донегала, кузнецами и земледельцами, а Балор - разбойником, который напал на материк из своей крепости на острове Тори. Серая корова принадлежала Мак Кинели, и Балор украл ее. Ее владелец решил отомстить и, зная предсказание о смерти Балора от рук еще не родившегося внука, уговорил добрую фею отправить его в женском облике в Тор Мор, где в заточении находилась дочь Балора, которую звали Этнеа. Результатом этой экспедиции стал не один сын, необходимый для исполнения пророчества, а три. Это кажущееся излишество оказалось удачным: двоих из них Балор утопил, а второго подобрала из моря та самая фея, которая, по случайности, была ответственна за его рождение, и отдала на воспитание его отцу, Мак Кинели. Вскоре после этого Балор сумел схватить Мак Кинили и в отместку за причиненное ему зло отрубил ему голову на большом белом камне, до сих пор известном в народе как "Камень Кинили". Довольный этим и совершенно не подозревая, что один из детей его дочери был спасен от смерти и теперь воспитывается Гавидой как кузнец, Балор продолжил свою разбойничью карьеру, дополняя ее визитами в кузницу для приобретения оружия. Однажды, оказавшись там во время отсутствия Гавиды, он начал хвастаться молодому помощнику, как он подстроил смерть Мак Кинили. Он так и не закончил рассказ, потому что Луг - так звали мальчика - выхватил из огня раскаленное железо и вонзил его в глаз Балора, а затем в его голову.

Таким образом, в этих двух народных сказаниях,^[270] собранных в разных частях Ирландии, в разное время, разными людьми, сохранилась масса мифологических подробностей, которые можно найти только в древних рукописях, содержащих еще более древние сведения. В них можно найти имена шести членов старого гэльского пантеона, каждый из которых исполняет ту же роль, что и в древности. Гоибниу не утратил своего мастерства в кузнечном деле; Балор по-прежнему является фоморийским королем холодных районов моря; его дочь Этниу становится, по воле Киана, матерью бога солнца; Луг, который по-прежнему носит свой старый титул *Иолданаха*, хотя он странным образом искажился в имя, означающее почти полную противоположность, по-прежнему воспитывается Мананнаном, Сыном Моря, и в конце концов вырастает, чтобы уничтожить своего деда ударом в единственное уязвимое место, его смертельный глаз. Возможно, мы также можем утверждать, что в уродствах жены и ребенка Гобхана, похожих на фоморов, и в истории о серой корове и ее веревке, напоминающей о черной телице Дагды, Океана, мы видим подлинную, хотя и смятую традицию.

В памяти крестьян до сих пор хранится множество историй о Луге, а также об Ангусе и других старых богах. Но рядом с Гобхан Саером наибольшей славой пользуется вечно могущественная и вечно популярная фигура - великий Мананнан.

Последний, возможно, получивший открытое поклонение, он, согласно доброжелательной традиции, по-прежнему помогал и присматривал за людьми, которые отвергли его и перестали ему поклоняться. Вплоть до времен святого Колумбы он был особым хранителем ирландцев в чужих краях, помогая им в опасностях и возвращая их домой целыми и невредимыми. Для крестьян он также был причиной благоприятной погоды и хорошего урожая. Его феи обрабатывали землю, пока люди спали. Но, как говорят, этому наконец пришел конец. Святой Колумба, разбив свой золотой потир, отдал его слуге, чтобы тот починил. По дороге слуге встретился незнакомец, который спросил его, куда он идет. Тот рассказал ему и показал потир. Незнакомец дынул на нее, и сразу же разбитые части воссоединились. Тогда он попросил его вернуться к хозяину, отдать ему чашу и сказать, что Мананнан, сын Лера, починивший ее, желает знать, действительно ли он когда-нибудь достигнет рая. "Увы, - сказал неблагодарный святой, - нет прощения человеку, который творит такие дела!" Слуга вернулся с ответом, и Мананнан, услышав его, разразился возмущенными стенаниями. "Горе мне, Мананнан мак Лер! Много лет я помогал католикам Ирландии, но больше не буду, пока они не станут слабыми, как вода. Я уйду к серым волнам в Горную Шотландию".^[271]

И там он остался. И если только очаровательные истории мисс Фионы Маклеод не являются просто красивым воображением и не более того, он и по сей день неизвестен среди одиноких пастухов и рыбаков "самых дальних Гебридских островов". В "*Современном обозрении*" за октябрь 1902 года^[272] она рассказывает, как к старику четырехсот лет часто приходил в его хижину высокий, красивый незнакомец с гребнем на голове, "похожим на белую канну, развевающуюся на ветру, но с синевой", и "ярким, холодным, выющим пламенем под подошвами его ног". Мужчина рассказал ему много интересного и предсказал время его смерти. Обычно руки незнакомца были спрятаны в складках белого плаща, который он носил, но однажды он пошевелился, чтобы прикоснуться к пастуху, и тогда тот увидел, что его плоть похожа на воду, а среди костей плавают морские водоросли. Тогда Мурдо Макьян понял, что разговаривает не с кем иным, как с Сыном Моря.

Не забыт он и на своем родном острове Мэн, первым жителем которого, по местному преданию, он был. Он также описывается как его царь, который своей магией уберег остров от вторжения. Он мог заставить туман подняться в любой момент и скрыть остров, и с

помощью того же очарования он мог сделать одного человека похожим на сотню, а маленькие щепки, которые он бросал в воду, казались военными кораблями. Неудивительно, что он удерживал свое королевство против всех желающих, пока его власть не прекратилась, как и власть других гэльских богов, с приходом святого Патрика. После этого он, по-видимому, превратился в традиционного великана, который прыгал с замка Пил на Контраверти-Хед, чтобы потренироваться, или бросал огромные камни, на которых до сих пор можно увидеть отпечаток его руки. Говорят, что он не брал со своих подданных и поклонников никакой дани, кроме пучков зеленого камыша, которые каждый канун середины лета клали на две горные вершины, одна из которых в старину называлась Уоррефилд, а теперь Южный Баррул, а другая - Ман, и теперь ее не узнать. Его могила длиной в тридцать ярдов находится недалеко от замка Пил. Самая любопытная легенда, связанная с ним, гласит, что у него было три ноги, на которых он передвигался с огромной скоростью. О том, как это происходило, можно судить по гербу острова, на котором изображены три его конечности, соединенные вместе и расходящиеся, как спицы колеса.^[273]

Ирландская традиция рассказывает, что, когда Мананнан уехал из Ирландии в Шотландию, вакантное место короля богов или фей занял некто Мак Мойнеанта, к великому огорчению тех, кто знал Мананнана.^[274] Возможно, эта великая скорбь привела к тому, что Мак Мойнеанта был свергнут, ибо нынешний король ирландских фей - Финварра, тот самый Фионнбхарр, которому Дагда выделил *сидх* Мидха после завоевания Туатха Де Дананн милезийцами и который занимает видное место в фенийских историях. Традиции в Ирландии настолько живучи, что этот холм Мидха, который теперь пишется как Нокма, до сих пор считается местом обитания его и его королевы Онагх. О Финварре рассказывают множество историй, включая, конечно, любимую кельтскую сказку о похищенной невесте и ее отвоевании у фей путем осады и раскапывания *сидха*, в котором она находилась в плену. Финварра, как и Мидер из Бри Лейта, унесла человеческую Этейн - жену не высокого короля, а ирландского лорда. Современный Эохайд Эйрем, услышав невидимый голос, подсказавший ему, где искать потерянную невесту, собрал всех своих рабочих и служащих и принялся разрушать Нокму. Каждый день они почти срывали ее, но каждую ночь находили брешь, которую заделывали феи Финварры. Так продолжалось три дня, когда ирландскому лорду пришла в голову известная идея освятить работу по раскопкам, посыпав вывернутую землю солью. Надо ли говорить, что это удалось. Финварра вернул невесту, все еще находясь в трансе, в который он ее вверг; а глубокий разрез в сказочном холме до сих пор служит доказательством для недоверчивых.^[275]

Финварра, однако, не всегда предстает в столь недружелюбном обличье. По народным поверьям, под его особой опекой находилась семья Кирванов из замка Хакет, что на северном склоне Нокмы. Благодаря его благосклонному влиянию погреба замка никогда не пересыхали, а качество вина не ухудшалось. Кроме винного погреба, Финварра присматривал за конюшнями, и именно благодаря упражнениям, которые он и его последователи-феи давали лошадям по ночам, скакуны мистера Джона Кирвана так часто добивались успеха на Курраге. То, что подобные истории могли быть приняты за факты, что, несомненно, и произошло, служит прекрасным доказательством того, как поздно и как полно мифология может сохраниться среди некультурных людей.^[276]

Сегодня Финварра правит широким царством фей. Многие из них, опять же, имеют своих вассальных вождей, образуя племенную иерархию, подобную той, что, должно быть, существовала в кельтские времена в Ирландии. Финварра и Онаг - верховные король и королева, но при них Клиодна^[277] - подвластная королева Мунстера и правит из *сидха* близ Мэллоу в графстве Корк, а при ней - Аоибхинн^[278], королева фей Северного Мунстера, и Айне,

королева фей Южного Мунстера. Эти имена составляют лишь единичный пример. Без особого труда можно было бы составить карту сказочной Ирландии, на которой с почти политической точностью были бы обозначены различные королевства сидов.

Однако гораздо менее простой задачей было бы выяснить происхождение и родословную этих сказочных существ. Некоторые из них все еще можно проследить как более древних богов и богинь. В восточных районах Ирландии Бадб и ее сестры превратились в "банши", которые причитают о смерти, не обязательно наступившей в бою. Айния, считающаяся самой могущественной феей Ольстера, и Айне, королева Южного Мунстера, - это, возможно, одна и та же личность, таинственная и ужасная богиня, которую когда-то почитали как Ану, или Дану. Из них двоих именно Айне, похоже, продолжает традиции более древней Ану, которой, согласно "Выбору имен", поклонялись в Мюнстере как богине процветания и изобилия. На памяти людей ее умиляли магическим ритуалом в каждый канун Святого Иоанна, чтобы обеспечить плодородие в наступающем году. Жители деревни вокруг ее *сидха* Кнок Айне (Нокайни) несли горящие пучки сена или соломы на шестах на вершину холма, а затем расходились по полям, размахивая этими факелами над посевами и скотом. Считалось, что эта фея или богиня была дружелюбна, и даже более чем дружелюбна, по отношению к людям. Независимо от того, была ли она матерью богов или нет, на нее как на первопретка претендует полдюжины известных ирландских семей.

Среди ее детей был знаменитый граф Джеральд, отпрыск ее союза с четвертым графом Десмондом, известным как "Маг". Как и в известной истории о лебединых девах, граф-волшебник, по преданию, украл плащ Айне, когда она купалась, и отказался вернуть его, если она не станет его невестой. Но в конце концов он потерял ее. Эйнэ предупредила мужа, чтобы он никогда не удивлялся поступкам их сына, но чудесный подвиг, который он совершил, заставил графа нарушить это условие, и Эйнэ по закону фей была вынуждена покинуть его. Но, потеряв мужа, она не разлучилась с сыном, который после его смерти был принят в мир фей и теперь живет под поверхностью Лаф Гур, в графстве Лимерик, ожидая, подобно британскому Артуру, часа, когда он поведет своих воинов изгонять чужеземцев из Ирландии. Но это произойдет только тогда, когда, объезжая озеро раз в седьмой год, он будет носить серебряные башмаки своего коня, тонкие, как кошачье ухо.^[279]

Не только племя Дану, но и герои других мифических циклов пополняют сегодня ряды фей. Донн, сын Миле, который утонул, не успев ступить на ирландскую землю, живет в "Доме Донна", на песчаных холмах полуострова Дингл в Керри, и уже в восемнадцатом веке мы видим, как его упоминает местный поэт, несомненно, наполовину в шутку, но все же, возможно, и немного всерьез.^[280] Герои Ольстера не участвуют в сказочной стране; но их враг, Медб, считается королевой среди сидов, и некоторые считают, что она была первоначальной "королевой Маб". Каоилте, последний из фениев, был, несмотря на свои склонности к христианству, зачислен в Туатха Де Дананн, но никто из его родни там не известен, ни Оссиан, ни Оскар, ни даже сам Финн. Однако даже для просто исторических смертных врата богов не всегда закрыты. Барри, вождь баронства Бэрримор, по преданию, обитает в заколдованном дворце в Ноктиерне, одном из холмов Нэглс. Не менее традиционно знаменитый О'Донахью, чьи владения находились неподалеку от Килларни, теперь обитает под водами этого озера, и, как говорят, его все еще можно увидеть в майский день.^[281]

Но помимо этих фигур, которые можно проследить в мифологии или истории, и других, которые, хотя все письменные свидетельства о них исчезли, очевидно, имеют тот же характер, существует множество существ, которые предполагают иное происхождение, чем феи, похожие на арийцев. Они соответствуют эльфам и троллям скандинавского или

силенам и сатирам греческого мифа. Это Лепреккон, который делает обувь для фей и знает, где спрятаны сокровища; Ган Сеанач, или "болтун о любви", который набивает уши праздных девушек приятными фантазиями, когда, по представлениям простых смертных, они должны быть заняты своей работой; Пука, который сбивает путников с пути или, принимая облик осла или мула, соблазняет их взобраться к нему на спину, к их несчастью; Дулахан, который ездит без головы; и другие дружелюбные или злые духи. Откуда они берутся? Возможный ответ напрашивается сам собой. До ариев и после арийского завоевания по всей Европе жило многочисленное неарийское население, у которого наверняка были свои боги, сохранившие свое поклонение, почитаемые последующими поколениями и укоренившиеся на земле. Не являются ли эти безлюдные и полуразвитые ирландские лепрекконы, пуки и дулаханы, а также шотландские клуриканцы, брауни и им подобные "творениями народной фантазии", а вымирающими фигурами тех мрачных богов "темных иберийцев"?

БРИТАНСКИЕ БОГИ И ИХ ИСТОРИИ

ГЛАВА XVI

БОГИ БРИТАНЦЕВ

Описания и истории британских богов вряд ли дошли до нас в столь обширной или столь компактной форме, как описания божеств гэлов, сохранившиеся в ирландских и шотландских манускриптах. Кроме того, они гораздо больше пострадали от ухищрений эвemerистов. Только в "Четырех ветвях Мабиноги" боги бриттов предстают в чем-то похожими на свой настоящий характер сверхъестественных существ, мастеров магии, не скованных ограничениями, которые накладывают на них смертные. Кроме этих четырех фрагментов мифологии и нескольких разрозненных упоминаний в ранних валлийских поэмах, их приходится искать под странными маскировками. Некоторые из них маскируются под королей в более чем апокрифической *Historia Britonum* Джеффри Монмутского. Другие получили незаслуженную канонизацию, которую необходимо с них снять, прежде чем они предстанут в своем истинном обличье. Иные, опять же, были приняты норманно-французскими романтиками и превратились в рыцарских чемпионов, известных сегодня как рыцари Круглого стола Артура. Но, как бы они ни были замаскированы, их настоящую сущность все равно можно разглядеть. Гэлы и бритты были двумя ветвями одной расы - кельтской. Во многих богах бриттов мы узнаем, с одинаковыми именами и атрибутами, знакомые черты гэльских Туатха Де Дананн.

Британских богов иногда описывают как разделенных на три семьи - "Дети Дона", "Дети Нудда" и "Дети Ллира". Но на самом деле этих трех семей всего две; ведь Нудд, или Ллир, как его по-разному называют, сам описывается как сын Бели, который был мужем богини Дона. Нет никаких сомнений в том, что сама Дон - это та же божественная личность, что и Дану, мать Туатха Де Дананн, а Бели - британский эквивалент гэльского Биле, вселенского Дис Патера, который послал первых гэлов из Аида, чтобы завладеть Ирландией. С другой семьей, "Детями Ллира", мы также знакомы; ведь британский Ллир может быть не кем иным, как гэльским морским богом Лером. Эти два рода или племени обычно рассматриваются как противостоящие друг другу, и их борьба, похоже, символизирует в британском мифе тот же конфликт между силами неба, света и жизни, и моря, тьмы и смерти, который в гэльской мифологии отражен в битвах между Туатха Де Дананн и фоморами.

Ведь дети Дона были богами неба. Их имена крупно написаны на небе. Сверкающий W, который мы называем "Креслом Кассиопеи", был для наших британских предков *Llys Dôn*, или "Двором Дона"; наша "Северная корона" была *Caer Arianrod*, "Замком Арианрода", дочери Дона; а "Млечный путь" был "Замком Гвидиона", сына Дона.^[282] Более того, величайший из ее детей, Нудд или Ллудд, которого некоторые считают главой собственной династии, был Зевсом как у бриттов, так и у гэлов. Его эпитет *Llaw Ereint*, то есть "из серебряной руки", доказывает, что он был тем же самым человеком, что и Нуада "Серебряная рука". Легенда, которая должна была существовать, чтобы объяснить эту особенность, была утеряна на британской земле, но она, несомненно, была такой же, как и та, что рассказывается об ирландском боге. Вместе с ней, и, несомненно, со многим другим, исчезли любые прямые рассказы о сражениях, которые он как бог неба вел против врагов, подобных Фомору. Но в древней валлийской сказке^[283] под слабой маской короля Британии рассказывается о том, как он положил конец трем сверхъестественным "чумам", угнетавшим его страну. Кроме того, в валлийской триаде под именем Нудд он описывается как один из "трех щедрых героев острова Британия", а в другой - как владелец двадцати одной тысячи дойных коров - выражение, которое для первобытного ума должно было означать неисчерпаемое богатство. И то, и другое помогает нам представить бога неба и битвы, триумфатора, а значит, богатого и либерального.^[284]

Однако для доказательства широкого распространения его поклонения не хватает более весомых доказательств. Храм, посвященный ему в римские времена под названием Ноденс, или Нуденс, был обнаружен в Лидни, на берегу Северна. На бронзовой табличке бог изображен в виде юного божества, с ореолом солнца и на колеснице с четырьмя лошадьми. Его сопровождают летающие духи, олицетворяющие ветры, а его власть над морем символизируют сопровождающие его тритоны.^[285] Это было на западе Британии, а на востоке есть все основания полагать, что у него было святилище с видом на Темзу. Традиция утверждает, что собор Святого Павла занимает место древнего языческого храма, а место, на котором он стоит, называлось, как мы знаем от Джеффри Монмутского, "*Parth Lludd*" у бриттов и "*Ludes Geat*" у саксов.^[286]

Однако, каким бы великим он ни был, Ллудд, или Нудд, занимает в валлийской истории, в том виде, в котором она дошла до нас, меньше места, чем его сын. Гвин ап Нудд пережил в традиции почти всех своих сверхъестественных родственников. Профессор Рис склонен видеть в нем британский эквивалент гэльского Финна мак Кумхайла.^[287] Имя обоих одинаково означает "белый"; оба - сыновья небесного бога; оба прославились как охотники. Однако Гвин - нечто большее, ибо его игра - человек. В ранних валлийских поэмах он - бог битвы и мертвых и, как таковой, исполняет роль *психопомпа*, проводящего убитых в Аид и там правящего ими. В более поздней, полухристианизированной истории он описывается как

"Гвин, сын Нудда, которого Бог поставил над выводком дьяволов в Аннуне, чтобы они не уничтожили нынешний род ^[288] ". Позже, по мере дальнейшего вырождения язычества, он стал считаться королем *Tylwyth Teg*, валлийских фей, ^[289] , и его имя как таковое едва ли еще угасло в его последнем пристанище, романтической долине Neath. Он - дикий охотник Уэльса и запада Англии, и именно его стая иногда слышна по ночам в пустынных местах.

В своем раннем обличье, как бог войны и смерти, он является темой поэмы в диалогах, содержащейся в Черной книге Каермартена. ^[290] Неизвестная, как и большинство древних валлийских поэм, ^[291] она все же является энергичным произведением, и может быть процитирована здесь как благоприятный образец поэзии ранних цимри. В нем мы увидим зеркальное отражение, возможно, самой яркой фигуры британского пантеона, "могучего охотника", не на оленей, а на человеческие души, скачущего на своем демоническом коне и подбадривающего свою демоническую гончую в страшной погоне. Он знает, когда и где пали все великие воины, ибо собрал их души на поле битвы, а теперь правит ими в Аиде или на "туманной вершине горы". ^[292] В ней рассказывается о мифическом принце по имени Гвидднеу Гаранхир, известном валлийской легенде как правитель затерянной страны, ныне покрытой водами Кардиганского залива, который просит защиты у бога, который ее дает, а затем повествует о своих подвигах:

Гвидднеу.

Он был конфликтным быком, активно рассеивающим армию,

Правитель воинства, не склонный к гневу,

Непорочен и чист в защите жизни.

Гвин.

Против героя крепкого был он натиском,

Властитель Саваоф, избавляющий от гнева,

Будет защита для тебя, раз ты просишь ее.

Гвинед.

Ведь ты дал мне защиту.

Как тепло ты был принят!

Герой Саваофа, из каких краев ты прибыл?

Гвин.

Я пришел с битвы и конфликта

Со щитом в руке;

Разбит шлем от ударов копий.

Гвинед.

Я обращаюсь к тебе, возвышенный человек,

со своим щитом в беде.

Храбрец, каково твое происхождение?

Гвин.

Круглокопытный мой конь, мука битвы,
Феей зовусь я, Гвин, сын Нудда,^[293]
Любовник Креурдилад, дочери Ллудда.

Гвинед.

Раз уж ты, Гвин, человек честный,
От тебя не скрыться:
Я - Гвыддней Гаранхир.

Гвин.

Поспеш к моему хребту, обители Таве;
Не ближайшим Таве зовусь я к тебе,
Но тот Таве, что дальше всех.^[294]
Отполирована кольчуга моя, золотое седло мое и яркое:
К моей печали

Я видел столкновение перед Каэр Вандви.^[295]
Перед Каэр Вандви я увидел войско,
Щиты были разбиты и ребра сломаны;
Знаменит и великолепен был тот, кто штурмовал.

Гвинед.

Гвин, сын Нудда, надежда армий,
Быстрее падут легионы под копытами
твоего коня, чем сломанные камыши на землю.

Гвин.

Красив мой пес, и круглолиц,
И воистину лучший из псов;
Дормарт^[296] был он, принадлежавший Маэлгвину.

Гвидон.

Дормарт с румяным носом! Что за соглядатай!
Ты на меня, ведь я замечаю
Твои скитания по Гвибиру Вынду.^[297]

Гвин.

Я был в том месте, где был убит Гвендолеу,
сына Сейдава, столпа песен,
Когда вороны кричали над кровью.
Я был там, где был убит Бран,
Сын Иверидда, слава которого далеко за горами,
Когда кричали вороны на поле битвы.
Я был там, где был убит Ллашеу,
Сын Артура, воспетый в песнях,
Когда вороны кричали от крови.
Я был там, где был убит Меуриг,
Сын Каррейана, прославленный в песнях,
Когда вороны каркали над плотью.
Я был там, где был убит Гваллауг,
Сын Гоолетта, свершителя,
Сопротивлялся Ллоэгир, сын Ллейнавга.
Я был там, где были убиты воины Британии,
От востока до севера:
Я - провожатый могилы.^[298]
Я был там, где были убиты воины Британии,
От востока до юга:
Я жив, они в смерти!

Одна строка в этом стихотворении позволяет нам увидеть Гвина в другой, менее зловещей роли. Он называет себя "любовником Креурдилада, дочери Ллудда", а в эпизоде мифического романа "Кулхвх и Олвен", сохранившемся в Красной книге Хергеста, приводятся подробности его ухаживания. Соперником Гвина было божество по имени Гвиртур ап Грейдаул, то есть "Виктор, сын Скорчера".^[299] Эти двое вели вечную войну за Креурдилад, или Крейдилад, каждый по очереди похищая ее у другого, пока дело не дошло до Артура, который решил, что Крейдилад должна быть отправлена обратно к отцу, а Гвин и Гвиртур "должны сражаться за нее каждое первое мая, отныне и до судного дня, и тот, кто из них окажется победителем, получит девицу". Какое удовлетворение это принесло бы тому, кто выжил после того, что можно было бы несколько легкомысленно назвать, в двух смыслах, самым долгим поединком в истории, не очень понятно; но его мифологическая интерпретация представляется достаточно очевидной. В Гвине, боге смерти и подземного мира, и в солнечном божестве, Гвиртуре, мы можем видеть силы тьмы и солнца, зимы и лета, в состязании,^[300] каждый из которых попеременно выигрывает и теряет невесту, которая,

похоже, представляет весну с ее зерном и цветами. Креудилад, которую в рассказе "Кулхвч и Олвен" называют "самой великолепной девой на трех островах Могучего и на трех соседних островах", на самом деле является британской Персефой. Как дочь Ллудда, она - дитя сияющего неба. Но по другой традиции она должна была быть дочерью Ллира, морского бога; ведь ее имя как таковое перешло через Джеффри Монмутского к Шекспиру, в руках которого она стала патетической фигурой Корделии в "Короле Лире". Не лишним будет заметить, хотя, возможно, это всего лишь совпадение, что в некоторых мифах греческая Персефоне становится дочерью Зевса, а в других - Посейдона.^[301]

Отвлекаясь от бога неба и его сына, мы видим, что и другие дети Дона были носителями тех жизненных искусств, которым, как считали ранние расы, боги обучали людей напрямую. У самой Дон был брат, Матх, сын таинственного Матонви, которого можно узнать как благосклонного правителя подземного мира, сродни Бели, а может быть, и самого бога под другим именем, ибо имя Матх, означающее "монета, деньги, сокровище",^[302] напоминает имя Плутона, греческого бога Аида, в его облике обладателя и дарителя металлов. Арийцы верили, что мудрость, как и богатство, изначально пришли из подземного мира; в "Мабиноги", носящей его имя, мы видим, как Маут передает свои магические знания своему племяннику и ученику Гвидиону, который, есть все основания полагать, был той же божественной личностью, которой тевтонские племена поклонялись как "Водену" и "Одину". Так Гвидион, сын Дона, стал друидом богов, "мастером иллюзий и фантазий", и не только, но учителем всего полезного и доброго, другом и помощником человечества, а также вечным борцом с скупыми подземными силами за добрые дары, которые они не хотели выпускать из своих рук. Плечом к плечу с ним в этой "священной войне" культуры против невежества и света против тьмы стояли его братья Амаэтон, бог земледелия, и Гованнан, бог кузнечного дела, идентичный гэльскому Джобниу. Была у него и сестра по имени Арианрод, или "Серебряный круг", которая, как это часто бывает в мифологии, была не только его сестрой, но и женой. Так Зевс женился на Эре; и действительно, трудно сказать, откуда еще берутся партнеры богов. От этой связи в одном роду родились два сына - Дилан и Ллеу, которые считаются олицетворением близнецовых сил тьмы и света. С тьмой у кельтов было неразрывно связано море, и, как только темный близнец родился и получил имя, он с головой погрузился в родную стихию. "И как только он оказался в море, - говорится в "Мабиноги" о Мате, сыне Матонви, - он перенял его природу и плавал так же хорошо, как лучшая рыба, которая там водилась. За это его прозвали Диланом, Сыном Волны. Под ним ни одна волна не разбивалась". В конце концов он был убит копьем своим дядей Гованнаном, и, по словам барда Талиесина, волны Британии, Ирландии, Шотландии и острова Мэн оплакивали его.^[303] Вокруг его смерти выросли прекрасные легенды. Шум волн, бьющих о берег, - это выражение их жажды отомстить за сына. Шум моря, несущегося к устью реки Конвей, до сих пор известен как "предсмертный стон Дилана"^[304]. Его имя сохранил небольшой мыс на карнарвонширской стороне Менайского пролива, называемый *Пвинт Маен Тайлен*, или *Пвинт Маен Дулан*.^[305]

Другой ребенок Гвидиона и Арианрод вырос и стал британским богом солнца Ллеу Ллау Гиффесом, точным аналогом гэльского Луга Ламхфада, "Света Длиннорукого". Как и все солнечные божества, он рос быстро. Когда ему был год, он казался двухлетним; в два года он путешествовал сам; а когда ему исполнилось четыре года, он был высок, как восьмилетний мальчик, и был постоянным спутником своего отца.

Однажды Гвидион взял его в замок Арианрод - не в ее небесный замок, а в ее земную обитель, до сих пор хранящую память о месте, где в проливе Менай есть скалы, доступные без лодки только во время самых низких весенних и осенних приливов. Арианрод отеклась

от своего сына и не узнала его, когда увидела с Гвидионом. Она спросила, кто он, и была очень недовольна, когда ей ответили. Она потребовала узнать его имя, и когда Гвидион ответил, что пока не получил никакого, она "наложила на него судьбу", по обычаю кельтов, чтобы он был без имени, пока она сама не решит дать ему имя.

Остаться без имени было очень серьезно для древних бриттов, которые, похоже, придерживались примитивной теории, что имя и душа - одно и то же. Поэтому Гвидион стал размышлять, каким бы способом вырвать у Арианрод какое-нибудь замечание, на основании которого он мог бы назвать их сына. На следующий день он вместе с мальчиком отправился на берег моря, переодевшись кордуином. Волшебством он сделал лодку из морских водорослей, а из сухих палок и осоки - кожу красивой расцветки. Затем они приплыли на лодке к порту замка Арианрода и, поставив ее на якорь так, чтобы ее было видно, принялись демонстративно выделывать кожу. Естественно, их вскоре заметили, и Арианрод послал кого-то посмотреть, кто они и что делают. Узнав, что это сапожники, она вспомнила, что ей нужна обувь. Гвидион, хотя и снял с нее мерку, нарочно сделал их сначала слишком большими, а потом слишком маленькими. В результате Арианрод сама спустилась в лодку, чтобы ее подогнали по размеру.

Пока Гвидион измерял ногу Арианрод для обуви, на палубу прилетел и встал крапивник. Мальчик взял свой лук и стрелу и попал крапивнику в ногу - любимый выстрел кельтских лучников, во всяком случае, в романах. Богиня была довольна и благосклонна. "Воистину, - сказала она, - лев целился в него твердой рукой". Именно из таких происшествий во всем мире первобытные люди берут свои имена. Мальчик получил свое. "Не благодаря тебе, - сказал Гвидион Арианроду, - но теперь у него есть имя. И это хорошее имя. Его будут звать Ллеу Ллав Гифес^[306]."

Это имя бога солнца - хороший пример того, насколько устарела древняя языческая традиция еще до того, как она была записана. Старое слово *Lleu*, означавшее "свет", вышло из употребления, и писец заменил непонятное для него имя другим, похожим на то, которое он знал, а именно *Llew*, означавшим "лев". Слово *Gyffes*, по-видимому, также претерпело изменения и первоначально означало не "устойчивый", а "длинный"^[307].

Во всяком случае, Арианрод потерпела поражение в своем замысле оставить сына безымянным. Не получила она и башмаков, ибо, едва добившись своего, Гвидион позволил лодке снова превратиться в водоросли, а коже - в осоку и палки. И тогда, разгневавшись, она наложила на мальчика новое предписание: не брать в руки оружия, пока она сама не даст его ему.

Гвидион, однако, взял Ллеу в Динас Динлев, свой замок, который до сих пор стоит на краю Менайского пролива, и воспитал его как воина. Как только он посчитал его достаточно взрослым, чтобы взять в руки оружие, он снова взял его с собой в Каэр Арианрод. На этот раз они были переодеты бардами. Арианрод принял их с радостью, выслушал песни и рассказы Гвидиона, накормил и приготовил для них комнату для ночлега.

На следующее утро Гвидион встал очень рано и приготовил свои самые могущественные заклинания. Своими друидическими искусствами он создал впечатление, будто вся страна гремит криками и трубами армии, и наложил на всех чары, так что они увидели залив, заполненный кораблями. Арианрод в ужасе пришел к нему и спросил, что можно сделать для защиты замка. "Дайте нам оружие, - ответил он, - и мы сделаем все, что в наших силах". И вот девы Арианрода вооружили Гвидиона, а сама Арианрод надела оружие на Ллеу. Когда она

закончила, все звуки стихли, а корабли исчезли. "Давайте снова снимем оружие, - сказал Гвидион, - сейчас оно нам не понадобится". "Но ведь вокруг замка стоит войско!" - вскричал Арианрод. "Не было никакой армии, - ответил Гвидион, - это была лишь моя иллюзия, чтобы заставить тебя нарушить пророчество и дать нашему сыну оружие. И теперь он получил его, не благодаря тебе". "Тогда я уготовила ему еще худшую судьбу", - вскричала разгневанная богиня. "У него никогда не будет жены из людей этой земли". "У него будет жена, несмотря на тебя", - сказал Гвидион.

Тогда Гвидион отправился к Мату, своему дяде и наставнику в магии, и они вместе сделали женщину из цветов с помощью чар и иллюзий. "Они взяли цветки дуба, и цветки метлы, и цветки луговой сладости и создали из них деву, прекраснейшую и изящнейшую из всех, что когда-либо видел человек". Они назвали ее Блодеуведд (Цветочное лицо) и отдали ее Ллеу в жены. А Ллеу дали дворец под названием Мур-и-Кастелл, что у озера Бала.

Все шло хорошо, пока однажды Гронв Пебыр, один из богов тьмы, не пришел на охоту и не убил оленя в сумерках недалеко от замка Ллеу. Бог солнца был в гостях у Мата, но Блодуведд попросила незнакомца приютить ее. В ту ночь они полюбили друг друга и вместе сговорились, как выгнать Ллеу. Когда Ллеу вернулся со двора Мата, Блодуведд, подобно кельтской Далиле, выпытала у него тайну сохранения жизни. Он сказал ей, что умереть он может только одним способом: его нельзя убить ни в доме, ни вне его, ни верхом, ни пешком, но если в него бросить копье, которое изготавливалось целый год и которым никогда не работали, кроме как во время жертвоприношения в воскресенье, когда он стоял под соломенной крышей после купания, поставив одну ногу на край ванны, а другую - на спину козла, это приведет к его смерти. Блодуведд благостно возблагодарила Небеса за то, что он так хорошо защищен, и послала гонца к своему суженому, рассказав ему о том, что ей удалось узнать. Гронв принялся за работу над копьем, и через год оно было готово. Узнав об этом, Блодуведд попросила Ллеу показать ей, как именно его можно убить.

Ллеу согласился, и Блодуведд приготовила ванну под соломенной крышей и привязала к ней козу. Ллеу искупалась, а затем встала одной ногой на край ванны, а другой - на спину козла. В этот момент Гронв из засады метнул копье и попал в Ллеу, который с ужасным криком превратился в орла и улетел. Больше он не вернулся, и Гронв завладел и его женой, и его дворцом.

Гвидион же отправился искать своего сына повсюду. Наконец, однажды он пришел в один из домов в Северном Уэльсе, где хозяин очень беспокоился о своей свиноматке: каждое утро, как только открывали закрома, она выбегала на улицу и возвращалась только поздно вечером. Гвидион предложил проследить за ней, и на рассвете мужчина отвел его к стойлу и открыл дверь. Свиноматка выскочила наружу и побежала, а Гвидион бросился за ней. Он догнал ее до ручья между Сноудоном и морем, который до сих пор называется Нант-и-Ллев, и увидел, что она кормится под дубом. На вершине дерева сидел орел, и каждый раз, когда он качался, с него падали куски гнилого мяса, которые свиноматка с жадностью поедала. Гвидион заподозрил, что этот орел, должно быть, Ллеу. Поэтому он спел такой куплет:

"Дуб, что растет меж двух берегов;

Потемнели небо и холм!

Не сказать ли мне по его ранам,

Что это Ллеу?"

Орел, услышав это, спустился с дерева на полпути. Тогда Гвидион запел:

"Дуб, что растет на возвышенности,
Не мокнет ли он от дождя? Не был ли он вымочен
Девять десятков бурь?
Он несет в своих ветвях Ллеу Ллау Гиффес".

Орел медленно спускался вниз, пока не оказался на самой нижней ветке. Гвидион запел:
"Дуб, что растет под кручей;
Статен и величествен его вид!
Мне ли не говорить об этом?
Что Ллеу придет ко мне на колени?"

Тогда спустился орел и сел на колено Гвидиона. Гвидион ударил его своим волшебным жезлом, и он снова превратился в Ллеу, растертого по коже и костям ядом из копья.

Гвидион отнес его к Мату, чтобы тот его вылечил, и оставил его там, а сам отправился в Мур-и-Кастелл, где находилась Блoduведд. Услышав о его приближении, она убежала. Но Гвидион догнал ее и превратил в сову, птицу, ненавидящую день. Еще более древняя форма этого, вероятно, чрезвычайно древнего мифа о боге солнца - дикие и отталкивающие подробности которого говорят о древности, - говорит о том, что погоня Гвидиона за Блoduведд происходила на небе, и следы ее - звезды, разбросанные по Млечному Пути.^[308] Что касается ее сообщника, то Ллеу не соглашалась ни на какое удовлетворение, кроме как на то, чтобы Гронв согласился стоять там же, где стояла Ллеу, и в свою очередь был бы застрелен. На это он вынужден был согласиться, и Ллеу убила его.^[309]

Есть еще два сына Бели и Дона, о которых сохранилось так мало сведений, что вряд ли стоило бы упоминать о них, если бы не дикая поэзия связанной с ними легенды. Сказка, записанная в те времена, когда все боги превращались в простых смертных, рассказывает, что это были два короля Британии, братья. Однажды звездной ночью они шли вместе. "Видишь, - сказал Нинниау Пейбау, - какое у меня прекрасное, широко раскинувшееся поле". "Где оно?" - спросил Пейбау. "Там", - ответила Нинниау, - "во всю длину неба, насколько хватает глаз". "Тогда посмотри, - ответил Пейбау, - сколько скота у меня пасется на твоём поле". "А где они?" - спросил Нинниау. "На всех звездах, которые ты видишь, - ответил Пейбау, - каждая из них огненно-золотого цвета, а пастухом над ними служит луна". "Они не будут питаться на моем поле", - воскликнул Нинниау. "Будут", - воскликнул Пейбау. "Не будут", - воскликнула Нинниау, - "Будут", - сказал Пейбау. "Не будут", - ответил Нинниау; и так они шли от противоречий к ссоре, а от частной ссоры к гражданской войне, пока армии обоих не были уничтожены, а обоих авторов зла Бог не превратил в быков за их грехи.^[310]

Последней из детей Дона мы находим богиню по имени Пенардун, о которой мало что известно, кроме того, что она была замужем за морским богом Ллиром. Этот случай любопытен, поскольку образует параллель с гэльской историей, повествующей о межродовом браке между Туатха Де Дананн и фоморами.^[311] Бригит, дочь Дагды, была замужем за Брессом, сыном Элатана, а Киан, сын Дианшета, женился на Этниу, дочери Балора. Таким образом, в этой родственной мифологии тонкие узы родства связывают богов неба с богами моря.

Предполагается, что имя *Llyr*, как и его ирландский эквивалент *Lêr*, означало "море".^[312] Британский морской бог, несомненно, тот же, что и гэльский; действительно, два факта, что в валлийской литературе он описывается как *Llyr Llediath*, то есть "Llyr из иностранного диалекта", и ему дана жена по имени *Iweridd* (Ирландия)^[313], позволяют предположить, что он мог быть заимствован бриттами у гэлов позже, чем любая мифология, общая для обоих. Как британский бог, он был далеким оригиналом шекспировского "Короля Лира". Главный город его поклонения до сих пор называется в его честь Лестер, то есть Ллир-кестре, в более ранние времена - Каэр Ллир.

Ллир, как мы уже заметили, женился на двух женах, Пенардун и Иверидд. От дочери Дона у него был сын по имени Манавиддан, который идентичен гэльскому Мананнан мак Лир.^[314] Мы знаем о его характере и свойствах меньше, чем об ирландском боге; но мы находим его в равной степени правителем в том Аиде или Элизииуме, который кельтский ум всегда связывал с морем. Как и все обитатели того мира, он одновременно владеет магией и полезными искусствами, которым охотно обучает своих друзей. Однако своим врагам он мог показать иную сторону своего характера. Триада говорит нам следующее.

"Постижение Манавиддана Мудрого,

После сетований и яростного гнева,

было строительство костяной крепости Оэта и Аноэта",^[(315)].

которая описывается как тюрьма, сделанная в форме пчелиного улья, целиком из человеческих костей, скрепленных вместе и разделенных на бесчисленное множество камер, образующих своего рода лабиринт. В этом жутком месте он замуровывал тех, кого находил нарушителями Аида; и среди его пленников был не кто иной, как знаменитый Артур.^[316]

"Ирландия родила Ллиру двух детей: дочь по имени Бранвен и сына по имени Бран. То небольшое, что мы знаем о Бранвен из "Прекрасного лона", показывает ее как богиню любви и детства, подобно греческой Афродите, богине моря. Бран, с другой стороны, даже более четко, чем Манавиддан, представляет собой темное божество Аида. Он представлен колоссальных размеров, настолько огромным, что ни один дом или корабль не мог его вместить.^[317] Он наслаждался битвами и резней, подобно ворону или вороненку, от которого он, вероятно, получил свое имя,^[318] но он также был особым покровителем бардов, менестрелей и музыкантов, и в одной из поэм, приписываемых Талиесину, мы видим его утверждающим, что он сам является бардом, арфистом, игроком на вороне и семью десятками других музыкантов одновременно.^[319] Его сына звали Карадавк Сильнорукий, которого, по мере разрушения британской мифологии, стали путать с историческим Каратаком, известным в народе как "Карактак".

И Бран, и Манавиддан были особенно связаны с полуостровом Суонси. Костяная крепость Оэта и Аноэта была помещена традицией в Гоуэр.^[320] О том, что Бран был там же дома, можно судить по "Морте Дартур", в которой хранилище забытой и неправильно понятой мифологии Бран из Гоуэра сохранился как "король Брандегор".^[321]

Такое отождествление простой смертной страны с потусторонним миром кажется нам достаточно странным, но для наших кельтских предков это было вполне естественной мыслью. Все острова и полуострова, которые, если смотреть на них с противоположного берега, вероятно, казались им островами, считались преимущественно жилищами темных сил Аида. Труднодоступные, защищенные бурным и опасным морем, иногда совсем

невидимые из-за туманов и дымки, а иногда призрачно вырисовывающиеся на горизонте, часто удерживаемые остатками враждебной низшей расы, они обретали таинственность и святость по закону человеческого разума, который всегда считал неизвестное страшным. Корнуэльские бритты, глядя с берега, видели Гоуэр и Ланди и считали их форпостами надводного Другого мира. Для бриттов Уэльса Ирландия не была человеческим царством, и это мнение разделяли гэлы, которые видели в Британии Аид, а остров Мэн был маленьким Аидом, общим для них обоих. Даже море не всегда было необходимо, чтобы отделить мир призраков от мира "людей, бросающих тени". Тор Гластонбери, окруженный почти непроходимыми болотами, был одним из особых мест обитания Гвина ап Нудда. Северные бритты считали, что за римской стеной и огромным Каледонским лесом живут призраки, а не люди. Даже римская провинция Деметия, называемая валлийцами Дайфед и примерно соответствующая современному графству Пембрукшир, как последний оплот аборигенов отождествлялась с мифическим подземным миром.

Как таковой, Дайфед управлялся местным племенем богов, главными фигурами которого были Пвилл, "глава Аннуна" (валлийское название Аида), его жена Рианнон и их сын Прайдери. Эти существа описываются как враждебные детям Дона, но дружелюбные к расе Ллира. После смерти или исчезновения Пвила его вдова Рианнон становится женой Манавыддана.^[322] В поэме Талиесина мы видим Манавыддана и Придери совместными правителями Аида и хранителями того волшебного котла вдохновения^[323], который боги света пытались украсть или захватить, и который впоследствии стал известен как "Святой Грааль". Другим их сокровищем были "Три птицы Рианнона", которые, как нам рассказывают в одной древней книге, могли оживлять мертвых и погружать живых в смертный сон. К счастью, пели они редко. "Есть три вещи, - говорится в валлийской триаде, - которые не часто услышишь: песня птиц Рианнон, песня мудрости из уст сакса и приглашение на пир от скупца".

Список британских богов также не будет полным без упоминания Артура, хотя большинство читателей будут удивлены, обнаружив его в такой компании. Гений Теннисона, который черпал свои материалы в основном из нормандско-французских романов, стереотипно изобразил Артура как короля ранней Британии, который сражался за свою родину и христианскую веру против вторгшихся саксов. Возможно, действительно существовал могущественный британский вождь, носивший это типично кельтское имя, которое в ирландских легендах встречается как Артур, один из сыновей Немеда, сражавшийся с фоморами, а на континенте - как Артай, галльское божество, которое римляне отождествляли с Меркурием и которое, похоже, покровительствовало сельскому хозяйству.^[324] Но первоначальный Артур стоит на той же почве, что и Кухулайнн и Финн. Его деяния мифичны, поскольку являются сверхчеловеческими. Можно доказать, что его спутники были божественными. Некоторым, как мы знаем, поклонялись в Галлии. Другие - дети Дона, Ллира и Пвилла, династии более древних богов, во главе которых Артур, похоже, встал, когда его культ возвысился, а их - угас. Лишенные своего божества и странным образом преобразенные, они вошли на страницы романа как рыцари Круглого стола.

Эти божества были исконными богами Британии. Многие другие, однако, упоминаются в надписях, найденных на нашем острове, но почти все они были экзотическими и завезенными. Императорский Рим привел в свои легионы людей разных рас, и эти люди привезли своих богов. По всей Британии, но особенно на севере, у Стены, мы находим свидетельства того, что божествам многих народов - от Германии до Африки, от Галлии до Персии - поклонялись спорадически.^[325] Большинство этих иноземных богов были римскими, но храм в Эборакуме (ныне Йорк) был посвящен Серапис, и Митра, персидский бог солнца,

также почитался там; а в Корбридже, в Нортумберленде (древний Корспитиум), были найдены алтари тирийского Геркулеса и Астарты. К богу войны также обращались под разными странными именами - например, "Коцидий" в колонии даков в Камберленде; Тутатес, Камул, Коритиакус, Белатукадор, Алатор, Лусетий, Кондат и Ригисамос в разных странах. В Бате поклонялись богине войны под именем Неметона. Горячие источники того же города находились под покровительством божества по имени Сул, отождествляемого римлянами с Минервой, и ей помогал бог медицины, описанный на посвяtitельной табличке как "Сол Аполлон Аникет". Однако немногие из этих "странных богов", похоже, завладели воображением коренных бриттов. Их поклонники не занимались прозелитизмом, и их общее влияние, вероятно, было примерно таким же, как у евангелической церкви в турецком городе. Единственным исключением из этого правила являются случаи, когда чужеземные боги являются галльскими; но в нескольких случаях можно доказать, что они были не столько римскими, сколько исконно кельтскими. Воинственный небесный бог Камулус фигурирует в гэльском героическом мифе как Кумхал, отец Финна, а в британской мифической истории - как Коэл, герцог из Каэр Коэлвина (известного ранее как Камулодунум, а теперь как Колчестер), который захватил корону Британии и провел свое короткое правление в ряде сражений.^[326] Имя бога солнца Мапоноса одинаково встречается на алтарях в Галлии и Британии, а в валлийской литературе - как Мабон, последователь Артура; Другой галльский бог солнца, Белинус, имевший великолепный храм в Байокассосе (современный Байе), хотя и не упоминается в самой ранней британской мифологии, как дошли до нас ее разрозненные записи, должен был быть связан с Браном, поскольку в "Истории Джеффри Монмутского" мы находим "короля Белинуса" как брата "короля Бренниуса",^[327] а в "Морте Дартур" "Балин" как брат "Балана".^[328] Греческий писатель второго века рассказывает о боге красноречия, которому поклонялись в Галлии под именем Огмиос и которого представляли оснащенным, как Геракл, - описание, которое в точности соответствует концепции гэльского Огмы, одновременно покровителя литературы и письма и профессионального силача Туатха Де Дананн. Неметона, богиня войны, которой поклонялись в Бате, вероятно, была той же самой, что и Немон, одна из жен-валькир Нуады, а разбитая надпись *athubodva*, которая, вероятно, означала *Cathubodva*, вполне могла быть обращена к галльскому эквиваленту *Badb Catha*, "Ярости Войны". Луг, или Ллеу, был также широко известен на континенте как Лугус. Три важных города - Лаон, Лейден и Лион - в древности назывались в его честь *Лугу-дунум* (город Луга), а в последнем и самом большом из них в римские времена до сих пор проводился праздник в день бога Солнца - первого августа, что соответствовало *Лугнассаду* (празднованию Луга), проводившемуся в древней Ирландии. Бригит, гэльская Минерва, также встречается в Британии как Бригантиа, богиня-покровительница бригантов, северного племени, и в Восточной Франции как Бригиндо, которой Иккавос, сын Оппианоса, сделал посвяtitельное приношение, о котором сохранились записи.^[329]

Можно привести и другие, менее поразительные совпадения между мифическими божественными именами инсुлярных и континентальных кельтов. Однако эти записи должны в достаточной степени доказать, что галлы, гэлы и бритты разделяли общее наследие мифологических имен и идей, которые они по отдельности развили в три внешне различных, но по сути схожих культа.

ГЛАВА XVII

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОГОВ ХАДЕСА

Именно с рода Пвиллов, божеств, связанных с юго-западным уголком Уэльса, который римляне называли Деметией, а бритты - Дайфедом и который, грубо говоря, совпадает с современным графством Пемброкшир, начинаются самые ранние последовательные рассказы о британских богах. В первой из четырех ветвей "Мабиноги" рассказывается о том, как "Пвилл, принц Дифеда", получил право называться *Пен Аннун*, "Глава Аида".

Действительно, создается впечатление, что она была написана специально, чтобы объяснить, как один и тот же человек может быть одновременно простым смертным принцем, пусть и легендарным, и правителем в мистическом потустороннем мире, и таким образом примирить две конфликтующие традиции.^[330] Но в более раннюю эпоху, чем та, в которую легенда была облечена в литературную форму, такое вынужденное примирение не понадобилось бы; ведь две легенды не считались противоречащими друг другу. Когда Пвилл, глава Аннуна, был мифической личностью, чья традиция была еще жива, неисследованная, суровая и дикая страна Дифед, населенная аборигенами-иберами, которых кельты загнали в столь отдаленные районы, казалась тем, кто жил на восточной стороне ее разделительной реки Таве, по крайней мере, зависимой от Аннуна, если не самим этим странным королевством. Но по мере того, как люди становились смелее, граница была пересечена, и Дифед, войдя и пройдя, оказался не таким уж непохожим на другие страны. Его жители если и не принадлежали к кельтской расе, то все же были из плоти и крови. Так что, хотя провинция и продолжала до позднего времени носить названия "Страна иллюзий" и "Царство очарования",^[331] уже не считалась самим Аидом. Эта переменчивая и теневая страна свернула свои шатры и ушла за моря или под воду.

История "Пвилла, принца Дифеда"^[332] рассказывает о том, как в Аннуне произошла война между двумя королями - или, возможно, между двумя из многих вождей. Аравн ("Серебряный язык") и Хавган ("Лето-Белое") жаждали владений друг друга. В постоянных состязаниях между ними Аравн терпел поражения, и в отчаянии он отправился в верхние земли искать смертельного союзника.

В это время Пвилл, принц Дифеда, держал свой двор в Нарберте. Однако он покинул свою столицу, отправившись на охоту в Глин Куч, известную сегодня как долина на границе двух графств - Пемброка и Кармартена. Как и многие другие короли европейской и восточной романтики, когда подворачивается приключение, он отделился от своей партии и был, говоря современным языком, "выброшен". Однако он все еще слышал музыку своих гончих и прислушивался к ним, когда различил крик другой стаи, приближающейся к нему. Пока он смотрел и слушал, в поле зрения появился олень, и странные гончие свалили его почти у самых его ног. Поначалу Пвилл почти не смотрел на оленя, настолько он был поглощен разглядыванием гончих, ибо "из всех гончих, которых он видел в мире, он никогда не видел ни одной, похожей на этих. Шерсть у них была ослепительно белая, а уши красные; и как белизна их тела сияла, так и краснота ушей блестела". Они действительно были, хотя Пвилл, похоже, не знал об этом, из породы настоящих аидов - белоснежных, рыжих гончих, которых мы встречаем в гэльских легендах и которых, как говорят, до сих пор иногда слышат и видят рыскающими по ночам по холмам Уэльса. Увидев, что гончие не едут, Пвилл отогнал их от мертвого оленя и подозвал к нему свою свору.

В это время появился человек "на большом светло-сером коне, с охотничьим рогом на шее, одетый в серые шерстяные одежды по подобию охотничьей одежды" и порицал Пвила за его

неспортивное поведение. "Большого бесчестья, - сказал он, - я не видел, чем то, что ты отогнал моих собак после того, как они убили оленя, и призвал к этому своих. И хотя я не смогу отомстить тебе за это, клянусь, я причиню тебе больше вреда, чем стоимость ста оленей".

Пвилл выразил свое раскаяние и, спросив имя и звание новоприбывшего, предложил искупить свою вину. Незнакомец назвал свое имя - Араун, король Аннуна, и сказал, что Пвилл может получить его прощение только одним способом: отправившись вместо него в Аннун и сразившись за него с Хавганом. Пвилл согласился, и царь Аида надел на смертного принца свое собственное подобие, так что ни один человек в Аннуне - даже жена самого Арауна - не знал, что он не тот царь. Он провел его тайной тропой в Аннун и оставил перед своим замком, поручив ему вернуться туда, где они впервые встретились, по истечении года с того дня. С другой стороны, Арон принял облик Пвила и отправился в Нарберт.

Никто в Аннуне не подозревал, что Пвилл - не кто иной, как их король. Весь год он провел в управлении королевством, охоте, песнопениях и пирах. И днем, и ночью он наслаждался обществом жены Арауна, самой прекрасной женщины, которую он когда-либо видел, но он воздерживался от того, чтобы воспользоваться оказанным ему доверием. Наконец настал день, когда он должен был встретиться с Хавганом в одиночном бою. Все решил один удар, и Пвилл, предназначенный Хавгану в победители, ударил своего противника на длину руки и копья через крупер его коня, пробив щит и доспехи и смертельно ранив его. Хавгана унесли умирать, а Пвилл в облике Арауна принял покорность подданных мертвого короля и присоединил его королевство. Затем он вернулся в Глин-Куч, чтобы продолжить свидание с Ароном.

Они вновь обрели свои формы, и каждый вернулся в свое королевство. Пвилл узнал, что никогда еще Дифед не управлялся так хорошо и не был так процветающим, как в течение только что прошедшего года. Что касается короля Аида, то он обнаружил, что его враг исчез, а его владения расширились. И когда он ласкал свою жену, она спросила его, почему он делает это сейчас, по прошествии целого года. Тогда он рассказал ей правду, и они оба согласились, что действительно обрели в Пвилле настоящего друга.

После этого короли Аннуна и Дифеда скрепили свою дружбу между собой. С тех пор, как гласит история, Пвилл стал называться не принцем Дифеда, а *Пеном Аннуна*, "Главой Аида".

Второй мифологический эпизод в "Мабиноги" о Пвилле, принце Дифеда, рассказывает о том, как Глава Аида завоевал свою жену Рианнон, которая, по мнению профессора Риса, была богиней рассвета или луны.^[333] У дворца Пвилла в Нарберте был курган, обладавший магическими свойствами. С каждым, кто садился на него, происходило одно из двух: либо он получал раны и удары, либо видел чудо. Однажды Пвиллу пришло в голову, что он хотел бы испытать курган на себе. Он пошел и сел на него.

Невидимые удары не постигли Пвила, но недолго он просидел на кургане, прежде чем увидел, что к нему приближается "дама на белоснежном коне большого размера, с одеждой из блестящего золота вокруг нее", едущая очень тихо. Он послал пешего человека спросить ее, кто она такая, но, хотя она, казалось, двигалась так медленно, человек не мог к ней подойти. Ему никак не удавалось догнать ее, и она скрылась из виду.

На следующий день Пвилл снова отправился к кургану. Леди появилась, и на этот раз Пвилл послал всадника. Сначала всадник ехал примерно в том же темпе, что и дама; затем, не сумев приблизиться к ней, он пустил коня в галоп. Но как бы он ни ехал, медленно или

быстро, ему не удавалось приблизиться к даме, хотя она, по мнению наблюдавших, шла всего в нескольких шагах.

На следующий день после этого Пвилл решил сам подойти к даме. Она шла все той же легкой походкой, и Пвилл сначала ехал легко, а потом с максимальной скоростью, но результат был тот же, или его не было. Наконец, в отчаянии, он призвал таинственную девицу остановиться. "Я остановлюсь с радостью, - ответила она, - и для твоего коня было бы лучше, если бы ты попросил меня раньше". Она рассказала ему, что ее зовут Рианнон, дочь Хевейдда Древнего. Вельможи ее королевства решили выдать ее замуж против ее воли, поэтому она пришла искать Пвила, который был ее избранником. Пвилл был счастлив услышать это, ибо считал ее самой прекрасной из всех, кого он когда-либо видел. Перед тем как расстаться, они поклялись друг другу в верности, и Пвилл пообещал явиться в этот день двенадцатого месяца во дворец ее отца, Хейвида. Затем она исчезла, а Пвилл вернулся в Нарберт.

В назначенное время Пвилл отправился в гости к Хейvidу Древнему с сотней последователей. Его приняли с большим радушием, а распоряжаться пиром поручили ему, как это делали кельты по отношению к особо почетным гостям. Когда они сидели за мясом, а Пвилл стоял между Рианнон и ее отцом, в зал вошел высокий юноша с пурпурными волосами, поприветствовал Пвилла и попросил у него милости. "Какого бы блага ты ни попросил у меня, - бездумно ответил Пвилл, - если это в моей власти, ты его получишь". Тогда жених сбросил с себя маскировку, созвал гостей, чтобы те засвидетельствовали обещание Пвила, и провозгласил Рианнон своей невестой. Пвилл остолбенел. "Молчи, сколько хочешь, - сказала властная Рианнон, - никогда еще человек не пользовался своим умом хуже, чем ты". "Леди, - ответил изумленный Пвилл, - я не знал, кто он такой". "Это человек, которому меня отдали бы против моей воли, - ответила она, - Гваль, сын Клюда. Ты должен отдать меня ему сейчас, чтобы тебя не постиг позор". "Никогда я этого не сделаю", - сказал Пвилл. "Отдай меня ему, - настаивала она, - и я сделаю так, что никогда не буду его". Тогда Пвилл пообещал Гваулу, что в тот же год устроит пир, на котором отдаст ему Рианнон.

На следующий год пир был устроен, и Рианнон села рядом со своим нежеланным женихом. Но Пвилл ждал у дворца в засаде с сотней воинов. Когда пир был в самом разгаре, он вошел в зал, одетый в грубые, потрепанные одежды, обутый в старые неуклюжие башмаки, и с кожаным мешком в руках. Но сумка была волшебной, которую Рианнон подарила своему любовнику, дав указания, как ею пользоваться. Его свойство заключалось в том, что, сколько бы в него ни положили, он никогда не мог быть заполнен. "Я хочу получить благодеяние", - сказал он Гваулу. "Что это?" Гваль ответил. "Я бедный человек, и все, о чем я прошу, - это чтобы этот мешок был наполнен мясом". Гваль удовлетворил, как он сказал, "просьбу в пределах разумного" и приказал своим последователям наполнить мешок. Но чем больше они клали в него, тем больше в нем оставалось места. Гваул был поражен и спросил, почему так происходит. Пвилл ответил, что это мешок, который никогда не наполнится, пока кто-то, обладающий землями и богатствами, не станет утапывать еду обеими ногами. "Сделай это для человека", - сказала Рианнон Гваулу. "С радостью", - ответил тот и опустил обе ноги в мешок. Но не успел он это сделать, как Пвилл надел мешок на голову Гваула и завязал его у рта. Он затрубил в рог, и все его последователи вошли в дом. "Что у тебя в мешке?" - спросил каждый по очереди. "Барсук", - ответил Пвилл. Тогда каждый, получив ответ Пвила, пнул мешок или ударил по нему палкой. "Так, - говорится в истории, - впервые была сыграна игра "Барсук в мешке".

Однако Гваулу повезло больше, чем, как мы подозреваем, обычно доставалось барсуку; за него вступился Хейвидд Древний. Пвилл охотно отпустил его, но при условии, что он

пообещает отказаться от всех притязаний на Рианнон и от всех планов мести. Гваль согласился, дал поручительство и отправился в свою страну, чтобы залечить ушибы.

Этой страной Гваула было, несомненно, небо, ибо он, очевидно, был богом солнца. Его имя наводит на размышления; ведь "Гваул" означает "свет".^[334] Это был один из часов победы темных сил, подобных тем, что отмечались в кельтском календаре праздником Самайн, или Конец лета.

Теперь не было никаких препятствий для брака Пвила и Рианнон. Она стала его невестой и вернулась с ним в Дифед.

В течение трех лет у них не было наследника, и вельможи Дифеда стали недовольны. Они обратились к Пвиллу с просьбой взять другую жену вместо Рианнон. Он попросил отсрочки на год. Она была дана, и до конца года родился сын. Но в ночь его рождения шесть женщин, поставленных сторожить Рианнон, разом уснули, а когда проснулись, мальчик исчез. Опасаясь, как бы их не лишили жизни за нерадивость, они согласились поклясться, что Рианнон съела своего ребенка. Они убили приплод щенков, намазали лицо и руки Рианнон кровью и положили рядом с ней несколько костей. Затем они разбудили ее с большим криком и обвинили ее. Она поклялась, что ничего не знала о смерти своего сына, но женщины упорно твердили, что видели, как она пожирала его, и не смогли предотвратить этого. Тогдашние друиды не были достаточно практичными анатомами, чтобы отличить кости ребенка от костей собаки, поэтому они осудили Рианнон на основании показаний женщин. Но даже теперь Пвилл не хотел отдавать ее на поругание, поэтому ей было назначено наказание. В течение семи лет она должна была сидеть у коновязи за воротами и предлагать гостям пронести их во дворец на своей спине. "Но редко случалось, - говорится в "Мабиноги", - чтобы кто-нибудь позволил ей это сделать".

Что именно стало с ребенком Рианнон, похоже, осталось загадкой даже для автора "Мабиноги". Во всяком случае, это было каким-то образом связано с не менее загадочным исчезновением в каждую ночь первого мая - Белтайна, кельтского праздника солнца - жеребят, жеребящихся у прекрасной кобылы, принадлежавшей Тейрниону Твриву Влианту, одному из вассалов Пвила. Каждую майскую ночь кобыла жеребилась, но никто не знал, что стало с жеребенком. Тейрнион решил выяснить это. Он отвел кобылу в дом и стал наблюдать за ней, во всеоружии. Рано ночью жеребенок родился. И тут раздался сильный шум, в окно просунулась рука с когтями и вцепилась в гриву жеребенка. Тейрнион ударил по руке мечом и отрубил ее. Затем он услышал плач, открыл дверь и обнаружил младенца в пеленках, завернутого в атласную мантию. Он взял его на руки, принес жене, и они решили усыновить его. Они называли мальчика Гври Уолт Эурин, то есть "Гври из золотых волос".

Чем старше становился мальчик, тем больше Тейрниону казалось, что он становится похож на Пвила. Тогда он вспомнил, что нашел его в ту самую ночь, когда Рианнон потеряла своего ребенка. Тогда он посоветовался со своей женой, и они оба согласились, что младенец, которого они так таинственно нашли, должен быть тем самым, которого так таинственно потеряла Рианнон. И они решили, что будет неправильно, если они оставят себе чужого сына, в то время как такая хорошая леди, как Рианнон, будет наказана несправедливо.

И вот на следующий день Тейрнион отправился в Нарберт, взяв с собой мальчика. Они нашли Рианнон, сидящую, как обычно, у ворот, но не позволили ей пронести их во дворец на спине. Пвилл радушно принял их, и в тот вечер, когда они сидели за ужином, Тейрнион рассказал своим хозяевам всю историю от начала до конца. И он представил Рианнон ее сына.

Как только все во дворце увидели мальчика, они признали, что он, должно быть, сын Пвила. И они с радостью приняли его; а Пендаран Дифед, главный друид королевства, дал ему новое имя. Он назвал его "Прайдери"^[335], что означает "беда", от первого слова, которое произнесла его мать, когда он вернулся к ней. Ибо она сказала: "Воистину, беда для меня закончилась, если это правда".

ГЛАВА XVIII

УХАЖИВАНИЕ БРАНВЕН И ОБЕЗГЛАВЛИВАНИЕ БРАНА^[336]

Во второй из "Четырех ветвей" Прайдери, пришедший в человеческие владения и женатый на жене по имени Киква, появляется в качестве гостя или вассала при дворе более великого бога Аида, чем он сам, - Брана, сына морского бога Ллира. Дети Ллира-Брана, его сестра Бранвен из "Прекрасной груди" и его сводный брат Манавыддан, а также два сына матери Манавыддана, Пенардун, от предыдущего брака, держали двор в *Твр Бранвен*, "башне Бранвен", которая теперь называется Харлех. Сидя на скале и глядя на море, они увидели тринадцать кораблей, идущих из Ирландии. Флот проплыл недалеко от суши, и Бран послал гонцов спросить, кто они и зачем пришли. Брану ответили, что это корабли Матолвха, короля Ирландии, и что он пришел просить у Брана в жены свою сестру Бранвен. Бран согласился, и они выбрали местом проведения свадебного пира Аберфрау в Англси. Матолвх со своим флотом отправился туда по морю, а Бран со своим отрядом - по суше. Когда они прибыли и встретились, то поставили павильоны, ибо "ни один дом не мог вместить благословенного Брана". И там Бранвен стала невестой короля Ирландии.^[337]

Однако эти отношения недолго оставались дружескими. Из двух других сыновей жены Ллира, Пенардун, матери Манавыддана, одного звали Ниссьен, а другого - Эвнисьен. Ниссен был любителем мира и всегда "заставлял свою семью дружить, когда их гнев был наивысшим", а Эвниссен "вызывал раздор между двумя своими братьями, когда они были в мире". Теперь Эвниссен был разгневан тем, что его согласия не спросили на брак Бранвен. Со злости он отрезал губы, уши, брови и хвосты всем лошадям Матолвха.

Когда король Ирландии узнал об этом, он был очень возмущен таким оскорблением. Но Бран дважды отправлял к нему посольство, объясняя, что это было сделано не с его согласия и не с его ведома. Он успокоил Матолвха, подарив ему здорового коня взамен всех изувеченных Эвниссиеном, а также серебряный посох размером и ростом с самого Матолвха и золотую пластину шириной с лицо Матолвха. К этим дарам он добавил волшебный котел, привезенный из Ирландии. Его свойство заключалось в том, что любой убитый, которого в него опускали, снова оживал, за исключением того, что терял дар речи. Король Ирландии принял эту компенсацию за нанесенное ему оскорбление, возобновил дружбу с детьми Ллира и отплыл вместе с Бранвен в Ирландию.

Не прошло и года, как Бранвен родила сына. Его называли Гверном и отдали на воспитание лучшим людям Ирландии. Но на второй год в Ирландию пришла весть об оскорблении, которое Матолвх получил в Британии. Приемные братья и ближайшие родственники короля

Ирландии настаивали на том, что он должен отомстить Бранвену. Поэтому королеву заставили прислуживать на кухне, и каждый день мясник давал ей по уху. Чтобы об этом не стало известно Бранвену, между Ирландией и Британией было запрещено всякое движение. Так продолжалось три года.

Но тем временем Бранвен вырастила прирученного скворца, научила его говорить, привязала к корню его крыла письмо с жалобой и отправила его в Британию. Наконец он нашел Брана, которого описала ему хозяйка, и уселся на его плечо, взъерошив крылья. Это обнажило письмо, и Бран прочитал его. Он разослал гонцов в сто сорок четыре страны, чтобы собрать войско для похода на Ирландию. Оставив своего сына Карадавка с семьей другими людьми за главного в Британии, он отправился в путь - сам вброд через море, а его люди отправились на кораблях.

Никто в Ирландии не знал об их приближении, пока королевские свинопасы, пасшие своих свиней у берега моря, не увидели чудо. Они увидели лес на поверхности моря - там, где, конечно, раньше не было леса, - а рядом с ним - гору с высоким хребтом на вершине и озером по обе стороны от хребта. И лес, и гора стремительно двигались в сторону Ирландии. Они сообщили об этом Матолвху, который ничего не мог понять, и послали гонцов спросить Бранвен, что, по ее мнению, это может быть. "Это люди с Острова Могучего^[338], - сказала она, - которые идут сюда, потому что слышали о моем жестоком обращении. Лес, что виден на море, сделан из мачт кораблей. Гора - это мой брат Бран, заходящий в мелкую воду; возвышенный хребет - его нос, а два озера, по одному с каждой стороны, - его глаза".

Люди Ирландии были в ужасе. Они бежали за Шаннон и разрушили мост через него. Но Бран лег за рекой, и его войско перешло через него на противоположный берег.

Матолвх отправил гонцов с просьбой о мире. Он предложил передать трон Ирландии Гверну, сыну Бранвен и племяннику Брана. "Разве я сам не получу королевство?" - сказал Бран и не желал ничего другого. Тогда советники Матолвха посоветовали ему примирить Брана, построив для него такой большой дом, что это был бы первый дом, который когда-либо вмещал его, и в нем передать королевство в его волю. Бран согласился, и огромный дом был построен.

Она скрывала предательство. На каждой стороне ста столбов дома висело по мешку, а в мешке находился вооруженный человек, который по сигналу должен был вырезать себя. Но Эвнисиен вошел в дом и, увидев там мешки, заподозрил заговор. "Что в этом мешке?" - спросил он одного из ирландцев, подойдя к первому. "Еда", - ответил ирландец. Тогда Эвнисиен стал разминать мешок в руках, как будто в нем действительно была еда, пока не убил находившегося в нем человека; точно так же он поступил и со всеми остальными по очереди.

Чуть позже оба хозяина встретились в доме. Мужчины Ирландии вошли с одной стороны, а мужчины Британии - с другой, встретились у очага посередине и сели. Ирландцы воздали почести Брану и короновали Гверна, сына Бранвен, королем Ирландии вместо Матолвха. Когда церемонии закончились, мальчик перешел от одного к другому из своих дядей, чтобы познакомиться с ними. Бран ласкал его, и Манавиддан, и Ниссъен. Но когда он пришел в Эвнисиен, злой сын Пенардуна схватил ребенка за ноги и бросил его головой вперед в большой костер.

Когда Бранвен увидела, что ее сын убит, она попыталась прыгнуть в пламя вслед за ним, но Бран удержал ее. Тогда все мужчины вооружились, и такого шума не было ни в одном доме. День за днем они сражались, но преимущество было на стороне ирландцев, ведь им

достаточно было окунуть своих мертвецов в волшебный котел, чтобы вернуть их к жизни. Когда Эвниссиен узнал об этом, он увидел способ искупить несчастья, которые его злая натура навлекла на Британию. Он переоделся ирландцем и лежал на полу как мертвый, пока его не опустили в котел. Тогда он вытянулся и одним отчаянным усилием разорвал и котел, и собственное сердце.

Так все снова стало равным, и в следующей битве британцы перебили всех ирландцев. Но из них самих осталось только семь невредимых - Придери; Манавыддан; Глунеу, сын Тарана^[339]; Талиесин Бард; Инавк; Грудием, сын Муриэля; и Хейлин, сын Гвинна Древнего.

Сам Бран был ранен в ногу отравленным дротиком и мучился в агонии. Тогда он приказал семи своим оставшимся в живых последователям отрубить ему голову, отнести ее на Белую гору в Лондоне^[340], и похоронить там, лицом к Франции. Он предсказал, как они проделают этот путь. В Харлехе они будут пировать семь лет, птицы Рианнона будут петь им все время, а голова самого Брана будет разговаривать с ними так же приятно, как и тогда, когда она была на его теле. Затем они будут четыреста лет в Гвалесе^[341]. Все это время голова Брана оставалась бы неповрежденной и говорила бы так приятно, что они забыли бы о беге времени. Но в назначенный час кто-то открыл дверь, выходящую в сторону Корнуолла, и после этого они не могли больше оставаться, а должны были спешить в Лондон, чтобы похоронить голову.

Поэтому семеро обезглавили Брана и отправились в путь, взяв с собой и Бранвен. Они высадились в устье реки Алау на острове Англси. Бранвен сначала оглянулась назад, на Ирландию, а затем вперед, на Британию. "Увы, - воскликнула она, - что я вообще родилась! Два острова были уничтожены из-за меня!" Сердце ее разорвалось от горя, и она умерла. В старинной валлийской поэме говорится с неподдельным пафосом:

"Смягчились голоса в тормозах

диковинных птиц

При виде прекрасного тела.

Не повторится ли вновь

О том, что постигло героя

У потока Амлвха?"^[342]

"Они сделали ей четырехугольную могилу, - говорится в "Мабиноги", - и похоронили ее на берегу Алау". Традиционное место всегда носило название *Иннис Бранвен*, и, что весьма любопытно, в 1813 году там была найдена урна, полная пепла и полусгоревших костей, которые некоторые местные антиквары-энтузиасты видели "все основания предполагать", что это были кости самой прекрасной британской Афродиты.^[343]

Семерка отправилась дальше в сторону Харлеха, и по пути им встречались мужчины и женщины, которые рассказывали им последние новости. Касваллаун, сын Бели, мужа Дон, уничтожил служителей, оставленных Браном для охраны Британии. Он сделал себя невидимым с помощью волшебной завесы и таким образом убил всех, кроме Пендарана Дифеда, приемного отца Придери, который сбежал в лес, и Карадавка, сына Брана, чье сердце разбилось от горя. Так он стал королем всего острова вместо Манавиддана, его законного наследника после смерти Брана.

Однако судьбе было угодно, чтобы семеро продолжили путь с головой своего вождя. Они отправились в Харлех и пировали семь лет, а три птицы Рианнон пели им песни, по сравнению с которыми все остальные песни казались неспешными. Затем они провели четыреста лет на острове Гвалс, ели и пили, и слушали приятную беседу головы Брана. "Развлечением благородной головы" назывался этот восьмидесятилетний пир. Голова Брана, действительно, едва ли не более примечательна в британской мифологии, чем сам Бран до обезглавливания. Талиесин и другие барды неоднократно упоминают ее как *Урддоул Бен* ("Почтенная голова") и *Утер Бен* ("Чудесная голова").

Но все удовольствие закончилось, когда Хейлин, сын Гвинна, открыл запретную дверь, подобно жене Синей Бороды, "чтобы узнать, правда ли то, что было сказано о ней". Как только они посмотрели в сторону Корнуолла, чары, поддерживавшие их веселье в течение восьмидесяти семи лет, разрушились, и они остались так же опечалены смертью своего господина, как если бы это случилось в тот же день. Не в силах успокоиться от горя, они сразу же отправились в Лондон и положили онемевшую и развращенную голову в могилу на Тауэрском холме, повернув ее лицом к Франции, чтобы следить за тем, чтобы из чужих земель в Британию не пришел враг. Там она и покоилась, пока спустя много веков Артур в гордыне своей не откопал ее, "так как считал ниже своего достоинства удерживать остров иначе, чем с помощью доблести". Бедствие в виде

"безбожные войска

язычников, кишащих у Северного моря", ^[344]

и поэтому оно называется в триаде одним из "Трех злых открытий Британии".

ГЛАВА XIX

ВОЙНА ЧАР^[345]

Манавиддан был единственным оставшимся в живых из рода Ллира. Он был бездомным и безземельным. Но Прайдери предложил отдать ему королевство в Дифеде, а его мать, Рианнон, взять в жены. Леди, объяснил ее сын, все еще была некрасива, а ее разговор был приятен. Манавиддан, похоже, нашел ее привлекательной, а Рианнон была не менее увлечена сыном Ллира. Их поженили, и так велика стала дружба Придери и Киквы, Манавиддана и Рианнон, что они редко разлучались.

Однажды, устроив пир в Нарберте, они отправились к тому самому волшебному кургану, где Рианнон впервые встретила Пвила. Когда они сидели там, грянул гром, и тут же поднялся густой туман, так что ни один из них не мог разглядеть другого. Когда он рассеялся, они оказались одни в необитаемой стране. За исключением их собственного замка, земля была пустынной и невозделанной, без признаков жилья, людей или зверей. Одно прикосновение неведомой магии полностью изменило облик Дифеда, превратив его из богатого королевства в дикую местность.

Манавиддан и Прайдери, Рианнон и Киква обследовали страну со всех сторон, но не нашли ничего, кроме запустения и диких зверей. Два года они жили под открытым небом, питаясь дичью и медом.

На третий год им надоела эта дикая жизнь, и они решили отправиться в Ллоэгир^[346], чтобы прокормить себя каким-нибудь ремеслом. Манавиддан умел делать седла, и делал их так хорошо, что вскоре никто в Херефорде, где они поселились, не покупал седла ни у кого, кроме него. Это вызвало вражду всех остальных седельщиков, и они сговорились убить чужеземцев. Тогда четверо отправились в другой город.

Здесь они делали щиты, и вскоре никто не мог купить щит, если он не был сделан Манавидданом и Придери. Изготовители щитов стали завидовать, и снова пришлось переезжать.

Но в следующем городе, где они занимались ремеслом кордельеров, Манавиддан делал обувь, а Прайдери ее сшивал, дела шли не лучше. Тогда они снова вернулись в Дифед и занялись охотой.

Однажды гончие Манавиддана и Прайдери настигли белого кабана. Они преследовали его до тех пор, пока не пришли к замку в таком месте, где, как были уверены оба охотника, никакого замка еще не было. В этот замок и вошел кабан, а за ним и гончие. Некоторое время Манавиддан и Придери тщетно ждали их возвращения. Тогда Придери предложил пойти в замок и посмотреть, что с ними стало. Манавиддан попытался отговорить его, заявив, что кто бы ни был их враг, который опустошил Дифед, он же стал причиной появления этого замка. Но Придери настоял на том, чтобы войти.

В замке он не нашел ни кабана, ни его гончих, ни следов человека или зверя. В центре пола замка был лишь фонтан, а на краю фонтана - прекрасная золотая чаша, прикрепленная цепями к мраморной плите.

Придери так восхитился красотой чаши, что протянул руки и схватил ее. И тут же его руки прилипли к чаше, так что он не мог сдвинуться с места.

Манавиддан прождал его до вечера, а потом вернулся во дворец и рассказал Рианнон. Она, более смелая, чем ее муж, упрекнула его в трусости и отправилась напрямик в волшебный замок. Во дворе она нашла Придери, его руки все еще были прикованы к чаше, а ноги - к плите. Она попыталась освободить его, но сама оказалась прикованной, и с раскатом грома и клубами тумана замок исчез вместе с двумя пленниками.

Манавиддан остался наедине с Киквой, женой Придери. Он успокоил ее страхи и заверил в своей защите. Но они потеряли своих собак и не могли больше охотиться, поэтому вместе отправились в Ллоэгир, чтобы снова заняться старым ремеслом Манавиддана - изготовлением шнуров. Во второй раз завистники сговорились убить их, и они были вынуждены вернуться в Дифед.

Но Манавиддан взял с собой в Нарберт ношу пшеницы и засеял три грядки, и все они обильно взошли.

Когда пришло время жатвы, он пошел посмотреть на свой первый участок и обнаружил, что он созрел. "Завтра я буду жать", - сказал он. Но утром он не нашел ничего, кроме голой соломы. Все колосья были убраны.

Тогда он пошел к следующему участку, который тоже был спелым. Но когда он пришел срезать его, то обнаружил, что он был ободран так же, как и первый. Тогда он понял, что тот, кто опустошил Дифед и унес Рианнон и Прайдери, поработал и над его пшеницей.

Созрел и третий посев, и за ним он решил наблюдать. Вечером он вооружился и стал ждать. В полночь он услышал сильный шум и, выглянув наружу, увидел, что к нему приближается множество мышей. Каждая мышь откусывала по колосу пшеницы и убегала с ним. Он бросился за ними, но смог поймать только одну, которая была более вялой, чем остальные. Эту он положил в перчатку, отнес обратно и показал Кичве.

"Завтра я его повешу, - сказал он. "Не подобает человеку твоего достоинства вешать мышь", - ответила она. "Тем не менее я сделаю это", - сказал он. "Так и сделай", - сказала Киква.

На следующее утро Манавыддан отправился к волшебному кургану и установил на нем две вилы, чтобы сделать виселицу. Он только закончил, как к нему подошел человек, одетый как бедный ученый, и поприветствовал его.

"Что вы делаете, лорд?" - спросил он.

"Я собираюсь повесить вора", - ответил Манавыддан.

"Какого вора? Я вижу у тебя в руках животное, похожее на мышь, но человек такого ранга, как ты, не должен прикасаться к столь ничтожному существу. Отпусти ее на свободу".

"Я поймал ее, когда она грабила меня, - ответил Манавыддан, - и она умрет воровской смертью".

"Мне не хотелось бы, чтобы такой человек, как ты, занимался подобными вещами", - сказал ученый. "Я дам тебе фунт, чтобы ты отпустил его".

"Я не отпущу его, - ответил Манавыддан, - и не продам".

"Как хочешь, лорд. Для меня это пустяк", - ответил ученый. И он ушел.

Манавыддан положил поперечную перекладину вдоль вил. В это время мимо него проезжал другой человек, священник на коне. Он спросил Манавыддана, что тот делает, и получил ответ. "Милорд, - сказал он, - такое пресмыкающееся ничего не стоит купить, но чем видеть, как вы унижаете себя, прикасаясь к нему, я дам вам три фунта, чтобы вы отпустили его".

"Я не возьму за нее денег, - ответил Манавыддан. "Он будет повешен".

"Пусть будет повешен", - сказал священник и пошел своей дорогой.

Манавыддан накинул петлю на шею мыши и только собрался затянуть ее, как увидел, что к нему приближается епископ со всей своей свитой.

"Ваше благословение, лорд епископ", - сказал он.

"Да благословит тебя Небо", - ответил епископ. "Что ты делаешь?"

"Я вешаю вора", - ответил Манавыддан. "Эта мышь ограбила меня".

"Раз уж так случилось, что я пришел на ее погибель, я выкуплю ее", - сказал епископ. "Вот семь фунтов. Возьми их и отпусти ее".

"Я не отпущу его", - ответил Манавыддан.

"Я дам тебе двадцать четыре фунта готовых денег, если ты отпустишь ее", - сказал епископ.

"Я бы не дал и еще столько же", - ответил Манавыддан.

"Если ты не освободишь его за это, - сказал епископ, - я дам тебе всех своих лошадей и их поклажу, чтобы ты отпустил его".

"Не отдам", - ответил Манавыддан.

"Тогда назови свою цену", - сказал епископ.

"Я принимаю это предложение", - ответил Манавыддан. "Моя цена - освобождение Рианнон и Прайдери".

"Они будут освобождены", - ответил епископ.

"И все же я не отпущу мышь", - сказал Манавыддан.

"Чего же ты еще просишь?" - воскликнул епископ.

"Чтобы чары были удалены из Дайфеда", - ответил Манавыддан.

"Он будет снят", - пообещал епископ. "Так освободи мышь".

"Не отпущу, - сказал Манавыддан, - пока не узнаю, кто эта мышь".

"Она моя жена, - ответил епископ, - а меня зовут Ллвид, сын Килкода, и я наложил чары на Дифед, Рианнон и Прайдери, чтобы отомстить Гваулу, сыну Клюда, за игру "барсук в мешке", которую сыграл с ним Пвилл, глава Аннуна. Это мои домочадцы пришли под видом мышей и унесли ваше зерно. Но раз уж моя жена попалась, я верну Рианнон и Прайдери и сниму чары с Дифеда, если ты отпустишь ее".

"Я не отпущу ее, - сказал Манавыддан, - пока ты не пообещаешь, что на Дифед больше не будут наложены чары".

"Я обещаю и это", - ответил Ллвид. "Так отпусти ее".

"Я не отпущу ее, - сказал Манавыддан, - если ты не поклянешься впредь не мстить за это".

"Ты поступил мудро, заявив об этом", - ответил Ллвид. "Иначе на твою голову обрушилось бы много бед из-за этого. Теперь я клянусь в этом. Так освободи мою жену".

"Не освобожу, - сказал Манавыддан, - пока не увижу Рианнон и Прайдери".

Тогда он увидел, что они идут к нему, и они поприветствовали друг друга.

"Теперь освободи мою жену", - сказал епископ.

"С радостью", - ответил Манавыддан. И он освободил мышь, а Ллвид ударил по ней палочкой и превратил ее в "молодую женщину, прекрасней которой не было на свете".

И когда Манавыддан огляделся вокруг, он увидел, что Дифед снова возделан и обработан, как прежде.

Силы света на этот раз одержали победу. Постепенно они усиливали свое господство над властью тьмы, пока оставшиеся в живых представители родов Ллир и Пвилл не стали вассалами Артура.

ГЛАВА XX

ПОБЕДЫ СВЕТА НАД ТЬМОЙ

Однако силы света отнюдь не всегда были успешны в борьбе с силами тьмы. Даже Гвидиону, сыну Дона, пришлось пройти курс ученичества у несчастья. Напав на Каэр Сиди-Хадес^[347] под одним из его многочисленных титулов, он был схвачен Пвиллом и Прайдери и подвергся долгому заточению.^[348] Страдания, которым он подвергся, сделали его бардом - древняя кельтская идея, которая до сих пор сохранилась в народной традиции, согласно которой тот, кто осмелится провести ночь в одиночестве либо на стуле великана Идриса (вершина Кадер Идрис, Мерионетшир), либо под призрачным Черным камнем Ардду, на Лланберисской стороне Сноудона, утром будет найден либо вдохновленным, либо безумным.^[349] Как ему удалось спастись, мы не знаем; но этот эпизод, похоже, не умерил его пыл в борьбе с естественными врагами своего рода.

С помощью своего брата Амаэтона, бога земледелия, и его сына Ллеу он сразился в битве при Годеу, или "Деревьях", подвиге, который является не самым любопытным из кельтских мифов. Она также известна как битва при Ахрене, или Охрене, - название Аида с неизвестным значением, но вновь появляющееся в замечательной валлийской поэме, описывающей "Гибель Аннуна" Артура. Королем Ахрена был Араун; ему помогал Бран, который, по-видимому, тогда еще не совершил своего рокового путешествия в Ирландию. Война велась за три блага для человека - собаку, оленя и лазоревку, которые по какой-то причине были священными для богов нижнего мира.

На этот раз Гвидион был не один, как, видимо, во время своей первой неудачной вылазки в Аид. Кроме брата и сына, у него была армия, которую он собрал специально для этой цели. Для вождя с магическими способностями Гвидиона не было необходимости в постоянных войсках. Он мог вызывать батальоны с помощью заклинания и распускать их, когда они больше не были нужны. Название битвы показывает, что он сделал по этому случаю; бард Талиесин добавил свое свидетельство:

"Я был в битве при Годеу вместе с Ллеу и Гвидионом,

Они изменили формы элементарных деревьев и осоки".

В посвященной этому поэме^[350] он подробно описывает произошедшее. Деревья и травы, рассказывает он, поспешили на бой: ольха шла во главе, но ива и липа пришли поздно, а береза, хотя и храбрая, долго собиралась; вяз твердо стоял в центре битвы и не уступал ни пяди; небо и земля дрожали перед наступлением дуба, этого крепкого стража дверей против врага; героические остролист и боярышник защищали себя своими шипами; Вереск не подпускал врага со всех сторон, и метла была далеко впереди, но папоротник был разграблен, а пушица не справилась; Крепкая, высокая сосна, назойливая груша, мрачный ясень, стыдливый каштан, процветающий бук, долговечный тополь, скудная слива, ищущие

убежища лиана и лоза, дикий, чужеземный лабурнум; "боб, несущий в своей тени целую армию призраков"; куст розы, малина, плющ, вишня, мушмула - все они играли свою роль.

В рядах Аида были не менее странные бойцы. Нам рассказывают о стоголовом чудовище, несущем грозный батальон под корнем языка и на затылке; о зияющей черной жабе с сотней когтей; о многоцветном змее, внутри плоти которого мучились за свои грехи сто душ - в общем, нужны Доре или Данте, чтобы передать эту странную битву между магиями рая и ада.

Именно магия решила его судьбу. В рядах Аида был боец, которого нельзя было победить, пока его противник не угадывал его имя - особенность терринных богов, замечает профессор Рис,^[351] сохранившаяся в наших популярных сказках. Гвидион угадал имя и спел эти два куплета: -.

"Уверенно ступает мой конь, подгоняемый шпорой;

Высокие веточки ольхи на твоём щите;

Браном зовёшься ты, из сверкающих ветвей!

"Уверенно ступает мой конь в день битвы:

Высокие веточки ольхи на руке твоей:

Бран... с веткой, что ты несёшь.

Амаэтон Добрый победил!"^[352]

Таким образом, власть темных богов была сломлена, и сыновья Дона сохранили для использования людьми оленя, собаку и крылатку, украденных из того подземного мира, откуда приходят все добрые дары.

Боги света всегда сражались с богами тьмы, чтобы получить какую-то практическую пользу. Последний и величайший из набегов Гвидиона на Аид был предпринят для того, чтобы добыть свинину!^[353]

Гвидион слышал, что в Дифед пришли диковинные звери, каких еще никто не видел. Их называли "свиньями" или "свиньями", и Араун, король Аннуна, прислал их в подарок Придери, сыну Пвила. Это были маленькие животные, и их мясо, как говорили, было лучше мяса быков. Он подумал, что было бы неплохо получить их силой или обманом от темных сил. Матх сын Матонви, правивший детьми Дона со своего Олимпа в Каэр Датил^[354], дал согласие, и Гвидион с одиннадцатью другими отправился во дворец Придери^[355]. Они переоделись бардами, чтобы быть принятыми Придери, и Гвидион, который был "лучшим рассказчиком сказок в мире", развлекал принца Дифеда и его двор так, как никогда прежде не развлекал их ни один рассказчик. Затем он попросил Прайдери одарить его благом - животными, которые пришли из Аннуна. Но Прайдери дал слово Арону, что не продаст и не отдаст ни одного из новых существ, пока они не увеличатся вдвое, и он сказал об этом переодетому Гвидиону.

"Владыка, - сказал Гвидион, - я могу освободить тебя от твоего обещания. Ни отдай мне свиней сразу, ни откажись от них совсем, а завтра я покажу тебе, как это сделать".

Он отправился в отведенное ему Придери жилище и принялся творить свои чары и иллюзии. Из гриба он сделал двенадцать позолоченных щитов, и двенадцать коней с золотой сбруей, и двенадцать черных борзых с белой грудью, на каждой из которых был золотой ошейник и поводок. И показал он их Придери.

"Господи, - сказал он, - есть освобождение от слова, которое ты произнес вчера вечером о свиньях: ты не можешь ни дарить их, ни продавать. Ты можешь обменять их на то, что лучше. Я дам тебе этих двенадцать коней с золотой сбруей, и этих двенадцать борзых с золотыми ошейниками и поводьями, и эти двенадцать позолоченных щитов для них".

Прайдери посоветовался со своими людьми и согласился на сделку. Гвидион и его последователи взяли свиней и ушли с ними, торопясь изо всех сил, ибо Гвидион знал, что иллюзия продлится не больше дня. Память об их путешествии сохранилась надолго; каждое место, где они отдыхали между Дифедом и Каэр Датил, запомнилось названием, связывающим его со свиньями. В каждом из трех графств - Кардиганшире, Монтгомеришире и Денбигшире - есть Мохдрев ("Свиной город"), а возле Мохнанта ("Свиного ручья"), который протекает через часть двух последних графств, - Кастелл-и-Мох ("Свиной замок"). Они надежно закрыли свиней, а затем собрали все войско Мата, ибо кони, гончие и щиты вернулись в грибницу, а Придери, догадавшийся о роли Гвидиона в этом деле, спешно продвигался на север.

Было два сражения - одно при Маэнор Пенардд, близ Конвея, и другое при Маэнор Алун, ныне называемой Коэд Хелен, близ Каэрнарвона. Потерпев поражение в обоих, Прайдери отступил к Нант-Колл, примерно в девяти милях от Кернарвона. Здесь он снова потерпел поражение с большой резней и послал заложников с просьбой о мире и безопасном отступлении.

Маф согласился, но, тем не менее, армия сыновей Дона продолжала преследовать отступающую армию и преследовать ее. Тогда Придери послал жалобу Мату, требуя, чтобы, если война все же должна состояться, Гвидион, который стал причиной всех бед, сразился с ним в одиночном бою.

Гвидион согласился, и поборники света и тьмы встретились лицом к лицу. Но сила Прайдери была слабее, и он пал перед силой и магией Гвидиона. "И в Маэн Тириавк, над Меленридом, был он похоронен, и там его могила", - говорится в "Мабиноги", хотя древняя валлийская поэма, называемая "Стихи о могилах воинов"^[356], указывает ему другое место упокоения.^[357]

Эта решительная победа над Аидом и его царями положила конец борьбе, пока ее не возобновил, с еще более полным успехом, тот, кто превосходил Гвидиона, - непобедимый Артур.

ГЛАВА XXI

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ "ПРИШЕСТВИЕ АРТУРА"

Пришествие Артура, его внезапное возвышение - одна из многочисленных проблем кельтской мифологии. Он не упоминается ни в одной из четырех ветвей "Мабиноги", где речь идет о расах британских богов, эквивалентных гэльским Туатха Де Дананн. Самые ранние упоминания о нем в валлийской литературе, похоже, рассматривают его просто как воина-вождя, не лучше, если не хуже, чем некоторые другие, такие как "Герайнт, принц-придаток

Девона", увековеченный бардами^[358] и Теннисоном. Затем, после этого, мы видим, что он возвысился до необычного положения короля богов, которому старые божественные семьи Dôn, Llyr и Pwyll оказывают беспрекословное почтение. Триады рассказывают, что Ллудд - Зевс из древнего пантеона - был одним из "трех главных рыцарей войны" Артура, а Араун, царь Аида, - одним из его "трех главных рыцарей-советников". В истории под названием "Сон Ронабви" в Красной книге Хергеста он показан как вождь, которому подчиняются те, кто, как мы знаем, принадлежал к божественной расе - сыновья Нудда, Ллира, Брана, Гованнана и Арианрода. В другом сказании "Красной книги", о Кулхвхе и Олвене, его вассалами оказываются еще более великие боги. Амаэтон, сын Дона, пашет за него, Гованнан, сын Дона, чистит железо, а два других сына Бели, Нинниав и Пейбав, "превращенные в волов за свои грехи", трудятся за ярмом, чтобы гора была расчищена и обработана, а урожай собран в один день. Он собирает своих поборников на поиски "сокровищ Британии", и Манавиддан сын Ллира, Гвин сын Нудда и Придери сын Пвила объединяются вокруг него по его призыву.

Наиболее вероятное и единственно адекватное объяснение дает профессор Рис, который считает, что слава двух отдельных Артуров была случайно смешана, к огромной славе составного, полуреального, полумифического персонажа, в котором они слились.^[359] Одним из них был божественный Артур, бог, которому более или менее широко поклонялись в кельтском мире - тот самый, которому, несомненно, посвящена надпись *ex voto*, найденная на юго-востоке Франции, называющая его *Mercurius Artaius*.^[360] Другим был человеческий Артур, который занимал среди бриттов должность, которая при римском господстве называлась *Comes Britanniae*. Этот "граф Британии" был верховным военным авторитетом; ему было поручено защищать страну от иноземных вторжений; в его подчинении находились два немногочисленных офицера: *Dux Britanniarum* (герцог бриттов), отвечавший за северную стену, и *Comes Littoris Saxonici* (граф саксонских берегов), охранявший юго-восточные берега. После ухода римлян бритты еще долго сохраняли организацию, созданную их завоевателями; и кажется разумным предположить, что этот пост предводителя в войне был тем же самым, который в ранней валлийской литературе описывается как "император", титул, присвоенный Артуру, единственному среди британских героев.^[361] Слава Артура-императора слилась со славой Артура-бога, так что она стала совпадать с территорией, по которой мы проследили расселение бриттов в Великобритании.^[362] Отсюда многочисленные споры, умело, хотя и безрезультатно, ведущиеся по поводу "артуровских местностей" и мест расположения таких городов, как Камелот, и двенадцати великих битв Артура. Исторические элементы, несомненно, окрашивают сказания об Артуре и его спутниках, но они не менее мифичны, чем сказания об их гэльских аналогах - героях Красной ветви из Ольстера и фениях.

Из этих двух циклов именно с последним артурианская легенда демонстрирует наибольшее сходство.^[363] Положение Артура как верховного вождя Британии любопытным образом параллельно положению Финна как генерала "туземного ирландского ополчения". Его "Круглый стол" воинов также напоминает финновских фениев, присягнувших на верность приключениям. И те и другие сражаются с человеческими и сверхчеловеческими врагами. Оба одинаково преследуют Европу, вплоть до стен Рима. История любви Артура, его жены Гвиневеры и племянника Медраута (Мордредра) во многом напоминает историю любви Финна, его жены Грайинн и племянника Диармайта. В рассказах о последних битвах Артура и фениев суть родственного мифа сохраняется, хотя фактические выразители его несколько отличаются. В битве при Камлане последний поединок провели сами Артур и Медраут. Но в последнем бою фениев у Габхры изначальные герои уступили место своим потомкам и представителям. И Финн, и Кормак уже были мертвы. Сражаются и убивают друг друга Оскар, внук Финна, и Кэрбре, сын Кормака. И опять же, как Артур, по мнению многих, не умер на

самом деле, а перешел на "островную долину Авилиона", так и шотландская легенда рассказывает о том, как спустя много лет после фениев некий человек, случайно высадившись на таинственном западном острове, встретился и поговорил с Финном мак Коулом. Даже альтернативная легенда, по которой Артур и его воины ждут под землей в волшебном сне возвращения своего триумфа, тоже рассказывает о фениях.

Но эти параллели, хотя и иллюстрируют превосходство Артура, не показывают его реального места среди богов. Чтобы определить это, мы должны внимательно изучить ряды старших династий, чтобы увидеть, нет ли среди них тех, чьи атрибуты мог унаследовать новоявленный король. Мы находим Ллудда и Гвина, Арауна, Прайдери и Манавиддана бок о бок с ним под их собственными именами. Среди детей Дона - Амаэтон и Гованнан. Но на этом список заканчивается, сделав примечательное упущение. В поздних мифах нет упоминаний о Гвидионе. Этот величайший из сыновей Дона выпал и исчез без следа.

Как ни странно, те же самые истории, которые когда-то рассказывали о Гвидионе, теперь связаны с именем Артура. Так что мы можем предположить, вместе с профессором Рисом, что Артур, главный бог нового Пантеона, занял место Гвидиона в старом.^[364] Сравнение Гвидион-мифов и Артур-мифов показывает почти точное соответствие во всем, кроме имени.

Как и Гвидион, Артур является представителем культуры и искусства. Поэтому мы видим, что он ведет ту же войну с подземным миром за богатство и мудрость, которую Гвидион и сыновья Дона вели против сыновей Ллира, Моря, и Пвила, главы Аида.

Как и Гвидион, Артур рано потерпел поражение. Он потерпел неудачу даже там, где преуспел его прототип. Гвидион, как мы знаем из "Мабиноги Мата", успешно украл свиней Придери, но Артур потерпел полное фиаско, пытаясь захватить свиней аналогичного принца подземного мира по имени Марч сын Мейрхиона.^[365] Также как и в случае с Гвидионом, его первая разведка Аида была катастрофической и привела к его пленению и заключению в тюрьму. Манавиддан, сын Ллира, заточил его в таинственной и жуткой костяной крепости Оет и Аноет, и там он томился три дня и три ночи, прежде чем пришел спаситель в лице Гореу, его двоюродного брата.^[366] Но в конце концов он одержал победу. В валлийской поэме, приписываемой барду Талиесину, под названием "Гибель Аннуна"^[367] рассказывается об экспедиции Артура и его последователей в самое сердце этой страны, откуда он, по-видимому, вернулся (поскольку стихи несколько туманны), потеряв почти всех своих людей, но обладая предметом своих поисков - волшебным котлом вдохновения и поэзии.

Талиесин рассказывает эту историю как очевидец. Он вполне мог так поступить; ведь он мог похвастаться, что с момента сотворения мира не пропустил ни одного важного события. Он был на небесах, рассказывает он,^[368] когда пал Люцифер, и при дворе Дона до рождения Гвидиона; он был среди созвездий и с Марией Магдалиной, и с языческой богиней Арианрод; он нес знамя перед Александром и был главным руководителем строительства Вавилонской башни; Он видел падение Трои и основание Рима; он был с Ноем в ковчеге и был свидетелем разрушения Содомы и Гоморры; он присутствовал и в Вифлеемских яслях, и у Голгофского креста. Но, к сожалению, Талиесин, как достоверный персонаж, находится точно в таком же положении, как и сам Артур. Ученые не отрицают, что существовал реальный Талиесин, бард шестого века, которому приписывались и который, возможно, действительно сочинил некоторые из поэм в "Книге Талиесина".^[369] Но был и другой Талиесин, которого, как мифического поэта британских кельтов, профессор Рис склонен приравнивать к гэльскому Оссиану.^[370] Традиции этих двух поэтов смешались, наделив исторического Талиесина богоподобными атрибутами его предшественника и придав мифическому Талиесину некоторую долю реальности его преемника.^[371]

Жаль, что наш бард порой пел не так бессвязно, ведь его поэма содержит самое полное из дошедших до нас описаний потустороннего мира, каким его представляли себе бритты. По-видимому, многочисленные названия, все разные, а некоторые и вовсе непере译имые, относятся к одному и тому же месту, и их необходимо сопоставить, чтобы составить правильное представление о том, каким был Аннун. За исключением явно поддельного последнего стиха, который здесь опущен, поэма великолепно языческая и представляет собой кладезь британской мифологии^[372] .

"Я буду славить государя, верховного владыку земли,

Который распространил свое владычество на берега мира".

Крепкой была тюрьма Гвейра^[373] , в Каэр Сиди,

по злобе Пвила и Прайдери:

Никто до него в нее не попадал.

Тяжелая синяя цепь крепко держала юношу,

И перед трофеями Аннунна горестно он пел,

И с тех пор до самой смерти он останется бардом.

Трижды, чтобы заполнить Прайдвен^[374] мы отправились в него;

Кроме семерых, никто не вернулся из Каэр Сиди^[375] .

"Разве я не претендую на славу, чтобы быть услышанным в песне

В Каэр Педриване^[376] , четыре раза вращающемся?

Первое слово из котла, когда оно было произнесено?

Дыханьем девяти дев он был нежно согрет.

Не котел ли это вождя Аннуна? Каков его фасон?

Ободок из жемчуга по его краю.

В нем не сварится пища труса или того, кто отрекся.

И меч, сверкающий ярким пламенем, будет поднят над ним,

и оставлен в руке Ллеминауга.

А перед дверью ворот Уфферна^[377] горел светильник.

Когда мы отправились с Артуром - великолепный труд!

кроме семерых, никто не вернулся из Каэр Ведвида^[378] .

"Разве я не претендую на славу, на то, чтобы быть услышанным в песне

В Каэр Педриване, на Острове Крепкой Двери,

Где сходятся сумерки и тьма кромешная,

И яркое вино - напиток хозяев?

Трижды, чтобы наполнить Прайдвен, мы отправлялись в море.

Кроме семерых, никто не вернулся из Каэр Ригора^[379] .

"Я не позволю себе много похвал в адрес лидеров литературы.

За Каэр Видиром^[380] они не увидели доблести Артура;

Три десятка сотен стояли на стенах;

Трудно было разговаривать с их сторожем.

Трижды, чтобы наполнить Прайдвен, мы отправлялись с Артуром;

Кроме семерых, никто не вернулся из Каэр Голуда^[381] .

"Я не позволю много хвалить бездуховных.

Они не знают, в какой день и кто их вызвал,

И в какой час безмятежного дня Кви родился,

И не знают, по чьей вине он не пошел в долины Девви.

Не знают они и о быке с широкой головной повязкой,

чье ярмо в семь с лишним сантиметров.

Когда мы отправились с Артуром, скорбной памяти,

Кроме семерых, никто не вернулся из Каэр Вандви^[382] .

"Я не позволю хвалить тех, кто пал духом.

Они не знают, в какой день встал вождь,

И в какой час безмятежного дня родился хозяин,

И не знают, какое животное они держат, с головой из серебра.

Когда мы отправились с Артуром, из тревожных стремлений

кроме семерых, никто не вернулся из Каэр Охрен^[383] ".

Многие аллюзии этой поэмы, возможно, никогда не будут объяснены. Мы знаем не лучше "вождей литературы", которых тщеславный Талиесин дразнил своим невежеством и отсутствием духа, в какой час родился Кви или даже кем он был, и тем более кто помешал ему отправиться в долины Девви, где бы они ни находились. Мы так же, как и они, находимся в неведении относительно значения быка с широкой головной повязкой и другого животного с серебряной головой.^[384] Но ранняя часть поэмы, к счастью, более ясная, и она дает представление о величии дикарского воображения. Стеклянная крепость с крепкими крышами и четырьмя квадратными стенами, охраняемая немymi, призрачными часовыми, вращалась в бесконечном круговороте, так что мало кто мог найти вход в нее; она была темна, если не считать полумрака, создаваемого лампой, горящей перед ее кружащимися воротами; Там проходили пиры и пиршества, а в его центре, в самом лучшем из его многочисленных богатств, находился жемчужный котел поэзии и вдохновения,

поддерживаемый дыханием девяти британских питонесс, чтобы он мог изрекать свои оракулы. К этим скудным сведениям можно добавить несколько строк, также написанных Талиесином и содержащихся в поэме под названием "Песнь о сыновьях Ллира аб Брохвела Поуиса":-.

"Прекрасен мой стул в Каэр Сиди:

Чума и возраст не вредят тому, кто в нем сидит...

Они знают, Манавыддан и Прайдери.

Три органа вокруг огня поют перед ним,

А вокруг него - потоки океана.

И обильный колодец над ним.

Слаще белого вина напиток в нем".^[385]

Однако она мало что добавляет к нашим знаниям. Она напоминает нам, что Аннун был окружен морем - "тяжелой синей цепью", которая так крепко держала Гвейра; она сообщает нам, что "светлое вино", которое было "напитком хозяев", хранилось в колодце; она добавляет к веселью пение трех органов; она подчеркивает, что его жители были избавлены от возраста и смерти; и, наконец, она показывает нам, как мы и ожидали, вездесущего Талиесина как привилегированного жителя этого восхитительного края. У нас есть две подсказки о том, где могла располагаться эта страна. Остров Ланди, расположенный у побережья Девоншира, в древности назывался *Ynys Wair*, "Остров Гвейра", или Гвидион. В валлийском переводе *Seint Greal*, англо-норманнского романа, воплощающего большую часть старой мифологии, "Вращающийся замок" - очевидно, тот же самый, что и Caer Sidi - находится в районе острова Паффин у побережья Англси.^[386] Но это лишь тонкие нити, которыми можно привязать к твердой земле царство воображения.

Вместе с Гвидионом исчезли и все персонажи, связанные с ним в той части "Мабиноги" о Мате, сыне Матонви, где излагается миф о рождении бога-солнца. Ни сам Матх, ни Ллеу Ллау Гиффес, ни Дилан, ни их мать Арианрод больше не играют никакой роли; они исчезли так же полностью, как Гвидион. Но суть мифа, фигурами которого они были, осталась нетронутой. Гвидион был отцом своей сестры Арианрод, жены убывающего небесного бога по имени Нвивр (Космос), сыновей-близнецов, Ллеу, бога света, и Дилана, бога тьмы; и мы находим эту же историю вплетенной в самую внутреннюю структуру легенды об Артуре.^[387] Новая Арианрод, хотя и названная "Моргаусом" сэром Томасом Мэлори^[388], и "Анной" Джеффри Монмутским^[389], известна раннему валлийскому мифу как "Гвиар"^[390]. Она была сестрой Артура и женой бога неба Ллудда, а ее имя, которое означает "проливать кровь" или "кровь", напоминает нам о связи Морригу, богини войны гэлов, с богом неба Нуадой^[391]. Новый Ллеу Ллау Гиффес зовется Гвальхмей, то есть "Майский сокол"^[392], а новый Дилан - Медраут, одновременно сын Артура и брат Гвальхмей, и злейший враг обоих^[393].

Помимо этих "старых друзей с новыми лицами", Артур приводит с собой новый Пантеон, большинство из которых также заменяют старых богов неба и земли, а также областей под землей. Зевса артуровского цикла зовут Мирддин, который перешел в норманно-французские романы как "Мерлин". Все мифы, рассказывающие о нем, свидетельствуют о его высоком происхождении. Первое название Британии, до того как она была заселена, было, как мы узнаем из триады, *Clas Myrddin*, то есть "Обитель Мирддина".^[394] Ему дают жену, чьи качества напоминают о супругах Нуады и Ллудда. Она описана как единственная дочь

Коэля - британского имени галльского *Камула*, бога войны и неба - и звалась Элен Лвидавг, то есть "Элен, предводительница воинств". Память о ней сохранилась в Уэльсе в связи с древними дорогами; такие названия, как *Ffordd Elen* ("Дорога Элен") и *Sarn Elen* ("Козуэй Элен"), по-видимому, показывают, что пути, по которым маршировали армии, были приписаны или посвящены ей.^[395] Как жене Мирддина, ей приписывают основание города Кармартен (*Caer Myrddin*), а также "самой высокой крепости в Арвоне", которая, должно быть, была местом возле Беддгелерта, до сих пор называемым *Dinas Emrys*, "Город Эмрис", один из эпитетов или имен Мирддина.^[396]

Профессор Рис склонен считать Мирддина, или, скорее, британского Зевса под любым именем, богом, которому особенно поклонялись в Стоунхендже.^[397] Конечно, этот впечатляющий храм, всегда без крыши и открытый солнцу, ветру и дождю небес, кажется особенно подходящим для британского верховного бога света и неба. Мы также не располагаем документальными свидетельствами, которые позволили бы нам связать его с ним. Джеффри Монмутский^[398], чьи исторические вымыслы обычно скрывают мифологические факты, рассказывает, что камни, из которых он состоит, были воздвигнуты Мерлином. До этого они стояли в Ирландии, на холме, который Джеффри называет "горой Киллараус" и который можно идентифицировать как то самое место, известное в ирландской легенде как "холм Уиснеха", а еще раньше связанное с Балором. Согласно британской традиции, первобытные великаны, которые первыми колонизировали Ирландию, принесли их с их исконного места обитания на "самом дальнем побережье Африки", из-за их чудесных свойств; ведь любая вода, в которой они купались, становилась суверенным средством как от болезней, так и от ран. По приказу Аврелия, полуреального, полумифического короля Британии, Мерлин привез их в Англию, чтобы установить на Солсберийской равнине в качестве памятника британским вождям, вероломно убитым Хенгистом и его саксами. С этим обрывком местной информации о Стоунхендже можно сравнить единственную имеющуюся у нас часть - рассказ классика Диодора, который называет его храмом Аполлона.^[399] Сначала кажется, что эти два утверждения противоречат друг другу. Но далеко не факт, что ранние кельтские поселенцы в Британии практически не проводили религиозных различий между небом и солнцем. Бог солнца как отдельная личность, похоже, был концепцией сравнительно поздней эпохи. Кельтская мифология позволяет нам как бы присутствовать при рождении как гэльского Луга Ламхфада, так и британского Ллеу Ллау Гиффеса.

Даже известная история о последнем заключении Мирддина или Мерлина в гробнице воздушного очарования - "тур без стен и без закрытия" - удивительным образом напоминает миф о солнце "со всеми его огнями и странствующей славой вокруг него".^[400] Окруженный, защищенный и великолепный своей атмосферой живого света, Владыка Небес медленно движется на запад, чтобы в конце концов исчезнуть в море (как гласит одна из местных версий мифа), или на далеком острове (как говорит другая), или в темном лесу (выбор третьей).^[401] Когда миф окончательно утвердился, в качестве его последнего пристанища был выбран остров Бардси, расположенный у крайней западной точки Кернарвоншира. На него он отправился с девятью сопровождающими бардами, прихватив с собой "Тринадцать сокровищ Британии", отныне потерянных для людей. Остров Бардси, несомненно, получил свое название от этой истории, и, скорее всего, на нее намекает греческий писатель первого века Плутарх, который описывает грамматика по имени Деметрий, посетившего Британию и привезшего домой отчет о своих странствиях. Он упомянул несколько необитаемых и священных островов у наших берегов, которые, по его словам, были названы в честь богов и героев, но особенно один, на котором был заключен Кронос со своими сопровождающими божествами, а Бриарей сторожил его, пока он спал; "ибо сон был узами, выкованными для него".^[402] Несомненно, это лишенное наследства божество, которое греки, по своей моде,

назвали "Кронос", было британским богом неба и солнца, после того как он спустился в тюрьму на западе.

Среди других новоприбывших - Кай, который, как сэр Кей Сенешаль, играет столь значительную роль в поздних романах. Очищенный от самых тяжких преступлений и превратившийся в угрюмого дворецкого Артура, он - лишь тень прежнего Кая, убившего сына Артура Ллашеу^[403], и оправданного лишь из-за неясности поэмы, повествующей об этом инциденте, тем, что он также унес или пытался унести жену Артура, Гвинхивар.^[404] Считается, что он был олицетворением огня,^[405] на основании описания, данного ему в мифическом романе "Кулхвх и Олвен". "Очень тонким, - говорится там, - был Кай. Когда ему было угодно, он мог стать таким же высоким, как самое высокое дерево в лесу. И была у него еще одна особенность - так велика была теплота его натуры, что, когда шел сильнейший дождь, все, что он нес, оставалось сухим на сантиметр выше и на сантиметр ниже его руки; а когда его спутникам было холоднее всего, это было для них топливом, которым они разжигали свой огонь".

Еще одним персонажем, который обязан своим появлением в артурианской истории своему значению в кельтском мифе, был Марч, сын Мейрхиона, чьих свиней Артур пытался украсть, как Гвидион украл свиней Прайдери. В романах он превратился в трусливого и вероломного Марка, короля, согласно одним историям, Корнуолла, а согласно другим - всей Британии, и известного всем как муж прекрасной Исоулт и дядя сэра Тристрема. Но как обезображенное божество подземного мира^[406] он встречается как в гэльских, так и в британских мифах. Его нельзя считать изначально отличным от Морка, короля фоморов в те времена, когда из своего Стеклянного замка они так смертельно угнетали Детей Немеда.^[407] Фоморы отличались звериными чертами, и Марч обладал той же особенностью.^[408] Когда сэр Томас Мэлори рассказывает, как, чтобы угодить Артуру и сэру Лонселоту, сэр Динадан сочинил песню о Марке, "которая была самой ужасной из всех, что когда-либо пел арфист на арфе или любом другом инструменте",^[409] он не говорит нам, в чем заключалось жало этой насмешки. Она, несомненно, напомнила королю Марку о том неприятном факте, что у него были - не как у его фригийского коллеги, осла, а как у лошади - уши. Он был, по сути, кельтским Мидасом, отличием, которое он разделял с одним из мифических королей ранней Ирландии.^[410]

Нельзя обойти вниманием и Уриена, божество подземного мира, родственное, а возможно, и тождественное Брану.^[411] Как и сын Ллира, он был одновременно богом битвы и менестрелей;^[412] его обожали барды как своего покровителя;^[413] его значком был ворон (*бран*, на валлийском);^[414], а чтобы сделать его идентификацию полной, сохранилась поэма, в которой рассказывается, как Уриен, будучи ранен, приказал отрубить себе голову своим сопровождающим.^[415] Его женой была Модрон,^[416] известная как мать Мабона, бога солнца, к которому существуют надписи как к *Мапоносу*. Другой ребенок Уриена и Модрон - Овайн, который, возможно, был лишь другим именем Мабона.^[417] Талиесин называет его "вождем сверкающего запада",^[418] и он так же несомненно бог солнца, как его отец Уриен, "владыка вечера",^[419] был правителем темного подземного мира.

Именно благодаря главенству Артура мы находим вокруг него столько богов, все из которых, вероятно, являются различными племенными олицетворениями одних и тех же мифологических идей. Кельты, как гэльские, так и британские, были разделены на множество мелких племен, у каждого из которых были свои местные божества, воплощавшие одни и те же основные представления под разными именами. Был бог подземного мира, гигантской фигуры, покровитель воинов и менестрелей, учитель красноречия и литературы, обладатель безграничных богатств, которому одни британские

племена поклонялись как Бран, другие - как Уриен, третьи - как Пвилл, или Марч, или Мат, или Араун, или Огирвран. Был и владыка элизиума - Аида в его аспекте рая ушедших, а не первобытного подземного царства, где зарождается все сущее, - которого бритты Уэльса называли Гвин, или Гвинвас; бритты Корнуолла - Мелвас; а бритты Сомерсета - Аваллон, или Аваллах. Под этим последним названием его королевство называется *Ynys Avallon*, "Остров Аваллона", или, как мы знаем это слово, Авилион. Считалось, что он находится в "Стране лета", которая в древнейшей мифе означала Аид; и только в более поздние времена мистический остров Авилион стал известен на земле как Гластонбери, а Елисейская "Страна лета" - как Сомерсет.^[420] Был могущественный небесный правитель, "бог битв", которому поклонялись на высоких местах, в чьих руках был "суровый арбитр войны"; некоторые знали его как Ллудда, другие как Мирддина или Эмриса. Было и более мягкое божество, дружелюбное к человеку, в помощь которому он сражался или уговаривал силы подземного мира; его называли Гвидион, а также Артур. И последнее, что можно представить в конкретной форме, - это длиннорукий, острозубый бог солнца, который помогал богу культуры в его работе и был известен как Ллеу, или Гвалчмей, или Мабон, или Овайн, или Передур, и, несомненно, под многими другими именами; вместе с ним обычно находили брата, представляющего не свет, а тьму. Подобное выражение одной идеи разными именами можно наблюдать и в гэльском мифе, хотя и не столь явно. В столкновении клана с кланом многие такие божества исчезли из памяти или сохранились только в виде имен, чтобы составить в Ирландии огромную теневую группу, претендующую на звание Туатха Де Дананн, а в Британии - длинный список последователей Артура. Другие - боги более сильных сообществ - увеличивали свою славу по мере того, как их поклонники увеличивали территорию, пока, как это случилось в Греции, главные божества многих племен не объединились в национальный Пантеон.

Мы уже пытались объяснить "Пришествие Артура" исторически. Мифологически он пришел, как, по представлениям кельтов, все вещи пришли изначально, из подземного мира. Его отцом называют Утера Пендрагона.^[421] Но Утер Пендрагон - это (ибо слово "дракон" - не часть имени, а титул, означающий "военачальник") *Утер Бен*, то есть Бран, под своим именем "Чудесная голова",^[422] так что, несмотря на легенду, описывающую Артура как откопавшего голову Брана на Тауэрском холме, где она охранялась от вторжения, поскольку он считал ниже своего достоинства удерживать Британию иным способом, кроме как доблестью,^[423] мы должны признать короля Аида его отцом. А раз так, то вполне естественно, что он взял себе жену из той же вечной страны, и мы не должны удивляться, обнаружив в отце Гвинвивар, Огирвране, личность, во всех отношениях соответствующую кельтскому представлению о владыке подземного мира. Он был гигантского роста;^[424] - обладатель котла, из которого родились три Музы;^[425] - покровитель бардов,^[426] которые считали его родоначальником своего искусства. Более того, само его имя, в оригинале *osur vran*, означает "злой бран" или "ворон", птица смерти.^[427]

Однако валлийская традиция приписывает Артуру трех жен, каждую из которых звали Гвинхвивар. Такое своеобразное расположение, вероятно, объясняется кельтской любовью к триадам; можно сравнить их с тремя Этанами, которые проходят через мифо-героическую историю Эохайда Айрема, Этаина и Мидера. Из этих трех Гвинвивар^[428] кроме Гвинвивар, дочери Огирврана, одна была дочерью Гвирда Гвента, о котором мы не знаем ничего, кроме имени, а другая - Гвиртура ап Грейдаула, того самого "Виктора сына Скорчера", с которым Гвин сын Нудда в раннем мифе вечно сражался за обладание Креудилад, дочерью бога неба Ллудда. Та же вечная борьба между силами света и тьмы за обладание символической девушкой вновь разворачивается в артурианском цикле, но уже не за Креудилад, а за Гвинхвивар, и не с Гвиртуром, а с Артуром. Похоже, это была корнуэльская форма мифа; ведь

темный бог называется "Мелвас", а не "Гвинвас" или "Гвин", как его зовут на валлийском.^[429] Мелвас просидел в засаде целый год, и наконец ему удалось увести Гвинвивара в его дворец в Авилионе. Но Артур преследовал ее и осадил эту крепость, подобно тому, как Эохайд Эйрем в гэльской версии универсальной истории заминировал и выгреб у Мидера *сидх* из Бри Лейта.^[430] Мифология, как и история, повторяется; и Мелвас был вынужден вернуть Гвинвивара ее законному владыке.

Однако в наиболее известных версиях истории не Мелвас борется с Артуром за любовь Гвинвивара. В наиболее распространенной ранней традиции соперником Артура становится его племянник Медраут. Здесь профессор Рис прослеживает поразительную параллель между британской легендой об Артуре, Гвинвиваре и Медрауте и гэльской историей об Эйреме, Этайне и Мидере.^[431] Оба мифа практически аналогичны; имена всех трех пар совпадают в своем основном значении. "Айрем, как и Артур, означает "пахаря", божественного создателя сельского хозяйства; "Этайн", "Сияющий", является подходящей параллелью "Гвинхвивара", "Белого Явления"; а "Мидер" и "Медраут" оба происходят от одного корня, слова, означающего "ударить", либо буквально, либо метафорически, разумом, в смысле прийти к решению. Попробовать объяснить этот миф - значит поднимать сложный вопрос о смысле мифологии. Стремится ли день и тьма к рассвету, лето и зима к прекрасной весне, или это тень спасения зерна, которое делает жизнь человека, из пожирающего подземного мира благодаря смекалке фермера? Когда этот вопрос будет окончательно решен, множество кельтских мифов станет понятным. Повсюду возникают одни и те же борцы за украденную невесту; один из них обладает атрибутами света, другой - поборник тьмы.

Даже в версии артурианской истории сэра Томаса Мэлори, взятой им из французских романов, далеких от первоначальной традиции, миф продолжает существовать. Первоначальное место Медраута как любовника королевы Артура в романах занял сэр Лаунселот, который, если он не был каким-то ныне неразгаданным кельтским богом,^[432] должен был быть выдумкой нормандских адаптаторов. Но история, которая делает Медраута соперником Артура, сохранилась в рассказе о том, как сэр Мордред должен был насильно жениться на Гвиневре в рамках восстания, которое он поднял против своего короля и дяди.^[433] Эти распри были кельтским мифом задолго до того, как они стали частью псевдоистории ранней Британии. В триадах^[434] рассказывается, как Артур и Медраут совершали набеги на дворы друг друга во время отсутствия хозяина. Медраут отправился в Келли Вик в Корнуолле, съел и выпил все, что смог там найти, и оскорбил королеву Гвинхвивар, в отместку за что Артур отправился ко двору Медраута и убивал людей и зверей. Их борьба закончилась только в битве при Камлане, и эта мифическая битва, которую летописцы пытались сделать исторической, полна легендарных подробностей. Традиция рассказывает, что Артур и его противник трижды делили свои силы во время битвы, из-за чего она стала известна как одна из "Трех пустых битв Британии", а идея сделать это - как одно из "Трех преступных решений Британии". В битве выжили только четверо: один - потому что был так уродлив, что все сторонились его, считая дьяволом; другой - потому что был так красив, что его принимали за ангела; третий - потому что никто не мог устоять перед его огромной силой; и сам Артур, который, отомстив Медрауту за смерть Гвальхмее, отправился на остров Авалион, чтобы исцелить его от тяжелых ран.

И оттуда - из Элизиума кельтов - по народному поверью, он когда-нибудь вернется. Но как боги гэлов, по преданию, обитают то в "Стране живых", за западной волной, то во дворце на пологом холме, так и Артур иногда считается находящимся в Авилионе, а иногда сидящим со своими чемпионами в очарованном сне в каком-то тайном месте, ожидая, когда прозвучит

труба, которая призовет его вновь завоевать Британию. Легенда встречается на холмах Эйлдон, в районе Сноудона, в Кэдбери, в Сомерсете, где находится наиболее достоверный Камелот, в долине Нит, в Южном Уэльсе, а также в других местах. Он дремлет, но не умер. В древней валлийской поэме под названием "Стихи о могилах воинов"^[435] перечислены последние места упокоения большинства британских богов и полубогов. "Могила Гвидиона находится в болоте Динлеу", могила Льеу Ллау Гиффеса - "под защитой моря, с которым он был знаком", а "там, где волна издает угрюмый звук, находится могила Дилана"; мы знаем могилы Прайдери, Гвальхмея, Марча, Мабона, даже великого Бели, но

"Не мудрая мысль - могила для Артура".^[436]

ГЛАВА XXII

СОКРОВИЩА БРИТАНИИ

В соответствии с мифологическим характером Артура ранние валлийские сказания о нем отличаются от тех, которыми наполнены псевдоистории Ненния^[437] и Джеффри Монмутского. Мы ничего не слышим о покорении стран Западной Европы, которое занимает столь значительное место в двух книгах *Historia Britonum*, посвященных Джеффри.^[438] Завоеватель он есть, но его завоевания не происходят ни в одной из земель, известных географам. Именно против Аида, а не против Рима, он одерживает свои высшие победы. Такова подлинная история короля Артура, фрагменты и обрывки которой мы можем прочесть в двух прозаических рассказах, сохранившихся в Красной книге Гергеста. Обе эти истории в том виде, в котором они дошли до нас, датируются двенадцатым веком. Но в каждой из них писатель словно протягивает руки, чтобы собрать умирающие традиции очень далекого прошлого.

Когда однажды ночью валлийский воин по имени Ронабви лег спать на желтой телячьей шкуре, единственной мебели в шумной хижине, в которой он укрылся и которая была сравнительно свободна от паразитов, ему было видение, о котором рассказывается в сказке под названием "Сон Ронабви".^[439] Ему казалось, что он едет со своими спутниками по направлению к Северну, когда они услышали позади себя стремительный шум и, оглянувшись, увидели гигантского всадника на чудовищном коне. Вид всадника был столь ужасен, что все бросились бежать от него. Но бежать было бесполезно, так как при каждом вдохе лошадь втягивала их в свою грудь, а при новом выдохе выбрасывала вперед. В отчаянии они упали и стали молить преследователя о пощаде. Тот даровал его, спросил их имена и назвал в ответ свои. Он был известен как Иддаук, подстрекатель Британии; ведь именно он, любя войну, специально ускорил битву при Камлане. Артур послал его вразумить Медраута; но, хотя Артур нагрузил его самыми справедливыми изречениями, какие только мог придумать, Иддаук перевел их в самые суровые, какие только мог придумать. Но, отбыв семилетнее покаяние, он был прощен и теперь ехал в лагерь Артура. Он настоял на том, чтобы взять с собой Ронабви и его спутников.

Войско Артура расположилось лагерем на милю вокруг брода Рид-и-Грос, по обе стороны дороги; а на маленьком плоском островке посреди реки стоял сам император, беседуя с епископом Бедвини и Гвартегидом, сыном Кау. Подобно Оссиану, вернувшемуся в Ирландию после трехсотлетнего пребывания в "Земле обетованной",^[440] Артур удивлялся ничтожным размерам людей, которых Иддаук привел к нему посмотреть. "И где, Иддаук, ты нашел этих маленьких человечков?" "Я нашел их, Владыка, вон там, на дороге". Тогда император улыбнулся. "Господи, - сказал Иддаук, - почему ты смеешься?" "Иддаук, - ответил Артур, - я не смеюсь, но мне жаль, что такие рослые люди, как эти, могут владеть этим островом после тех, кто охранял его в давние времена". Затем он отвернулся, а Иддаук велел Ронабви и его спутникам молчать, и они увидят то, что увидят.

Объем этой книги не позволяет описать лица и снаряжение воинов, которые прискакали со своими ротами, чтобы присоединиться к Артуру, когда он совершал свой великий поход, чтобы сразиться в битве при Бадоне, которую некоторые считают исторической и которая произошла в Бате. Читатель, который обратится к самой сказке, увидит то, что видел Ронабви. Многих из воинов Артура он узнает по именам: Карадавк Сильнорукий, который здесь назван сыном не Брана, а Ллира; Марч, сын Мейрхиона, подземного короля; Кай, описанный как "самый прекрасный всадник во всем дворе Артура"; Гвальхмей, сын Гвьера и самого Артура; Мабон, сын Модрона; Тристан, сын Талвха, возлюбленный "прекрасной Исулт"; Гореу, двоюродный брат Артура и его спаситель из костяной тюрьмы Манавиддана; все они и многие другие пройдут перед ним, как проходили они перед Ронабви в течение трех дней и трех ночей, когда он спал и видел сны на телячьей шкуре.

Эта история "Сна Ронабви", продуманная во всех деталях, по сути своей является не более чем каталогом. Намерение его неизвестного автора, похоже, заключалось в том, чтобы нарисовать серию изображений тех, кого он считал главными среди последователей Артура. Другая история - "Кулхвч и Олвен" - также имеет форму каталога, но перечисляемые в ней события иного рода. Это не столько запись о людях, сколько о вещах. Не герои Британии, а ее сокровища являются ее предметом. Можно сравнить его с гэльской историей о приключениях трех сыновей Туиренна.^[441]

Тринадцать сокровищ Британии" были известны в ранних легендах. Они принадлежали богам и героям и просуществовали на нашем острове до конца божественного века, когда Мерлин, уходя из мира, унес их с собой в свою воздушную гробницу, чтобы никогда больше не увидеть смертным глазом. По преданию,^[442] они состояли из меча, корзины, рога для питья, колесницы, недоуздки, ножа, котла, точильного камня, одежды, сковороды, блюда, шахматной доски и мантии, все они обладали не менее чудесными качествами, чем яблоки, свиная шкура, копье, кони и колесница, свиньи, гончая и вертел для приготовления пищи, которые сыновья Туиренна добыли для Луга".^[443] Именно эти легендарные сокровища, несомненно, вновь появляются в истории "Кулхвч и Олвен". Их тринадцать. Некоторые из них несомненно, а другие, вероятно, идентичны тем, о которых говорится в другой традиции. То, что есть расхождения, не должно вызывать удивления, ведь не исключено, что существовало несколько различных версий их легенды. Все слышали о Тринадцати сокровищах Британии. Многие, несомненно, спорили о том, что это такое. Другие могли спросить, откуда они взялись. История о Кулхвхе и Олвен была создана, чтобы рассказать о них. Они были завоеваны Артуром и его могучими людьми.

Кулхвч^[444] - герой этой истории, а Олвен - ее героиня, но только, так сказать, по вежливости. В этой паре присутствует любовный интерес, который, как и в сказках всех первобытных людей, отходит на второй план. Женщина в таких романах занимает место золота и драгоценных камней в современном "кладоискательстве"; ее завоевывают, преодолевая

внешние препятствия, а не с помощью трудностей, связанных с получением ее собственного согласия. В этом романе^[445] Кулхвч был сыном царя, который после женился на вдове со взрослой дочерью, которую мачеха уговаривала выйти замуж за Кулхвча. На его скромный ответ, что он еще не достиг возраста, когда можно жениться, она наложила на него указ, что у него вообще никогда не будет жены, если он не сможет завоевать Олвен, дочь ужасного отца по имени "Боярышник, вождь великанов".^[446]

Вождь великанов" был столь же враждебен к женихам, сколь и чудовищен; и неудивительно, ведь он знал, что с замужеством дочери его собственная жизнь оборвется. И в этой особенности, и в описании его громоздких бровей, которые так сильно нависали над глазами, что он не мог видеть, пока их не поднимали вилами, он напоминает фоморов, Балора. О его дочери, напротив, валлийская сказка дает описание, столь же прекрасное, как и сама Олвен. Голова ее была желтее цветка метлы, кожа - белее пены волны, а руки и пальцы - прекраснее цветков ветреницы среди брызг лугового фонтана". Глаз тренированного ястреба, взгляд трехглазого сокола не был ярче ее. Грудь ее была снежнее груди белого лебедя, щеки - краснее самых красных роз. Всякий, кто видел ее, был исполнен ее любви. Везде, где она ступала, вырастали четыре белых трилистника. И потому звали ее Олвен".^[447]

Кулхвху не нужно было видеть ее, чтобы влюбиться в нее. Он краснел от самого ее имени и спрашивал отца, как ему получить ее в жены. Отец напомнил ему, что он двоюродный брат Артура, и посоветовал выпросить у него Олвен в качестве благодарения.

И Кулхвч "выехал на коне с головой, покрытой сединой, четырех зим от роду, крепкого сложения, с копытами в виде раковины, с уздечкой из золота, связанной на голове, и с седлом из дорогого золота. А в руках юноши были два копыта из серебра, острые, хорошо закаленные, со стальным наконечником, три элла в длину, с острием, способным ранить ветер и заставить течь кровь, и быстрым, как падение капли росы с травинки тростника на землю, когда июньская роса самая сильная. На бедре его висел меч с золотой рукоятью, клинок которого был из золота, с инкрустированным золотым крестом цвета небесной молнии; его боевой рог был из слоновой кости. Перед ним стояли две белогрудые борзые, на шее которых были крепкие ошейники из рубинов, доходившие от плеча до уха. И та, что была по левую сторону, перебежала на правую сторону, а та, что по правую, на левую, и, как две морские ласточки, носились вокруг него. А его кобыла четырем копытами, как четыре ласточки в воздухе, подбрасывала четыре дерна вокруг его головы, то выше, то ниже. На нем была четырехугольная одежда пурпурного цвета, и в каждом углу было по золотому яблоку, и каждое яблоко было стоимостью в сто коней. И на обуви его и на стремях его, от колена до кончика пальца ноги, было драгоценное золото стоимостью в триста коней. И травинка не гнулась под ним, так легка была поступь его коня, когда он ехал к воротам дворца Артура".

Не стал этот смелый жених особо церемониться. Он прибыл уже после того, как портал дворца был закрыт на ночь, и, вопреки всем прецедентам, послал к Артуру с требованием немедленно войти. И хотя по обычаю гости должны были сойти с коновязи у ворот, он не стал этого делать, а въехал на своей лошади в зал. После того как между ним и Артуром состоялись приветствия, и он объявил свое имя, он потребовал Олвен в качестве своей невесты от императора и его воинов.

Ни Артур, ни кто-либо из его придворных никогда не слышали об Олвен. Однако он пообещал своему кузену либо найти ее для него, либо доказать, что такой особы не существует. Он приказал своим самым искусным воинам сопровождать Кулхвча: Каю с его спутником Бедвиром, самым быстрым из людей; Кинделигу, который был таким же хорошим проводником в чужой стране, как и в своей собственной; Гврхиру, который знал все языки

людей, а также всех других существ; Гвалчмею, который никогда не оставлял приключения без внимания; и Менву, который мог по желанию сделать себя и своих спутников невидимыми.

Они путешествовали, пока не пришли к замку на открытой равнине. На равнине паслось несметное стадо овец, а неподалеку, на кургане, сидел чудовищный пастух с чудовищной собакой. Менв наложил на собаку заклинание, и они подошли к пастуху. Его звали Кустеннин, он был братом Боярышника, а его жена - сестрой матери самого Кулхвча. Злой вождь великанов обратил его брата в рабство и убил всех его двадцать четыре сына, кроме одного, который был спрятан в каменном сундуке. Поэтому он радушно принял Кулхвча и посольство от Артура и обещал тайно помочь им, тем охотнее, что Кай предложил взять единственного выжившего сына под свою защиту. Жена Кустеннина устроила Кулхучу тайную встречу с Олвен, и та не стала препятствовать ухажеру.

Отряд отправился в замок Хоторна. Не поднимая тревоги, они перебили девять носильщиков и девять сторожевых псов и беспрепятственно вошли в зал. Они поприветствовали громадного великана и объявили причину своего прихода. "Где мои пажи и слуги?" - спросил он. "Поднимите вилы под моими бровями, которые нависли над глазами, чтобы я мог видеть, как выглядит мой зять". Он бросил на них взгляд и велел прийти на следующий день.

Они повернулись, чтобы уйти, и в этот момент Боярышник схватил отравленный дротик и бросил его им вслед. Но Бедвир поймал его и отбросил назад, ранив великана в колено. Они оставили его ворчать, переночевали в доме Кустеннина и вернулись на следующее утро.

Они снова потребовали Олвен у ее отца, угрожая ему смертью в случае отказа. "Ее четыре прабабушки и четыре прадедушки еще живы, - ответил Хоторн, - и мне необходимо посоветоваться с ними". Они повернули прочь, и, уходя, он метнул второй дротик, который Менв поймал и метнул обратно, пронзив тело великана.

Когда они пришли в следующий раз, Боярышник предупредил их, чтобы они больше не стреляли в него, если не желают смерти. Затем он приказал поднять брови и, как только смог видеть, метнул отравленный дротик прямо в Кулхвча. Но жених сам поймал его и метнул обратно, так что он пронзил глазное яблоко Боярышника и вышел через затылок. Здесь снова вспоминается миф о Луге и Балоре. Однако Хоторн не был убит, хотя и испытал сильные неудобства. "Воистину, проклятый незванный зять!" - жаловался он. "Пока я жив, мое зрение будет хуже некуда. Когда я иду против ветра, мои глаза слезятся, и, возможно, моя голова будет гореть, и я буду испытывать головокружение каждое новолуние. Да будет проклят огонь, в котором он был выкован! Удар этого отравленного железа подобен укусу бешеной собаки".

Теперь настала очередь Кулхвча и его отряда предупредить великана, чтобы он больше не бросал дротики. Тот, действительно, оказался более поддатливым к разуму и позволил усадить себя в кресло напротив Кулхвча, чтобы обсудить сумму выкупа за невесту его дочери.

Условия, которые он постепенно раскрыл, были ужасающими. Кровная пеня, уплаченная за Циана Лугу, кажется сущим пустяком по сравнению с этим. Чтобы получить зерно для еды и спиртного на свадьбе дочери, огромный холм, который он показал Кулхвчу, должен быть выкорчеван, выровнен, вспахан, засеян и собран за один день. Никто не мог сделать этого, кроме Амаэтона, сына Дона, божественного земледельца, и Гованнана, сына Дона, божественного кузнеца, и им должны были служить три пары волшебных волов. Он также должен вернуть ему те самые девять кустов льна, которые он посеял в юности и которые так и

не взошли, ибо только из этого льна должен быть сделан белый платок для головы Олвен. Для медовухи у него должен быть мед "в девять раз слаще, чем мед девственного роя".

Далее следовало перечисление тринадцати сокровищ, которые должны были достаться ему в качестве приданого. Такого списка свадебных подарков, конечно, еще не знали! Ни один горшок не мог вместить столько меда, сколько он требовал, кроме волшебного сосуда Ллвира, сына Ллвириона. Еды не хватило бы на всех гостей свадьбы, если бы у него не было корзины Гвидднеу Гаранхира, из которой можно было бы накормить всех мужчин в мире, трижды по девять человек за раз. Ни один котел не мог приготовить мясо, кроме котла Диврнаха Гаэля. Должен быть там и таинственный питьевой рог Гвлгауда Гододина, чтобы давать им пить. Арфа Тейрту, которая, как и арфа Дагды, играла сама по себе, должна исполнять для них музыку. Волосы тестя-великана можно было состричь только одним инструментом - клыком Белозуба, царя кабанов, да и то лишь в том случае, если он был вырван живым изо рта хозяина. Кроме того, прежде чем стричь волосы, их нужно расправить, а это можно было сделать только после того, как они были смягчены кровью совершенно черной колдуньи, дочери совершенно белой колдуньи, из Источника Потока Скорби, что на границах ада. Кровь колдуньи не могла быть достаточно теплой, если ее не помещали в бутылки Гвидольвина Горра, которые сохраняли тепло любого налитого в них напитка, хоть его и везли с востока мира на запад. Еще один набор бутылок, в которых он должен был хранить молоко для своих гостей, - бутылки Риннона Рейна Барнавда, в которых ни один напиток никогда не прокисал. Для себя же ему требовался меч великана Гврнаха, который тот никогда не выпускал из рук, потому что ему самому было суждено пасть от него. И наконец, он должен был получить гребень, бритву и ножницы, которые лежали между ушами Тврха Трвита, короля, превращенного в самого страшного из диких кабанов.

Именно погоня за этим кабаном дала истории о Кулхвхе и Олвен альтернативное название - "Тврх Трвит". Задача была достойна богов и полубогов. Созерцание ее могло бы привести Кулхвча в ужас, однако его не так-то легко было напугать. На каждое новое требование, на каждое новое препятствие на своем пути он отвечал одно и то же:

"Мне будет легко это преодолеть, хотя ты можешь думать, что это будет нелегко".

Легко ли это было или нет, можно судить по условиям, при которых только и можно было довести охоту до успешного конца. Обычные гончие или егеря не могли помочь. Вожак стаи должен быть Друдвин, детеныш Грейда, сына Эри, ведомый на единственном поводке, который его удержит, пристегнутый единственной достаточно прочной цепью к единственному ошейнику, который будет держать его шею. С этим псом не мог охотиться ни один егерь, кроме Мабона, сына Модрона; а его, когда ему было три ночи от роду, забрали из дома между матерью и стеной, и неизвестно было, где он, жив ли он или мертв. Только один конь мог нести Мабона, а именно Гвинн Мигдун, конь Гведду. Еще нужно раздобыть двух чудесных гончих, детенышей Гаста Рхымхи; их нужно держать на единственном поводке, который не порвется, ибо он сделан из бороды великана Диссулла, сорванной с него еще при жизни. Но даже с ним их не смог бы повести ни один егерь, кроме Кайндира Уилльта, который сам был в девять раз более диким, чем самый дикий зверь в горах. На помощь должны прийти все могучие люди Артура, даже Гвин, сын Нудда, на своем черном коне; и как же он может быть избавлен от своей страшной обязанности сдерживать дьяволов в аду, чтобы они не вырвались на свободу и не уничтожили мир?

Вот уж поистине материал для романтики! Но, к сожалению, мы никогда не узнаем полной истории о том, как были добыты все эти волшебные сокровища, пойманы и вынуждены охотиться все эти волшебные гончие, приведены на помощь все эти волшебные егеря.

История, которую мистер Натт^[448] считает, "спасая лучшие сказки "Арабских ночей", величайшей романтической сказкой, которую когда-либо знал мир", не является полной в том виде, в котором мы имеем ее сейчас. Она читается достаточно полно; но, перелистывая назад и вперед, между перечнем подвигов, которые должны быть совершены, и текстом сказки, который, как предполагается, рассказывает о них, мы обнаруживаем, что многие из них отсутствуют. "Воинство Артура", - говорят нам, - "рассеялось на отряды по одному и по два", каждый из которых намеревался отправиться в какой-то отдельный поход.

Приключения некоторых из них дошли до нас, а других - нет. Нам рассказывают, как Кай убил великана Гврнаха его собственным мечом; как Гвиртур сын Грейдаула, соперник Гвина за любовь Крейдилада, спас муравейник от пожара, и как благодарные муравьи искали и нашли те самые семена льна, которые посеял Боярышник в юности; Как Артур окружил и забрал детенышей Гаста Рхымхи, а Кай и Бедвир одолели Диссулла и вырвали его бороду деревянными щипцами, чтобы сделать для них поводок. Мы узнаем, как Артур отправился в Ирландию и привез оттуда котел Диврнаха Гаэля, полный ирландских денег; как преследовал и убил короля-вепря Белого Бивня; как Артур соблаговолит собственной рукой убить совершенно черную колдунью. О том, что другие сокровища были приобретены, скорее намекается, чем говорится. Самое главное (ведь от него зависело очень многое) - мы узнаем, где находился похищенный Мабон, и узнаем, как его удалось спасти.

С момента исчезновения Мабона прошло столько веков, что казалось, надежда найти о нем весточку невелика. Тем не менее Гврхир, владевший языками всех существ, отправился узнать у древней птицы Узель из Килгври. Но Узель, хотя в свое время она и разгрызла кузнечную наковальню до размеров ореха, была еще слишком молода, чтобы слышать о Мабоне. Она послала Гвира к созданному до нее существу, Оленю из Рединвра. Но хотя Олень жил и видел, как дубовый саженец медленно вырастает в дерево с тысячью ветвей и так же медленно разрушается, пока не превращается в засохший пенек, он никогда не слышал о Мабоне.

Поэтому он отправил его к существу еще более древнему, чем он сам, - сове из Квм Каулвида. Лес, в котором она жила, трижды выкорчевывался и трижды заново засеивался, но за все это огромное время она ни разу не слышала о Мабоне. Она сказала Гврхиру, что есть только один человек, который мог бы это сделать, и он - орел Гверн Абви.

И вот, наконец, они вышли на след Мабона. Орел сказал: "Я живу здесь очень давно, и когда я впервые пришел сюда, здесь была скала, с вершины которой я каждый вечер клевал звезды; теперь же она не превышает и пролета. С того дня и по сей день я живу здесь и никогда не слышал о человеке, о котором вы спрашиваете, за исключением одного раза, когда я отправился в поисках пищи до Ллин-Ллива. И когда я пришел туда, я вонзил свои когти в лосося, думая, что он долго будет служить мне пищей. Но он увлек меня в глубину, и мне с трудом удалось вырваться из него. После этого я отправился со всем своим родом, чтобы напасть на него и попытаться уничтожить его, но он послал гонцов и заключил со мной мир; он пришел и попросил меня вынуть пятьдесят рыбьих копий из его спины. Если он не знает ничего о том, кого вы ищете, я не могу сказать, кто может. Однако я проведу тебя к тому месту, где он находится".

Случилось так, что Лосось действительно знал. С каждым приливом он поднимался вверх по Северну до стен Глостера, и там, по его словам, он нашел такую неправду, какой не находил больше нигде. Тогда он взял Кая и Гврхира на плечи и понес их к стене тюрьмы, где слышались стенания пленника. Это был Мабон сын Модрона, который терпел такое заточение, какого не терпели до него даже Ллудд из Серебряной Руки или Грейд, сын Эри,^[449]

двое других из "Трех главных узников Британии". Но теперь все закончилось; Кай послал к Артуру, и тот со своими воинами ворвался в Глостер и увез Мабона.

Наконец все было готово для последнего свершения - охоты на Тврха Трвита, который вместе со своей семьей молодыми свиньями находился в Ирландии. Прежде чем его разбудить, было решено послать волшебника Менва, чтобы он проверил, нет ли между его ушами гребня, ножниц и бритвы. Менв принял облик птицы и уселся на голову Кабана. Он увидел желанные сокровища и попытался взять одно из них, но Тврх Трвит так сильно затрясся, что яд из его щетины выплеснулся на Менва, который с того дня больше никогда не поправлялся.

Тогда началась охота, люди окружили его, и собаки бросились на него со всех сторон. В первый день на него напали ирландцы. На второй день с ним столкнулись домочадцы Артура и были повержены. Затем сам Артур сражался с ним девять дней и девять ночей, не убив ни одного поросенка.

Теперь было объявлено перемирие, чтобы Гврхир, говоривший на всех языках, мог пойти и поговорить с ним. Гвир умолял его отдать с миром гребень, ножницы и бритву - все, что было нужно Артуру. Но Кабан Трвайт, возмущенный тем, что ему так досадили, не согласился. Напротив, он пообещал, что завтра отправится в страну Артура и причинит там все, что сможет.

Так Тврх Трвайт со своей семьей свиньями переправился через море в Уэльс, а Артур последовал за ним со своими воинами на корабле "Прайдвен". Здесь история становится удивительно реалистичной и иносказательной. Нам рассказывают о каждом месте, через которое они проходили во время долгой погони по Южному Уэльсу, и мы можем проследить ход охоты по карте.^[450] Мы знаем о каждой проверке, которую проводили егеря, и о том, что происходило каждый раз, когда кабаны поворачивали к берегу. Полностью приведен "список потерь" людей Артура; мы также можем проследить, как уменьшалось стадо Тврха Трвита, как один за другим падали его маленькие свиньи. К тому времени, когда устье реки Уай достигло устья Северна, не осталось никого, кроме самого Трвита.

Здесь охота настигла его и загнала в воду, и в этой незнакомой стихии он оказался вне конкуренции. Осли Большой Нож^[451], Манавиддан сын Ллира, Кацмври, слуга Артура, и Гвингелли поймали его за четыре ноги и погрузили голову под воду, а два главных егеря, Мабон сын Модрона и Кледир Вильт, подошли, по одному с каждой стороны, и взяли ножницы и бритву. Но прежде чем они успели взять гребень, освободился и отправился в Корнуолл, оставив Ослу и Кацмври полуутонувшими в Северне.

И все эти неприятности, как нам рассказывают, были просто игрой по сравнению с тем, что им пришлось пережить в Корнуолле, прежде чем они смогли достать гребень. Но, наконец, они достали его и погнали кабана в морские глубины. Он скрылся из виду, а две волшебные гончие погнались за ним, и с тех пор о них никто никогда не слышал.

Вид этих сокровищ, выставленных перед Хоторном, вождем великанов, был, конечно же, его предсмертным приговором. Все, кто желал ему зла, пришли позлорадствовать над его гибелью. Но их должен был посрамить великан, конец которого, по крайней мере, был достойным. "Моя дочь, - сказал он Кулхучу, - твоя, но благодарить за нее ты должен не меня, а Артура, который все это совершил. По моей воле ты никогда не должен был получить ее, ибо с ней я теряю свою жизнь".

Тогда они отрубили ему голову и насадили ее на шест, и в ту же ночь непокорная Олвен стала невестой Кулхвха.

ГЛАВА XXIII

БОГИ КАК РЫЦАРИ КОРОЛЯ АРТУРА

Однако не по таким фрагментам легенды Артур лучше всего известен английским читателям. Не Артур-бог, а Артур-"безупречный король", основавший Круглый стол, из которого он посылал своих рыцарей "разъезжать по свету, исправляя людские обиды",^[452] - вот фигура, которую вызывает в памяти это имя. Большинство из нас знает о нем даже не из "Morte Darthur" сэра Томаса Мэлори, а из "Идиллий короля" Теннисона. Но Теннисон настолько осовременил древнюю традицию, что от прежнего Артура в ней осталось лишь имя. Он сам говорит нам, что его поэма имеет лишь очень слабое отношение к...

... "Тот седой король, чье имя, призрак,

Струится, как облако, в форме человека, с горной вершины,

И до сих пор хранит каирн и кромлех; или он

Из книги Джеффри, или он из книги Маллеора...";^[453]

но что он просто использовал легенду, чтобы придать существенную форму своей идеальной фигуре совершенного английского джентльмена - титул, на который вряд ли мог претендовать оригинальный Артур. Тем более в ней не осталось ни малейшего следа того, что могло бы навести на мысль о мифологии.

Впрочем, не меньше этого можно сказать и о книге Мэлори. Мы можем быть вполне уверены, что добрый сэр Томас не имел ни малейшего представления о том, что люди, о которых он писал, когда-либо отличались от христианских рыцарей, которыми они стали в поздних французских романах, на основе которых он создал свою собственную работу пятнадцатого века. Старые боги были время от времени полностью эвгемеризированы. Персонажи "Четырех ветвей Мабиноги" все еще узнаваемы как божественные существа. Однако в более поздних валлийских историях их божественность просто висит на них клочьями, а первые нормандские адаптеры этих историй сделали их еще более определенно человеческими. К тому времени, когда Мэлори собрал свой Morte Darthur из иностранных романов, они настолько изменились, что облик и деяния богов под их средневековой рыцарской маскировкой могли узнать только те, кто знал их в древних формах.

Мы выбрали "Morte Darthur" Мэлори как почти единственного представителя артурианской литературы более позднего периода, чем валлийские поэмы и прозаические рассказы, по трем причинам. Во-первых, потому что это английский артурианский роман *par excellence*, из которого черпали материал все более поздние английские авторы, включая Теннисона. Во-вторых, потому что масса иностранной литературы, посвященной Артуру, сама по себе является исследованием жизни и не может быть втиснута в рамки одной главы. В-третьих, потому что тонкий ум Мэлори заставлял его выбирать лучшие и наиболее типичные иностранные сказания, чтобы вплести их в свой роман; и поэтому на его страницах мы

находим большинство наших старых британских богов - как из более раннего цикла, так и из системы, связанной с Артуром, - передвигающихся в замаскированном виде.

Любопытно, что сэр Эдвард Стрэчи в своем предисловии к "Глобусному" изданию "Morte Darthur" Кэкстона использует почти тот же образ для описания прозаической поэмы Мэлори, который Мэтью Арнольд с таким эффектом использовал в своем *"Исследовании кельтской литературы"*, чтобы указать на истинную природу "Мабиногиона". "Мэлори, - говорит он, - построил большой, разветвленный, средневековый замок, стены которого окружают грубые и даже руинированные произведения более ранних времен". Насколько грубыми и разрушительными были эти реликвии, Мэлори, несомненно, не имел ни малейшего представления, поскольку он полностью перепутал древнюю мифологию. Мало того, что боги более древнего и более нового порядка появляются вместе, так еще и одни и те же божества, под очень часто лишь слегка меняющимися именами, снова и снова появляются в виде совершенно разных персонажей.

Возьмем, к примеру, древнее божество смерти Аид. Как король Брандегор, или Брандегорис (Бран из Гауэра), он приводит пять тысяч конных воинов, чтобы противостоять королю Артуру;^[454] но как сэр Брандел, или Брандилес (Бран из Гвалеса^[455]), он является доблестным рыцарем Круглого стола, который погибает, сражаясь на службе Артура.^[456] Опять же, под именем Утер Пендрагон (Утер Бен), он - отец Артура;^[457] хотя как король Бан из Бенвика ("Квадратный загон", несомненно тот же, что и *Каэр Педриван* у Талиесина и *Карбонек* у Мэлори), он - иностранный монарх, который является союзником Артура.^[458] И снова, как отец Гвиневры, Огирвран становится Леодегрансом.^[459] Как король Уриенс, или Уриенс, из Гора (Гоуэр), он женится на одной из сестер Артура,^[460] сражается против него, но в конце концов склоняет его к покорности и зачисляет в число своих рыцарей.^[461] В "Морте Дартур" Уриен также может быть представлен как король Ренс, или Рионс, из Северного Уэльса,^[462] и как король Нентрес из Гарлота;^[463] а чтобы увенчать разнообразные маскировки этого Протея британских богов, он появляется в отдельном эпизоде как Балан, который сражается со своим братом Балином, пока они не убивают друг друга.^[464]

О божествах подземного мира в этих романах можно судить по их связи не с оседлыми и цивилизованными районами Англии, а с диким и отдаленным севером и западом, а также с еще более дикими и отдаленными островами. Как Бран и Уриен - короли Гоуэра, так и Араун, под влиянием искажения своего имени на "Ангуиш" и "Ангуиш", становится королем Шотландии или Ирландии; обе страны, вероятно, были спутаны, как одна и та же земля скоттов или гэлов.^[465] Пвилл, глава Аннуна, также предстает перед нами под двумя обличьями. Как Пеллес, "король чужой страны"^[466] и хранитель Святого Грааля, он - персонаж огромного мифологического значения, хотя реальная природа его и его окружения была покрыта христианской оболочкой, столь же чуждой оригиналу Пеллеса, как его собственное королевство было чуждо рыцарям Артура. Вождь Аида фигурирует как "двоюродный брат, близкий к Иосифу Аримафейскому",^[467] который, "пока он мог ездить, поддерживал много христианства и святую церковь".^[468] Он представлен как отец Элейн (Элен^[469]), которую он выдает замуж за сэра Лонселота, даровав супругам резиденцию под названием "Замок Блист",^[470] название которого, как можно доказать, связано с именем вассала Пвила по имени Тейрнион Твриф Влиант в первой из "Мабиноги".^[471] Под другим именем "сэр Пеллеас" - герой "Идиллии о Пеллеасе и Эттарре" Теннисона - первобытный миф о Пвилле затрагивается в другом месте. После неудачного любовного свидания с Эттарре (или Эттардой, как называет ее Мэлори) Пеллеас представлен как женившийся на Нимуэ,^[472] чье первоначальное имя, которое было Рианнон, достигло этой формы, как и "Вивьен", через ряд неправильных копий сменявших друг друга переписчиков.^[473]

С Пеллесом, или Пеллеасом, связан король Пеллеан, или Пеллам, его сын, и, в равной степени с ним, хранитель Грааля, который может быть не кем иным, как Прайдери.^[474] Как и божество в "Мабиноги" Мата, он побежден одним из богов света. Однако удар наносит не Артур, как преемник Гвидиона, а Балин, галло-британский бог солнца Белинус.^[475]

Еще одно темное божество, Гвин сын Нудда, мы обнаруживаем под всеми его тремя титулами. Называемый Мэлори по-разному: "сэр Гвинас",^[476] "сэр Гвинас",^[477] и "сэр Гвенбаус"^[478], валлийский Гвинвас (или Гвин) полностью на стороне Артура. Корнуоллский Мелвас, разделившийся на двух разных рыцарей, разделяет их верность. Как сэр Мелиас,^[479] или Мелеус,^[480] де Лиле ("с острова"), он является рыцарем Круглого стола, хотя в ссоре между Артуром и Лонселотом он выступает на стороне рыцаря против короля. Но как сэр Мелиаграунс, или Мелиагаунс, именно он, как и в более древнем мифе, захватывает королеву Гвиневру и увозит ее в свой замок.^[481] Под своим сомерсетским именем Аваллон, или Аваллах, он связан с эпизодом о Граале. Король Эвлейк^[482] - сарацинский правитель, обращенный в христианство Иосифом Аримафейским и привезенный им в Британию. В энтузиазме новообращенного он попытался найти священный сосуд, но ему не дали этого сделать.^[483] В утешение ему было обещано, что он не умрет, пока не увидит рыцаря своей крови девятой степени, который достигнет этого. Это сделал сэр Персивейл, а королю Эвелейку тогда было уже триста лет.^[484]

Переходя от божеств тьмы к божествам света, мы обнаруживаем, что бог неба в значительной степени фигурирует в "Morte Darthur". Ллудд из ранней мифологии - это король Лот, или Лот, из Оркнея у Мэлори,^[485] благодаря интриге с женой которого Артур становится отцом сэра Мордреда. Жена Лота была также матерью сэра Гавейна, рождение которого Мэлори, однако, не приписывает Артуру, хотя именно такой должна была быть первоначальная форма мифа.^[486] Сэр Гавейн из артурианской легенды - это Гвальхмей из валлийских сказаний, преемник еще более раннего Ллеу Ллау Гиффеса, так же как сэр Мордред - валлийский Медраут - соответствует брату Ллеу Дилану. Как сэр Мордред сохраняет мрачный характер Медраута, так и сэр Гавейн, даже у Мэлори,^[487] демонстрирует атрибуты солнечного божества. Нам говорят, что его сила постепенно возрастала от рассвета до полудня, а затем так же постепенно уменьшалась - часть языческого символизма, которая служит хорошим примером уместности фигуры сэра Эдварда Стрэчи; ведь она выделяется из средневекового повествования, как древний кирпич в каком-нибудь более современном здании.

Зевс более позднего цикла, Эмрис или Мирддин, появляется в "Morte Darthur" под обоими своими именами. Слово "Эмрис" превращается в "Борс", а галльский король Борс становится братом короля Бана из Бенвика^[488] - то есть Брана из Квадратной Обители, вездесущего бога подземного мира. Мирддина мы встречаем не под такой маскировкой. Вечно популярный Мерлин по-прежнему сохраняет атрибуты бога неба. Он стоит выше и отдельно от всех рыцарей, в некоторых отношениях даже выше короля Артура, по отношению к которому он занимает примерно такое же положение, как Маф по отношению к Гвидиону в "Мабиноги".^[489] Как и Маф, он чародей, и, подобно Мафу, который мог слышать все, что говорилось в мире, каким бы низким тоном, если только ветер доносил это, он практически всеведущ. История его окончательного исчезновения, рассказанная в "Morte Darthur", - это лишь переделка первоначальной истории, в которой миф о природе уступает место тому, что романисты называют "женским интересом". Всем известно, как великий маг впал в уныние от "владычицы озера", которую Мэлори называет "Нимуэ", а Теннисон - "Вивьен" - оба имени были замаскированными "Рианнон". "Мерлин не давал ей покоя, но всегда был с ней... и она постоянно уставала от него, и хотела бы избавиться от него, ибо

боялась его, потому что он был сыном дьявола, и она никак не могла его прогнать. И вот однажды случилось так, что Мерлин показал ей в скале, где было великое чудо, заколдованное, что уходило под большой камень. И вот, хитростью своей она заставила Мерлина спуститься под тот камень, чтобы дать ей поумнеть от тамошних чудес, но так она его там заколдовала, что он так и не вылез, сколько ни силился. И тогда она ушла и оставила Мерлина".^[490]

Живая могила Мерлина до сих пор видна в конце *Валь-де-Фе*, в лесу Бресильен, в Бретани. Каменная гробница - это, конечно, всего лишь прозаический эквивалент башни из сотканного воздуха, в которой бог неба отправился на покой. И все же она не столь непоэтична, как кожаный мешок, в котором Рианнон, оригинал Нимуэ, поймала и заточила Гваула, раннего Мерлина, как барсука в мешок.^[491]

Элен, супруга Мирддина, фигурирует в Мэлори как пять разных "Элейн". Две из них - жены темного бога, под его именами "король Бан"^[492] и "король Нентрес".^[493] Третья называется дочерью короля Пеллинора, персонажа неопределенного происхождения.^[494] Но две самые известные - это дамы, любившие сэра Лонселота: "Элейна Прекрасная, Элейна Прекрасная, Элейна Лилейная, дева из Астолата",^[495] и более удачливая и менее щепетильная Элейна, дочь короля Пеллеса и мать сына сэра Лонселота, Галахада.^[496]

Но теперь, когда самые важные фигуры британской мифологии были показаны под рыцарским обликом и указано их место в артурианской легенде, настало время перейти к изложению подлинного сюжета романа сэра Томаса Мэлори. Внешне это история Артура, короля Британии, которого большинство людей времен Мэлори считали вполне историческим персонажем. Вокруг этого центрального повествования о правлении и деяниях Артура группируются в виде эпизодов личные подвиги рыцарей, которые, как считается, поддерживали его, составляя своего рода домашнюю гвардию. Но, за исключением немного увеличенной и искаженной легендарной истории, весь цикл романов можно в конечном итоге свести к нескольким мифам, не только пересказанным, но и перекомбинированным в разных формах их различными рассказчиками. Нормандские адаптеры "*Бретани*" застали британскую мифологию уже в процессе трансформации: часть богов превратилась в человеческих воинов, а часть - в едва ли менее человеческих друидов и магов. Под их рукой британские воины превратились в нормандских рыцарей, которые совершали свои подвиги на тилт-ярде и находили вдохновение в фантастическом рыцарстве, популяризированном труверами, а друиды отбросили свой все еще несколько варварский друидизм ради более обычной магии латинских рас. Более того, как только истинная последовательность и *смысл существования* сказок были утеряны, их адаптеры использовали свободную руку для их переплетения. У большинства романтиков были любимые герои, которых они делали центральной фигурой своих историй. Сэр Гавейн, сэр Персиваль, сэр Тристрам и сэр Овейн (все они, вероятно, когда-то были местными британскими богами солнца) предстают как самые важные персонажи романов, названных по их именам, - историй о смелых поступках крещеных рыцарей, в которых мало что осталось от бриттского или языческого.

Только труды современного ученого могут вернуть нам в столь позднее время то, что было давно забыто, когда книга Мэлори выходила из-под пера Кэкстона. Но забвение - не уничтожение, и профессор Рис указывает нам на старые мифы, лежащие в их более позднем окружении, почти с той же уверенностью, с какой геолог может показать нам окаменелости в породе.^[497] Таким образом, они сводятся к трем основным *мотивам*, заметным везде в кельтской мифологии: рождение бога-солнца; борьба между светом и тьмой; и набег на подземный мир дружественных богов ради блага человека.

Первый уже рассматривался.^[498] Это пересказ истории о происхождении бога солнца в "Мабиноги" от Мата, сына Матонви. Вместо Гвидиона у нас теперь Артур; вместо Арианрод, жены сверхъестественного бога неба Нвивра, мы находим жену короля Лота, сверхъестественного бога неба Ллудда; Ллеу Ллав Гиффес снова восстает как сэр Гавейн (Гвалчмей), а Дилан как сэр Мордред (Медраут); а мудрый Мерлин, Юпитер новой системы, занимает место своего мудрого прототипа, Мата. С первым мифом связан второй - борьба света и тьмы, о которой в "Morte Darthur" есть несколько версий. Главная из них - восстание злобно настроенного сэра Мордреда против Артура и сэра Гавейна; на других сценах Балан - темный бог Бран - сражается с Балином - богом солнца Белинусом; тот же Балин, или Белинус, наносит почти смертельный удар Пелламу, Прайдери из более древней мифологии.

Тот же миф имеет и более широкую форму, в которой битва ведется за обладание девой. Так (если не искать других примеров) за Гвинхвивар боролись Артур и Медраут, или, в более ранней форме мифа, Артур и Гвин. В "Morte Darthur" Гвин, исказив свое корнуоллское имя Мелвас до "сэра Мелиаграунса", все еще захватывает Гвиневру, но спасает ее уже не Артур. Эта задача, или привилегия, перешла к новому чемпиону. Это сэр Лонселот, который преследует сэра Мелиаграунса, побеждает и убивает его и спасает прекрасную пленницу.^[499] Но сэр Лонселот, надо сказать - возможно, к удивлению тех, кому артурианская история без Лонселота и королевы Гвиневры должна казаться почти как пьеса "Гамлет, которого не трогают", - неизвестен в оригинальной традиции. Валлийские песни и сказания молчат о нем, и не исключено, что он является творением какого-нибудь нормандского романтика, который спокойно присвоил своему герою подвиги, ранее рассказанные о других "рыцарях".

Но романтическая трактовка этих двух мифов адаптаторами *"Матьего де Бретань"* представляет для нас в настоящее время меньший интерес, чем третий. Привлекательность артурианской истории заключается не столько в битвах Артура или любви Гвиневры, сколько в легенде, которая обеспечила ей длительную популярность, - христианском романе о поисках Святого Грааля. Эта легенда настолько велика и разнообразна, что вдохновляла благородные произведения искусства и литературы, что кажется почти святотатством возвращать ее, как и всю остальную историю Артура, к язычеству, которое не могло даже понять, а тем более создать, ее мистическую красоту. Тем не менее, вся история напрямую восходит к примитивным языческим мифам о чудесном котле плодородия и вдохновения.

В поздних романах Святой Грааль - это христианская реликвия, обладающая чудесной силой. В нем хранился пасхальный агнец, съеденный на Тайной вечере;^[500] а после смерти Христа Иосиф из Аримафеи наполнил его кровью Спасителя.^[501] Но до того, как он получил такую окраску, он был волшебным котлом всех кельтских мифологий - "Ундри" Дагды, который кормил всех, кто приходил к нему, и из которого никто не уходил неудовлетворенным;^[502] котлом Возрождения Брана, который возвращал мертвых к жизни;^[503] котел великана Огирврана, из которого восходили Музы;^[504] котлы, захваченные Кухулайном у короля Тенистого города,^[505] и Артуром у начальника Аида;^[506] а также несколько других менее значимых мифических сосудов.

При переходе от языческой к христианской форме едва ли хоть одна из черт древнего мифа была действительно затушевана. Мы можем перечислить основные атрибуты котла, захваченного Артуром, как их передает Талиесин в своем "Гибели Аннуна". Он принадлежал Пвиллу и его сыну Придери, которые жили в потустороннем царстве, называвшемся, помимо прочих, "Вращающимся замком", "Четырехугольным замком", "Замком веселья", "Королевским замком", "Стеклянным замком" и "Замком богатства". Это место было окружено морем и другими труднодоступными путями; там не было недостатка в вине, и его счастливые обитатели проводили в музыке и пирах жизнь, которой не могли помешать ни

болезнь, ни старость. Что касается котла, то его край был украшен ободком из жемчуга; огонь под ним поддерживался дыханием девяти дев; он говорил, несомненно, словами пророческой мудрости; и в нем не готовили пищу лжесвидетели или трусы.^[507] Здесь мы имеем значительные данные, на основании которых можно провести параллель между языческим котлом и христианским Граалем.

Нам также не нужно далеко ходить в поисках соответствий, ведь почти все они сохранились в романе Мэлори. Мистический сосуд хранился у короля Пеллеса, который является Пвиллом, в замке под названием "Карбонек", название, которое в руках филолога превращается в *Caer bannawg*, "квадратный" или "четырёхугольный замок" - другими словами, в *Caer Pedryvan* из поэмы Талиесина.^[508] О характере этого места как "замка богатства" и "замка веселья", где "яркое вино было напитком хозяев", мы имеем больше, чем намек в рассказе, дважды приведенном,^[509] о том, как, при появлении Грааля, который, надо заметить, несла дева или ангел, зал наполнился приятными запахами, и каждый рыцарь нашел на столе все виды мяса и напитков, которые он мог представить как наиболее желанные. Его не могли видеть грешники,^[510] христианское утончение дикарской идеи горшка, в котором не варится пища труса; но один лишь взгляд на него исцелял от ран и болезней тех, кто приближался к нему с верой и смирением,^[511] и в его присутствии ни старость, ни болезнь не могли угнетать их.^[512] И хотя у Мэлори мы не находим упоминаний ни о том, что это место было окружено водой, ни о том, что замок был "вращающимся", нам достаточно обратиться от "Morte Darthur" к роману под названием "*Seint Greal*", чтобы обнаружить и то, и другое. Гвальхмей, отправляясь в замок короля Пелера (Придери), обнаруживает, что он окружен большой водой, а Передур, приближаясь к тому же месту, видит, что он вращается с большей скоростью, чем самый быстрый ветер. Кроме того, лучники на стенах стреляют так метко, что никакие доспехи не могут устоять перед их стрелами, что объясняет, как случилось, что из тех, кто отправился с Артуром, "кроме семи, никто не вернулся из Каэр Сиди".^[513]

Примечательно, что сам Артур никогда не пытается искать Грааль, хотя именно он достиг его языческого оригинала. У Мэлори мы находим четырех претендентов на мантию Артура - сэр Пеллеас,^[514] сэр Борс, сэр Персивейл и сэр Галахад.^[515] Первого из них можно сразу же отмести, сэр Пеллеас, который, будучи сам Пеллесом, или Пвиллом, хранителем его, не мог иметь причин для таких усилий. На второго мы можем смотреть с сомнением; ведь сэр Борс - не кто иной, как Эмрис, или Мирддин,^[516] и, обращаясь к ранней британской мифологии, мы не находим, чтобы бог неба лично принимал участие в получении благ силой или хитростью из подземного мира. Двое других имеют более весомые претензии - сэр Персивейл и сэр Галахад. "Сэр Персиваль - это норманно-французское имя Передура,^[517] героя истории из Красной книги Гергеста^[518], которая дает самую древнюю форму поиска Грааля, которая у нас есть. Она предшествует нормандским романам и образует почти связующее звено между мифологическими и рыцарскими сказаниями. Таким образом, Передур, или сэр Персивейл, - самый древний, самый примитивный из искателей Грааля. С другой стороны, сэр Галахад - самый поздний и самый молодой. Но есть основания полагать, что Галахад, по-валлийски "*Gwalchaved*", "Сокол лета", - тот же солнечный герой, что и Гавейн, по-валлийски "*Gwalchmei*", "Сокол мая".^[519] Оба они в истории "Кулхвх и Олвен" - сыновья одной матери, Гвьяр. Сам сэр Гавейн в одном из артурианских романов является обладателем Грааля.^[520] Нет необходимости пытаться выбирать между этими двумя. Оба обладают атрибутами богов солнца. Гвальхмей, преемник Ллеу Лау Гиффеса, и Передур Паладрхир, то есть "Копейщик с длинным древком",^[521] могут претендовать на равные почести. Важно то, что поиски Грааля, некогда главного сокровища Аида, по-прежнему осуществляются тем, кто в поздней легенде занял место Льеу Лау Гиффеса и Луга Ламхфада в ранних британских и гэльских мифах как длиннорукое солнечное божество, победившее в борьбе с Силами Тьмы.

ГЛАВА XXIV

УПАДОК И ПАДЕНИЕ БОГОВ

Если небесные умы любят славу, то те боги могут считать себя счастливыми, которые разделили преображение Артура. Их божественность исчезла, но в новой роли героев романа они обрели яркие перевоплощения. Имена артуровских рыцарей можно назвать почти "обиходными словами", в то время как боги, которым не досталось доли в Круглом столе, известны лишь тем, кто занимается антикварными преданиями. Правда, в отдаленных уголках Уэльса сохранилось несколько народных сказок, в которых встречаются имена таких древнебританских божеств, как Гвидион, Гвин, Арианрод и Дилан, но это такой хаос спутанных и искаженных легенд, что трудно вычленив даже самую тонкую нить истории. В них нет той определенной связности, которая присуща современным гэльским народным сказкам, цитировавшимся в предыдущей главе и сохранившим мифы о Гоибниу, Луге, Киане, Мананнани, Этниу и Балоре. Действительно, они достигли такой стадии распада, что вряд ли смогут пережить еще одно поколение.^[522]

Однако были и другие пути, по которым слава бога могла дойти до потомства, которое больше не верило в его божественность. Рулоны ранней британской истории были открыты для приема любого количества мифических персонажей, при условии, что их легенды были привлекательными. Знаменитая "*Historia Britonum*" Джеффри Монмутского под серьезным предлогом точной истории столь же мифологична, как "*Morte Darthur*" или даже "*Mabinogion*". Летописи ранних британских святых были не менее сговорчивы. Бог, чья традиция была слишком сильна, чтобы ее можно было игнорировать или уничтожить, был канонизирован, как само собой разумеющееся, клириками, которые считали аксиомой, что "терпимость к кромлеху способствовала принятию Евангелия".^[523] Только самые непримиримые избежали их - такие, как Гвин сын Нудда, который, признанный почти бесполезным Джеффри и несговорчивым монашескими писателями, остается последним выжившим из старых богов - уменьшившимся до размеров феи, но не покоровшимся.

Эта часть сопротивления, возможно, самая достойная; ведь божества могут быть печально изменены капризами их эвмеристов. Дон, которого мы знали как мать небесных богов, кажется странным описанием короля Лохлина и Дублина, который привел ирландцев в северный Уэльс в 267 году н. э.^[524] Более узнаваемым является его сын Гвидион, который ввел знание письма в стране своего усыновления. Династия "короля" Дона, согласно рукописи в коллекции мистера Эдварда Уильямса, более известного под бардовским именем Иоло Морганг, владела северным Уэльсом в течение ста двадцати девяти лет, когда северобританский король Кунедда вторгся в страну, победил ирландцев в великой битве и прогнал их через море к острову Мэн. Эта битва имеет историческое значение и, если не считать Дона и Гвидиона, вероятно, представляла собой последнее выступление гэлов на крайнем западе Британии против второй и более мощной волны кельтского вторжения. В том же сборнике *рукописей Иоло* можно найти любопытную и даже комичную эвмеристическую версию странного мифа о костяной тюрьме Оэта и Аноэта, которую

Манавиддан, сын Ллира, построил в Гоуэре. Новое прочтение делает эту жуткую обитель реальным зданием, построенным из костей "цезарей" (римлян), убитых в битве с кимрами. Оно состояло из множества камер, некоторые из которых были сложены из крупных костей, а некоторые - из мелких, некоторые - над землей, а некоторые - под ней. Военнопленных помещали в более комфортабельные камеры, а в подземных подземельях содержались предатели родины. Несколько раз "цезарианцы" разрушали тюрьму, но каждый раз цимрийцы отстраивали ее сильнее прежнего. Однако в конце концов кости истлели и, разбросанные по земле, стали отличным навозом! "С того времени" жители окрестностей "в течение многих лет собирали удивительные урожаи пшеницы и ячменя и всякого другого зерна".^[525]

Однако не в этих, так сказать, несанкционированных рассказах мы можем лучше всего найти наших британских божеств, а в компактной, связной и порой почти убедительной *Historia Britonum* Джеффри Монмутского, опубликованной в первой половине двенадцатого века и сотни лет серьезно цитируемой как ведущий авторитет по ранней истории наших островов. Современный критический дух, конечно же, низвел ее до уровня басни. Мы больше не можем принять приятную традицию о происхождении бриттов от выживших жителей Трои, которых повел на запад в поисках нового дома Брут, правнук благочестивого Энея. Ни одна часть "Истории", начиная с Энея и заканчивая Ательстаном, не убеждает современного читателя. Ее короли сменяют друг друга в правдоподобной последовательности, но сами они слишком явно являются героями народных легенд.

Большая часть хроники Джеффри - две книги^[526] из двенадцати - посвящена, конечно же, Артуру. В ней он рассказывает о завоеваниях этого паладина не только в своей стране, против саксов, ирландцев, шотландцев и пиктов, но и во всей Западной Европе. Мы видим, как британский чемпион, захватив Ирландию, Исландию, Готланд и Оркнейские острова, в продолжение этих незначительных побед покоряет Норвегию, Дакию (под которой, по-видимому, подразумевалась Дания), Аквитанию и Галлию. После таких триумфов ему явно не оставалось ничего другого, как свергнуть Римскую империю; И он практически достиг этой цели, когда восстание Мордреда привело его домой, чтобы он умер, или, скорее (поскольку даже Джеффри не совсем утратил веру в неумирающего Артура), чтобы быть перенесенным на остров Аваллон для исцеления от ран; корона Британии перешла к "его родственнику Константину, сыну Кадора, герцогу Корнуолла, в пятьсот сорок втором году воплощения нашего Господа".^[527] О более личных происшествиях, связанных с Артуром, Джеффри откровенно умалчивает, возможно, считая их не входящими в сферу его истории, но вскоре нам рассказывают, как Мордред воспользовался отсутствием Артура на континенте, чтобы захватить трон, женился на Гуанхамаре (Гвиневре) и вступил в союз с саксами, но был разбит в той роковой битве, которую Джеффри назвал "Камбула", в которой Мордред, Артур и Уолган - "сэр Гавейн" Мэлори и Гвалчмей из более ранних легенд - все встретили свою гибель.

В "Истории" Джеффри мы видим, что боги старшего поколения занимают по отношению к Артуру такое же положение, как и в более поздних валлийских триадах и сказаниях. Будучи правителями, они все же являются его вассалами. В "трех братьях королевской крови" по имени Лот, Уриан и Аугусел, которые представлены как вожди на севере, мы можем различить Ллудда, Уриена и Арауна. Этим троим Артур вернул "права их предков", передав Аугуселу полусуверенитет Шотландии, предоставив Уриану управление Мурифом (Мореем) и восстановив Лота "в консульстве Лаудонезии (Лотиана) и других провинций, принадлежащих ему".^[528] Два других подвластных ему правителя - Гунвасий, король Оркнейских островов, и Мальвасий, король Исландии,^[529] в котором мы узнаем Гвина, под латинизированными формами его валлийского имени Gwynwas и корнуолльского Melwas. Но для Джеффри

Монмутского характерно то, что, не ограничившись тем, что он связал нескольких из этих богов с эпохой Артура, он еще и наделяет их собственными царствованиями. "Уриен" был вассалом Артура, но "Урианус" сам был королем Британии за много веков до рождения Артура.^[530] Луд (то есть Ллудд) сменил своего отца Бели.^[531] Мы ничего не слышим о его серебряной руке, но узнаем, что он "прославился строительством городов и восстановлением стен Триновантума^[532], который он также окружил бесчисленными башнями... и хотя у него было много других городов, этот он любил больше всех и проживал в нем большую часть года; по этой причине впоследствии он стал называться Каэрлуд, а в результате разложения этого слова - Каэрлondon; и опять же в результате изменения языков с течением времени - Лондон; также и иностранцы, прибывшие сюда и подчинившие себе эту страну, стали называть ее Лондрес. Наконец, когда он умер, его тело было погребено у ворот, которые до сих пор называются на британском языке по его имени Парфлуд, а на саксонском - Людесгата". Ему наследовал его брат Кассибеллаун (Кассивелаунус), во время правления которого Юлий Цезарь впервые вторгся в Британию.

Однако репутация Ллудда как короля Британии не полностью зависит от Джеффри Монмутского. Один из старых валлийских романов,^[533] переведенный леди Шарлоттой Гост в ее "Мабиногионе", рассказывает о перестройке Лондона Ллуддом почти теми же словами, что и Джеффри. Однако история, которую вводят эти псевдоисторические детали, явно мифологическая. В ней рассказывается о том, как во времена Ллудда Британию угнетали три чумы. Первым было прибытие странной расы колдунов, называемых "коранцами",^[534] которые обладали тремя качествами, делавшими их непопулярными; они платили "деньгами фей", которые, хотя и казались настоящими, впоследствии возвращались, как щиты, лошади и гончие, сделанные Гвидионом, сыном Дона, чтобы обмануть Придери, в гриб, из которого они были зачарованы с помощью магии; Они могли слышать все, что говорилось по всей Британии, каким бы низким тоном это ни звучало, если только ветер был попутным; и их нельзя было ранить никаким оружием. Вторым был "крик, который раздавался в канун мая над каждым очагом на острове Британия, проникал в сердца людей и так пугал их, что мужчины теряли свой цвет и силу, женщины - детей, юноши и девы - рассудок, а все животные и деревья, земля и воды оставались бесплодными". Третий случай - исчезновение продовольствия, хранившегося во дворце царя, которое было настолько полным, что годовой запас исчез за одну ночь, и настолько загадочным, что никто так и не смог выяснить его причину.

По совету своих вельмож Ллудд отправился во Францию, чтобы заручиться помощью ее короля, своего брата Ллевелиса, который был "человеком великим в советах и мудрости". Чтобы иметь возможность советоваться с братом, не будучи подслушанным коранцами, Ллевелис сделал длинную трубку из латуни, через которую они разговаривали друг с другом. Однако колдовское племя узнало об этом и, хотя не могло слышать, что говорится внутри трубки, послало в нее демона, который шептал оскорбительные послания вверх и вниз, как бы от одного брата к другому. Но Ллудд и Ллевелис слишком хорошо знали друг друга, чтобы быть обманутыми этим, и они изгнали демона из трубы, залив ее вином. Затем Ллевелис велел Ллудду взять насекомых, которых он ему даст, и растолочь их в воде. Когда вода достаточно пропитается их сущностью, он должен был созвать как своих людей, так и коранцев, как бы на совещание, и в разгар совещания вылить ее на всех одинаково. Вода, хотя и безвредная для его народа, окажется смертельным ядом для коранцев.

Что касается крика, то Ллевелис объяснил его тем, что его издал дракон. Это чудовище было Красным драконом Британии, и оно подняло крик, потому что на него напал Белый дракон

саксов, который пытался его одолеть и уничтожить. Французский король велел своему брату измерить длину и ширину Британии и, когда тот найдет точный центр острова, вырыть там яму. В эту яму должен был быть помещен сосуд с самой лучшей медовухой, которую только можно было сделать, и покрыт атласом, чтобы скрыть ее. Ллудд должен был наблюдать за происходящим из безопасного места. Драконы появлялись и сражались в воздухе, пока не выбивались из сил, затем они вместе падали на атласную ткань и спускались вместе с ней в сосуд, наполненный медовухой. Естественно, они выпивали медовуху и, что не менее естественно, засыпали. Как только Ллудд убедится, что они беспомощны, он должен был пойти к яме, обернуть атласную ткань вокруг них обоих и похоронить их вместе в каменном гробу в самом крепком месте Британии. Если бы это было сделано благополучно, криков больше не было бы слышно.

А исчезновение еды было вызвано "могущественным волшебником", который усыпил всех чарами, прежде чем унести королевскую провизию. Ллудд должен был следить за ним, сидя у котла, наполненного холодной водой. Как только он чувствовал приближение сонливости, он должен был окунуться в котел. Так он сможет не заснуть и помешать вору.

Так Ллудд вернулся в Британию. Он помешал насекомых в воде, а затем созвал на совещание людей Британии и коранцев. В разгар собрания он окропил водой всех одинаково. Туземцы не пострадали от этого мифологического "жучинового порошка", но коранцы умерли.

После этого Ллудд был готов разобраться с драконами. Его тщательные измерения показали, что центр острова Британия находится в Оксфорде, и там он вырыл яму, в которой находился сосуд с медовухой, скрытый атласным покрывалом. Приготовив все необходимое, он стал наблюдать и вскоре увидел, как появились драконы. Долгое время они отчаянно сражались в воздухе, затем дружно опустились на атласную ткань и, увлекая ее за собой, погрузились в медовуху. Ллудд подождал, пока они совсем затихнут, а затем вытащил их, аккуратно завернул в ткань и отнес в район Сноудона, где похоронил в мощной крепости, останки которой недалеко от Беддгелерта до сих пор называются "Динас Эмрис". После этого ужасный крик больше не раздавался, пока Мерлин не откопал их, пятьсот лет спустя, когда они возобновили борьбу, и красный дракон изгнал белого из Британии.

Напоследок Ллудд приготовил в своем зале большой пир и, вооружившись, наблюдал за ним, держа рядом котел с водой. Среди ночи он услышал тихую, усыпляющую музыку, от которой чуть не уснул; но он не мог уснуть, постоянно окунаясь в холодную воду. Перед самым рассветом в зал вошел огромный человек в доспехах с корзиной, которую он стал нагружать яствами, выставленными на стол. Как и мешок, в котором Пвилл поймал Гваула, ее вместимость казалась бесконечной. Однако в конце концов он наполнил ее и уже выносил, когда Ллудд остановил его. Они сразились, и Ллудд победил волшебника и сделал его своим вассалом. Так закончились "три чумы Британии".

Ллудд, превратившись из бога в короля, похоже, утратил большинство своих прежних мифологических качеств. Даже его дочь Крейдилад была отнята у него и отдана другому древнебританскому божеству. Почему Ллудда, бога неба, следовало путать с Ллиром, богом моря, не очень понятно, но несомненно, что Креудилад из ранних валлийских легенд и поэм - это та же самая "Кордейла" Джеффри и "Корделия" Шекспира. Великий драматург был в конечном счете обязан кельтской мифологии за основу легенды, которую он вплет в трагическую историю *короля Лира*. "Лейр, как называет его Джеффри,^[535] был сыном Бладуда, построившего Каэр Бадус (Бат), и погибшего, подобно Икару, в результате несчастного случая с летающей машиной собственного изобретения. Не имея сыновей, но

имея трех дочерей, Гонориллу, Реган и Кордейлу, он задумал в старости разделить между ними свое королевство. Но прежде всего он решил испытать их привязанность к нему, отдав лучшие части своего царства самым достойным. Гонорилла, старшая, на его вопрос о том, как сильно она его любит, ответила, что, "призвав небеса в свидетели, она любит его больше собственной души". Реган ответила "с клятвой, "что не может иначе выразить свои мысли, но что любит его превыше всех существ"". Но когда настала очередь Кордейлы, младшая дочь, испытывая отвращение к лицемерию своих сестер, заговорила совсем по-другому. "Отец мой, - сказала она, - есть ли хоть одна дочь, способная любить своего отца больше, чем того требует долг? На мой взгляд, кто бы ни притворялся, он должен скрывать свои истинные чувства под покровом лести. Я всегда любил тебя как отец, и до сих пор не отступаю от намеченного долга; и если ты настаиваешь на том, чтобы получить от меня нечто большее, выслушай сейчас величие моей привязанности, которую я всегда к тебе питаю, и прими это как краткий ответ на все твои вопросы; посмотри, как много у тебя есть, как ты дорог, и как я тебя люблю". Ее разгневанный отец немедленно передал свое королевство двум другим дочерям, выдав их замуж за двух высших представителей своей знати: Гонориллу - за Маглауна, герцога Албании^[536], а Регану - за Энуина, герцога Корнуолла. Кордейле он отказал не только в доле в своем королевстве, но даже в приданом. Однако Аганипп, король франков, женился на ней только из-за ее красоты.

Как только Лейр вступил во владение королевством, два его зятя восстали против него и лишили его всех царских полномочий. Единственной компенсацией за утраченную власть стало согласие Маглауна разрешить ему содержание с телохранителем из шестидесяти воинов. Но через два года герцог Албании, по наущению своей жены Гонориллы, сократил их число до тридцати. Обидевшись на это, Лейр покинул Маглауна и отправился к Энуину, мужу Реганы. Герцог Корнуоллский сначала принял его с почетом, но не прошло и года, как он вынужден был уволить всех своих слуг, кроме пяти. Это привело его в ярость, и он вернулся к старшей дочери, которая поклялась, что он не останется с ней, если не будет довольствоваться только одним слугой. В отчаянии Лейр решил броситься на милость Кордейлы и, полный раскаяния за то, как он с ней обошелся, и опасений, как его примут, отплыл в Галлию.

Прибыв в Каритию^[537], он послал гонца к дочери, рассказывая ей о своем бедственном положении и прося о помощи. Кордейла прислала ему деньги, одежды и свиту из сорока человек, и, как только он был полностью экипирован в подобающее королю состояние, его с помпой приняли Аганипп и его министры, которые передали в его руки управление Галлией до тех пор, пока его собственное королевство не будет ему возвращено. Для этого король франков собрал армию и вторгся в Британию. Маглаун и Энуин были разгромлены, а Лейра заменили на троне, после чего он прожил три года. Кордейла, сменив правителя Британии, "похоронила своего отца в некоем склепе, который она приказала сделать для него под рекой Соре в Лестере ("Llyr-cestre"), и который изначально был построен под землей в честь бога Януса. И здесь все рабочие города в юбилейную торжественную дату этого праздника начинали свои ежегодные труды".

Какой именно миф пересказывается в этой истории Лейра и его трех дочерей, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но ее мифологическая природа достаточно ясна в свете описания подземного храма, посвященного Ллиру, одновременно богу подводного, а значит, и подземного мира и британскому Dis Pater, связанному с происхождением вещей, подобно римскому богу Янусу, с которым его, по-видимому, отождествляли.^[538]

Спустя десять королей или около того (ибо более точный способ измерения бегства времени отсутствует в "Истории" Джеффри) мы узнаем о появлении на сцене двух других британских

богов. Бренний (то есть Бран) оспаривает королевство у своего брата Белинуса. Очевидно, что это версия древнего мифа о братьях-близнецах, Тьме и Свете, который мы видим во множестве проявлений в кельтской мифологии. Бран, бог смерти и подземного мира, противостоит Белинусу, богу солнца и здоровья. В оригинальном, утраченном мифе, вероятно, они попеременно побеждали и были побеждены - символ чередования ночи и дня, зимы и лета. В *"Истории"* Джеффри^[539] они разделили Британию: Белину досталась "корона острова с владениями Лозгрии, Камбрии и Корнуолла, поскольку, согласно троянской конституции, право наследования переходило к нему как к старшему", а Бреннию как младшему достался "Нортумберленд, простиравшийся от реки Хамбер до Кайтнесса". Но льстецы уговорили Бренниуса вступить в союз с королем норвежцев и напасть на Белинуса. Произошла битва, в которой Белинус был побежден, а Бренний бежал в Галлию, где женился на дочери герцога Аллоброга, а после смерти этого правителя был объявлен наследником престола. Укрепившись таким образом с армией, он снова вторгся в Британию. Навстречу ему вышел Белинус со всей мощью королевства, и армии уже друг напротив друга в боевом порядке, когда Конвенне, матери двух королей, удалось их примирить. Не имея возможности воевать друг с другом, братья договорились о совместной экспедиции со своими армиями в Галлию. Бритты и Аллоброги покорили всех остальных королей франков, а затем вошли в Италию, разрушая деревни и города по мере продвижения к Риму. Габий и Порсена, римские консулы, откупились от них большими подарками из золота и серебра и обещанием ежегодной дани, после чего Бренний и Белин отозвали свою армию в Германию и начали ее опустошать. Но римляне, теперь уже не застигнутые врасплох и не подготовленные, пришли на помощь германцам. В результате Бренний и Белин вернулись в Рим, который после долгой осады им удалось взять. Бренний остался в Италии, "где он осуществлял неслыханную тиранию над народом"; можно считать, что вся эта правдивая история объясняется патриотическим желанием выставить Бренниуса из "Vae Victis", который действительно разграбил Рим в 390 г. до н. э., британцем. Белинус, второй брат, вернулся в Англию. "Он построил в Триновантуме, на берегу Темзы, ворота удивительной конструкции, которые горожане и по сей день называют его именем Биллингсгейт. Над ними он построил невероятно большую башню, а под ней - гавань или пристань для кораблей..... Наконец, когда он окончил свои дни, его тело было сожжено, а пепел помещен в золотую урну, которую с удивительным искусством установили в Триновантуме на вершине вышеупомянутой башни". Его сменил Гургиунт Брабтрук,^[540] который, возвращаясь через Оркнейские острова после набега на датчан, встретил корабли Партолона и его людей, когда они шли из Испании, чтобы обосноваться в Ирландии.^[541]

Ллир и его дети, как ни велики они в мифической истории, были едва ли менее прославлены как святые. Семья Ллира Лледиата всегда описывается ранними валлийскими агиологами как первая из "трех главных святых семей острова Британия". Однако слава самого Ллира - лишь отражение, ведь именно его сын Бран "Благословенный" ввел христианство в Британии. Легенда гласит, что он был уведен в плен в Рим вместе со своим сыном Карадауком (которого для этой цели отождествили с историческим Каратаком) и остальной семьей и оставался там семь лет, за это время он обратился в Евангелие и с энтузиазмом распространял его по возвращении. Ни его сын Карадавк, ни его сводный брат Манавиддан не пошли по его стопам, но их потомки пошли. Все сыновья Карадавка были святыми, а его дочь Эйген, вышедшая замуж за вождя по имени Саррлог, владыку Каэр Саррлога (Старый Сарум), стала первой святой женщиной в Британии. Род Манавиддана оказался менее приспособленным к жизни. Его сын и внук были язычниками, но его правнук получил христианскую славу как святой Дифан, который был послан епископом в Уэльс папой Елевферием и принял мученическую смерть в Мертир-Диване. После этого святая линия Ллира увеличивается и процветает. В ней встречаются необычайно неподходящие личности

- Мабон, галло-британский Аполлон, а также Герайнт и другие представители двора короля Артура.^[542]

Это настолько причудливое предположение, что христианство должно было быть, как и все остальное, даром кельтского Аида, что почти жалко подвергать его сомнению.

Свидетельства классических историков, однако, свидетельствуют в пользу этого. Тацит тщательно перечисляет род Каратака, описывает, как он, его жена, дочь и брат были отдельно допрошены императором Клавдием, но совсем не упоминает о предполагаемом отце вождя - Бране. Более того, Дио Кассий называет отцом Каратака Кунобелинуса - шекспировского "Кимбелина", - который, как он добавляет, умер еще до того, как римляне впервые вторглись в Британию. Доказательства полностью против Брана как христианского первопроходца. Он остается старым мрачным богом войны и смерти, "благословенным" только для своих языческих почитателей, особенно для бардов, которые, вероятно, впервые называли его *Бендигейд Вран*, и чья упрямая приверженность, должно быть, стала причиной не менее упорных попыток их врагов, христианских клириков, привлечь его на свою сторону путем канонизации.^[543]

С сестрой Брана, Бранвен из "Прекрасной груди", им было проще. Богини, действительно, похоже, выдерживали этот процесс лучше, чем боги - свидетельство тому "святая" Бригит, "Мария Гэлов". Британская Афродита стала, под именем Бринвин или Двинвен, покровительницей влюбленных. Уже в XIV веке ее святилище в Лландвинвине, на острове Англси, было излюбленным местом отдыха разочарованных обоих полов, которые приходили помолиться ее образу об успехе или забвении. Чтобы сделать результат более уверенным, монахи церкви продавали Летинские шашки из ее священного колодца. О ней рассказывают легенду о том, что, дав обет вечного безбрачия, она влюбилась в молодого вождя по имени Маэлон. Однажды ночью, когда она молилась о наставлении в трудной ситуации, ей было видение, в котором ей предложили кубок с восхитительным напитком в качестве черпака забвения, и она увидела, как то же самое сладкое лекарство дали Маэлону, которого оно сразу же заморозило в глыбу льда. Затем за веру ей предложили получить три блага. Первое, которое она выбрала, заключалось в том, чтобы Маэлон вновь обрел свою естественную форму и температуру; второе - чтобы она больше не желала выходить замуж; и третье - чтобы ее заступничество было даровано всем правдолюбцам, чтобы они либо сочетались браком с предметами своей привязанности, либо исцелились от своей страсти.^[544] Отсюда проистекают достоинства ее святыни и фонтана. Но современное поколение уже не ходит туда, а действенный колодец засорился песком. Тем не менее у той, кого валлийские барды называли "святой любви"^[545], все еще есть свои случайные поклонники. Деревенские девушки из окрестностей обращаются к ней за помощью, когда все остальное не помогает. Считается, что ближайшая к церкви вода - лучшая замена высохшему и разрушенному колодцу.^[546]

Ярким контрастом этой легкой победы над язычеством является упорное сопротивление христианскому принятию Гвина, сына Нудда. Правда, однажды он был зачислен каким-то монахом в поезд "Благословенного Брана",^[547] но это было сделано настолько халтурно, что даже сейчас можно заметить, что писателю было почти стыдно за себя. Его слава, по крайней мере, как могущественного фея, была слишком важна, чтобы с ней так поступать. Даже Спенсер, хотя в своей *"Королеве фей"* он называет его "добрым сэром Гайоном... в котором проявляется великая сила Темп'раунса",^[548] не пытается скрыть его настоящую природу. Это не человек, а

"Эльфин рожденный, знатного рода

И миклое поклонение в его родной земле", ^[549]

который излагает красоты той добродетели, для которой изначальный кельтский рай с его неизменным элем и реками медовухи и вина вряд ли мог быть лучшей школой. Все авторитеты, кроме Спенсера, сходятся в том, что Гвин - решительный противник всего христианского. Любопытная и живописная легенда^[550] рассказывает о нем в связи со святым Колленом, который сам был правнуком сына Брана, Карадавка. Святой, желая еще больше удалиться от мира, устроил себе келью под скалой недалеко от Гластонбери-Тор, на собственном "острове Авилион" Гвина. Она находилась недалеко от дороги, и однажды он услышал, как двое мужчин, проходивших мимо, говорили о Гвине, сыне Нудда, и объявили его королем Аннуна и фей. Святой Коллен высунул голову из кельи и сказал им, чтобы они попридержали свои языки, и что Гвин и его феи - всего лишь демоны. В ответ те предупредили святого, что скоро ему придется встретиться с темным владыкой лицом к лицу. Они ушли, и вскоре после этого святой Коллен услышал, как кто-то стучит в его дверь. Спросив, кто там, он получил ответ: "Я здесь, посланник Гвина ап Нудда, короля Аида, чтобы попросить тебя прийти к середине дня и поговорить с ним на вершине холма". Святой не пошел, и гонец пришел во второй раз с тем же посланием. В третий раз он добавил угрозу, что если святой Коллен не придет сейчас, то для него будет еще хуже. Поэтому, немного встревоженный, он отправился в путь, но не безоружный. Он освятил немного воды и взял ее с собой.

В другие дни вершина Гластонбери-Тор всегда была голой, но в этот раз святой обнаружил, что ее венчает великолепный замок. Мужчины и девы, красиво одетые, входили и выходили. Его принял паж и сказал, что король ждет его к себе на ужин. Сен-Коллен нашел Гвина сидящим на золотом стуле перед столом, накрытым самыми изысканными яствами и винами. Он пригласил его разделить их, добавив, что если ему что-то особенно понравится, это должно быть принесено ему со всеми почестями. "Я не ем листья деревьев", - ответил святой, зная, из чего сделаны сказочные яства и напитки. Не смутившись столь невежливым ответом, король Аннунна учтиво спросил святого, не восхищается ли он ливреей своих слуг, которая представляла собой пестрый наряд, красный с одной стороны и синий с другой. "Их одежда достаточно хороша для своего рода", - ответил святой Коллен. "Какого рода?" - спросил Гвин. "Красное показывает, с какой стороны палат, а синее - с какой морозят", - ответил святой и, побрызгав вокруг себя святой водой, увидел, как замок, слуги и король исчезли, оставив его одного на голой, продуваемой всеми ветрами вершине холма.

Гвин, последний из богов Аннуна, к этому времени, очевидно, взял на себя функции всех остальных. У него есть гончие, которые когда-то были у Арауна, - *Cwn Annwn*, "адские псы", с белым телом и красными ушами. В фольклоре мы слышим о них больше, чем об их хозяине, хотя даже их традиции угасают с распространением газет и железных дорог. Вряд ли найдется еще один преподобный Эдмунд Джонс^[551], который будет настаивать на вере в них, чтобы, закрыв глаза на столь явные свидетельства сверхъестественного мира, мы не стали неверными. Тем не менее, и сейчас можно встретить крестьян, готовых поклясться, что они слышали, как в бурные ночи они проносились по склонам холмов, преследуя летящие души некрещеных мужчин или некрещеных младенцев. Рассказы о них сходятся. Их крик похож на крик стаи лисиц, но более мягкий по тону. Чем ближе они к человеку, тем менее громкими кажутся их голоса, а чем дальше, тем громче. Но их реже видят, чем слышат, и было высказано предположение, что это крики перелетных гуденников, которые не похожи на крики гончих в погоне. Суеверие широко распространено. Уэльские *Cwn Annwn* в Северном Девоне называются "Yeth" (Heath или Heathen), или "Yell", а в Дартмуре - "Wish". В Дареме и Йоркшире их называют "габриэльскими" гончими, а в Норфолке, Глостершире и Корнуолле

они известны под разными именами. В Шотландии Дикую охоту возглавляет Артур, и эта традиция распространена почти по всей Западной Европе.

Сохранилось не так много народных сказок, в которых Гвин упоминается по имени. Дольше всего память о нем сохранилась в навеянной феями долине Нит, так близко от его "хребта, обители Таве... не ближайшего Таве... а того Таве, что дальше всех". Но это можно понимать в любом случае, когда упоминается король фей. Как последний из великих богов старой мифологии, он был наделен народной фантазией властью над всем разнообразным населением фей Британии, по крайней мере, до тех пор, пока оно имеет кельтское или докельтское происхождение. Ведь некоторые из самых известных в английской литературе фей - тевтонские. Король Оберон получил свое имя во французских сказках от Эльбериха, короля-карлика из "*Нибелунгов*",^[552] хотя его королева, Титания, вероятно, была названа так из "*Метаморфоз*" Овидия.^[553] Пак, еще один из шекспировских фей, - всего лишь олицетворение своей расы, "rwssas" Уэльса, "rookas" Ирландии, "roakes" Вустершира и "pixies" Западной Англии.^[554] Именно Уэльс в настоящее время хранит самую многочисленную и разнообразную коллекцию фей. Некоторые из них прекрасны, некоторые отвратительны; некоторые добры, некоторые злобны. Есть нежные девы озер и ручьев, которых называют Gwragedd Annwn, и свирепые и жестокие горные феи, известные как Gwyllion. Существуют домашние духи, называемые Bwbachod, как шотландские и английские "брауни"; Coblupau, или гномы из шахт (в Корнуолле их называют "стукачами"); и Ellyllon, или эльфы, ветвью которых являются rwssas.^[555] На севере Англии духи принадлежат более полно к низшему типу. Боглы, брауни, киллмоули, редкапы и им подобные кажутся мало похожими на высших, арийских фей. Валлийская bwbach тоже описывается как коричневая и волосатая, а coblupau - как чернокожая или меднолицая. Вряд ли мы ошибемся, если будем считать таких призраков деградировавшими богами доарийской расы, подобно ирландским лепреконам и пукам, которые не имеют ничего общего с по-прежнему прекрасными и благородными фигурами Туатха Де Дананн.

Из этих бесчисленных и безымянных подданных Гвина одни обитают под землей или под поверхностью озер, которые, похоже, занимают в Уэльсе место гэльских "сказочных холмов", а другие - в Авилионе, таинственном западном островке всех прелестей, лежащем на берегу моря или прямо под ним. Пемброкшир - древний Дайфед - сохранил эту традицию наиболее полно. Рассказывают, что в сотне Кеммес в этом графстве есть определенный квадратный ярд, который хранит тайну царства фей. Если человек случайно ступит на него, у него откроются глаза, и он сможет увидеть то, что скрыто от других людей, - страну фей и их содружество, - но стоит ему сойти с заколдованного места, как он теряет зрение и уже никогда не сможет найти то место.^[556] Эта страна находится на море, недалеко от берега; как и ирландский рай, аналогом которого она является, ее иногда могут увидеть моряки. Зеленые луга очарования" до сих пор являются предметом веры моряков Пемброкшира и Кермартеншира, и, очевидно, не без оснований. В 1896 году корреспондент газеты "*Пемброк Каунти Гардиан*" прислал сообщение некоего капитана Джона Эванса о том, что однажды летним утром, двигаясь вверх по Ла-Маншу и проходя мимо острова Грешолм (место, где произошло развлечение "Голова Брана"), на глубине, которую он всегда считал глубокой, он с удивлением увидел с наветренной стороны от себя большой участок суши, покрытый прекрасным зеленым лугом. Однако он находился не над водой, а в двух-трех футах под ней, так что трава колыхалась или плыла, когда по ней плыла зыбь, отчего у наблюдавшего за ней наступала сонливость. Капитан Эванс часто слышал от стариков о сказочном острове, но признался, что никогда не надеялся увидеть его своими глазами.^[557] Как и в случае с "Гончими Аннуна", можно предположить вполне естественное объяснение. Мираж одновременно достаточно распространен и достаточно редок на наших побережьях,

чтобы породить такую легенду, и, должно быть, именно какой-то феномен, подобный сицилийской "Фата Моргана", заставил трезвомыслящих людей так уверенно поклясться, что кельтский рай можно увидеть воочию, будь то с самых дальних западных берегов гэльской Ирландии или Шотландии, или из британского Уэльса.

ПЕРЕЖИТКИ КЕЛЬТСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

ГЛАВА XXV

ПЕРЕЖИТКИ КЕЛЬТСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОСТИ ВРЕМЯ

Падение кельтского государственного культа началось в Британии раньше, чем на ее родственных островах. Первый удар был нанесен не христианством, а грубым гуманизмом и суровой справедливостью римлян. Этот народ был более терпим к чужим религиям, чем любой другой, который когда-либо знал мир, и с радостью принял кельтских богов - как богов - в свой собственный разнообразный Пантеон. Дружественное галльское или британское божество могло в любой момент получить, так сказать, божественное римское гражданство и быть приравненным к Юпитеру, Марсу, Аполлону или любому другому аккредитованному божеству, на которое римляне считали его похожим. Римский закон наносил удар не по богу, а по его поклонению жрецам. Колоссальные человеческие жертвоприношения друидов приводили в ужас даже народ, который был далеко не брезглив к небольшому кровопролитию. Они сами отменили подобную практику постановлением сената еще до вторжения Цезаря в Британию^[558] и поэтому не могли допустить в пределах своей империи культ, который убивал людей, чтобы извлечь предзнаменования из их смертных агоний.^[559] От друидизма сначала требовали отречься тех, кто претендовал на римское гражданство; затем он был решительно подавлен среди менее цивилизованных племен. Тацит рассказывает, как остров Мона (Англси) - великий оплот друидизма - подвергся нападению, его священные рощи были вырублены, алтари сровнены с землей, а жрецы преданы мечу.^[560] Плиний, рассказывая о том, как император Тиберий "подавил друидов", поздравляет своих соотечественников с тем, что они положили конец чудовищным обычаям, вдохновленным доктриной, согласно которой боги могут получать удовольствие от убийства и каннибализма.^[561] Практика друидизма с сопутствующими ей варварствами, упраздненная в Британии везде, куда могла дотянуться длинная римская рука, чтобы нанести удар, нашла убежище за Северной стеной, среди диких каледонских племен, которые еще не подчинились игу захватчика. Естественно, он остался нетронутым и в Ирландии. Но еще до

того, как римляне покинули Британию, она была истреблена повсеместно, за исключением "пиктов и шотландцев".

Христианство, последовавшее за римским владычеством, совершило гибель язычества в Британии, по крайней мере, в том, что касалось его публичных проявлений. В шестом веке нашей эры монашеский писатель Гильдас может благодушно называть древнюю британскую религию мертвой верой. "Я не буду, - говорит он, - перечислять тех дьявольских идолов моей страны, которые почти превзошли по количеству египетских и которых мы до сих пор видим в заброшенных храмах или вне их, с жесткими и деформированными чертами, как это было принято. Не буду я взывать и к горам, фонтанам и холмам, и к рекам, которые ныне служат людям, но некогда были для них мерзостью и гибелью, и которым слепые люди воздавали божественные почести"^[562] А вместе с идолами пали и жрецы. Само слово "друид" вышло из употребления и почти не упоминается в самой ранней британской литературе, хотя друиды занимают видное место в ирландских сочинениях того же периода.

Светская власть не имела силы в Шотландии и Ирландии, поэтому борьба между язычеством и христианством велась на более равных условиях и длилась дольше. В первой стране святой Колумба, а во второй - святой Патрик - это личности, которые, во всяком случае, согласно традиции, победили друидов и их богов. Адамнан, аббат Ионы, написавший *"Житие Колумбы"* в последнем десятилетии седьмого века, описывает, как столетием ранее этот святой принес Евангелие пиктам. Их король, Бруд, принял его с презрением, а королевские друиды не оставили без внимания ни одного языческого заклинания, чтобы помешать и досадить ему. Но как сила Моисея превосходила силу магов Египта, так и молитвы святого Колумбы вызвали чудеса более удивительные и более убедительные, чем все, что творили его противники. Такие истории принадлежат к атмосфере мифа, которая всегда окутывала героических людей; существенным фактом является то, что пикты отказались от старой религии ради новой.

Похожая легенда подводит итог жизненному пути святого Патрика в Ирландии. До его прихода Кромм Круайх с незапамятных времен приносил ежегодную дань человеческими жизнями. Но святой Патрик предстал перед жутким идолом; когда он поднял свою палицу, как нам рассказывают, демон с воплем упал с его изображения, которое, лишившись души, склонилось вперед к земле.

Однако гораздо легче свергнуть публичные проявления вероучения, чем уничтожить его внутреннюю жизненную силу. Идол Кромма Круаха может пасть, но его дух останется в живых - тот самый Протей. Священные места древней кельтской религии могут быть захвачены, идолы и алтари богов сброшены, жрецы убиты, рассеяны или изгнаны, а культ официально объявлен вымершим; но, изгнанный из важных центров, он все равно выживет за их пределами и вокруг них. Более цивилизованные галы и бритты, несомненно, примут более чистое Евангелие и откажутся от богов, которых они когда-то обожали, но крестьянство - основная масса населения - все еще будет цепляться за привычные обряды и имена. В конце концов, более благородная вера и более высокая цивилизация приходят лишь как поверхностные волны в великий океан человеческой жизни; под их волнением лежит огромная дремлющая бездна полусознательной веры и мысли, куда культура проникает с трудом и где изменения происходят очень медленно.

Мы уже показывали, как долго и преданно гэльские и валлийские крестьяне держались за своих старых богов, несмотря на все усилия церковников объяснить их как древних королей, превратить в чудотворных святых или запретить как демонов ада. Этот консервативный религиозный инстинкт сельскохозяйственного населения не ограничивается жителями

Британских островов. Современные греки все еще верят в nereид, ламий, сирен и Харона, мрачного паромщика Аида.^[563] Потомки римлян и этрусков считают, что старые этрусские боги и римские божества лесов и полей все еще живут в мире как духи.^[564] Высокие алтари "Владыки кургана" и его ужасных родственников были сровнены с землей, а их золотые изображения и огромные храмы оставлены плесневеть в запустении; но грубое деревенское святилище грубого деревенского бога по-прежнему получало свои подношения. Именно это перемещение заботы о языческом культе от вождя к крестьянину, от двора к лачуге и, возможно, в некоторой степени от высшей расы к низшей объясняет, почему более примитивные и безлюдные боги так часто вытесняли более высоких и изящных. Аборигенные божества, оттесненные в неизвестность вторжением более высоких иноземных типов, снова вернулись к себе.

Ибо кажется очевидным, что мы должны разделить духовное население Британских островов на два класса. Между "феей", так называемой "феей", и невзрачным эльфом, который появляется под разными именами и обликами, как пука, лепреккон, брауни, стукач или богл, мало общего. Один из них принадлежит к таким божественным племенам, как Туатха Де Дананн из гэльского мифа или их родственники, британские боги из "Мабиногиона". Другой же обязан своим происхождением совершенно иному и гораздо более низкому типу воображения. Можно предположить, что неолитический человек создал его по своему образу и подобию.

Тем не менее, многовековая традиция прекрасно сохранила основные черты кельтских богов природы. Современная вера в фей почти ничем не отличается от того представления, которое кельты имели о своих божествах. Описание Туатха Де Дананн в "Диалоге старейшин" как "духов или фей, имеющих телесную или материальную форму, но наделенных бессмертием", вполне соответствует преобладающим представлениям о "добром народе" в наши дни. Ирландские и валлийские феи в народных поверьях также не отличаются друг от друга. Обе живут среди холмов, хотя в Уэльсе место "кургана фей" часто занимает озеро; обе, хотя воюют и женятся между собой, полубессмертны; обе жаждут детей людей и крадут их из колыбели, оставляя вместо смертного младенца одного из своего жуткого выводка; обе могут околдовывать мужчин и женщин; обе наслаждаются музыкой и танцами и живут в нереальном и фантастическом великолепии и роскоши. Еще один момент, в котором они похожи друг на друга, - это их крошечный размер. Но это, по-видимому, результат литературной условности, придуманной Шекспиром; в подлинных народных сказках, как гэльских, так и британских, феи изображаются по меньшей мере смертного роста.^[565]

Но, арийские или иберийские, прекрасные или отвратительные, они быстро исчезают из верований. С каждым годом уединенные долины, в которых мужчины и женщины еще могли жить по-старому и видеть старые сны, все больше и больше открываются современному миру быстрого движения и стремительной мысли. Последние десять лет сделали в этом направлении, пожалуй, больше, чем предыдущие десять поколений. Какой одинокий пастух или рыбак когда-нибудь снова увидит видение великого Мананнана? Осталась ли у нынешних конюхов хоть капля веры в Финварру? Часто ли вспоминают Гвина ап Нудда в его родных долинах Таве и Недда? Пожалуй, трудно найти искренне верующего даже в своего местного пука или приходского богла.

Именно ритуальные обряды старой кельтской веры лучше перенесли и дольше переживут разрушающее влияние времени. Здесь нет сложных имен, которые нужно запоминать. Для "удачи" все еще можно делать то, что когда-то делалось для религии. Обычаи умирают очень медленно, поддерживаемые лишь полупризнанным страхом, что, если их не выполнять, "что-

то может случиться". Поэтому мы получим больше удовлетворительных свидетельств о природе кельтского язычества, изучая такие обычаи, чем любым другим способом.

Мы находим три формы сохранения древней религии в совсем недавние времена. Первая - это празднование старых солярных или сельскохозяйственных праздников весеннего и осеннего равноденствия, а также летнего и зимнего солнцестояния. Второе - это практика символического человеческого жертвоприношения теми, кто забыл его смысл и знает только, что они соблюдают старый обычай, а также поздние случаи реального жертвоприношения животных для предотвращения чумы скота или для изменения несчастья. Третья группа состоит из множества все еще живых реликтов некогда всеобщего поклонения священным водам, деревьям, камням и животным.

Каким бы ни был точный смысл кельтского государственного культа, нет сомнений в том, что он был сосредоточен вокруг четырех великих дней в году, которые отражают восход, заход и закат солнца, а значит, и плодов земли. К ним относятся: Белтайн, приходящийся на начало мая; День середины лета, знаменующий триумф солнечного света и растительности; Праздник Луга, когда в августе достигалась точка поворота солнечного курса; и печальный Самайн, когда он прощался с властью и снова на полгода попадал под власть злых сил зимы и тьмы.

Из этих великих солнечных периодов первый и последний, естественно, были самыми важными. Вся кельтская мифология, кажется, вращается вокруг них, как на шарнирах. Именно в день Белтайна Партолон и его люди, первооткрыватели и, по сути, создатели Ирландии, прибыли туда из другого мира, и именно в тот же день, триста лет спустя, они вернулись туда, откуда пришли. Именно в день Белтейна гэльские боги, Туатха Де Дананн, а вслед за ними и гэльские люди впервые ступили на ирландскую землю. Именно в день Самайна фоморы угнетали народ Немеда своими ужасными налогами; и снова в Самайн более поздняя раса богов света и жизни окончательно победила этих демонов в битве при Мойтуре. Только один важный мифологический инцидент - и тот был добавлен позднее - произошел не в один из этих двух дней; именно в День Середины лета, одну из малых солнечных точек, люди богини Дану отняли Ирландию у ее жителей, Фир Болгов.

Мифология Британии сохраняет ту же корневую идею, что и мифология Ирландии. Если происходило что-то сверхъестественное, то обязательно в майский день. Именно в "ночь на первое мая" Рианнон потеряла, а Тейрнион Твриф Влиант нашел младенца Придери, как рассказывается в первом из "Мабиногионов".^[566] Именно "в каждую майскую ночь" два дракона сражались и кричали во времена правления "короля" Ллудда.^[567] Именно "каждое первое мая" до судного дня Гвин, сын Нудда, сражается с Гвиртуром, сыном Грейдаула, за прекрасную дочь Ллудда, Креудилад.^[568] И именно тогда, когда она "разгуливала" в лесах и полях близ Вестминстера, тот же Гвин, или Мелвас, под своим романтическим именем сэр Мелиаграунс, взял в плен королеву Артура, Гвиневру.^[569]

О характере обрядов, совершаемых в эти дни, можно догадаться по их бледным следам. Их до сих пор празднуют потомки кельтов, хотя, вероятно, мало кто из них знает - или даже интересуется - почему Майский день, День святого Иоанна, Ламмас и Хэллоуин являются временем церемоний. Первый из них, называемый "Белтайн" в Ирландии, "Беалтиунн" в Шотландии, "Шенн да Боалдин" на острове Мэн и "Галан-Май" (Майские календы) в Уэльсе, празднует пробуждение земли от зимнего сна, возрождение тепла, жизни и растительности. В этом смысл майского столба, который теперь редко можно увидеть на наших улицах, хотя Шекспир рассказывает, что в его время праздник ждали с таким нетерпением, что никто не мог уснуть в его канун.^[570] В полночь люди вставали и, отправляясь в ближайший лес,

срывали ветви деревьев, которыми солнце, когда взойдет, застанет двери и окна, украшенные для него. День проводили в танцах вокруг майского столба, с грубым, деревенским весельем, человек объединялся с природой, чтобы отпраздновать наступление лета. Противоположным ему был день, называемый в Ирландии и Шотландии "Самхейн", в Мане - "Сауин", а в Уэльсе - "Нос Галан-гаеоф" (Ночь зимних календ). Этот праздник был печальным: лето закончилось, и наступила зима с ее короткими, бессолнечными днями и длинными, тоскливыми ночами. Это было начало древнего кельтского года,^[571] и предзнаменований на будущее, которые можно было вывести у темных сил с помощью жутких обрядов. Это был праздник мертвых и всех более злых сверхъестественных существ. "В канун ноября", - гласит пословица Северного Кардиганшира, - "на каждом столбе стоит богги". Шотландцы даже придумали особого божка - *Самханаха* или гоблина, который выходит на Самайн.^[572]

Считается, что сам бог солнца учредил августовский праздник под названием "Лугнассад" (память Луга) в Ирландии, "Лла Ллуанис" в Мане и "Гвил Ауст" (Августовский праздник) в Уэльсе; когда-то он имел едва ли меньшее значение, чем Белтайн или Самайн. Примечательно также, что первое августа было великим днем в Лионе, который раньше назывался Лугудунум, дун (город) Лугуса. Праздник середины лета, с другой стороны, в значительной степени слился со своим мифологическим значением в христианском празднике Святого Иоанна.

Характерные черты этих праздников служат определенным доказательством изначальной природы великих языческих церемоний, от которых они уцелели и являются пародиями.^[573] Во время всех этих праздников на самых высоких холмах зажигаются костры, а огонь в очаге торжественно разжигается. Они служат поводом для веселья и забав. Но в воздухе все же витает нечто зловещее: "феи" активны и находятся за границей, и нужно быть осторожным, чтобы не пропустить ни одного предписанного обряда, если хочешь не вызвать их гнев или не попасть в их власть. Некоторым из этих все еще наполовину веривших в природу богов подношения делались вплоть до сравнительно позднего периода. Когда Пеннант писал в восемнадцатом веке, во многих деревнях Хайленда в день Белтайна было принято подносить возлияния и пироги не только "духам", которые, как считалось, приносят пользу стадам и отарам, но и таким существам, как лиса, орел и ворон, которые так часто досаждали им.^[574] На Хэллоуин (кельтский Самайн) аборигены Гебридских островов возливали эль морскому богу по имени Шони, прося его послать на берег морскую траву.^[575] В честь таких существ также совершались любопытные обряды. Девы омывали свои лица утренней росой с молитвами о красоте. Они несли веточки рябины, того мистического дерева, чьи алые ягоды были амброзиейной пищей Туатха Де Дананн.

В своей первоначальной форме эти безобидные ныне сельские праздники были, несомненно, религиозными празднествами оргиастического характера - поклонениями, столь популярными в Греции в связи с культом Диониса. Великие "владыки жизни" и силы природы, которые создают и управляют жизнью, умиловлялись безумными призывами, буйными танцами и человеческими жертвоприношениями.

О кострах, которые занимают столь значительное место в современных праздниках, мы упомянули вскользь. Изначально они не были простым *развлечением*, а имели страшный смысл, который сохранили связанные с ними обычаи. На хайлендском Бельтайне пирог делили по жребию, и тот, кому доставался "сгоревший кусок", должен был трижды перепрыгнуть через пламя. На кострах в середине лета в Ирландии все проходили через огонь: мужчины - когда пламя было выше, женщины - когда ниже, а скот - когда оставался только дым. В Уэльсе в последний день октября, старый Самайн, проводился несколько

иной, но все же более наводящий на размышления обряд. За кострами на вершинах холмов следили до тех пор, пока не объявляли, что они потухли. Тогда все мчались вниз по склону, выкрикивая формулу, согласно которой дьявол достанется самый задний. Дьявол новой веры - это бог той, которую она вытеснила; во всех трех случаях обычай был не просто бессмысленной игрой лошадей, а символическим человеческим жертвоприношением.

Похожий обычай, но более жестокий, соблюдался во Франции в день святого Иоанна, пока не был запрещен законом в правление Людовика Четырнадцатого. Корзины с живыми волками, лисами и кошками сжигались на кострах под эгидой и в присутствии шерифов или мэра города.^[576] Цезарь отметил обычай друидов сооружать огромные плетеные изображения, которые они наполняли живыми людьми и поджигали, и вряд ли можно сомневаться, что несчастные волки, лисы и кошки были церемониальными заменителями людей.

После принятия христианства была придумана хитроумная теория, позволяющая продолжать древние обряды с измененным смыслом. Пропускание людей и скота через пламя или дым объяснялось как практика, которая ставила магическую защиту между ними и силами зла. Этот гомеопатический прием использования собственного священного огня злой силы в качестве средства защиты от нее самой несколько напоминает вскармливание ребенка в молоке матери, которое порицалось левитским законом; но, несомненно, языческие "демоны" считались честной игрой. Объяснение, конечно, явно и неуклюже навязанное; именно мрачная друидическая философия, согласно которой, цитируя Цезаря, "если жизнь человека не будет отплачена за жизнь человека, воля бессмертных богов не может быть успокоена", диктовала как национальные, так и частные человеческие жертвоприношения кельтов, тени которых сохранились в прыжках через костры и в многочисленных зафиксированных жертвоприношениях скота в совсем недавние времена.

Мистер Лоуренс Гомме в своей книге *"Этнология в фольклоре"* собрал множество современных примеров жертвоприношений скота не только в Ирландии и Шотландии, но и в Уэльсе, Йоркшире, Нортгемптоншире, Корнуолле и на острове Мэн.^[577] "В двадцати милях от шотландской метрополии родственник профессора Симпсона принес живую корову в жертву духу морока."^[578] В Уэльсе, когда начиналась болезнь скота, быка умерщвляли, сбрасывая с вершины высокой скалы. Однако обычно несчастных жертв сжигали заживо. В 1859 году фермер с острова Мэн принес в жертву теленка возле холма Тинвальд, чтобы отвести гнев призрачного обитателя кургана, который был осквернен вскрытием. Иногда даже эти всесождения приносили в жертву предполагаемому христианскому святому. В реестрах пресвитерии Дингуолла за 1656 и 1678 годы содержатся записи о жертвоприношениях скота на древнего храма в честь существа, которое одни называли "Св. Мури", а другие, возможно, зная его сомнительный характер, - "ane god Mourie".^[579] В Кирккудбрайте это был святой Катберт, а в Клинноге, в Уэльсе, - святая Беуно, которая, как считалось, питалась кровью быков.^[580]

Такие жертвоприношения крупного рогатого скота, по-видимому, совершались в основном для того, чтобы предотвратить чуму среди скота. Человек за человека и зверь за зверя - таково было, вероятно, старое правило. Но у всех народов человеческие жертвоприношения постепенно заменялись жертвоприношениями животных. В семье О'Херлеби в Балливорни, графство Корк, в старину держали идола, "изображение из дерева высотой около двух футов, вырезанное и раскрашенное в виде женщины".^[581] Она была богиней оспы, и ей приносили в жертву овцу за каждого, кто заболел этой болезнью.

Третья форма выживания кельтского язычества обнаруживается в многочисленных случаях поклонения воде, деревьям, камням и животным. Как и другие "арийские" народы, кельты поклонялись своим рекам. Ди получила божественные почести как богиня войны с титулом Аэрфон, а Риббл под именем Белисама была отождествлена римлянами с Минервой.^[582] О них рассказывали мифы, как о священных ручьях Греции. Ди давала предсказания о результатах вечных войн между валлийцами и англичанами; как только ее поток переходил на сторону валлийцев или англичан, так один или другой народ одерживал победу.^[583] Твид, как и многие греческие реки, считался имеющим человеческих потомков.^[584] То, что реки Великобритании получали человеческие жертвы, ясно из фольклора, касающегося многих из них. Считается, что, лишившись ожидаемых подношений, они тайком похищают человеческие жизни, которых жаждут. "Река Дарт, река Дарт, каждый год ты требуешь сердце", - поется в девонширской народной песне. Река Спей тоже требует жизнь ежегодно,^[585] но Дух Риббла довольствуется одной жертвой в конце каждого семи лет.^[586]

Однако свидетельства о поклонении рекам скуднее, чем о поклонении колодцам. "Что касается поклонения колодцам, - говорит г-н Гомме, - то можно с некоторой уверенностью утверждать, что оно преобладает в каждом графстве трех королевств"^[587] Он находит его наиболее распространенным в гэльских графствах, несколько менее - в британских и почти полностью отсутствующим на тевтонском юго-востоке. Действительно, "святые колодцы" настолько многочисленны, что по ним написано несколько монографий.^[588] В одних случаях к этим колодцам прибегали для лечения болезней, в других - для получения перемены погоды или "удачи". Им делали подношения, чтобы умиловить богов-покровителей или нимф. Пеннант рассказывает, что в старые времена богачи приносили в жертву одну из своих лошадей у колодца близ Абергелеу, чтобы получить благословение на остальных.^[589] К колодцу святой Теглы, близ Врексхэма, больные эпилепсией приносили в жертву овец.^[590] Но в последние годы духам добра приходится довольствоваться гораздо меньшими подношениями - такими пустяками, как булавки, тряпки, цветные камешки и мелкие монеты.

Со священными колодцами часто связывали священные деревья, к ветвям которых их скромные почитатели подвешивали тряпки и мелкие предметы одежды. Иногда, когда земля возле колодца была без растительности, возле воды искусственно сажали кусты. Те же люди, которые почитали колодцы и деревья, с таким же благоговением относились к священным камням. Лорд Роден, описывая в 1851 году остров Иннискеа у побережья Мэйо, утверждает, что священный колодец под названием "Дерривла" и священный камень под названием "Нивуги", который бережно хранился завернутым во фланель и выносился в определенные периоды для публичного поклонения, были, похоже, единственными божествами, известными тремстам жителям этого одинокого атлантического острова.^[591] Звучит невероятно, но есть множество свидетельств поклонения камням-фетишам вполне современных жителей наших островов. Клан Чаттан хранил такой камень на острове Арран; считалось, что он, как и камень Иннискеа, способен излечивать болезни, и его бережно хранили "завернутым в светлую льняную ткань, а вокруг него - кусок шерстяной ткани".^[592] Аналогичным образом поклонение колодцам было связано с поклонением животным. У колодца в "Дьявольском проходе", между Ракли и Актоном в Шропшире, жили и, возможно, живут до сих пор четыре лягушки, которые считались и, возможно, до сих пор считаются "дьяволом и его импами", то есть богами или демонами из запрещенного идолопоклонства.^[593] В Ирландии такими духами-хранителями обычно являются рыбы - форель, угорь или лосось, которые считаются наделенными вечной жизнью.^[594] Гений колодца в Банфшире принял форму мухи, которая, как говорили, также не умирает, но переходит из тела в тело. Ее функция заключалась в доставке оракулов; в зависимости от того, активной или вялой она казалась, ее почитатели черпали свои предзнаменования.^[595]

Нет необходимости умножать примеры до сих пор сохранившегося культа воды, деревьев, камней и животных. Достаточно сказать, что это было бы просто. Нас беспокоит то, что в Британии мы сталкиваемся с живыми формами самой древней, самой низкой, самой примитивной религии в мире - той, которая, похоже, когда-то была универсальной и которая, прижимаясь к земле, позволяет другим верованиям проноситься над ней, не стирая ее, и переживает всех и каждого из них.

Она лежит в основе трех великих мировых религий и до сих пор является истинной верой, пожалуй, большинства их титулованных приверженцев. Для мудрости христианской церкви характерно то, что, зная о ее силе, она стремилась скорее освятить, чем искоренить ее. То, что когда-то было кельтскими эквивалентами греческих "фонтанов нимф", было освящено как "святые колодцы". Процесс их принятия начался довольно рано. Святой Колумба, отправившись в шестом веке обращать пиктов, нашел источник, которому они поклонялись как богу; он благословил его, и "с того дня демон отделился от воды".^[596] Действительно, он освятил не менее трехсот таких источников.^[597] Священные камни были также взяты под эгиду христианства. Одни помещались на алтари соборов, другие встраивались в освященные стены. Боги-животные либо сами становились героями христианских легенд, либо, если по каким-то причинам такое принятие было безнадежным, объявлялись "колдовскими животными", и с ними поступали соответствующим образом. Так случилось с зайцем, священным для древних бриттов существом,^[598] но ныне пользующимся дурным запахом среди суеверных. В Ирландии в день святого Стефана до смерти преследуют крапивника. Говорят, что его преступление заключается в том, что в нем "есть капля крови де'ила", но настоящая причина, вероятно, кроется в том, что ирландские друиды извлекали предсказания из его щебета.

В этом томе мы попытались нарисовать картину древней религии наших самых ранних предков, гэльских и британских кельтов. Мы показали, что можно собрать из разрушенных остатков мифологии, столь же великолепной по замыслу и столь же яркой по краскам, как и мифология греков. Мы попытались нарисовать ее божественные фигуры и пересказать их героические истории. Мы видели, как они падали со своих святынь и, поднимаясь, обретали новую жизнь в качестве королей, святых или рыцарей из романов, и мы уловили слабые проблески того, что они дожили до наших дней в качестве "фей", их обряды все еще лелеются поклонниками, которые едва ли знают, кому и почему они поклоняются. По необходимости этот обзор был кратким и неполным. Будет ли когда-нибудь полностью восстановлено великое здание кельтской мифологии, в настоящее время можно только предполагать. Его колоссальные фрагменты, возможно, слишком глубоко погребены и слишком широко разбросаны. Но даже в разрушенном состоянии это могучая каменоломня, из которой еще не родившиеся поэты будут вытесывать духовный мрамор для домов, созданных не руками.

1. "Есть все основания полагать, - пишет мистер Э. У. Б. Николсон, магистр искусств, библиотекарь Бодлианской библиотеки, в предисловии к своим недавно опубликованным *"Кельтским исследованиям"*, "что Ланкашир, Западный Йоркшир, Стаффордшир, Вустершир, Уорикшир, Лестершир, Ратленд, Кембриджшир, Уилтшир, Сомерсет и часть Сассекса являются такими же кельтскими, как Пертшир и Северный Мюнстер; Чешир, Шропшир, Херефордшир, Монмутшир, Глостершир, Девон, Дорсет, Нортгемптоншир, Хантингдоншир и Бедфордшир более кельтские и равны Северному Уэльсу и Лейнстеру; а

Букингемшир и Хартфордшир превосходят даже эту степень и находятся на одном уровне с Южным Уэльсом и Ольстером. Корнуолл, конечно, более кельтский, чем любое другое английское графство, и в такой же степени, как Аргилл, Инвернесс-шир или Коннаут".

2. Изучение кельтской литературы.

3. В сонете, написанном в 1801 году.

4. Элтон: *Origins of English History*, chap. X.

5. Удовлетворительные резюме доказательств датировки как гэльских, так и валлийских легендарных материалов можно найти в брошюрах № 8 и 11 "Популярных исследований мифологии, романа и фольклора" мистера Натта.

6. Рис: *Studies in the Arthurian Legend*, chap. I.

7. См. гл. XVI этой книги - "Боги бриттов".

8. Лекция II.

9. Хаксли: *О некоторых основных положениях британской этнологии*. 1871.

10. Серджи: *Средиземноморская раса*.

11. Гомме: *Деревенская община*. Гл. IV - "Неарийские элементы в английской деревенской общине".

12. Тацит: *Агрикола*, гл. XI.

13. Страбон: *Geographica*, Book IV, chap. V.

14. Тацит, указ. соч.

15. Рис: *Ранняя этнология Британских островов. Шотландское обозрение*. Апрель, 1890.

16. Цезарь: *De Bello Gallico*, Book I, chap. I.

17. Рис: *Scottish Review*. Апрель, 1890.

18. Цезарь, указ. соч.

19. Тацит: *Agricola*, chap. XI.

20. Цезарь: *De Bello Gallico*, книга V, гл. XII.

21. Элтон: *Истоки английской истории*, гл. VII.

22. См. "La Civilisation des Celtes et celle de l'Épopée Homérique", M. d'Arbois de Jubainville, *Cours de Littérature Celtique*, Vol. VI.

23. См. Элтон: *Истоки английской истории*, гл. VII.

24. Цезарь: *De Bello Gallico*, книга IV, гл. XXXIII.

25. Из *Táin Bó Chuailgné*. Переводчик - мистер Стэндиш Хейз О'Грейди.

26. *Tochmarc Emire - Wooing of Emer* - старинный ирландский роман.

27. Иногда пишется как "Конахар", а произносится как *Конхауэр* или *Коннор*.

28. Ухаживание Эмера.
29. Цезарь: *De Bello Gallico*, книга V, гл. XXI, и различные отрывки из книги VII.
30. Там же, гл. XIV.
31. См. Шрадер: *Доисторические древности арийских народов*, стр. 138, 272.
32. Описание друидического культа омелы приводится у Плиния: *Естественная история*, XVI, гл. XCV.
33. См. Фрейзер: *The Golden Bough*, chap. IV.
34. Цезарь: *De Bello Gallico*, книга VI, гл. XIII, XIV. Но за полным изложением того, что известно о друидах, читатель отсылается к работе М. д'Арбуа де Жюбенвиля "Введение в изучение кельтской литературы", том I его "Курса кельтской литературы".
35. Цезарь: *De Bello Gallico*, Book VI, chap. XIII.
36. Плиний: *Естественная история*, XXX.
37. См. гл. XII, *Ирландская Илиада*.
38. Рис: *Кельтская Британия*, гл. II. См. также Gomme: *Ethnology in Folk-lore*, pp. 58-62; *Village Community*, p. 104.
39. Многочисленные свидетельства этого содержатся в "Описании Греции" Павсания.
40. Цезарь: *De Bello Gallico*, Book VI, chap. XIV.
41. Ухаживание Эмера.
42. Она содержится в "Книге коровы Дун" и была переведена или прокомментирована Юджином О'Карри ("Нравы и обычаи древних ирландцев"), де Жюбенвилем ("Ирландский мифологический цикл") и Наттом ("Путешествие Брана").
43. Цезарь: *De Bello Gallico*, Book VI, chap. XVI.
44. Следующий перевод был сделан доктором Куно Мейером и опубликован в качестве приложения В к "Путешествию Брана" Натта. Три стиха, опущенные здесь, будут найдены позже в качестве примечания к гл. XII - "Ирландская Илиада".
45. Первый царь милезийцев. Это имя чаще всего пишется как Эремон.
46. Динсенх из Ренна был переведен доктором Уитли Стоуксом в XVI томе *Revue Celtique*.
47. Рассказано в "Трехчастной жизни святого Патрика", составленной в XV веке из трех очень древних гэльских списков.
48. Лекции Хибберта за 1886 год. Лекция II - "Зевс инсулярных кельтов".
49. Произносится как Балтинна.
50. Диодор Сикул: Книга II, гл. III.

51. Произносится как *Совин*.
52. Есть предположение, что это название - попытка воспроизвести древнебританское слово "бард".
53. *Диодор Сикул*: Книга II, гл. III.
54. *Hibbert Lectures*, 1886. Лекция I - "Галльский пантеон" .
55. См. Рис: *Лекции по валлийской филологии*, стр. 426, 552, 653.
56. Произносится как *Тооа́һа дае доппанн*.
57. Рис: *Лекции Хибберта*, 1886. Лекция VI - "Боги, демоны и герои".
58. Там же.
59. De Jubainville: *Le Cycle Mythologique Irlandais*, chap. V.
60. Де Жюбенвиль: *Cycle Mythologique Irlandais*, chap. IX.
61. Из Харлейского манускрипта XV века в Британском музее под номером 5280 и названием "Вторая битва при Мойтуре".
62. Harleian MS. 5280.
63. "В Мюнстере поклонялись богине процветания, которую звали Ана, и от нее произошли два папса Аны над Луахайр Дегад". Из трактата шестнадцатого века "Выбор имен" Койра Анманна, опубликованного доктором Уитли Стоуксом в сборнике "*Irische Texte*".
64. Приписывается Кормаку, королю-епископу Кашеля.
65. Рис: *Лекции Хибберта*, 1886 г. - "Зевс инсультных кельтов".
66. Рис: *Лекции Хибберта*, 1886 - "Галльский пантеон" .
67. *Pharsalia*, Book I, l. 444, &c.:
"Et quibus immitis placatur sanguine diro
Teutates, horrensque feris altaribus Hesus;
Et Taranis Scythicae non mitior ara Dianae".
68. *Илиада*, книга V.
69. Указ. соч., кн. XIV.
70. Память о битве при Маг-Рате.
71. Слово приблизительно произносится как *Биве* или *Бибе*.
72. Полный рассказ об этих существах см. в статье мистера У. М. Хеннесси в I томе *Revue Celtique*, озаглавленной "Древняя ирландская богиня войны".
73. De Jubainville: *Le Cycle Mythologique*. Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 154. Койр Анманн, однако, переводит его как "Огонь Бога".
74. *Вторая битва при Мойтуре*. Harleian MS. 5280.

75. История рассказана в Книге Лейнстера.
76. Сейчас называется "Троицкий колодец".
77. См. гл. XIV - "Финн и фениев".
78. Книга Лейнстера. Пересказ этой истории можно найти в книге О'Карри "*Манеры и обычаи древних ирландцев*", т. II, с. 143.
79. См. гл. XV - "Упадок и падение богов".
80. Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 331.
81. Рис: *Лекции Хибберта*, стр. 331.
82. См. гл. XI - "Боги в изгнании".
83. См. гл. VIII - "Гэльские аргонавты".
84. Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 524.
85. Произносится как *Бове*.
86. Lêr - генитив Lir.
87. Произносится как *Дианкет*. Его имя объясняется, как в "*Выборе имен*", так и в *гlossарии* Кормака, как означающее "Бог здоровья".
88. Стэндиш О'Грейди: *История Ирландии*, стр. 17.
89. Произносится как *Луга* или *Лоо*.
90. Произносится как *Лавада*.
91. Переведено О'Карри в "*Атлантиде*", том III, из "Книги Лисмора".
92. Гл. VIII - "Гэльские аргонавты".
93. Гл. VII - "Восхождение бога Солнца" .
94. Рис: *Кельтская Британия*, гл. VII.
95. Де Жюбенвиль: *Cycle Mythologique*, chap. V.
96. Рис: "Мифографическая обработка кельтской этнологии", *Scottish Review*, Oct. 1890.
97. De Jubainville: *Cycle Mythologique*, chap. V. Рис: *Лекции Хибберта*, стр. 90, 91.
98. Произносится как *Экка* или *Эохи*.
99. Gomme: *Ethnology in Folklore*, chap. III - "Мифическое влияние покоренной расы".
100. Элтон: *Origins of English History*, примечание к с. 136.
101. Утверждается, что фении изначально были богами или героями аборигенного народа Ирландии, а мифы о них представляли докельтский и доарийский идеал, как саги о Красной ветви Ольстера воплощали идеал кельтских ариев. Однако этот вопрос еще далек от удовлетворительного решения.
102. *Коронационный камень*, Уильям Форбс Скин.

103. См. *"История и древности холма Тара"*.
104. Нашими авторитетами для подробного изложения этой войны между Туатха Де Дананн и Фир Болгами являются начальные стихи Харлейской книги MS. 5280, в переводе Стоукса и де Жюбенвиля, а также переводы Юджина О'Карри в его книге *"MS. Материалы по древней ирландской истории"* и *"Нравы и обычаи древних ирландцев"* из рукописи, хранящейся в Тринити-колледже в Дублине.
105. Сейчас называется Бенлеви.
106. См. д-р Джеймс Фергюссон: *Грубые каменные памятники*, стр. 177-180.
107. *Lough Corrib, Its Shores and Islands*, by Sir William R. Wilde, chap. VIII.
108. Де Жюбенвиль: *Cycle Mythologique Irlandais*, p. 156.
109. Основными источниками информации для этой главы являются Harleian MS. 5280 под названием *"Вторая битва при Мойтуре"*, переводы которой были сделаны доктором Уитли Стоуксом в *Revue Celtique* и М. де Жюбенвилем в его *L'Épopée Celtique en Irlande*, а также перевод Юджина О'Карри в томе IV *"Атлантиды"* о судьбе детей Туиренна.
110. Произносится как *Киан*.
111. Произносится *Ильдана*.
112. Холмы Керлиу, между Роскоммоном и Слайго.
113. Кроаг Патрик.
114. Устье реки Шеннон.
115. Эта история о судьбе детей Туиренна упоминается в "Глоссарии Кормака" девятого века. Она встречается в различных ирландских и шотландских рукописях, в том числе в Книге Лекана. Настоящее пересказано по переводу Юджина О'Карри, опубликованному в *Atlantis*, Vol. IV.
116. Рис: *Лекции Хибберта*, стр. 390-396.
117. Часть графства Лут, между Бойном и Дандалком. Героический цикл связывает его, в частности, с Кухулайнном. Произносится как *Мюртемна* или *Мюрхевна*.
118. Известно, что в округе Муиртемна был холм под названием Ард Чейн (Курган Циана), и О'Карри предварительно отождествляет его с тем, который сейчас называется Дромслиан.
119. Произносится как *Пезар*.
120. Произносится как *Добар*.
121. Произносится как *Асал*.
122. Произносится *Irōda*.
123. Произносится *Fincāra*.
124. Холм (спос) *Мидкена*.
125. Мифическая страна, населенная фоморами.

126. См. гл. VI - "Прибытие богов".
127. Там же.
128. См. гл. VI - "Боги прибывают".
129. См. гл. XI - "Боги в изгнании".
130. Там же.
131. Petrie: *Hist. and Antiq. of Tara Hill*.
132. Страну, по-видимому, отождествляли с Норвегией или Исландией.
133. Произносится как *Мидкена*.
134. Две другие: "Судьба детей Лера", рассказанная в гл. XI, и "Судьба сыновей Уснаха", эпизод Героического цикла, рассказанный в гл. XIII.
135. Эта глава, с небольшими интерполяциями, основана на Харлейской рукописи Британского музея под номером 5280 и называется "*Вторая битва при Мойтуре*", а точнее, на переводах, сделанных д-ром Уитли Стоуксом, опубликованных в *Revue Celtique*, том XII, и М. де Жюбенвилем в его *L'Épopée Celtique en Irlande*.
136. Я интерполировал этот живописный отрывок из рассказа о поединке между Туатха Де Дананн и фоморами в "Судьбе детей Туиренна". Перевод О'Карри в "*Атлантиде*", том IV.
137. Этот перевод был сделан Юджином О'Карри с древней пергаментной рукописи, ранее принадлежавшей мистеру У. Монку Мейсону, но затем проданной с аукциона в Лондоне. См. его "*Нравы и обычаи древних ирландцев*", Лекция XII, стр. 252.
138. См. Фергюссон: *Грубые каменные памятники*, стр. 180 и др.
139. ? Волынка.
140. *Книга Фермая*. См. *Revue Celtique*, том I. - "Древнеирландская богиня войны".
141. Можно отметить, что, согласно валлийской легенде, предки цимри пришли из Гвлад-ир-Хав, "Страны лета", то есть кельтского потустороннего мира.
142. *De Bello Gallico*, книга VI, гл. XVIII.
143. Де Жюбенвиль: *Cycle Mythologique*, chap. X. Рис: *Лекции Хибберта* - "Галльский пантеон".
144. *Historia Britonum* Джеффри Монмутского, книга I, гл. II.
145. Содержится в *Лейнстерской книге* и других древних манускриптах.
146. Сейчас называется рекой Кенмар.
147. Считается, что эта поэма и три последующие, приписываемые Амергину, - самые древние ирландские литературные записи.
148. *Книга Талиесина*, поэма VIII, в "Четырех древних книгах Уэльса" Скена, том I, стр. 276.
149. Де Жюбенвиль: *Cycle Mythologique*. См. также *Transactions of the Ossianic Society*, Vol. V.

150. Переведено профессором Оуэном Коннелланом в V томе *Трудов Оссианического общества*.
151. Оригинальные версии этого и следующих очарований взяты из книги "De Jubainville: *Cycle Mythologique Irlandais*, а более поздние - переводы профессора Оуэна Коннеллана в V томе *Трудов Оссиановского общества*. "Некоторые из этих стихотворений, - объясняет профессор, - были прокомментированы писателями или комментаторами Средневековья, без чего сейчас было бы почти невозможно интерпретировать их для любого ирландского ученого; и уместно заметить, что перевод, сопровождающий их, больше соответствует этим глоссам, чем оригинальному тексту".
152. Де Жюбенвиль: *Cycle Mythologique Irlandais*, p. 269.
153. См. гл. IV - "Религия древних бриттов и друидизм".
154. Теннисон: *Идиллии короля: The Passing of Arthur*.
155. См. Wood-Martin: *Traces of the Elder Faiths of Ireland*, Vol I, pp. 213-215.
156. Следующие стихи взяты из перевода д-ра Куно Мейера романа "*Путешествие Брана, сына Фебала*", опубликованного в "Библиотеке Гримма" г-на Натта, том IV.
157. Равнина спорта.
158. Счастливая равнина.
159. Произносится как *Ши Финнеха*.
160. Произносится как *Ши Бове*.
161. Произносится как *Shee Assaroe*.
162. Произносится *Финнвар*.
163. Произносится как *Фар-ши*.
164. О'Карри: *Lectures on the MS. Материалы по древнеирландской истории*, Приложение, с. 505.
165. См. Фергюссон: *Грубые каменные памятники*, стр. 200-213.
166. О'Карри: *MS. Materials*, p. 505.
167. Фергюссон: *Грубые каменные памятники*, стр. 209.
168. Эта история содержится в Книге Лейнстера.
169. Произносится как *Илбрек*.
170. Эта история, называемая "*Сон Ангуса*", переведена на английский язык доктором Эдвардом Мюллером в томе III "*Revue Celtique*" с рукописи XVIII века, хранящейся в Британском музее.
171. Произносится как *Айв*.
172. Произносится как *Айва*.
173. Произносится как *Альва*.

174. Сейчас называется "Северный канал".
175. Полуостров Эррис в штате Майо.
176. Небольшой остров у Бенмунета.
177. См. гл. XIV - "Финн и фениев".
178. Остров у побережья Мэйо. Его одинокий журавль был одним из "Чудес Ирландии" и до сих пор является объектом народных поверий.
179. Произносится как *Кемок*.
180. Эта знаменитая история о *судьбе Детей Лера* не встречается ни в одном документе ранее начала семнадцатого века. Перевод ее был опубликован Юджином О'Карри в "*Атлантиде*", том IV, из которого и сделан настоящий сокращенный вариант.
181. Произносится как *Дара*.
182. Поэтическое название Ирландии.
183. Перевод О'Карри, "*Манеры и обычаи древних ирландцев*", Лекция IX, стр. 192, 193.
184. *Илиада*, книга XX.
185. История мести Мидера и смерти Конайре рассказана в романе "Разрушение форта Да Дерга" (*Bruidhen Dá Derga*), переведенном доктором Уитли Стоуксом, Юджином О'Карри и профессором Циммером с оригинального текста.
- 186.
- "Пришел
Тигернмас, принц Тары,
На Хэллоуин со множеством гостей,
Поводом для печали был для них этот поступок.
"Мертвы были люди
Из войска Банбы, без счастливой силы,
Вокруг Тигернмаса, разрушителя Севера,
От поклонения Кромму Круайху - не повезло им.
"Ибо я узнал,
кроме четвертой части острых гэлов
Ни один живой человек не попался в силки!
Не спасся без смерти во рту".
- Перевод доктора Куно Мейера "*Диннсенхус*" Мага Слехта.
187. Nutt: *Voyage of Bran*, p. 164.
188. См. гл. XI - "Боги в изгнании".

189. Произносится как *Майв*.
190. Историю о трагической смерти короля Конхобара, переведенную Юджином О'Карри из Книги Лейнстера, можно найти в приложении к его *MS. Материалы по ирландской истории*", а также (в более доступном виде) в "*Sage о Кухуллине*" мисс Халл.
191. Это имя лучше всего произносить как *Cŭhoolin* или *Cuchullin* (*ch*, как в немецком).
192. Происхождение основных героев Красной ветви от Туатха Де Дананн приведено в таблице во Введении мисс Халл к ее "*Sage о Кучуллине*".
193. Конхобар назван земным богом ультонцев в Книге Коровьего Дуна, а Дехтире - богиней в Книге Лейнстера.
194. Последний раз о нем слышали как о главном поваре Конайре Великого, мифического короля Ирландии.
195. В Книге Лейнстера.
196. Описание форта Наван см. в статье М. де Жюбенвиля в *Revue Celtique*, том XVI.
197. *Кухулайнн, ирландский Ахилл*. Альфред Натт. *Popular Studies in Mythology, Romance, and Folklore*, No. 8.
198. См. ряд интересных параллелей между Кухулайнном и Гераклом в *Studies in the Arthurian Legend*, chap. IX и X.
199. *Táin Bó Chuailgné*. Перевод Стэндиша Хейза О'Грейди.
200. Ирландские романы, связанные с Кухулинном и его циклом, которых насчитывается около сотни, вряд ли нуждаются в отдельном упоминании в этой главе. Многие из этих сказаний также имеют несколько слегка различающихся версий. Многие из них были переведены разными учеными. Читателя, желающего получить более полный обзор легенды о Кухулейне, мы отсылаем к "*Sage о Кухулейне*" мисс Халл или к "*Кухулейну из Муиртемна*" леди Грегори.
201. Произносится как *Аваир*.
202. Обычно отождествляется, однако, с островом Скай.
203. Произносится как *Ифа*.
204. Дословный перевод мисс Уинифред Фарадей "*Таин Бо Чуаилгне*" из "Книги коровы Дун" и "Желтой книги Лекана" был опубликован в библиотеке мистера Натт-Гримма, № 16.
205. Произносится как *Кули*.
206. Это пророчество (здесь сильно сокращенное) в оригинале написано в стихах.
207. Финнавар.
208. "Сильфонный дротик", по-видимому, разновидность гарпуна. Он имел тридцать колючек.
209. Содержится в книге Дун Корова рассказ под названием "Призрачная колесница".

210. См. гл. XX - "Победы света над тьмой".
211. Произносится как *Конла*.
212. Вид мистического запрета или табу; единственное число, *geis*.
213. Сейчас называется Дандалк.
214. Произносится как *Льюи*.
215. Произносится как *Глен-на-Мауэр*.
216. Роман "Ухаживание Эмер", фрагмент которого содержится в "Книге коровы Дун", был переведен доктором Куно Мейером и опубликован им в "Археологическом обозрении", том I, 1888 год. Мисс Халл включила этот перевод в свою "Сагу о Кухуллине". Другую версию из Бодлианского списка, переведенную тем же ученым, можно найти в *Revue Celtique*, том XI.
217. Эта история, известная как "Больная кровать Кухулина", переведенная на французский язык месье д'Арбуа де Жюбенвилем, содержится в его "Кельтской эпосе в Ирландии", пятом томе "Кельтской литературы". Другой перевод на английский язык, выполненный Юджином О'Карри, содержится в сборнике "Атлантида", тома I и II. I и II.
218. Полную историю Бейла и Айлинн см. в переводе доктора Куно Мейера в томе XIII *Revue Celtique*.
219. Существует не только множество переводов этого романа, но и множество гэльских версий. Самая старая из них содержится в Лейнстерской книге, а самые полные - в двух списках, хранящихся в Библиотеке адвокатов в Эдинбурге. Версия, приведенная здесь, взята из одного из них, так называемого Glenn Masáin MS., переведенного доктором Уитли Стоуксом и содержащегося в "Саге о Кухуллине" мисс Халл.
220. Произносится как *Найси*.
221. Произносится как *Usna*.
222. Полностью это произведение можно найти в "Саге о Кухуллине" мисс Халл. Приведенная там версия была впервые переведена на французский язык М. Понсине из Книги Лейнстера.
223. Переводы фенийских историй многочисленны. Читатель найдет многие из них в популярном пересказе в книге леди Грегори "Боги и бойцы". Затем он может перейти к "Сильве Гаделике" мистера Стэндиша Хейза О'Грейди; "Waifs and Strays of Celtic Tradition", особенно том IV; "The Fians" мистера Дж. Г. Кэмпбелла; а также к томам "Revue Celtique" и "Transactions of the Ossianic Society".
224. См. перевод О'Карри в Приложении CXXVIII к его "MS. Материалы".
225. Эта история, содержащаяся в "Книге коровы Дун", на французском языке представлена в "Эпосе Кельтики" де Жюбенвиля.
226. Эта знаменитая история приводится в нескольких списках XIV и XV веков. Переводы см. в Dr. Whitley Stokes, *Irish Texts*, и Standish Hayes O'Grady, *Transactions of the Ossianic Society*, Vol. III.
227. В гэльском написании - Fionn mac Cumhail.

228. Произносится как *Fēna*.
229. О'Карри: *MS. Материалы*, Лекция XIV, с. 303.
230. Произносится как *Coul* или *Cooal*.
231. *Agalamh na Senórach*. Под названием "*Коллоквиум древних*" есть прекрасный перевод его из Лисморской книги в книге Стэндиша Хейса О'Грейди "*Silva Gadelica*".
232. О'Грейди: *Silva Gadelica*.
233. *Hibbert Lectures*, p. 355.
234. См. "*Перечисление домочадцев Финна*" в переводе О'Грейди в книге "*Сильва Гаделика*".
235. Хороший рассказ см. в книге Дж. Г. Кэмпбелла "*Фианы*", стр. 10-80.
236. В более правильном написании - *Ойсин*, а произносится как *Ушин* или *Ишин*.
237. Произносится *Kylta* или *Sweeltia*.
238. Произносится как *Галлия*.
239. Произносится как *Дермат О'Дайна*.
240. Произносится *Граня*.
241. Произносится *Баскин*.
242. Сейчас Каслкнок, близ Дублина.
243. Произносится как *Демна*.
244. Эти и другие "мальчишеские проделки" Финна мак Кумхайла содержатся в небольшом трактате, написанном на фрагменте Кашельской псалтыри IX века. Его перевод опубликован в IV томе "*Трудов Оссианического общества*".
245. Campbell's *Fians*, p. 22.
246. См. гл. XI - "Боги в изгнании".
247. Из коллоквиума древних в "*Silva Gadelica*" О'Грейди.
248. Перевод приводится в VI томе "*Трудов Оссианического общества*".
249. Произносится *Брэн*, а не *Бран*.
250. Произносится *Skōlaun* или *Scolaing*.
251. Прекрасный перевод "*Преследования Диармайта и Грайнн*" был опубликован С. Х. О'Грейди в томе III "*Трудов Оссианического общества*".
252. Произносится как *Навин* или *Новин*.
253. Горный ясень, или рябина.
254. Сейчас называется Бенбулбен. Находится недалеко от Слайго.
255. Произносится как *Гавра*.

256. См. O'Grady's *Silva Gadelica*.
257. Произносится как *Hu-ав*.
258. *The Lay of Oisín in the Land of Youth*, перевод Брайана О'Луни для *Ossianic Society-Transactions*, Vol. IV. Прекрасная современная поэма на ту же тему - "*Странствия Ойсина*" У. Б. Йитса.
259. См. "*Сделки Оссианического общества*". Обычно их называют "*Диалоги Ойсина и Патрика*".
260. История, содержащаяся в "Книге коровы Дун", называется "*Призрачная колесница*". Она была переведена мистером О'Бейрном Кроу и включена в "*Saгу о Кухулине*" мисс Халл.
261. См. Elton, *Origins of English History*, pp. 269-271.
262. Кай Юлий Солин, известный как Полигистор, гл. XXIV.
263. Она приложена к его переводу сказки об *изгнании детей Уснаха в Атлантиду*, том III.
264. См. Cusack's *History of Ireland*, pp. 160-162.
265. Т.е. с небес.
266. Томас Д'Арси М'Ги: *Poems*, p. 78, "The Gobhan Saer".
267. Лармини: *западно-ирландские народные сказки*, с. 1-9.
268. Произносится как *Ильдана*.
269. Рассказано в "*Хиббертских лекциях*" Риса, с. 314-317.
270. Другие версии этого мифа в народных сказках см. в Curtin's *Hero Tales of Ireland*.
271. Донебольская история, собранная мистером Дэвидом Фицджеральдом и опубликованная в *Revue Celtique*, Vol. IV, p. 177.
272. Статья называется "*Морская магия и бегущая вода*".
273. Мур: *фольклор острова Мэн*.
274. См. статью в журнале *Дублинского университета* за июнь 1864 года.
275. Эта история относится к числу тех, которые рассказывает леди Уайлд в своих "*Древних легендах Ирландии*", т. I, с. 77-82.
276. *Журнал Дублинского университета*, июнь, 1864 г.
277. Произносится как *Клина*.
278. Произносится *Эвин*.
279. См. Fitzgerald, *Popular Tales of Ireland*, в т. IV *Revue Celtique*.
280. *Журнал Дублинского университета*, июнь, 1864.
281. Истории этих двух норманно-ирландских героев см. в книге Крофтона Крокера "*Сказочные легенды и предания юга Ирландии*".

282. *Мабиногион* леди Гост, примечание к *Мату, сыну Матонви*.
283. *История Ллудда и Ллевелуса*. См. гл. XXIV - "Упадок и падение богов".
284. Рис: *Лекции Хибберта*, с. 128.
285. См. монографию почтенного Чарльза Батерста: *Roman Antiquities in Lydney Park, Gloucestershire*.
286. гл. XXIV - "Упадок и падение богов".
287. *Hibbert Lectures*, pp. 178, 179.
288. Так перевела леди Гост. Профессор Рис, однако, переводит это так: "в кого Бог вложил инстинкт демонов Аннуна". *Артуровская легенда*, с. 341.
289. *Мабиногион* леди Гост. Примечание к "Kulhwch and Olwen".
290. Черная книга Кэрмартена, поэма XXXIII. Том I, стр. 293, из "*Четырех древних книг*" Скена .
291. Я позволил себе опустить несколько строк, связь которых с контекстом не очень очевидна.
292. Считается, что Гвин часто посещает вершины холмов.
293. Эта строка принадлежит профессору Рису. Скене переводит ее так: "Пока я зовусь Гвином, сыном Нудда".
294. Здесь я отдал предпочтение переводу Риса: *Arthurian Legend*, p. 364.
295. Имя Аида, значение которого неизвестно.
296. Дормарт означает "дверь смерти". Рис: *Артурианская легенда*, с. 156-158.
297. Рис пишет об этом:
- "Дормарт, красноносый, с палкой на земле.
На нем мы восприняли скорость
Твоих странствий на Облачной горе".
- Arthurian Legend*, p. 156.
298. Рис: *Arthurian Legend*, p. 383. Скене переводит: "Я жив, а они в могилах!".
299. Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 561.
300. Rhys: *Hibbert Lectures*, pp. 561-563.
301. Дайер: *Studies of the Gods in Greece*, p. 48.

У Гвина, сына Нудда, был брат Эдейрн, о котором до нас дошло так мало сведений, что самое подходящее место для него - в сноске. Не упомянутый в самых ранних валлийских легендах, он впервые появляется в качестве рыцаря при дворе Артура в *краснокнижных* историях "Кулхвч и Олвен", "Сон Ронабви" и "Герайнт, сын Эрбина". Он сопровождал Артура в его походе в Рим, а также, по преданию, убил "трех самых зверских великанов" в Брентеноле

(Брент Кнолл), недалеко от Гластонбери. Его имя встречается в каталоге валлийских святых, где он описывается как бард, а часовня Бодедирн, расположенная недалеко от Холихеда, до сих пор стоит на в его честь. Современный читатель узнает его по идиллии Теннисона "Герайнт и Энид", которая очень точно повторяет валлийский роман "Герайнт, сын Эрбина".

302. Рис называет его "кембрийским Плутоном": *Lectures on Welsh Philology*, p. 414.

303. *Книга Талиесина*, XLIII. *Смертная песнь Дилана, сына волны*, том I, стр. 288 из Skene.

304. Рис: *Лекции Хибберта*, с. 387.

305. Rhys: *Кельтский фольклор*, стр. 210.

306...т.е. Лев с твердой рукой.

307. См. Rhys: *Hibbert Lectures*, примечание к с. 237.

308. Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 240.

309. Пересказ из "Мабиноги" *Мата, сына Матонви*, в "Мабиногионе" леди Гост.

310. Рукописи Иоло: собраны Эдвардом Уильямсом, бардом, примерно в начале девятнадцатого века - *Повесть о Рутте Гавре*.

311. См. главу VII - "Восход бога Солнца".

312. Rhys: *Studies in the Arthurian Legend*, p. 130.

313. Rhys: *Артурианская легенда*, с. 130.

314. В старом ирландском трактате под названием *Coir Anmann* ("Выбор имен") говорится: "Мананнан мак Лир... бритты и люди Эрина считали его богом моря".

315. *Iolo MSS.*, строфа 18 из "Станцы о достижениях", сочиненной Лазурным Бардом Кресла.

316. См. примечание к гл. XXII - "Сокровища Британии".

317. Мабиноги о Бранвен, дочери Ллира.

318. Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 245.

319. *Книга Талиесина*, поэма XLVIII, в Skene's *Four Ancient Books of Wales*, Vol. I, p. 297.

320. *Стихи о могилах воинов*, в Черной книге Каермартена. См. также Рис: *Arthurian Legend*, p. 347.

321. Rhys: *Studies in the Arthurian Legend*, p. 160.

322. Mabinogi of *Manawyddan, Son of Llyr*.

323. *Книга Талиесина*, поэма xiv, т. I, с. 276, из Скена.

324. Рис: *Studies in the Arthurian Legend*, p. 48 и примечание.

325. См. статью в "Эдинбургском обозрении" за июль 1851 г. - "Римляне в Британии".

326. Говорят, что "Старый король Коул" из популярной баллады, который "был веселой старой душой", представляет собой последнюю слабую традицию кельтского бога.

327. Джеффри Монмутский, книга III, гл. I.
328. *Morte Darthur*, книга I, гл. XVI.
329. Полный рассказ о галльских богах и их гэльских и британских родственниках см. в Rhys: *Hibbert Lectures*, I и II - "The Gaulish Pantheon".
330. Rhys: *Studies in the Arthurian Legend*, p. 282.
331. Его постоянно называет валлийский поэт XIV века Дафидд аб Гвилим, которым так восхищался Джордж Борроу.
332. Эта глава пересказана в переводе леди Гост из "Мабиноги" *Пвила, принца Дифеда*.
333. Рис: *Лекции Хибберта*, стр. 678.
334. Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 123 и примечание. Ключ, вероятно, была богиней реки Клайд. См. Рис: *Arthurian Legend*, p. 294.
335. Произносится как *Придаури*.
336. Пересказано по переводу леди Гост из "Мабиноги" о *Бранвен, дочери Ллира*.
337. Rhys-Lectures on Welsh Philology - *сравнивает* Matholwch с Mâth, а историю, в целом, с греческим мифом о Персефоне.
338. Бардовское название Британии.
339. Этот персонаж мог быть тем же самым, что и галльский бог Таранис. В древнеирландском глоссарии также упоминается "Этирун, идол бриттов".
340. Это место, названное валлийским поэтом XII века "Белым возвышением Лондона, местом великолепной славы", вероятно, было холмом, на котором сейчас стоит Лондонский Тауэр.
341. Остров Грешольм, расположенный у побережья Пемброкшира.
342. *Гододин* Аневрина в переводе Т. Стивенса. Бранвен там названа "леди Бредвен".
343. См. примечание к "*Бранвен, дочери Ллира*" в "*Мабиногионе*" леди Гост.
344. Теннисон: *Идиллии короля* - "Гвиневра".
345. Пересказано по переводу леди Гост из "Мабиноги" *Манавиддана, сына Ллира*.
346. Саксонская Британия-Англия.
347. Или кельтский Элизиум, "мифическая страна под морскими волнами".
348. См. "*Гибель Аннуна*", цитируемую в гл. XXI - "Мифологическое "пришествие Артура"".
349. Рис: *Лекции Хибберта*, стр. 250-251.
350. *Книга Талиесина VIII*, том I, стр. 276, из Скинэ. Я следовал переводу Скинэ, за особым исключением любопытной строки о бобах, которая так переведена в "*Талиесине*" Д. У. Нэша.

Если это правильный перевод валлийского оригинала, то он предлагает интересную параллель с некоторыми суевериями греков относительно этого овоща.

351. Рис: *Лекции Хибберта*, примечание к стр. 245.

352. Перевод леди Гост в ее примечаниях к "*Kulhwch and Olwen*".

353. Следующий эпизод пересказан в переводе леди Гост из "*Мабиноги*" о *Mate, сыне Матонви*.

354. Теперь он называется Пен-и-Гаер. Он находится на вершине холма на полпути между Лланрвстом и Конвеем, примерно в миле от станции Лланбедр.

355. Говорят, что он находился в Руддлане Тейви, а это, возможно, Глан Тейви, недалеко от Кардиганского моста.

356. Стихотворение XIX в *Черной книге Кермартена*, том I, с. 309, о Скене.

357.

"В Абер Гвеноли - могила Придери,

Где волны бьются о землю".

358. Стихотворение, восхваляющее Герайнта, "храбреца из области Дивнайнт (Девон)... врага тирании и угнетения", содержится как в Черной книге Каермартена, так и в Красной книге Хергеста. "Когда родился Герайнт, открылись ворота рая", - начинается последний стих. Его перевод приводится в томе I книги Skene, стр. 267.

359. Рис: *Arthurian Legend*, p. 8.

360. Рис: *Лекции Хибберта*, с. 40-41.

361. Рис: *Артуровская легенда*, с. 7.

362. "Следует отметить, что слава Артура широко распространена; на него в равной степени претендуют как на принца в Бретани, Корнуолле, Уэльсе, Камберленде и низменных районах Шотландии; то есть его слава связана с британской расой и не распространяется на гэлов" - *Энциклопедия Чемберса*.

363. Артурианские и фенийские параллели см. в "*Популярных сказках Западного нагорья*" Кэмпбелла.

364. См. гл. I книги Риса "*Артурианская легенда*" - "Артур, исторический и мифический".

365. Триада в Hengwrt MS. 536 в переводе Скена. Это Тристан присматривал за свиньями для своего дяди, в то время как свинопас отправился с посланием к Эссилт (Исеулт), "и Артур желал получить одну свинью обманом или кражей, но не мог ее получить".

366. См. примечание к гл. XXII - "Сокровища Британии".

367. *Книга Талиесина*, поэма XXX, Skene, Vol. I, p. 256.

368. Вероятно, очень древняя поэма, вошедшая в валлийский роман XVI века под названием "*Талиесин*", включенный леди Гост в ее "*Мабиногион*".

369. "Существование барда шестого века с таким именем, современника героического этапа сопротивления Британии германским захватчикам, хорошо засвидетельствовано. В средневековых валлийских списках найдено несколько стихотворений, главным из которых является так называемая "*Книга Талиесина*", приписываемая этому поэту шестого века. Некоторые из них почти такие же древние, как и все остатки валлийской поэзии, и могут восходить к началу десятого или девятого века; другие являются произведениями одиннадцатого, двенадцатого и даже тринадцатого веков" - Натт: Примечания к его (1902) изданию "*Мабиногиона*" леди Гост.

370. Рис: *Лекции Хибберта*, стр. 551.

371. "Не может быть сомнений в том, что бард шестого века преемствовал форму и атрибуты гораздо более древнего, доисторического, мифического певца" - Натт: Примечания к "*Мабиногиону*".

372. Я был вынужден сопоставить четырех разных переводчиков, чтобы получить приемлемую версию того, что мистер Т. Стивенс в своей "*Литературе Кимри*" называет "одной из наименее понятных мифологических поэм". Моими авторитетами были Скене, Стивенс, Нэш и Рис.

373. Форма имени Гвидион.

374. Название корабля Артура.

375. Вращающийся замок.

376. Четырехугольный замок.

377. Холодное место.

378. Замок веселья.

379. Королевский замок.

380. Стекланный замок.

381. Замок богатства.

382. Значение неизвестно. См. гл. XVI - "Боги бриттов".

383. Смысл неизвестен. См. гл. XX - "Победы света над тьмой".

384. Если только это не "желтый и щетинистый бык", упомянутый в истории о *Кулхвче и Олвен*.

385. *Книга Талиесина*, поэма XIV. Перевод выполнен Рисом: *Arthurian Legend*, p. 301.

386. Rhys: *Arthurian Legend*, p. 325.

387. Rhys: *ibid.*, chap. I.

388. *Morte Darthur* Мэлори, книга II, гл. II.

389. *Historia Britonum*, книга VIII, гл. XX.

390. Рис: *Arthurian Legend*, p. 169.

391. Рис: там же, p. 169.

392. Rhys: *Артуровская легенда*, с. 13.
393. Рис: там же, с. 19-23.
394. Рис: *Лекции Хибберта*, с. 168.
395. Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 167.
396. См. изложение Рисом мифологического смысла романа "*Красная книга*" о сне Максена Вледига в "*Хиббертовских лекциях*", с. 160-175.
397. Rhys: *Hibbert Lectures*, pp. 192-195.
398. *Historia Britonum*, книга VIII, гл. IX-XII.
399. См. гл. IV и Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 194.
400. Rhys: *Hibbert Lectures*, pp. 158, 159.
401. Там же, p. 155.
402. Плутарх: *De Defectu Oraculorum*.
403. *The Seint Greal*, цитируется по Rhys: *Arthurian Legend*, pp. 61-62.
404. Рис: *Артурианская легенда*, с. 59.
405. Элтон: *Origins of English History*, p. 269.
406. Рис: *Артурианская легенда*, стр. 12.
407. *Ibid.*, p. 70.
408. Имя Марч означает "лошадь".
409. *Morte Darthur*. Книга X, гл. XXVII.
410. Призванный Лабрайд Лонгсеч.
411. Рис: *Артурианская легенда*. См. гл. XI - "Уриен и его сородичи".
412. Там же, стр. 260.
413. Там же, стр. 261.
414. Там же, стр. 256.
415. Красная книга Хергеста, XII. Рис: *Артурианская легенда*, с. 253-256.
416. Рис: *Артуровская легенда*, с. 247.
417. Там же.
418. *Смертная песнь Овейна*. Талиесин, XLIV, Skene, Vol. I, p. 366.
419. Книга Талиесина, XXXII. Однако Скине переводит слово "вечер", переданное Рисом, как "возделанная равнина".
420. Rhys: *Arthurian Legend*, p. 345.

421. Как у Мэлори, так и у Джеффри Монмутского.
422. Рис: *Артуровская легенда*, с. 256.
423. См. гл. XVIII - "Ухаживание Бранвен и обезглавливание Брана".
424. Его называют великаном Огирвраном.
425. Рис: *Arthurian Legend*, p. 326.
426. Рис: *Лекции Хибберта*, стр. 268-269.
427. Рис: *Lectures on Welsh Philology*, p. 306. Но эта деривация лишь предварительная, и приводится интересная альтернатива, которая приравнивает его к персидскому Ахриману.
428. Перечисление трех Гвинвивар Артура образует одну из валлийских триад.
429. Рис: *Arthurian Legend*, p. 342.
430. См. гл. XI - "Боги в изгнании".
431. Рис: *Артурианская легенда*, гл. II-"Артур и Эйрем".
432. В загадочном Ланселоте, не встречавшемся в артурианской истории до нормандских адаптаций, профессор Рис склонен видеть британского бога солнца, или солнечного героя. Проводится ряд интересных сравнений между ним и Передуром и Овайном из поздних сказаний "Мабиногиона", а также с гэльским Кухулином. См. "*Исследования артурианской легенды*".
433. *Morte Darthur*, Book XXI, chap. I.
434. Самый полный список переведенных триад содержится в приложении к книге Проберта "*Древние законы Камбрии*", 1823. Многие из них также приведены в приложении к "*Четырем древним книгам Уэльса*" Скена.
435. *Черная книга Каермартена* XIX, том I, с. 309-318 в Skene.
436. Это перевод валлийской строки профессора Риса, несомненно, более правильный, чем знаменитый перевод: "Неизвестна могила Артура".
437. "История бриттов", § 50.
438. Джеффри Монмутский. Книги IX и X, а также гл. I и II XI.
439. Переведено леди Гост в ее "*Мабиногионе*".
440. См. гл. XIV - "Финн и фенийцы".
441. Гл. VIII - "Гэльские аргонавты".
442. Список можно найти в переводе со старого валлийского текста в примечаниях к "*Кулхвху и Олвену*" в "*Мабиногионе*" леди Гост.
443. Гл. VIII - "Гэльские аргонавты".
444. Произносится как *Килхукх*.

445. На следующих страницах излагаются основные события этой истории в переводе леди Гост в ее "*Мабиногионе*".
446. На валлийском языке - *Yspaddaden Penkawr*.
447. Т.е. Она с Белой Дороги. Красота Олвен была воспета в средневековой валлийской поэзии.
448. В примечаниях к его изданию "*Мабиногиона*" леди Гост. Издано в 1902 году.
449. Так гласит текст. Но триада, цитируемая леди Гост в ее примечаниях, дает "Трех верховных узников Британии" иначе. "Три верховных узника острова Британия: Ллир Лледиат в темнице Евросвида Вледига, и Мадок, или Мабон, и Гвейр, сын Гвейриота; и один более возвышенный, чем эти трое, и это был Артур, который три ночи находился в замке Оэта и Аноэта, и три ночи в темнице Вена Пендрагона, и три ночи в темной темнице под камнем. И один юноша освободил его из этих трех темниц; тот юноша был Гореу, сын Кустеннина, его двоюродного брата".
450. См. Рис: *Кельтский фольклор*, гл. X - "Истории географических названий".
451. Большой нож" был, как нам говорят в этой истории, "коротким широким кинжалом". Когда Артур и его воины оказывались перед потоком, они искали узкое место, где можно перейти воду, и клали кинжал в ножнах через поток, и получался мост, достаточный для армий трех островов Британии и трех соседних островов с их добычей".
452. Теннисон "*Идиллии короля*"; *Гвиневера*.
453. Там же. Королеве.
454. *Morte Darthur*, Book I, chap. X.
455. Остров Грешольм, место действия "Развлечения благородной головы".
456. *Morte Darthur*, книга XX, гл. VIII.
457. Там же, книга I, гл. III.
458. *Morte Darthur*, книга I, гл. VIII.
459. Там же, книга I, гл. XVI.
460. Там же, книга I, гл. II.
461. Там же, книга IV, гл. IV.
462. Там же, книга I, гл. XXIV.
463. Там же, книга I, гл. II.
464. Там же, кн. II, гл. XVIII.
465. Там же, кн. V, гл. II; кн. VIII, гл. IV; кн. XIX, гл. XI.
466. Там же, кн. XI, гл. II.
467. *Morte Darthur*, книга XI, гл. II.
468. Там же, книга XVII, гл. V.

469. Там же, кн. XI, гл. II.
470. Там же, кн. XII, гл. V.
471. Рис: *Arthurian Legend*, p. 283.
472. *Morte Darthur*, Book IV, chap. XXIII.
473. Рис: *Arthurian Legend*, p. 284 и прим.
474. Эта тема подробно рассматривается профессором Рисом в его "Артурианской легенде", гл. XII - "Пвилл и Пеллес".
475. *Morte Darthur*, Book II, chap. XV.
476. *Morte Darthur*, книга I, гл. XII.
477. Там же, книга I, гл. XV.
478. Там же, книга I, гл. IX.
479. Там же, кн. XIII, гл. XII.
480. Там же, кн. XIX, гл. XI.
481. Там же, кн. XIX, гл. II.
482. Там же, кн. XIII, гл. X.
483. Там же, кн. XIV, гл. IV.
484. *Morte Darthur*, книга XIV, гл. IV.
485. Рис: *Артурианская легенда*, с. 11.
486. *Op. cit.*, pp. 21-22.
487. *Morte Darthur*, книга IV, гл. XVIII.
488. Там же, книга I, гл. VIII.
489. Рис: *Артурианская легенда*, стр. 23.
490. *Morte Darthur*, Book IV, chap. I.
491. См. гл. XVII - "Приключения богов Аида".
492. *Morte Darthur*, книга IV, глава. I.
493. Там же, книга I, гл. II.
494. Там же, книга III, гл. XV.
495. Чья история рассказана Теннисоном в "*Идиллиях*" и Мэлори в XVIII книге "*Morte Darthur*".
496. *Morte Darthur*, книга XI, гл. II и III.
497. См. его "*Исследования артурианской легенды*".
498. См. гл. XXI - "Мифологическое "пришествие Артура"".

499. *Morte Darthur*, книга XIX, гл. I-IX.
500. *Morte Darthur*, книга XVII, гл. XX.
501. Там же, книга II, гл. XVI; кн. XI, гл. XIV.
502. См. гл. V - "Боги гэлов".
503. См. гл. XVIII - "Ухаживание Бранвен и обезглавливание Брана".
504. См. гл. XXI - "Мифологическое "пришествие Артура"".
505. См. гл. XII - "Ирландская Илиада".
506. Гл. XXI - "Мифологическое "пришествие Артура"".
507. Гл. XXI-"Мифологическое "пришествие Артура"".
508. Rhys: *Arthurian Legend*, p. 305.
509. *Morte Darthur*, книга XI, гл. II и IV.
510. *Morte Darthur*, книга XVI, гл. V.
511. Там же, книга XI, гл. XIV; Книга XII, гл. IV; кн. XIII, гл. XVIII.
512. Не упоминается Мэлори, но говорится в романе под названием *Seint Greal*.
513. Рис: *Артуруанская легенда*, стр. 276-277; 302.
514. *Morte Darthur*, Book IV, chap. XXIX.
515. Там же, книга XVII, гл. XX, в которой сэры Борс, сэры Персивейл и сэры Галахад питаются из Сангреаля.
516. Рис: *Артуруанская легенда*, стр. 162.
517. Там же, p. 133.
518. Переведено леди Гост в ее "*Мабиногионе*" под названием "*Передур, сын Эврака*".
519. Рис: *Arthurian Legend*, p. 169. Но см. всю гл. VIII - "Галахад и Гвальхавед".
520. Немецкий роман "*Дуу Крон*" Генриха фон дем Турлина.
521. Рис: *Arthurian Legend*, p. 71.
522. См., например, народную сказку, с. 117-123 в "*Кельтском фольклоре*" Риса.
523. Предварительная диссертация Стивенса к его переводу "*Гододина*" Аневрина.
524. *Iolo MSS.*, p. 471.
525. *Iolo MSS.*, pp. 597-600.
526. *Historia Britonum*, книги IX, X и гл. I и II XI.

527. *Historia Britonum*, книга XI, гл. II.
528. Там же, кн. IX, гл. IX.
529. Там же, кн. IX, гл. XII. Они также фигурируют как Гуаний, король гуннов, и Мельга, король пиктов, в Книге V, гл. XVI.
530. *Historia Britonum*, кн. III, гл. XIX.
531. Там же, книга III, гл. XX.
532. Т.е. Лондон под традиционным более ранним названием Troja Nova, данным ему Брутом.
533. История Ллудда и Ллевелуса.
534. Название означает "карлики". Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 606.
535. *Historia Britonum*, книга II, главы X-XIV.
536. Альба, или Северная Британия.
537. Теперь Кале.
538. Рис: *Артуровская легенда*, с. 131-132.
539. *Historia Britonum*, книга III, гл. I-X.
540. Тот же сказочный персонаж, возможно, что и оригинал раблезианского Гаргантюа, популярного кельтского бога.
541. *Historia Britonum*, книга III, гл. XI-XII.
542. См. *Iolo MSS*. Генеалогии и семьи святых острова Британия. Скопировано Иоло Морганвгом в 1783 году из *Длинной книги Томаса Трумана из Пантливиды* в приходе Ллансанор в Гламоргане, стр. 515 и др. Также см. "Эссе о валлийских святых" преподобного Райса Риса, разделы IV и V.
543. Рис: *Arthurian Legend*, pp. 261-262.
544. *Iolo MSS.*, p. 474.
545. "Валлийские барды называют Двинвен богиней или святой любви и привязанности, как поэты называют Венеру". *Iolo MSS*.
546. Вирт Сайкс: *British Goblins*, p. 350.
547. *Iolo MSS.*, p. 523.
548. *The Faerie Queene*, пролог к книге II.
549. Там же, книга II, канто I, стих 6.
550. Опубликовано в *Y Greal* (Лондон, 1805), цитируется в Rhys: *Arthurian Legend*, pp. 338, 339; также в Sikes: *British Goblins*, pp. 7-8.
551. *A Relation of Apparitions of Spirits in the County of Monmouth and the Principality of Wales*. Опубликовано в Ньюпорте, 1813 г.

552. Тистлтон Дайер: *Фольклор Шекспира*, стр. 3.
553. Там же, стр. 4.
554. Там же, с. 5.
555. Вирт Сайкс: *Британские гоблины*, стр. 12.
556. *Брайтон*, том I, с. 130.
557. Рис: *Кельтский фольклор*, с. 171-172.
558. В 55 году до н.э.
559. *Страбон*, книга IV, гл. IV.
560. *Анналы*, книга XIV, гл. XXX.
561. *Естественная история*, книга XXX.
562. Гильдас. См. "*Шесть древнеанглийских хроник*" - "Библиотеки Бона".
563. Реннел Родд: *Обычаи и предания современной Греции*. Стюарт Гленни: *Греческие народные песни*.
564. Чарльз Годфри Лиланд: *Этрусские римские останки в народной традиции*.
565. Рис: *Celtic Folklore*, p. 670; Curtin: *Tales of the Fairies and of the Ghost World*; и "*Верования фей из графства Лейтрим*" мистера Леланда Дункана в журнале *Folklore*, июнь, 1896.
566. *Мабиноги Пвила, принца Дифеда*.
567. История Ллудда и Ллевелиса.
568. *Кулхвч и Олвен*.
569. *Morte Darthur*, книга XIX, гл. I и II.
570. *Генрих VIII*, акт V, сцена 3.
571. Rhys: *Hibbert Lectures*, p. 514.
572. *Ibid.*, p. 516.
573. Хороший рассказ об ирландских праздниках дает леди Уайлд в своих "*Древних легендах Ирландии*", с. 193-221.
574. Пеннант: *Тур по Шотландии и путешествие на Гебриды*, 1772.
575. Мартин: *Описание западных островов Шотландии*, 1695.
576. Гайдос: *Исследование галльской религии*, стр. 21.
577. Гомм: *Этнология в фольклоре*, с. 136-139.
578. Там же, с. 137.
579. Митчелл: *The Past in the Present*, pp. 271, 275.
580. Элтон: *Истоки английской истории*, стр. 284.

581. Гомм: *Этнология в фольклоре*, с. 140.
582. Слово Ди, вероятно, означало "божество". Река также называлась Dyfridwy, то есть "вода божества". См. Рис: *Lectures on Welsh Philology*, p. 307.
583. Rhys: *Celtic Britain*, p. 68.
584. Роджерс: *Социальная жизнь в Шотландии*, гл. III, p. 336.
585. *Фольклор*, гл. III, p. 72.
586. Хендерсон: *Фольклор северных графств*, стр. 265.
587. Gomme: *Ethnology in Folklore*, p. 78.
588. Hope: *Holy Wells of England*; Harvey: *Holy Wells of Ireland*.
589. Сайкс: *British Goblins*, p. 351.
590. Там же, p. 329.
591. Роден: *Progress of the Reformation in Ireland*, pp. 51-54.
592. Мартин: *Описание западных островов*, с. 166-226.
593. Берн: *Шропширский фольклор*, с. 416.
594. Гомм: *Этнология в фольклоре*, с. 92-93.
595. Там же, с. 102.
596. *Vita Columbæ* Адамнана.
597. Доктор Уитли Стоукс: *Три среднеирландские гомилии*.
598. Цезарь: *De Bello Gallico*, книга V, гл. XII.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕСКОЛЬКО КНИГ ПО КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ

Цель этого краткого списка - дополнить маргинальные заметки, указав читателю, желающему углубиться в тему, на самые последние и доступные работы по ней. То, что они должны быть доступными, - это, по замыслу автора, самое главное; поэтому в списке будут упомянуты только те книги, которые легко и дешево можно достать.

ВВЕДЕНИЕ

Мэтью Арнольд - Изучение кельтской литературы. Популярное издание. Лондон, 1891.

Эрнест Ренан. Поэзия кельтских рас (и другие исследования). Перевод Уильяма Г. Хатчинсона. Лондон, 1896.

Две красноречивые оценки кельтской литературы.

Магнус Маклин, M.A., D.C.L.-The Literature of the Celts. Ее история и романтика. London, 1902.

Удобное изложение всех направлений кельтской литературы.

Elizabeth A. Sharp (редактор).-Lyra Celtica. Антология представительной кельтской поэзии. Древнеирландская, албанская, гэльская, бретонская, кимрская и современная шотландская и ирландская кельтская поэзия. С введением и примечаниями Уильяма Шарпа. Эдинбург, 1896.

Alfred Nutt.-Celtic and Mediæval Romance. No. 1 из "Популярных исследований в области мифологии, романа и фольклора" мистера Натта. London, 1899.

Памфлет, в котором кратко прослеживается задолженность средневековой европейской литературы перед досредневековыми кельтскими источниками.

ИСТОРИЧЕСКИЙ

H. d'Arbois de Jubainville.-La Civilisation des Celtes et celle de l'Épopée Homérique. Paris, 1899.

Том VI монументального труда автора "Cours de Littérature celtique".

Patrick Weston Joyce.-A Social History of Ancient Ireland, treating of the Government, Military System, and Law; Religion, Learning, and Art; Trades, Industries, and Commerce; Manners, Customs, and Domestic Life of the Ancient Irish People. 2 vols. London, 1903.

Чарльз И. Элтон, F.S.A.-Origins of English History. Второе издание, пересмотренное. London, 1890.

Джон Рис. - Кельтская Британия. Серия "Ранняя Британия". Лондон, 1882.

H. d'Arbois de Jubainville.-Introduction à l'Étude de la Littérature celtique. Том I "Курсов по кельтской литературе". Париж, 1883.

Содержит, помимо прочей информации, наиболее полный и достоверный рассказ о друидах и друидизме.

ГЭЛЬСКАЯ МИФОЛОГИЯ

H. d'Arbois de Jubainville.-Le Cycle mythologique irlandais et la Mythologie celtique. Том II "Курсов кельтской литературы". Paris, 1884. Переведено на английский язык как

Ирландский мифологический цикл и кельтская мифология. С примечаниями Р. И. Беста. Dublin, 1903.

Изложение ирландской мифической истории и некоторых из великих гэльских богов. С главами о некоторых из наиболее ярких фаз кельтских верований.

Альфред Натт - Путешествие Брана, сына Фебала. Ирландская историческая легенда восьмого века. Под редакцией Куно Мейера. С очерками о счастливом потустороннем мире в ирландском мифе и о кельтской доктрине возрождения. Том I - Счастливый потусторонний

мир. Том II - Кельтская доктрина возрождения. Библиотека Гримма, тома. IV и VI. Лондон, 1895-1897.

Содержит, среди прочих заметных вкладов в изучение кельтской мифологии, исследование природы Туатха Де Дананн, тема, кратко рассмотренная в книге того же автора

The Fairy Mythology of Shakespeare. № 6 "Популярных исследований в области мифологии, романтики и фольклора". London, 1900.

Патрик Уэстон Джойс - Старые кельтские романсы. Переведено с гэльского. Лондон, 1894.

Пересказ в популярном современном стиле некоторых из наиболее важных мифологических и фенийских историй.

Леди Грегори. Боги и боевые люди. История Туатха Де Дананн и Фианны Эрина. Переведена на английский язык леди Грегори. С предисловием У. Б. Йитса. Лондон, 1904.

Охватывает ту же тему, что и книга мистера Джойса, но в более литературной манере.

Альфред Натт - Оссиан и оссиановская литература. № 3 "Популярных исследований в области мифологии, романа и фольклора". Лондон, 1899.

Краткий обзор литературы, связанной с фениями.

Джон Грегорсон Кэмпбелл, министр Тири. Фианы. Истории, стихи и предания о Фионне и его воинах, собранные полностью из устных источников. С введением и библиографическими примечаниями Альфреда Натта. Том IV книги "Waifs and Strays of Celtic Tradition". Лондон, 1891.

Рассказ о фениях с шотландско-гэльской стороны.

Альфред Натт. Кухулайнн - ирландский Ахилл. No. 8 из "Popular Studies in Mythology, Romance, and Folklore". London, 1900.

Краткое, но превосходное введение в цикл о Кухулейне.

Леди Грегори.- Кухулайн из Муиртемна. История людей Красной ветви Ольстера. Переложена и переведена на английский язык леди Грегори. С предисловием У. Б. Йитса. Лондон, 1902.

Пересказ в поэтической прозе сказаний, связанных с Кухулайнном.

Eleanor Hull.-The Cuchullin Saga in Irish Literature. Собрание историй, связанных с героем Кухулином, переведенных с ирландского различными учеными. Составлено и отредактировано с введением и примечаниями Элеонорой Халл. С картой древней Ирландии. Библиотека Гримма, том VIII. Лондон, 1898.

Серия историй о Кухулайнне из древних ирландских манускриптов. Более буквальная, чем адаптация леди Грегори.

H. d'Arbois de Jubainville.-L'Épopée Celtique en Irlande. Том V "Курсов по сельской литературе". Париж, 1892.

Сборник, переведенный на французский язык, некоторых из основных историй цикла о Кухуленне, с различными приложениями на темы гэльской мифологии.

L. Winifred Faraday, M.A.-The Cattle Raid of Cualgne (Tain Bo Cuailgne). Старинный ирландский прозаический эпос, впервые переведенный с Leabhar na h-Uidhri и Желтой книги Лекана. Библиотека Гримма, том XVI. Лондон, 1904.

Строго дословный перевод центрального эпизода цикла о Кухулайнне.

БРИТАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Айвор Б. Джон - Мабиногион. No. 11 из "Popular Studies in Mythology, Romance, and Folklore". London, 1901.

Памфлетное введение в литературу о Мабиногионе.

Леди Шарлотта Гост.- Мабиногион. С валлийского Llyfr Coch o Hergest ("Красная книга Хергеста"), хранящегося в библиотеке Иисус-колледжа в Оксфорде. Перевод с примечаниями леди Шарлотты Гост.

Первое издание. Текст, перевод и примечания, 3 тома, 1849.
Только перевод и примечания, 1 том, 1877.
The Boys' Mabinogion, 1881.

В последнее время выходят дешевые издания этой классической книги. Его можно приобрести в красивом небольшом томе мистера Натта, в качестве одного из "Храмовых классиков" Дента или в "Уэльской библиотеке".

J. Loth.-Les Mabinogion, traduits en entier pour la première fois en français avec un commentaire explicatif et des notes critiques. 2 vols. Vols. III и IV из "Курсов сельской литературы" де Жюбенвиля. Paris, 1889.

Более точный перевод, чем у леди Гост, с примечаниями, отражающими более поздние научные исследования.

J. A. Джайлс, д.к.л.- Старые английские хроники, включая ... Британскую историю Джеффри Монмутского, Гильдаса, Ненния ... Edited, with illustrative notes, by J. A. Giles, D.C.L. "Bohn's Antiquarian Library". London, 1901.

Самое доступное издание Джеффри Монмутского.

Сэр Томас Мэлори: "Morte Darthur". Под редакцией доктора Х. Оскара Зоммера. Том I - Текст. Том II - глоссарий, указатель и т. д. Том III - Исследование источников. Лондон, 1889-1891.

Том I этого, лучшего текста "Morte Darthur", можно приобрести отдельно.

Jessie L. Weston.-King Arthur and his Knights. Обзор артурианской романтики. No. 4 из "Популярных исследований в области мифологии, романа и фольклора". London, 1899.

Alfred Nutt.-The Legends of the Holy Grail. № 14 "Popular Studies in Mythology, Romance, and Folklore". London, 1902.

Полезные введения к более специальному изучению артурианской литературы.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Джон Рис. Лекции о происхождении и росте религии в иллюстрациях кельтского язычества. "Лекции Хибберта за 1886 год". Лондон, 1898.

John Rhys.-Studies in the Arthurian Legend. Оксфорд, 1901.

Эти два тома являются наиболее важными попытками научного и всестороннего изучения кельтской мифологии.

КЕЛЬТСКИЕ ФЕИ И НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ

GAELIC

T. Crofton Croker.-Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland.

Эта книга является одним из самых ранних и, если не самым научным, то, пожалуй, самым привлекательным из многочисленных сборников ирландского сказочного фольклора. Более поздние сборники - "Западно-ирландские сказки и предания" мистера Уильяма Лармини.

"Западно-ирландские сказки и романсы", а также "Сказки героев Ирландии", "Мифы и фольклор Ирландии" и "Сказки фей, собранные в Южном Мюнстере" мистера Джеремайи Кертине. Что касается шотландцев, то следует обратить особое внимание на "Народные сказки Западного нагорья" Кэмпбелла и тома под названием "Waifs and Strays of Celtic Tradition". Все эти книги либо недавно вышли, либо недавно переизданы, и они просто выбраны из большого списка работ, ценных и других, посвященных этой легкой стороне кельтской мифологии.

БРИТАНИЯ

Джон Рис. - Кельтский фольклор, валлийский и манкский. 2 vols. Oxford, 1901.

Вирт Сайкс. Британские гоблины: Уэльский фольклор, сказочная мифология, легенды и предания. By Wirt Sikes, United States Consul for Wales. London, 1880.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОБРАБОТКА ФОЛЬКЛОРА

Джордж Лоуренс Гомм. Этнология в фольклоре. Серия "Современная наука". Лондон, 1892.

Попытка приписать явно неарийские верования и обычаи на Британских островах доарийским жителям.

Примечание транскриптора:

Изменения в ударениях сохранены.

Формат указателя приведен в порядок.

Страница 25, "Bellico" заменено на "Bello", "Caesar: De Bello Gallico".

Стр. 34, "l'étude" заменено на "l'Étude", "Introduction à l'étude de la".

Стр. 43, после слова "Пантеон" вставлена точка, ""Галльский Пантеон"".

Стр. 76, полная точка после "VIII", "Уильям Р. Уайльд, гл. VIII".

Стр. 84, двойная кавычка вставлена после "Люхтане": "Его зовут Люхтане".

Стр. 88, двойная кавычка вставлена после "это": "не уставать от этого".

Стр. 90, "дочь" заменено на "дочь": "сын нашей дочери Этниу".

Стр. 90, запятая заменена на точку после "Дандалка": "Бойн и Дандалк. Героический".

Стр. 94, двойная кавычка перед "тогда": "Тогда Нуада объявил, что".

Стр. 146, "XIV" заменено на "XIV", "См. гл. XIV"

Стр. 187, двойная кавычка вставлена перед "ибо", "она сказала: "ибо я знаю"".

Стр. 192, двойная кавычка вставлена после "короля": "расы, как Конхобар король".

Стр. 192, ", ' " заменено на ", ' ""Мы сами", - ответили".

Стр. 206, "happend" заменено на "happened", "которые случайно подверглись нападению".

Стр. 208, после "Cweeltia" вставлена точка: "Произносится как Kylta или Cweeltia".

Стр. 211, "Mannaná" заменено на "Manannán", "Ilbhreach son of Manannán, and".

Стр. 215, после слова "Society" вставлена точка: "Transactions of the Ossianic Society".

Стр. 238, "захватить" заменено на "захватить", "удалось захватить Мак Кинили".

Стр. 241, "four-score" заменено на "fourscore", "человек четырехсот лет".

Стр. 262, "Lamh-fada" заменено на "Lamhfada", "из гэльского Lugh Lamhfada".

Стр. 271, после "Vol" вставлена точка, "of Wales, Vol. I".

Стр. 292, после слова "Британия" вставлена точка: "Бардовское название Британии".

Стр. 304, двойная кавычка вставлена после "Pryderi": "Я вижу Рианнон и Прайдери".

Стр. 316, полная остановка после "это": "и не смог его достать".

Стр. 323, полная остановка после "p": "Rhys: *ibid.*, p. 169."

Стр. 366, после слова "Бран" вставлена точка: "и обезглавил Бран".

Стр. 366, после "гл." поставлена точка: "гл. XXI - "Мифологическая"".

Стр. 375, точка заменена на запятую после "Britonum", "Historia Britonum, Books IX".

Стр. 388, после слова "MSS" поставлена точка: "Iolo MSS., p. 474."

Стр. 389, полная точка вставлена после "MSS", "Iolo MSS., p. 523."

Стр. 415, точка после "St": "были предложены в колодце святого Теглы".

Стр. 420, "homérique" заменено на "Homérique", "et celle de l'Épopée Homérique".

Стр. 420, "а" заменено на "à", "Введение в изучение ла".

Стр. 421, "Данаан" заменено на "Дананн", "История Туатха Де Дананн".

Стр. 428, 'Danaan' заменено на 'Danann', "о Туатха Де Дананн".

Стр. 430, "Dairé" заменено на "Daire", "Daire of Cualgne, владелец Бурого Быка".

Стр. 431, "Aeifé" заменено на "Aeife", ""Демон воздуха", Aeife заменен на а".

Стр. 435, "226" заменено на "326", "Gwynhwyvar, 315, 326, 331-333, 334, 364".

Стр. 438, "Lochlannoch" заменено на "Lochlannach", "Lochlannach, the, 205, 211."

Стр. 442, "Porsenna" заменено на "Porsena", "Порсена, римский консул, 385".